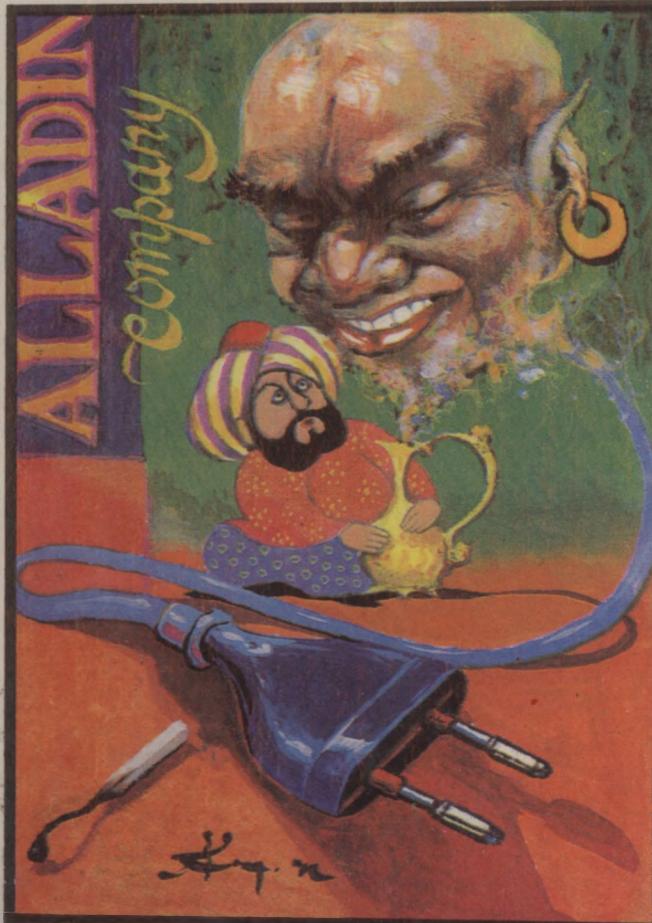
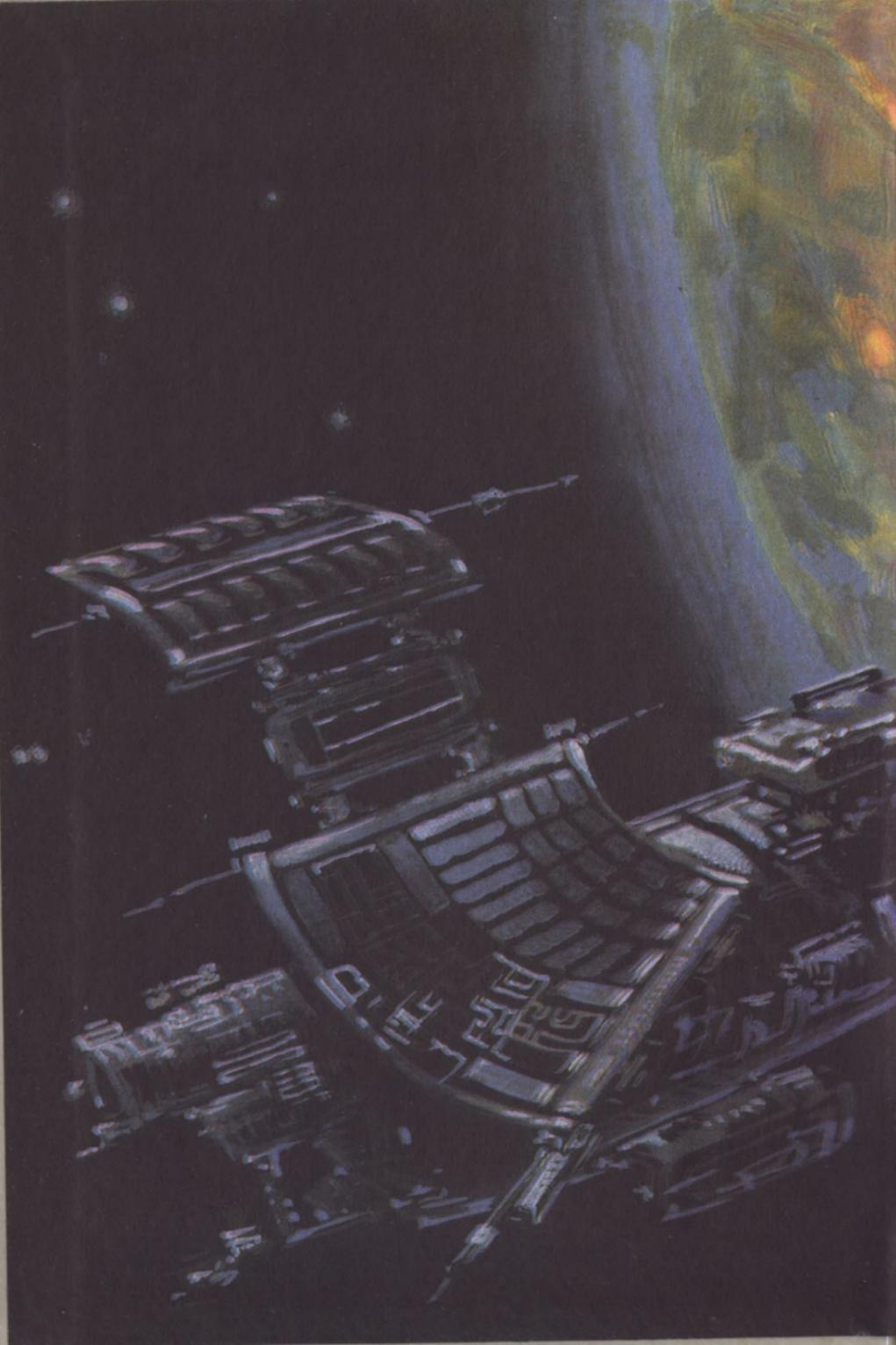

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

И

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume five

**DOUBLE STAR
THE DOOR
INTO SUMMER**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга пятая

**ДВОЙНИК
ДВЕРЬ В ЛЕТО**

Издательская фирма «Полярис»
1993

"Double Star",

Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein

"The Door into Summer",

Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

«Двойник»

**© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык**

«Дверь в Лето»

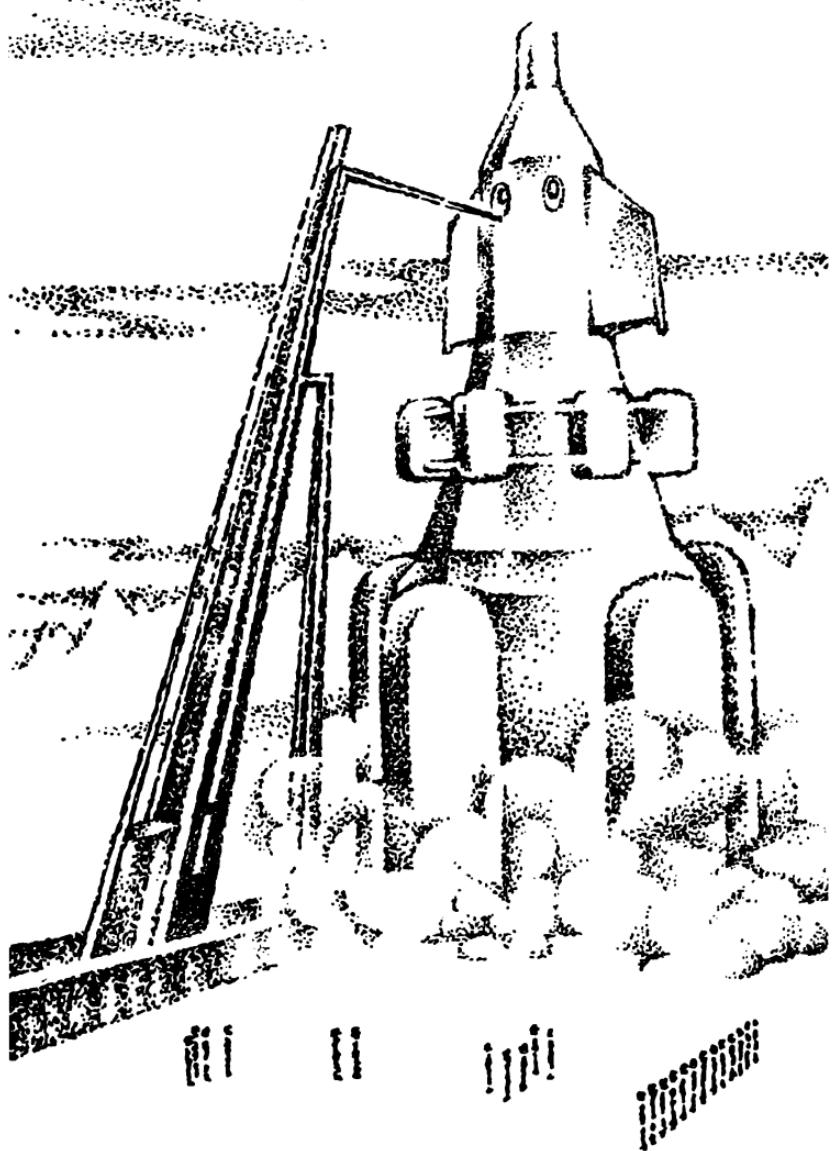
© 1991 А. Бранский, перевод на русский язык

© 1992 А. Кириллов, иллюстрации.

**© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии.**

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-019-0

ДВОЙНИК

Глава 1

Когда в кабак входит некто, похожий на расфуфыренную деревенщину, и при этом держится так, будто он пуп земли, значит, это не кто иной как космолетчик.

Это уж по логике вещей так выходит. Профессия заставляет его чувствовать себя как бы творцом всего сущего, а когда он попадает на нашу вшивую планетишку, ему представляется, что окружают его одни оухи. Что же до отсутствия портновской элегантности, то от человека, девять десятых своего времени носящего форму и более привычного к глубокому космосу, нежели к цивилизованному обществу, вряд ли можно ожидать умения одеваться со вкусом. Он — легкая добыча портных-халтурщиков, которые толкуются вблизи любого космопорта и навязывают прибывшим «последний писк» земной моды.

Похоже, что этот рослый широкоплечий парень одевался у самого Омара-Палаточника* — слишком широкие, подбитые ватой плечи, шорты, ползущие вверх по его волосатым ляжкам, когда он садился, плоеная шелковая сорочка, которая шла ему как корове седло.

* Т. е. костюм мог быть сшит еще Омаром Хайямом. Хайям на фарси означает «шьющий палатки». (Здесь и далее, кроме отмеченных, прим. перев.).

Однако свое впечатление я вслух высказывать не стал и на последний полуимпериал поставил ему выпивку, рассматривая это как неплохое помещение капитала, ибо знал, как космолетчики относятся к деньгам вообще.

— Спокойной плазмы! — сказал я, когда мы сдвинули стаканы. Он бросил на меня быстрый взгляд.

Именно с этой ошибки и началось мое знакомство с Даком Бродбентом. Вместо того, чтобы ответить «Чистого космоса» или «Мягкой посадки», как следовало бы, он оглядел меня с ног до головы и очень тихо произнес:

— Хорошо сказано, да только ко мне не относится. Никогда не бывал в космосе.

Тут мне бы опять придержать язык. Не так уж часто космолетчики посещают бар «Каса-Маньяна» — этот отель не соответствует их привычкам, да и от космопорта далеко. А уж если какой и пришел сюда в штатской одежде, да сел в самом темном уголке бара, да еще не признается, что он космолетчик, значит, зачем-то так нужно. Я и сам выбрал этот столик, чтобы видеть все, не будучи увиденным — я тут хожу в должниках, и хоть долг не бог весть какой, все же неприятно. Мне бы сообразить, что у него есть свои причины, и отнестись к ним уважительно... Но мой язык жил какой-то независимой от меня жизнью.

— Бросьте врать, дружище, — ответил я. — Если вы жук-землеед, то я — мэр Тихо-Сити. Держу пари, вам пришлось опрокинуть больше стаканов на Марсе, — добавил я, отметив ту осторожность, с которой он поднимал стакан — явный признак привычки к малой силе тяжести, — нежели на Земле.

— А ну-ка, засохни, — прервал он меня, почти не шевеля губами. — Откуда ты взял, что я вояжер*? Ты ж меня в первый раз видишь.

— Извините, — ответил я. — Вы можете выдавать себя за кого угодно. Но глаза-то у меня есть. Вы засветились сразу же, как вошли в бар.

Он что-то пробурчал себе под нос. Потом спросил:

* Буквально — путешественник, бродяга, землепроходец (англ.).

— Чем же это?

— Не тревожьтесь. Сомневаюсь, чтобы еще кто-нибудь обратил на это внимание. А я замечаю вещи, которые другим не видны. — Тут я вручил ему свою визитную карточку, проделав это, может быть, с излишней помпой. Ведь Лоренцо Смизи — единственный в своем роде — Труппа из Одного Актера. Да, я тот самый «Лоренцо Великолепный» — стерео, «мыльная опера», драма... Имитатор и Мим Невиданных Возможностей.

Он прочел карточку и опустил ее в нарукавный карманчик (меня это слегка разозлило — карточки обошлись мне в хорошую денежку — прекрасная имитация ручной гравировки).

— Понятно, — сказал он тихо. — Но что именно необычно в моем поведении?

— Я покажу вам, — ответил я. — Я пройдусь до двери походкой настоящего жука-землееда, а вернусь — вашей. Смотрите. — Так я и сделал, только на обратном пути почти незаметно утрировал его походку, чтобы его нетренированному глазу было яснее — ступни чуть скользят по паркету, будто по металлическим плитам палубы, центр тяжести тела слегка смешен наклоном туловища от бедер, руки немного расставлены и чуть-чуть вытянуты вперед, будто вечно готовы за что-нибудь ухватиться.

Было там еще с полдюжины деталей, которые трудно выразить словами. Надо быть космонавтом, чтобы так двигаться, надо обладать настороженным телом космонавтика и бессознательной готовностью к сохранению равновесия, готовностью, ставшей частью его существа. Горожанин — тот всю жизнь шляется по гладким полам, полам неподвижным, да еще при земной силе тяжести, и все же падает, споткнувшись об окурок сигареты. А космонавт — ни за что!

— Понятно, что я имел в виду? — спросил я, опять усаживаясь в кресло.

— Боюсь, что да, — признал он без всякого удовольствия. — Неужели я такхожу?

— Да.

— Хмм... Может, взять у вас несколько уроков?

— Мысль недурна, — отозвался я.

Он сидел, оценивающе разглядывая меня, хотел было что-то сказать, передумал и сделал знак бармену наполнить наши стаканы. Когда выпивку принесли, он заплатил, залпом прикончил свою порцию и выскользнул из кресла каким-то необычайно гибким движением.

— Подождите меня тут, — сказал он тихо.

С оплаченной выпивкой, еще стоявшей перед моим носом, я не мог отказать ему в этом одолжении. Да и не хотел — он меня заинтриговал. Пожалуй, он мне даже успел понравиться, хотя наше знакомство продолжалось всего десять минут. Он был из тех мужиков, в чьей внешней непривлекательности есть своеобразная красота, мужиков, которым женщины вешаются на шею, а мужчины беспрекословно повинуются.

Танцующей походкой он пересек зал и прошел мимо стола четырех марсиан, приткнувшегося у самого выхода. Не выношу марсиан. Мне противны эти типы, что выглядят как древесные пни с напяленными на них противосолнечными шлемами, а еще требуют человеческих привилегий. Мне не нравится, как у них растут псевдоочаги — мне это напоминает змей, выползающих из норы. Мне отвратителен и тот факт, что они могут одновременно смотреть во всех направлениях, не поворачивая головы, разумеется, если допустить, что у них есть голова, чего на самом деле не наблюдается. А еще я не выношу их запах.

Никто не посмеет обвинять меня в расизме. Мне дела нет до того, какого цвета кожа у человека, какова его расовая принадлежность или религия. Но люди — это люди, а марсиане — это просто существа. По моему мнению, они даже не животные. В любую минуту готов сменить их общество на компанию самой что ни на есть грязной свиньи. То, что им разрешили посещать бары и рестораны, где бывают люди, кажется мне просто чудовищным. Но Договор есть Договор, и я против него бессилен.

Этих четырех не было, когда я вошел в бар, иначе я почуял бы их запах. По той же причине их не могло быть и несколькими минутами раньше, когда я прошелся до дверей и обратно. А теперь они торчали тут у

стола, покоясь на своих пьедесталах и притворяясь людьми. Я даже не слышал, чтобы систему кондиционирования включили на большую мощность.

Даровая выпивка, что стояла передо мной, сразу потеряла для меня интерес. Я просто дожидался своего благодетеля, чтобы вежливо с ним распрощаться. Неожиданно я припомнил, что он пристально посмотрел в направлении марсиан, прежде чем внезапно встать и уйти, и я подумал, не имеют ли они отношения к этому уходу. Я снова оглядел их, пытаясь подметить, не проявляют ли они повышенного интереса к нашему столику, но как можно определить, на что смотрит марсианин или о чём он думает?

В течение нескольких минут я сидел, поигрывая своим стаканом и размышляя, что могло случиться с моим другом космолетчиком. Раньше я надеялся, что его гостеприимство распространится на ужин, если мы окажемся достаточно *simpatico*, а возможно, и на небольшой денежный заем. Ибо мои перспективы (признаю это!) были весьма непрезентабельны.

Последние два раза, когда я пытался дозвониться до своего театрального агента, автосекретарь просто зарегистрировал мой вызов, и поэтому если я не наберу монет, чтобы опустить их в дверной счетчик, моя комната сегодня вечером не откроется... Как видите, моя удача почти иссякла — я докатился до почлега в каморке со счетчиком.

В самый разгар моих меланхолических раздумий официант тронул меня за рукав:

— Вас вызывают, сэр.
— Что? Ладно, друг, давай, тащи сюда аппарат.
— Сожалею, сэр, но я не могу принести его к столу. Двенадцатая кабинка в холле.
— Ах, так... Благодарю, — ответил я, стараясь держаться с ним дружелюбно, так как на чай ему дать было нечего. Идя к выходу, я дал большого кругаля, чтобы обойти столик марсиан.

Я тут же понял, почему аппарат нельзя было доставить к столу. Двенадцатая кабинка была максимально защищенной — звуко- и взглядоизолированной и недоступной для «жучков». На экране изображение от-

существовало, оно не появилось даже когда за мной закрылась тяжелая дверь. Экран оставался пустым, пока я не сел, и мое лицо не оказалось на уровне экрана. Тогда опаловые облака разошлись, и я увидел перед собой лицо моего знакомца космометчика.

— Извините, что пришлось сбежать, — быстро проговорил он, — но надо было спешить. Прошу вас немедленно приехать ко мне в отель «Эйзенхауэр», номер 2106.

Никакого объяснения он не дал. «Эйзенхауэр» также мало подходит космометчикам, как и «Каса-Маньяна». Я прямо-таки ощущал в воздухе запах неприятностей. Вряд ли вы подбираете первого встречного в баре, а потом приглашаете его в отель... ну, разве что он другого пола.

— Зачем это? — спросил я.

Сразу стало видно, что космометчик человек, привыкший к тому, чтобы ему повиновались, не задавая лишних вопросов. Я наблюдал за ним с профессиональным интересом. Это был не гнев. Нет, скорее грозовая туча перед наступающей бурей. Но тут он снова взял себя в руки и спокойно ответил:

— Лоренцо, у меня нет времени для объяснений. Вам нужна работа?

— Вы имеете в виду профессиональное предложение? — осторожно осведомился я. На один неприятный миг мне показалось, что он хочет предложить мне... сами понимаете какую работу... До сих пор моя профессиональная гордость не страдала, невзирая на удары, которые наносила мне злосчастная судьба.

— О, разумеется, профессиональное, — откликнулся он. — Оно требует самого лучшего актера, какого только можно сыскать за деньги.

Я не позволил радости, которую чувствовал, отразиться на моем лице. Я и вправду был готов на любую профессиональную работу, я бы с восторгом пошел на роль балкона в «Ромео и Джульетте» — но показывать, что я заинтересован, не следовало.

— А что за предложение? — спросил я. — В настоящее время я довольно плотно занят.

Он жестом отмел мои слова в сторону.

— По телефону не могу объяснить. Может, вам это и не известно, но каждая закрытая линия может быть раскрыта, если есть нужная аппаратура. Приезжайте немедленно.

Он был нетерпелив, поэтому я мог себе позволить скрыть свое нетерпение.

— Вы что себе позволяете? — заупрямился я. — Вы что думаете — я мальчик на побегушках? Или начинающий юный статист, рвущийся на сцену, чтобы покрасоваться там с копьем? Я — Лоренцо! — Тут я задрал подбородок и постарался выглядеть оскорбленным. — Ваше предложение?

— Гм... Будь оно проклято, не могу я об этом по телефону. Сколько вы получаете?

— Что? Вы спрашиваете, каков мой профессиональный гонорар?

— Да, да!

— За один выход? Или за неделю? Или по длительному контракту?

— Черт!.. Не имеет значения! Сколько вы берете в день?

— Моя минимальная оплата за вечерний выход — сто империалов. — Это была истинная правда. Ох, иногда мне конечно приходилось давать большие взятки, но зато платежный лист всегда показывал достойную меня сумму. Должны же быть принципы у человека! Я, например, предпочту умереть с голода, чем опуститься ниже.

— Хорошо, — быстро согласился он. — Сотня империалов будет вручена вам в ту минуту, когда вы войдете в комнату. Но поторапливайтесь!

— А? — Я дрогнул, поняв, что мог запросить две сотни или даже две с половиной. — Но я же еще не согласился на ангажемент!

— Не имеет значения! Мы обговорим это, когда доберетесь. Сотня ваша, даже если вы откажетесь. Назовем ее премией или надбавкой к гонорару. Ну, теперь-то вы готовы прекратить болтать и ехать?

Я поклонился:

— Разумеется, сэр. Не кипятитесь.

К счастью, «Эйзенхауэр» близко от «Касы», так как вряд ли я наскреб бы мелочь на метро. Однако, хотя искусство пешего хождения почти утеряно, я получил удовольствие от прогулки, которая к тому же дала мне время собраться с мыслями. Я не дурак. Я понимал, что если человек изо всех сил старается всучить деньги другому человеку, то самое времечко этому другому заглянуть в свои картишки, потому как тут, без сомнения, замешаны или незаконные, или опасные, или одновременно и те и другие делишки. Ну о законности ради законности я не так уж беспокоюсь; я согласен с Великим Бардом, что Закон — зачастую круглый идиот. Но, в основном, я все же предпочитаю придерживаться правильной стороны улицы.

Однако я понимал, что сейчас фактов у меня мало-вато, а потому пока отложил беспокойство в сторону, перекинул плащ через правое плечо и широко зашагал вперед, наслаждаясь теплой осенней погодой и богатым ассортиментом запахов Метрополиса. Прибыв к месту назначения, я решил пренебречь парадным входом и прямо из полуподвала взлетел на лифте на двадцать первый этаж, смутно ощущая, что это не то место, где хочется, чтобы тебя запомнили в лицо. Мой друг впустил меня в номер.

— Не могли поскорее! — рявкнул он.

— Разве долго? — только и ответил я, оглядываясь вокруг. Это был дорогой номер, как я и ожидал, но изрядно замусоренный. А еще тут и там в беспорядке стояло около дюжины грязных стаканов и кофейных чашек. Не трудно было догадаться, что я был последним из многих визитеров. На кушетке развалился, мрачно поглядывая на меня, еще один мужчина, в котором я тут же определил космолетчика. Я вопросительно взглянул на него, но он не представился.

— Ну ладно, добрался все-таки. Приступим к делу.

— Охотно. Но помнится мне, — добавил я, — что кто-то упоминал то ли о премии, то ли о надбавке к гонорару...

— Ах, да! — Он повернулся к человеку на кушетке: — Джок, заплати ему.

— Это еще за что?!

— ЗАПЛАТИ!!!

Теперь я узнал, кто из них босс, хотя, как я потом выяснил, сомнений такого рода, если Дак Бродбент находится поблизости, никогда не возникает. Тот парень быстренько вскочил и, помрачнев еще больше, отсчитал мне одну бумажку в пятьдесят и еще пять десятками. Я небрежно сунул их в карман, конечно, не пересчитывая, и сказал:

— К вашим услугам, джентльмены.

Дак пожевал губами.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы поклялись, что даже во сне не проговоритесь об этом деле.

— Если моего простого честного слова мало, то какова цена моей клятвы? — Я взглянул на того, что снова разлегся на кушетке. — Мне кажется, мы не знакомы. Меня зовут Лоренцо.

Он поглядел на меня и тут же отвернулся. Мой знакомый из бара быстро вмешался:

— Имена тут ни при чем...

— Вот как? Перед смертью мой почтенный папаша заставил меня дать ему три обещания: во-первых, никогда не смешивать виски ни с чем, кроме воды; во-вторых, никогда не обращать внимания на анонимки; в-третьих, наконец, не общаться с людьми, которые отказываются называть себя. Прощайте, джентльмены. — Я повернулся к двери с сотней теплых империалов в кармане.

— Стойте! — Я задержался. Он продолжал: — Вы совершенно правы. Меня зовут...

— ШКИПЕР!!!

— Заткнись, Джок! Меня зовут Дак Бродбент, а тот, что так злобно поглядывает на нас, — Жак Дюбуа. Мы оба вояжеры — первые пилоты, летаем на любые расстояния, при любых ускорениях.

Я раскланялся.

— Лоренцо Смизи, — сказал я скромно. — Жонглер и артист, член Лэмб-клуба. — Тут я вспомнил, что пора бы погасить задолженность в членских взносах.

— О'кэй. Джок, попробуй-ка улыбнуться для разнообразия, что ли... Лоренцо, вы согласны хранить нашу деловую тайну?

— Ну еще бы! Вы имеете дело с джентльменом.

— Вне зависимости от того, согласитесь вы на работу или нет?

— Вне зависимости от того, достигаем мы соглашения или нет. Но я только человек, и ваша тайна в безопасности, если оставить в стороне допрос с пристрастием.

— Дак, — нетерпеливо начал Дюбуа, — ты не так ведешь дело. Нужно по меньшей мере...

— Уймись, Джок. Нам сейчас не до гипноза. Лоренцо, нам нужно, чтобы вы сыграли роль одного человека. Сыграли так, чтобы никто, повторяю, никто не заметил бы подмены. Вы можете выполнить такую работу?

Я нахмурился.

— Вопрос не в том, смогу ли я, вопрос в том, захочу ли я. А каковы обстоятельства?

— Гм... К деталям мы вернемся позднее. Грубо говоря, это обычная роль двойника весьма известной в обществе личности. Разница лишь в том, что игра должна быть столь совершенной, чтобы можно было обмануть даже людей, с ним хорошо знакомых и находящихся рядом. Это вам не то, что стоять на трибуне во время парада или навешивать медали на грудь герл-скаутам. — Тут он посмотрел на меня очень серьезно. — Для этого нужен настоящий артист.

— Нет, — сказал я, не раздумывая.

— Как? Вы же еще ровным счетом ничего не знаете о работе! Если вас беспокоит совесть, разрешите заверить, что ваши действия не причинят вреда человеку, которого вы будете изображать, и вообще не повредят ничьим законным интересам. Но это та работа, которую выполнить совершенно необходимо.

— Нет.

— Но, ради всего святого, почему?! Вы даже не знаете, сколько мы заплатим!

— Дело тут не в оплате, — твердо сказал я. — Я артист, а не двойник.

— Не понимаю. Уйма актеров извлекают дополнительные средства, появляясь на публике вместо знаменитостей!

— А я смотрю на них, как на проституток, и не считаю коллегами. Разрешите пояснить. Разве писатель может уважать себя, если он пишет книгу за кого-то? А вы сами будете уважать художника, который разрешил кому-то подписать под своей картиной? ЗА ДЕНЬГИ? Возможно, вам чужд мир искусства, но я постараюсь объяснить вам на примере вашей профессии. Согласились бы вы только за деньги вести корабль, и чтобы другой человек, не обладающий вашим высоким искусством, носил бы вашу форму, получал бы благодарности и на людях разыгрывал из себя Мастера? Согласились бы?

Дюбуа пробурчал:

— Говорил бы сразу, сколько ты хочешь...

Бродбент хмуро глянул на него.

— Думаю, я понимаю вас.

— Для артиста главное, сэр, — творчество и слава. Деньги — лишь суэтный металл, позволяющий ему заниматься своим искусством.

— Хм... Ладно, значит, вы не хотите заниматься этим делом за деньги... А не сделаете ли вы того же, но исходя их других побуждений? Если поймете, например, что это дело необходимое и что только вы можете выполнить эту задачу успешно?

— Такую возможность я допускаю. Однако подобных обстоятельств вообразить не могу.

— А их и не надо воображать. Мы вам сами все разъясним.

Дюбуа вихрем сорвался с кушетки.

— Слушай, Дак, ты не посмеешь...

— Засохни, Джок! Он имеет право знать.

— Он не должен знать ничего, во всяком случае сейчас... и здесь! И ты не смеешь ставить под удар остальных, доверяя ему эту тайну! Ты же о нем ничегошеньки не знаешь!

— Это оправданный риск. — Бродбент опять повернулся ко мне.

Дюбуа схватил его за руку и силой повернул к себе.

— Будь он трижды проклят — твой оправданный риск! Так, я раньше всегда стоял за тебя, но сейчас, прежде чем позволю тебе выболтать чужой секрет, кому-то из нас придется на время потерять способность разговаривать вообще!

Бродбент удивился, потом холодно усмехнулся прямо в лицо Дюбуа.

— Думаешь, справишься, Джок, сынок?

Дюбуа ответил ему гневным взглядом, но на попятный не пошел. Бродбент был на голову выше и килограммов этак на двадцать тяжелее. Сейчас Дюбуа мне нравился — меня всегда восхищает безумная храбрость крошечного котенка, боевая доблесть бентамского петушка или решимость маленького человечка умереть ради своих принципов, но силе не покориться... И хотя я не думал, что Бродбент убьет его, все же подозревал, что с Дюбуа сейчас обойдется, как с ковриком для вытирания ног. Вмешиваться я не собирался. Каждый человек имеет право выбирать по своему вкусу время и место самоуничтожения.

Я видел, как нарастала напряженность. Потом совершенно неожиданно, Бродбент засмеялся и крепко хлопнул Дюбуа по плечу.

— Молодец, Джок! — Затем он повернулся ко мне: — Простите, нам придется на минуту прерваться. Мне с приятелем требуется раскурить трубку мира.

Номер был оборудован защищенной секцией, где стояли видеотелефон и диктофон. Бродбент взял Дюбуа под руку и отвел туда. Оба, продолжая стоять, горячо спорили о чем-то.

Такие удобства в общественных местах вроде отелей иногда бывают далеки от совершенства, но «Эйзенхаузер» — шикарная гостиница, и оборудование работало великолепно. Я видел, как двигаются их губы, но ничего не слышал. Лицо Бродбента было обращено ко мне, а Дюбуа отражался в стеклом зеркале. Когда я начинал давать свои знаменитые сеансы чтения мыслей, я наконец понял, почему мой папаша лупил меня как сидорову козу, пока я не научился читать по

губам — сеансы я всегда проводил в ярко освещенном зале и носил очки, которыми... впрочем, неважно. Важно, что я умел читать по губам.

Дюбуа говорил:

— Даc, идиот ты проклятый, так тебя и раздак, ты что же хочешь, чтобы мы оказались в конце концов где-нибудь в каменоломнях Титана? Этот самовлюбленный недомерок тут же все выложит...

Я чуть не пропустил ответ Бродбента. Самовлюбленный, это надо же! Да если отбросить в сторону абсолютно непредвзятую оценку собственной гениальности, то я в высшей степени скромный человек!

Бродбент:

— ...если в городе всего одна рулетка, то кому дело до того, что крупье — жулик? Джок, кроме Смизи нам не на кого рассчитывать.

Дюбуа:

— Ладно, но тогда вызови доктора Скорцца, пусть загипнотизирует его и накачает транквилизаторами. Но ничего не говори ему по существу дела... во всяком случае, пока он не пообвыкнет и мы не окажемся вдали от Земли.

Бродбент:

— Хмм... Скорцца сам говорил мне, что нельзя полагаться на гипноз и наркотики, особенно для того представления, которое нам потребуется. Мы заинтересованы в его сотрудничестве, сотрудничестве, основанном на понимании...

Дюбуа засопел:

— О каком понимании, о каком интеллекте ты говоришь! Ты только погляди на него! Вылитый петух, что самодовольно вышагивает по курятнику! Конечно, рост у него подходящий, да и формой головы похож на шефа — только в ней-то ни черта нет! Он струсит, наложит в штаны и продаст наше дело ни за грош! Да и сыграть эту роль он не сможет — он же просто театральная дешевка!

Если бы бессмертного Карузо обвинили в том, что он берет фальшивые ноты, он вряд ли оскорбился бы сильнее, чем я. Но я уверен, что именно в эту минуту

я вполне оправдал свои претензии на равенство с такими талантами, как Бербедж* или Бут**. Я продолжал полировать ногти и ничем не обнаружил, что понял сказанное, однако решил, что когда-нибудь заставлю мистера Дюбуа лить слезы и хохотать с разрывом в двадцать секунд. Я выждал еще несколько минут, потом встал и направился к защищенной секции. Когда они увидели, что я собираюсь войти, оба замолчали.

Я тихо произнес:

— Хватит, джентльмены. Я изменил свое мнение.

Дюбуа явно обрадовался:

— Решили отказаться от работы?

— Наоборот, я принимаю предложение. Мой друг Бродбент заверил меня, что работа не войдет в противоречие с моей совестью, и я поверил ему на слово. Он заверил меня так же, что нуждается в актере, а потому проблемы режиссуры меня не должны волновать. Я принимаю предложение.

Дюбуа разозлился, но смолчал. Я ожидал, что Бродбент будет в восторге, но он почему-то наоборот встревожился.

— Хорошо, — согласился он. — Начнем сейчас же. Лоренцо, я не могу точно сказать, на какое время вам понадобится. Полагаю, на несколько дней. За это время вам придется раза два появиться на людях на час-полтора.

— Это не имеет значения, если только у меня будет достаточно времени, чтобы войти в роль — стать тем, кого я должен имитировать. И все же, хотя бы приблизительно, на какой срок я вам понадоблюсь? Мне придется известить своего агента.

— О нет! Ни в коем случае!

— Но я хочу знать — как долго. Неделя?

— Конечно меньше, иначе все пропало.

— Как это прикажете понимать?

* Ричард Бербедж (1567 — 1619) — английский актер, друг Шекспира (прим. ред.).

** Эдин Томас Бут (1833 — 1893) — американский актер. Выдающийся исполнитель роли Гамлета. Лучшие роли — Ричард III, Лир, Отелло (прим. ред.).

— Не берите в голову. Вас устроят сто империалов в день?

Я заколебался, видя как легко он согласился на мои условия, но решил, что сейчас можно и пофасонить. Я сделал небрежный жест:

— Не будем говорить о таких мелочах. Не сомневаюсь, что вы предложите мне такой гонорар, который будет соответствовать моему творческому потенциалу.

— Ладно-ладно, — не скрывая нетерпения, отвернулся от меня Бродбент. — Джок, свяжись с космопортом. Потом позвони Лангстону и скажи, что мы начали работать по плану «Марди Грас». Сверь с ним часы. Лоренцо... — Он знаком приказал мне следовать за ним и открыл дверь ванной комнаты. Там он раскрыл маленький чемоданчик и грубо спросил: — Из этого дерьяма что-нибудь пригодится?

Это действительно было баракло — очень дорогой и совершенно профессионально непригодный гримировальный набор — из тех, что продаются чуть не в каждом магазине ушибленным сценой подросткам.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вам угодно, чтобы я немедленно приступил к перевоплощению? Не дав мне времени на изучение объекта?

— Что? Нет-нет! Я хочу, чтобы вы изменили свою внешность — и никто не мог бы узнать вас, когда мы будем уходить. Это возможно, не так ли?

Я холодно ответил, что быть узнаваемым публикой — тяжкий крест, который несут все знаменитости. И не стал добавлять, что существует бесчисленное множество людей, которые узнают Великого Лоренцо повсюду, где бы он не появился.

— О'кей. Тогда измените физиономию так, чтобы никто не узнал. — И он быстро вышел.

Я тяжело вздохнул и посмотрел на ту детскую игрушку, которую он мне дал, думая, что это и есть орудие моей профессии — жирные краски, пригодные разве что для клоуна, вонючие резиновые накладки, парики, сделанные из волос, вырванных с корнем из ковра, что лежит в гостиной вашей тетушки Мэгги. И ни единой унции силиконплоти, ни одной электрощетки, ни одного приспособления гримерной техники се-

годняшнего дня. Впрочем, настоящий артист способен творить чудеса с помощью одной-единственной горячей спички, еще кое-каких предметов, имеющихся в любой кухне и, разумеется, своего таланта. Я наладил освещение и позволил себе погрузиться в творческое созерцание.

Есть много способов сделать так, чтобы тебя не узнали даже знакомые. Самый простой — отвлечь внимание. Оденьте человека в форму — и его никто не заметит. Разве вы помните лицо полицейского, мимо которого только что прошли по улице? Разве вы его узнаете, когда увидите в гражданском платье? На том же принципе основано и умышленное привлечение внимания к какой-нибудь определенной черте. Снабдите человека огромным носом, вдобавок обезображенными бородавкой, — и хам будет плятиться на него, вежливый — отвернется, но ни тот ни другой не запомнят лица. Я, однако, отказался от такого примитивного способа, так как решил, что мой наниматель скорее стремится, чтобы меня не заметили, чем запомнили бы по какой-нибудь примете, а потом не смогли бы узнать. Вот это уже гораздо труднее. Сделаться бросающимся в глаза может каждый, а вот стать поистине незаметным — это уже искусство.

Мне нужно было лицо столь обыкновенное, что его просто невозможно запомнить, подобное настоящему лицу бессмертного Алека Гиннесса*. К сожалению, мои аристократические черты от природы слишком красивы и ярки — печальный недостаток для актера на характерные роли. Как говорил мой папаша: «Ларри, уж слишком ты хорошенъкий, черт бы тебя побрал! Если ты не сдвигнешь с места свою ленивую задницу и не начнешь учиться ремеслу, то лет пятиадцать тебе предстоит проторчать на сцене, играя мальчиков и воображая, что ты актер, а затем внезапно ты окажешься продавцом сластей в фойе. Быть «тупицей» и «ангелочком» — вот два наихудших порока в шоу-бизнесе. А ты обладаешь обоими». И тут он снимал свой

* Английский актер и режиссер. Много работал в театре. Снимался в фильмах «Мост через реку Квай», «Комедианты» и др. (прим. ред.).

ремень и принимался за воспитание. Папаша был психологом-практиком и верил, будто разогрев большой седалищной мышцы оттягивает кровь от мальчишеского мозга. Хотя теоретически это весьма шаткая доктрина, результаты ее применения на практике себя вполне оправдали. К пятнадцати годам я уже мог стоять вверх ногами на слабонатянутой проволоке и читать Шекспира или Шоу страницу за страницей, а мог вызвать и всеобщий фурор, закурив в этой позиции сигарету.

Я был глубоко погружен в творческое раздумье, когда увидел в зеркале лицо Бродбента.

— Господи! — рявкнул он. — Он, кажется, за все время ни черта не сделал!

Я окинул его ледяным взглядом.

— Я предполагал, что вам желательно увидеть образчик моего творчества, а в этом случае меня подождать не следует. Это все равно, что потребовать от классного шеф-повара придумать новый соус, сидя на галопирующей лошади.

— Да будь они трижды прокляты, ваши лошади! — Он глянул на циферблат часов-перстня. — У вас еще есть шесть минут. Если за это время вы ничего не сделаете, нам придется рискнуть выйти просто так.

Хорошо же! Конечно, я предпочел бы иметь достаточно времени, но когда-то я репетировал с папашей его номер с молниеносным переодеванием — «Убийство Хью Лонга», пятнадцать картин за семь минут, — и однажды даже дал ему фору в девять секунд.

— Не мешать! — гаркнул я. — Я буду готов через минуту. — И перевоплотился в Бенни Грея — бесцветного подручного убийцы из «Дома без дверей»: две быстро проведенные морщины от крыльев носа к углам рта, чуть намеченные мешки под глазами и легкий слой бледно-желтого крема номер пять, размазанный по всему лицу. На все это понадобилось не больше двадцати секунд — я мог бы проделать это и во сне. «Дом» выдержал девяносто два представления, прежде чем его записали на пленку.

Потом я посмотрел на Бродбента, который стоял с разинутым ртом.

— Господи, боже мой! Быть того не может!

Я не стал выходить из образа Бенни Грея и в ответ даже не улыбнулся. Чего Бродбент не мог оценить, так это того, что практической необходимости в креме не было вообще. Он, разумеется, облегчил задачу, но применил я его только потому, что Бродбент ожидал чего-то в этом роде. Будучи невеждой, он считал, что при гримировании краски и пудра обязательны.

Он продолжал любоваться мной.

— Послушайте, — сказал он почти молитвенно, — а для меня можно придумать нечто подобное? Только, чтобы по-быстрому.

Я уже хотел сказать «нет», но вдруг понял, какая интересная в профессиональном плане задача стоит передо мной. Я чуть не сказал ему, что если бы мой папаша занялся им, когда Бродбенту было лет эдак пять, то сейчас он, возможно, мог бы даже сыграть роль продавца «травки» на сорище панков.

— Вы просто хотите быть уверенным, что вас не узнают? — спросил я.

— Да, да! Перекрасить там что-то, наклеить фальшивый нос и прочее в том же роде...

Я покачал головой.

— Что бы мы ни делали с гримом, вы все равно будете выглядеть как ребенок, собравшийся на школьный карнавал. Играть вы не умеете, научиться этому в ваши годы уже нельзя. Нет, трогать ваше лицо бессмысленно...

— Как, но ведь с моим клювом...

— Слушайте меня внимательно! Все, что я смогу сделать с этим величественным носом, лишь еще больше прикует к нему внимание, ручаюсь вам. Удовлетворит ли вас, если какой-нибудь знакомый, поглядев на вас скажет: «Слушай, этот рослый парень здорово смахивает на Дака Бродбента. Конечно, это не Дак, но здорово на него похож!» Ну, так как?

— Хмм... Думаю, да. Если он будет уверен, что это не я... Тем более что сейчас я должен быть на... Ну, скажем, не на Земле.

— Он будет абсолютно уверен, что это не вы, так как мы изменим вашу походку. Походка — ваша са-

мая приметная черта. Если она будет иной — значит, это не вы, а кто-то другой — крупный, широкоплечий мужчина, немного напоминающий вас.

— О'кей. Научите меня как надо ходить.

— Этому вы никогда не научитесь. Но я заставлю вас ходить как надо.

— Как?

— Положу пригоршню гравия или чего-то в том же роде в носки ваших сапог. Это заставит вас ступать на пятки и изменит осанку. Тогда вы не сможете ходить этой кошачьей походкой космонавта... мmm... а еще я стяну вам пластырем лопатки, чтобы напомнить о необходимости держаться прямо. И этого хватит.

— И вы думаете, что меня не узнают только потому, что я буду иначе двигаться?

— Разумеется. Ваш знакомый даже не поймет, почему он уверен, что это не вы, но сам факт, что это убеждение имеет подсознательный характер, поставит его в позицию, где сомнения просто не смогут возникнуть. О, я могу что-нибудь придумать и для лица, чтоб вы успокоились, хотя особой нужды в этом нет.

Мы вернулись в гостиную. Я все еще, разумеется, был Бенни Греем. Если уж вживаяешься в роль, то требуется заметное психологическое усилие, чтобы выйти из нее. Дюбуа звонил по телефону. Он поднял глаза, увидел меня, и рот у него раскрылся. Он выскочил из защищенной секции и закричал:

— Это еще кто такой?! А где тот актеришка?

Окинув меня взглядом, он тут же отвернулся и больше не глядел в мою сторону. Бенни Грей — такой усталый, такой незначительный человечишка, что смотреть на него дважды просто не стоило.

— Какой-такой актеришка? — отозвался я бесцветным глухим голосом Бенни. Это заставило Дюбуа снова посмотреть на меня. Он посмотрел, начал было уже отводить глаза, но потом вдруг вернулся взглядом к моей одежде.

Бродбент заржал и хлопнул его по плечу.

— А ты еще говорил, он не может играть! — И резко изменил разговор: — Ты со всеми договорился, Джок?

— Да. — Дюбуа снова посмотрел на меня, потом отвернулся. Он был поражен до глубины души.

— О'кей. Нам нужно выйти отсюда не позже, чем через четыре минуты. Посмотрим, что вы сумеете сделать со мной за это время, Лоренцо.

Дак успел снять только один сапог (куртку он снял раньше и задрал шелковую рубашку для того, чтобы я стянул пластирем лопатки), когда над дверью зажегся свет и зазвучал зуммер.

Дак замер.

— Джок, мы кого-нибудь ждем?

— Возможно, это Лангстон. Он говорил, что попробует заскочить до нашего ухода. — Дюбуа двинулся к двери.

— А может, это не он? Может, это...

Я не рассыпал, кого назвал Бродбент, так как Дюбуа открыл дверь. В дверном проеме, похожий на кошмарный мухомор, стоял марсианин.

Какую-то растянувшуюся на века секунду я видел только его. Стоявшего за его спиной человека я не заметил, не увидел и жезла — смертоносного марсианского оружия, зажатого в одном из псевдощупальцев.

Марсианин вплыл в комнату, человек шагнул за ним, дверь захлопнулась. Марсианин проквакал:

— Вечер добрый, джентльмены. Направляйтесь куда-то?

Из-за острого приступа ксенофобии* я потерял способность двигаться и соображать. Дак запутался в своей наполовину снятой одежде. Но малыш Дюбуа действовал с тем инстинктивным героизмом, который в эту секунду сделал его для меня дороже родного брата, хоть он тут же и умер. Он кинулся прямо на жезл и даже не попытался от него уклониться.

Наверное он был мертв — с такой-то дырищей в кулак величиной, прожженой в животе, — еще до того, как рухнул на пол. Но он успел ухватиться за псевдощупальце, которое стало растягиваться как резина, а затем лопнуло, порвавшись в нескольких дюй-

* Навязчивый страх перед незнакомыми лицами (прим. ред.)

мах от шеи чудища. Жезл Джок продолжал сжимать в своей мертвой руке.

Человеку, который сопровождал в комнату эту воинскую тошнотворную гадину, пришлось сделать шаг в сторону, прежде чем выстрелить. И тут он допустил ошибку. Ему бы сначала пристрелить Дака, а потом меня, а он вместо этого впustую истратил пулю на Джока. Второго выстрела он сделать не успел, поскольку Дак аккуратно влепил ему пулю прямо в лоб. А я даже не подозревал, что Дак вооружен.

Обезоруженный марсианин не пытался бежать. Дак вскочил на ноги, скользнул к нему и сказал:

— А, Ррингрил! Я вижу тебя.

— Я тоже вижу тебя, капитан Дак Бродбент, — квакнул марсианин, а потом добавил: — Ты передашь мосму Гнезду?

— Я передам твоему Гнезду, Ррингрил.

— Благодарю тебя, капитан Дак Бродбент.

Дак вытянул длинный костистый палец и ткнул им в ближайший глаз марсианина. Он вводил его все глубже и глубже, пока кулак не уперся в мозговую коробку. Дак вытащил палец, покрытый зеленою слизью, похожей на гной. Псевдочлены чудища в судорожной спазме втянулись в туловище, но и мертвым марсианин продолжал крепко держаться на своем пьедестале. Дак кинулся в ванную — я слышал, как он моет руки. Я же остался в комнате, прикованный к месту шоком.

Дак вышел, вытирая руки о рубашку и сказал:

— Придется чистить. А времени в обрез. — Он говорил так, как говорят о пролитом виски.

В одном единственном сбивчивом предложении я постарался дать ему понять, что не желаю участвовать в этом деле, что следует известить полицию, что я жажду убраться отсюда до ее прихода, что лучше бы он засунул эту работу себе в известное место и что в ближайшее время я намерен отрастить себе крылья и вылететь в окно. Все это Дак начисто отмел:

— Не выбирай, Лоренцо! У нас уже идет минусовой отсчет времени. Помоги оттащить трупы в ванную.

— Что? Бог мой! Давайте просто запрем дверь и смоемся. Возможно, нас никто не свяжет с этим делом.

— Весьма вероятно, что не свяжут, — согласился он, — поскольку ни один из нас, по определению, тут быть не мог. Но они поймут, что Ррингрил убил Джока, а этого допустить нельзя. Особенно в данное время.

— Почему?

— Нельзя допустить, чтобы газеты раструбили, будто марсианин убил человека. А потому заткнись и помогай.

Я заткнулся и принялся помогать. Меня самого укрепила лишь мысль о том, что Бенни Грей был садистом-психопатом и обожал расчленять свои жертвы. Я предоставил Бенни Грею оттащить оба человеческих трупа в ванную, после чего Дак взял жезл и разрезал Ррингрила на куски достаточно мелкие, чтобы их уничтожить. Первый разрез он осмотрительно сделал ниже черепушки, так что работа оказалась менее кровавой, но тут я ему не помогал — мне показалось, что мертвый марсианин воняет еще хуже живого. Люк мусоросжигателя был спрятан за панелью в ванной, прямо возле биде. Если бы это место не было отмечено клеверным листком — обычным знаком повышенной радиации, мы бы его еще долго разыскивали.

После того как мы спустили куски Ррингрила в люк (мне невероятным усилием удалось сдержать позывы рвоты), Дак занялся более грязной работой — расчленением и спуском в люк человеческих тел, используя для этого жезл и, конечно, пустив воду из всех кранов.

Удивительно, как много крови в человеческом теле! У нас все время работали краны, и тем не менее это было ужасно! Когда же Даку пришлось заняться останками бедного малыша Джока, он сошел с катушек. Глаза его застлали слезы, почти ослепившие его, так что пришлось оттеснить Дака в сторону, пока он не отрубил себе пальцы, и призвать на помощь Бенни Грея.

Когда я закончил, и никаких следов пребывания в номере двух других людей и марсианского чудовища не осталось, я тщательно вымыл ванну и встал. Дак появился в дверях, хладнокровный как всегда.

— Я там занимался полом, теперь он в порядке, — объявил он. — Думаю, что криминалист с нужной аппаратурой сможет реконструировать события, но будем надеяться, что такой необходимости не возникнет. А потому давай-ка сматываться отсюда. Нам предстоит наверстать минут двенадцать.

Спросить — куда и зачем, у меня не хватило сил.

— Ладно, но только сначала займемся вашими сапогами.

Он покачал головой:

— Это помешает мне идти быстро. Сейчас быстрота важнее опасности быть узнанным.

— Как прикажете. — Я последовал за ним к двери.

Он остановился и сказал:

— Тут могут быть и другие. Если покажутся — стреляй первым, ничего другого не остается. — В руке он сжимал марсианский жезл, пряча его под полой плаща.

— Марсиане?

— Или люди. Или и те и другие.

— Дак, а что Ррингрил — он был среди тех четырех в баре?

— Разумеется. А иначе зачем нужно было мне удирать оттуда и вызывать тебя по видеофону? Они-то и навесили «хвост» или на тебя, или на меня. А ты что — не узнал его?

— Да нет же, господи! Для меня все эти чудовища на одно лицо.

— А они говорят, что это мы походим друг на друга. Эти четверо были Ррингрил, его собрат по Слиянию Рринглат и еще двое из его же Гнезда, родственники, но более отдаленные. Однако лучше помолчи. Увидишь марсианина — стреляй. У тебя пистолет того парня?

— Да. Слушайте, Дак, я не знаю всех ваших дел, но раз эта мерзость против вас, я буду стоять за ваше дело. Не перевариваю марсиан.

Он был откровенно шокирован.

— Ты несешь окаянную чушь. Мы вовсе не воюем с марсианами. Эти четверо — ренегаты.

— Это как?

— Есть множество прекрасных марсиан, да они почти все такие. Даже Ррингрил во многих отношениях был неплох. Я с ним не раз сражался в шахматишки.

— Что? Но в таком случае я...

— Заткнись. Ты уже так увяз в этом деле, что пятиться назад поздно. А теперь шагай-ка к лифту. Я прикрою тебя сзади.

Я заткнулся. Я действительно увяз по уши, это было бесспорно.

Мы спустились в цокольный этаж и тут же отправились к экспресс-капсулам. Двухместная капсула как раз освобождалась. Дак толкнул меня внутрь так быстро, что я не разобрал набранную им комбинацию. Однако нельзя сказать, что я особенно удивился, когда перегрузки, мешавшие мне дышать, исчезли, и я увидел мерцающую надпись: «КОСМОПОРТ ДЖЕФФЕРСОНА. ВСЕМ ВЫХОДИТЬ».

Да и вообще мне было до лампочки, что это за станция — лишь бы подальше от отеля «Эйзенхауэр». Тех нескольких минут, что я провел в капсule, мне вполне хватило на выработку плана, очень расплывчатого, очень ненадежного и, безусловно, подлежащего, как пишут в примечаниях, обязательной корректировке, но все же плана. Его можно было выразить одним словом — затеряться.

Еще утром я счел бы подобный план трудноосуществимым — в нашем мире человек без денег беспомощней новорожденного ребенка. Однако с сотней империалов в кармане я мог перемещаться быстро и далеко. Я не считал себя чем-либо обязанным Даку Бродбенту. Из ведомых лишь ему соображений, к которым я не имел ни малейшего отношения, он впутал меня в историю, меня чуть не убили, потом заставили уничтожать следы преступления и, наконец, превратили в человека, скрывающегося от правосудия. К счастью, нам удалось обставить полицию, во всяком случае, временно, и теперь, стряхнув с себя опеку

Бродбента, я мог бы позабыть обо всем случившемся, похоронив его как дурной сон. Казалось очень мало вероятным, чтобы меня связали с этим делом, даже если оно раскроется — ведь, благодарение Богу, джентльмены всегда носят перчатки, и свои я снимал, только когда накладывал грим и еще потом, когда занимался той кошмарной уборкой.

Если же забыть тот приступ щенячьего геройства, которое я проявил, когда решил, что Дак воюет с марсианами, то у меня к его плану полностью исчез всякий интерес, даже возникшая было симпатия и та пропала, как только я узнал, что Дак, в принципе, к марсианам благоволит.

О его предложении исполнить роль двойника я теперь и думать не желаю! Да ну его к чертовой матери, этого Бродбента! Все, что я хотел от жизни — это толику денег, чтобы душа не рассталась с телом, да приличные шансы в будущем на занятие своим искусством. Вся эта игра в полицейских и воров меня ничуть не занимала — уж больно плох был сценарий у этой постановки!

Порт Джейферсона был как будто нарочно создан для выполнения моего плана. Он так набит людьми и грохотом, столько экспресс-капсул ежеминутно прибывает и отбывает по всем направлениям, что стоит Даку хоть на минутку зазеваться, как я сразу окажусь на полпути к Омахе. Там залягу на несколько недель, а потом свяжусь со своим театральным агентом, чтобы узнать, не проявляет ли кто-нибудь ко мне незддорового любопытства.

Однако Дак предусмотрительно вылез из капсулы после меня, иначе я бы сразу захлопнул дверцу перед его носом и исчез в неизвестном направлении. Я сделал вид, что ничего не заметил и держался рядом не хуже верной собачки все время, пока мы поднимались на эскалаторе в главный зал, расположенный тоже под землей, и сходили с него возле касс «Пан-Америкен» и «Америкен Скайлайнс». Дак двинулся прямо в зал ожидания к кассам «Диана лимитед». Тут я заподозрил, что он собирается взять билеты на лунный шаттл. Как он сможет протащить меня на борт корабля без

сертификата о прививках и без паспорта, я не понимал, но знал, что Дак не теряется ни при каких обстоятельствах. Я решил попробовать затеряться среди многочисленных касс и уймы кресел, когда он начнет копаться в своем бумажнике — если человек считает деньги, всегда отыщется минута, когда его внимание будет целиком приковано к бумажкам.

Но мы миновали кассы «Дианы» и сквозь арку с надписью «Частные стоянки» вышли в коридор. Он был почти пуст, стены глухие. С тревогой и разочарованием я понял, что упустил свой шанс, пока мы находились в главном шумном зале. Я остановился.

— Дак, мы что — уходим в полет?

— Конечно.

— Вы с ума сошли, Дак! У меня нет паспорта, нет даже туристской карты, нужной для полета на Луну.

— А они тебе и не потребуются.

— Как же так?! Они ведь остановят меня на контроле. А потом огромный жирный полицейский начнет задавать всякие каверзные вопросы...

Лапища размером с хорошего котяру сжала мое предплечье.

— Не теряй времени. Зачем тебе проходить контроль эмиграционной службы, если официально ты никуда не выезжаешь? И зачем туда пойду я, если опять же официально меня на Земле нет? Шагом-арш, старина.

Вообще-то физически я развит неплохо, да и рост у меня приличный, но тут я чувствовал себя так, будто меня тащит из опасной зоны движения робот-регулировщик. И вдруг я увидел надпись: «Для мужчин» и сделал отчаянную попытку прорваться.

— Дак, минутку! Мне надо отлить.

Он осклабился.

— Вон чего придумал! Ты же в этом заведении побывал перед тем, как уйти из отеля. — Шага он не замедлил и руку мою не отпустил.

— Почки у меня слабые...

— Лоренцо, дружище, мне кажется, здесь попахивает медвежьей болезнью. Вот я тебе расскажу, что сейчас произойдет. Ты видишь того полицейского?

В конце коридора, ведущего к частным стоянкам, стоял огромный страж порядка, облокотившийся о прилавок, чтобы дать отдых своим слоновыми ножищам.

— У меня обнаружится приступ обострения совести, и я почувствую срочную необходимость исповедоваться в том, как ты укокошил нашего гостя марсианина и еще двух землян, как под угрозой пистолета заставил меня уничтожить трупы и как...

— Вы с ума сошли!

— Точно! Это я обезумел от угрывзений совести и моральных страданий, старина.

— Но... у вас же нет никаких доказательств!

— Ты так думаешь? Полагаю, моя версия окажется убедительнее твоей. Я знаю, о чем идет речь, а ты — нет. Я знаю о тебе все, а ты обо мне — ничего. Я, например, знаю... — Тут он упомянул пару деталей из моего прошлого, которые, готов поклясться, давно похоронены и забыты.

Хорошо, хорошо, у меня в репертуаре действительно есть несколько номеров, предназначенных для выступлений с аншлагом, «Только для мужчин», для семейного круга они, конечно, не подходят. Но жить-то надо! А эта история с Биб — вот тут уж все неверно — я же действительно не знал, что она несовершеннолетняя! Что же касается того гостиничного счета, то хотя неуплата по нему в Майами-Бич почему-то и в самом деле приравнивается к вооруженному нападению, но я же обязательно уплатил бы... если бы у меня были бабки. Ну, а то печальное недоразумение в Сиэтле... Ну ладно, в общем, надо сказать, Даку удалось сбрать неплохой матерьяльчик относительно моего прошлого, но весь он был подан под каким-то извращенным углом зрения. И все же...

— Итак, — продолжал он, — давай подойдем поближе к этому почтенному жандарму, и я признаюсь ему во всем. А потом ставлю семь против двух, что мне известно, кого из нас выпустят под залог первым.

И мы дошагали до копа — и прошагали мимо него. Коп болтал с девушкой, обслуживающей турникет, и ни разу ни он ни она даже не взглянули на нас. Дак

вытащил два билета, на которых было написано: «Пропуск на поле — разрешение на обслуживание — стоянка К-127». Он сунул их в монитор, машина проверила билеты, на экране засветилась надпись, разрешающая взять машину на верхнем уровне, код КИНГ-127. Турникет пропустил нас и тут же щелкнул за нашей спиной, а записанный на пленку голос произнес: «Пожалуйста, будте осторожны и следите за указателями уровня радиации. Администрация терминала не несет ответственности за несчастные случаи за турникетом».

Сев в крошечную машину, Дак набрал совершенно другой код, машина развернулась, взяла нужное направление и помчалась по подземному туннелю, проложеному под взлетным полем. Меня все это уже не интересовало — плевать я хотел на них всех. Как только мы вышли из машины, она снова развернулась и отправилась к своей стоянке. Перед нами была металлическая лестница, исчезавшая в вышине стального потолка. Дак подтолкнул меня к ней.

— Давай наверх!

Верху находился люк, а на нем надпись: «РАДИАЦИОННАЯ ОПАСНОСТЬ. ОПТИМАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ — НЕ БОЛЕЕ ТРИНАДЦАТИ СЕКУНД». Цифры были написаны мелом. Я встал как вкопанный. Не скажу, чтобы проблема потомства меня волновала особенно сильно, но все же я и не полный идиот.

Дак ухмыльнулся и сказал:

— Что, забыл напялить свои освинцованные трусишки? Открывай люк и быстренько по лестнице, что ведет на корабль! Если не будешь чесаться, то у тебя в запасе еще секунды три останется.

Уверен, что у меня их осталось целых пять. Футов десять я поднимался под открытым небом, а потом оказался внутри длинной трубы, соединенной с входным люком корабля. Я несся по ней, перепрыгивая разом через три ступеньки.

Корабль был невелик. Во всяком случае рубка показалась мне очень тесной. Снаружи я его не видел. Два других корабля, на которых мне довелось побывать, были лунные шаттлы «Евангелина» и ее близнец

«Габриэль». Это случилось, когда я неосторожно согласился на лунный ангажемент на кооперативной основе — наш импресарио почему-то решил, что жонглеры, канатоходцы и акробаты будут очень хорошо смотреться при одной шестой земной силы тяжести, что в известной степени, вероятно, было справедливо, но он не отвел нам времени на репетиции и на привыкание к этой самой силе. В общем, возвращался я с Луны с помощью Фонда неимущих путешественников, потеряв весь свой гардероб.

В рубке были два человека. Один из них лежал в одном из трех противо-перегрузочных кресел, развлекаясь игрой с какими-то приборными стрелками, а другой совершил таинственные манипуляции с отверткой. Тот, что в кресле, молча поглядел на меня. Второй повернулся, явно чем-то встревоженный и, обращаясь к кому-то за моей спиной, спросил:

— А что с Джоком?

Дак почти влетел из люка в рубку.

— Об этом потом, — буркнул он. — Вы скомпенсировали массу?

— Да.

— Ред, разрешение на взлет получено? Из диспетчерской?

Человек в кресле ответил с растяжечкой:

— Каждые две минуты мы на связи с ними. С диспетчерской порядок. Взлет через сорок... э-э... сорок семь секунд.

— Тогда марш из кресла! Живо! Я хочу подняться чок-в-чок.

Ред лениво освободил место, и Дак сел в кресло первого пилота. Второй парень толкнул меня на место второго пилота и укрепил на мне пояс безопасности. Потом повернулся и скользнул в выходной люк. Ред последовал было за ним, но задержался — голова и плечи торчали из люка.

— Ваши билетики, будьте добры, — сказал он, улыбаясь.

— О черт! — Дак ослабил пояс, достал из кармана пропуска на взлетное поле и сунул их Реду.

— Спасибо, — ответил Ред. — Увидимся в церкви. Спокойной плазмы и все такое прочее. — Он исчез с ленивым изяществом. Я слышал, как захлопнулся люк, и у меня заложило уши. Так не ответил на слова прощания, его взгляд ни на мгновение не отрывался от компьютера, время от времени он вносил в программу полета поправки.

— Еще двадцать одна секунда, — бросил он мне. — Дополнительного отсчета не будет. Убери руки и расслабься. Полет пойдет как по маслу.

Я выполнил приказ, и мне показалось, что напряжение, которое испытываешь перед взлетом, растянулось на целые часы.

— Да!

— Я занят!

— Только один вопрос — куда мы летим?

— На Марс.

Я увидел, как его палец нажимает красную клавишу, и... отключился.

Глава 2

Ну скажите, что смешного, если человек в космосе блюет? А ведь для многих здоровенных болванов с желудками из чугуна это зрелище представляется необыкновенно смешным. Впрочем, они будут ржать даже над собственной бабушкой, если она сломает себе обе ноги.

Меня начало тошнить сразу же после того, как ракета перешла в режим свободного падения. Оправился я довольно быстро, поскольку мой желудок был почти пуст — после завтрака я в рот и крошки не брал, но всю дорогу на протяжении этого ужасного полета я чувствовал себя отвратительно. Нам потребовалось час и сорок три минуты, чтобы оказаться в точке назначенного свидания с другим кораблем, что для такого типичного жука-землееда, как я, было все равно, что провести тысячу лет в чистилище.

Надо, однако, отдать Даку должное — он надо мной не издевался. Дак — профессионал, и к моему совершенно естественному состоянию он отнесся с безразличной терпимостью корабельной фельдшерицы — совсем не так, как те тупоголовые ослы, что частенько встречаются среди пассажиров лунных шаттлов. Если бы это зависело от меня, этих ублюдков выбрасывали бы

еще на полпути до места назначения — пусть бы ржали себе на орбите в полном вакууме.

В голове моей была полная каша, в ней мелькали десятки вопросов, которые мне хотелось задать, а мы должны были вот-вот встретиться с большим кораблем, который сейчас находился на постоянной околоземной орбите. К сожалению, к этому времени я еще не обрел в полной мере интереса к жизни. Сильно подозреваю, что если больного космической болезнью уведомить, будто на рассвете его собираются расстрелять, он ответит только: «Вот как? Будьте добры передать мне вон тот гигиенический пакет!»

В процессе выздоровления я достиг той точки, когда от острого желания умереть стрелка качнулась в сторону еле-еле мерцающего сознания возможности продолжать свой жизненный путь. Так большую часть времени был занят возней с судовым коммуникатором, явно пользуясь узконаправленным лучом, так как руки его непрерывно вращали верньеры настройки, и он очень походил на артиллериста, готовящегося накрыть цель. Я не слышал, что он говорит, и не мог читать по губам, так как он сидел у переговорного устройства, низко наклонив голову. Я только понял, что он ведет переговоры с межпланетным кораблем, встречи с которым мы ожидали.

Когда он отодвинул в сторону коммуникатор и закурил сигарету, мне едва удалось сдержать позыв к рвоте, который спровоцировал запах табака, и спросить:

— Дак, а может, уже пришло время рассказать мне все?

— На пути к Марсу у нас будет сколько угодно времени.

— Черт бы побрал ваше нахальство! — слабо за-протестовал я. — Не желаю я на Марс! Я бы начихал на ваше предложение сразу же, если б только знал, что нужно лететь на Марс!

— Как тебе будет угодно. Можешь и не лететь.

— ?

— Выходной люк прямо за твоей спиной. Выходи и шествуй пешочком.

Я даже отвечать не стал. А он продолжал:

— Конечно, если ты не умеешь дышать в вакууме, тогда тебе лучше все же отправиться на Марс — в этом случае я позабочусь, чтобы ты вернулся домой в целости и сохранности. «Деяние» — так называется это корыто — скоро должно встретиться с «Риском» — межпланетным космическим кораблем, идущим с огромным ускорением. Ровно через семнадцать секунд послестыковки с «Риском» мы отправимся прямиком на Марс — ибо нам надлежит быть там к среде.

Я ответил с унылым упрямством больного:

— Не хочу я на Марс! Я хочу остаться на этом корабле. Кто-то же должен отвести его обратно на Землю? Так что вам меня не надуть.

— Верно, — согласился Бродбент, — но тебя-то на нем не будет. Те трое парней, что согласно документам в космопорте Джейферсона и сейчас предположительно составляют его команду, в данный момент находятся на борту «Риска». Этот же корабль, как ты видишь, рассчитан только на троих. Боюсь, что ты сочтешь их несколько несговорчивыми, когда речь зайдет о месте для четвертого. А кроме того, как ты собираешься пройти иммиграционный контроль?

— А мне наплевать! Хочу обратно на Землю — и все тут!

— Ну и попадешь в тюрьму по многим обвинениям — от нелегального въезда в страну до торговли «травкой» на космических линиях. В лучшем случае, если они не будут уверены, что ты контрабандист, тебя отведут в какое-нибудь укромное местечко и там загонят иглу под глазное яблоко, просто из любопытства, чтобы узнать, что ты за птица. Они там хорошо знают, какие надо задавать вопросы, а ты от ответов не сможешь удержаться. А вот меня в эту историю впутать не удастся, ибо старый добрый Дак давненько не появлялся на Земле, что подтвердит куча надежнейших свидетелей.

Мне с трудом удалось сконцентрироваться на проблеме — как от страха, так и под влиянием космической болезни.

— Значит, ты донесешь на меня в полицию? Ах ты, грязный, подлый... — тут я замолчал, ибо никак не мог отыскать достаточно яркое и оскорбительное существительное.

— О нет! Послушай, дружище, я, понятное дело, способен слегка вывернуть тебе руку или намекнуть, что крикну копа, но я никогда не сделал бы ни того ни другого. Но вот Собрат Ррингрила по Слиянию — Рринглат, тот безусловно знает, в какую дверь вошел старший «Грил» и из какой он забыл появиться. Он-то уж обязательно намекнет шпикам. Собрат по Слиянию — родство столь близкое, что мы его и понять не можем, ибо почкованием не размножаемся.

Мне дела не было, размножаются ли марсиане подобно кроликам или же их приносит в маленьком черном узелке аист. Но по словам Дака получалось, что мне уже никогда не видать Земли как своих ушей. Я ему так и сказал. Он отрицательно покачал головой.

— Ничего подобного. Предоставь мне действовать, и мы так же ловко доставим тебя обратно, как ловко вытащили оттуда. Когда все кончится, ты выйдешь с поля этого или любого другого космопорта, появившись у турникета с пропуском в кармане, где будет написано, что ты механик, занимающийся срочным ремонтом. На тебе будет замасленный комбинезон, а в руках чемоданчик с инструментом. Уверен, что такой актер, как ты, сможет разыграть роль механика в течение нескольких минут.

— Как вы сказали? Ну еще бы! Но...

— Ну вот видишь! Держись доктора Дака, сынок, он о тебе позаботится. В команду этого лайнера, например, нам пришлось пропихнуть целых восемь ребят из нашей Гильдии только для того, чтобы доставить меня на Землю, а нас с тобой — с ней. Мы можем все это повторить, если потребуется, но без помощи вояжеров у тебя ничего не выйдет. — Он ухмыльнулся. — Каждый вояжер в глубине души торговец-авантюрист. Ввоз и вывоз людей контрабандой — высокое искусство, и каждый из нас готов помочь другому в такой невинной шутке — обвести вокруг пальца охрану космопорта. Но те, кто не входят в нашу

Гильдию, на наше содействие рассчитывать обычно не могут.

Я пытался утишить желудочные спазмы и одновременно обдумывал услышанное.

— Так значит, тут все дело в контрабанде? Потому что...

— Нет, нет. Контрабандой мы вывезли только тебя.

— Я только хотел сказать, что не считаю контрабанду преступлением.

— А кто считает? Исключение составляют лишь те, кто делает деньги, эксплуатируя нас путем ограничения свободной торговли. Но сейчас нам предстоит заняться благородным искусством дублирования, и ты — тот человек, который для этого необходим. Я же не случайно на тебя в баре наткнулся. Ты уже двое суток был у нас «под колпаком». Я как приехал, так сразу отправился туда, где находился ты. — Он нахмурился. — Мне очень хотелось бы верить, что наши достойные противники следили за мной, а не за тобой.

— Почему?

— Если они следили за мной, значит, им хотелось выяснить, что я затеваю, а это в общем о'кэй, поскольку весь сценарий был уже разработан, и им было известно, что мы враги. Но если слежка велась за тобой, следовательно, им уже известны наши планы — поиск актера, который смог бы сыграть совершенно определенную роль.

— Но откуда они могли это узнать? Не от вас же самих?

— Лоренцо, дело, о котором идет речь, — огромное дело, оно куда больше, чем ты можешь себе представить. Даже мне известно далеко не все, и чем меньше ты будешь знать о нем, прежде чем это станет необходимым, тем лучше для тебя. Я могу лишь сказать, что в огромный компьютер Мирового Бюро Переписей в Гааге было введено множество данных личностного плана, и машина сравнила их с персональными характеристиками всех ныне живущих актеров. Делалось это в полной тайне, но все-таки кто-нибудь мог догадаться — и проболтаться. Ведь по спецификациям можно идентифицировать и главное лицо, и акте-

ра, избранного на роль двойника, поскольку работа эта должна быть исполнена безукоризненно.

— О! И машина сказала, что этот актер — я?

— Да. Ты... и еще один человек.

Этот момент опять-таки относился к тем, когда мне следовало бы укоротить свой язычок. Но, даже если бы от молчания зависела вся моя жизнь, я бы все равно не удержался.

Мне было просто необходимо знать, кто тот актер, которого машина сочла достаточно подходящим, чтобы сыграть роль, для исполнения которой были необходимы мои уникальные способности.

— А этот другой... Он кто?

Дак окинул меня внимательным взором. Я видел, что он колеблется.

— Ммм... Парень по фамилии Троубридж. Знаешь его?

— Эта бездарь? — На мгновение я впал в такое бешенство, что даже забыл о тошноте.

— Вот как? А я слыхал — он очень хороший актер.

Я просто не мог переварить мысль, что кто-либо в здравом уме мог подумать об этом олухе Троубриdge, как о замене на ту роль, что была предназначена мне.

— Этот жалкий фигляр! Этот визгливый ломака! — Я смолк, сообразив, что достойней просто игнорировать собрата по профессии, если только это слово тут применимо... Но этот хлыщ так чванлив, что... Да если бы ему по роли полагалось поцеловать dame ручку, Троубридж изгадил бы сцену, поцеловав свой собственный большой палец! Самовлюбленный Нарцисс, позер, задавака, да разве такой субъект сумел бы вжиться в роль!

Но уж таковы гримасы судьбы, что его прыжки и ужимки приносили ему неплохие деньги, тогда как истинные артисты погибали с голода.

— Дак, я просто понять не могу, как вы могли говорить о нем всерьез!

— Понимаешь, он и нам не нравился. К тому же он связан долгосрочным контрактом, так что его отсутствие на месте могло бы вызвать ненужные разговоры и

расспросы. Нам повезло, что ты оказался, так сказать, на приколе. Как только ты дал согласие, я тут же распорядился, чтобы Джок отозвал группу, работавшую над Троубриджем.

— Я думаю!

— Но... Видишь ли, Лоренцо, я хочу, чтобы ты знал правду. Пока тебя тут выворачивало наизнанку и ты выдавал остатки завтрака в гигиенические пакеты, я радиовал на «Риск», приказав им связаться с Землей и активизировать работу с Троубриджем.

— ЧТО?!

— Ты сам виноват в этом, старина. Видишь ли, если человек — участник нашей аферы — заключает контракт на поставку груза к Ганимеду, то он или доставит туда свое корыто, или погибнет, пытаясь это сделать. Он не струсит и не удерет с деньгами, пока корабль стоит под погрузкой. Ты сказал, что берешься за работу, сказал без всяких «но» или «если», ты принял безоговорочное обязательство. А через несколько минут началась та свалка. Ты тут же напустил в штаны. Позже попытался удрать от меня в космопорте. Только десять минут назад ты вонил и добивался возвращения на Землю. Допускаю, что как актер ты выше Троубриджа, хотя в точности мне это и неизвестно. Но зато я знаю, что нам нужен человек, на которого можно положиться, который не впадет в истерику, когда потребуется напрячь все силы. Мне сказали, что Троубридж именно таков. Поэтому если он согласится, мы возьмем его, тебе же заплатим деньги, ничего более говорить не станем и отправим обратно. Понял?

Еще бы не понять! Так не воспользовался специальным термином, я сомневаюсь, что он его знал, но то, что он говорил, означало — я никуда не годный член труппы и плохой товарищ. И самое печальное — он был совершенно прав. Я не имел права обижаться. Мне можно было только сгорать от стыда. Я был дураком, когда заключал контракт, не оговорив деталей. А теперь я пытаюсь, как жалкий любитель, испугавшийся выхода на сцену, удрать от исполнения своих обязательств.

«Представление не может не состояться» — старинная заповедь в шоу-бизнесе. Возможно, с философской точки зрения она и слабовата, но из всего, что делает человек, лишь немногое поддается логическому объяснению. Мой папаша свято верил в эту заповедь — я сам видел, как он играл два акта с приступом аппендицита и, лишь раскланявшись на авансцене, позволил отвезти себя в больницу. И сейчас мне представилось его лицо с написанным на нем презрением к актеру, который обманул доверие зрителей.

— Дак, — сказал я, с трудом подбирая слова, — извините меня. Я был не прав.

Он бросил на меня пронзительный взгляд.

— Ты выполнишь эту работу?

— Да. — Я говорил искренне. Потом внезапно вспомнил обстоятельство, которое делало мои шансы на дальнейшее столь же ничтожными, как надежда сыграть когда-нибудь роль Белоснежки в «Семи гномах». — То есть... я хочу играть... но...

— Что «но»? — сказал он сердито. — Опять твой дурацкий темперамент?

— Нет-нет. Но вы говорили, что корабль идет на Марс... Дак, мне что — придется быть двойником в окружении марсиан?

— Что? Ну, разумеется... А как же иначе, раз мы будем на Марсе?

— Но... Дак, я же не выношу марсиан. У меня от них мурашки по всему телу. Я хотел бы... Я, конечно, постараюсь... но ведь я могу просто выпасть из образа...

— Ну, если тебя беспокоит только это, можешь выкинуть из головы.

— Как? Я же не в состоянии просто выкинуть из головы, это не от меня зависит! Я...

— Я сказал — забудь! Старик, нам известно, что ты в таких делах хуже всякой деревенщины. Мы о тебе ведь все знаем. Лоренцо, твой ужас перед марсианами такой же детский и иррациональный, как страх перед змеями или пауками. Это мы предусмотрели, все будет хорошо. Так что — забудь.

— Ну, хорошо. — Я не очень-то поверил, но все же то, что, можно сказать, болело, теперь только чесалось. «Деревенщина»! Надо же! Да вся моя публика состоит из деревенщины! Поэтому я решил промолчать.

Дак пододвинул коммуникатор и, не прибегая к помощи специального устройства для глушения звука, сказал:

— Одуванчик — Перекати полю. План «Клякса» отменяется. Действуем по плану «Марди Грас».

— Дак! — позвал я, когда он отключился.

— Мне некогда. Надо уравнять орбиты. Стыковка может получиться грубоватой, времени для маневрирования нет. Поэтому помолчи и перестань отрывать меня от дела.

Стыковка действительно вышла довольно грубой. К тому времени когда мы очутились внутри космического корабля, я уже был рад снова испытать прелести свободного падения. Тошнота при перегрузках ничуть не лучше тошноты от невесомости. Но состояние свободного падения продолжалось не более пяти минут. Те три парня, что должны были возвращаться на «Деяния», в ту минуту, когда мы с Даком вплыли в шлюз корабля, уже были там. Дальше все смешалось в моей памяти. Уверен, что по натуре я настоящий жук-землеед, так как совершенно теряю ориентацию, когда разница между полом и потолком исчезает. Кто-то крикнул:

— А где он?

Ему ответил Дак:

— Тут.

Тот же голос воскликнул:

— Вот этот? — таким тоном, будто он глазам не верил.

— Он, он, — отозвался Дак, — только он в гриме. Да ты не беспокойся, все будет в порядке. Помоги мне заложить его в «давильню».

Чья-то рука схватила меня за кисть и потащила по узкому коридору в одну из кают. Вдоль стены, почти впритык к ней, стояли две койки для перегрузок, иначе именуемые «давильнями» — похожие на ванны сосуды с равномерным распределением давления, при-

меняемые при больших ускорениях на кораблях дальнего радиуса действия. Я-то их раньше никогда в натуре не видел, но в пьесе «Нашествие на Землю» у нас были довольно приличные макеты.

На стенке, прямо над койками, была выведена по трафарету надпись: «ВНИМАНИЕ! ПРИ ПЕРЕГРУЗКАХ БОЛЬШЕ ДВУХ «г» ОБЯЗАТЕЛЕН АНТИПЕРЕГРУЗОЧНЫЙ КОСТЮМ. ПРИКАЗ...»

В эту минуту меня развернуло вокруг собственной оси, надпись исчезла из поля зрения до того, как я успел ее дочитать, и тут же кто-то впихнул меня в «давильню». Дак и другой парень привязали меня ремнями безопасности, и вдруг где-то совсем рядом страшно завыла сирена. Она выла несколько секунд, потом ее сменил рев человеческого голоса:

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ТРИ МИНУТЫ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ТРИ МИНУТЫ!

Сквозь этот шум я слышал, как Дак требовательно выспрашивал кого-то:

— Проектор подготовлен? Пленки доставлены?
— Конечно, конечно.

— Где шприц? — Дак проплыл надо мной и сказал: — Слушай, старина, мы сделаем тебе укол. Ничего такого в нем нет. Туда входит нульграв и стимулятор, потому как тебе придется пободрствовать и начать учить свою роль. У тебя сначала появится жжение в глазах, да еще, может, чесаться начнешь, а больше тебе ничего не грозит.

— Подождите, Дак, я...

— Времени нет. Мне еще надлежит раскочегарить эту стальную коробку. — Он оттолкнулся и исчез за дверью раньше, чем я успел ему возразить. Его помощник закатал мне левый рукав и прижал инъекционный пистолет к коже, так что я получил дозу, даже не успев опомниться. Потом исчез и помощник. Всю сирены вновь уступили место голосу:

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ДВЕ МИНУТЫ!

Я попытался оглядеться, но наркотик затуманил мне зрение. Глазные яблоки начали гореть, заныли зубы, возникло непреодолимое желание почесать спину. Однако ремни безопасности не оставили мне даже надежды добраться до нужного места, что, вероятно, спасло мою руку от перелома в момент начала перегрузок. Снова прекратился вой сирены, и на этот раз раздался уверенный баритон Дака:

— Последнее предупреждение! Двойное ускорение. Через минуту! Всем бросить заниматься чепухой и устроиться поудобнее на своих жирных задницах! Мы отправляемся!

На этот раз вместо воя сирены послышалась запись «К звездам» Акрезиана, опус 61, си-мажор. Это была весьма спорная версия Лондонского симфонического, где в четырнадцатом цикле все заглушается тимпанами. В моем состоянии — измученный, замороченный, да еще напичканный наркотиком — музыка не вызывала особых эмоций — ведь попав в реку, трудно ждать наводнения.

Тут в каюту вплыла русалка. Конечно, чешуйчатого хвоста у нее не было, но это отнюдь не мешало ей походить на русалку. Когда мои глаза стали видеть получше, я обнаружил, что она отнюдь не дурна, наделена весьма пышной грудью, одета в шорты и безрукавку. А то, как она вплыла в каюту головой вперед, выдавало наличие у нее достаточного опыта пребывания в невесомости. Она взглянула на меня без улыбки, улеглась в другую «давильню» и крепко уцепилась за подлокотники — возиться с ремнями безопасности она не стала. Музыка поднялась крещендо, и я почувствовал, что становлюсь тяжелее.

Вообще-то двойная сила тяжести не столь ужасна, особенно когда лежишь в гидравлической койке. Пленка обивки «давильни» постепенно натягивается, охватывает вас и обтягивает каждый квадратный дюйм вашего тела, как бы поддерживая его на весу. Я чувствовал себя все тяжелее, труднее стало дышать. Мне, разумеется, приходилось слышать про пилотов, выдерживающих десятикратные перегрузки и тем самым разрушающих себя, я не сомневаюсь в правдиво-

сти этих рассказов, но двойная перегрузка, перенесенная в «давильне» просто расслабляет и делает неспособным к движению.

Прошло какое-то время, прежде чем я обнаружил, что громкоговоритель на потолке обращается непосредственно ко мне:

— Лоренцо! Как себя чувствуешь, приятель?

— Ничего. — Усилие вызвало одышку. — Как долго будет продолжаться это безобразие?

— Примерно пару суток. — Должно быть, я застонал, так как Дак расхохотался: — Не дрейфь, приятель! Мой первый полет на Марс продолжался тридцать пять недель и каждая минута этого времени — в свободном полете по эллиптической орбите. Ты-то будешь прохладжаться вроде бы в номере люкс, при жалких двух силах тяжести, всего пару дней, да еще с отдыхом в виде одного «г» при торможении. Да с тебя, счастливчика, деньги за это брать надо!

Я начал было излагать ему в отборных идиоматических выражениях, присущих сборищам любителей «травки», что я думаю о его юморе, да вовремя вспомнил о присутствии дамы. Мой папаша говоривал мне, что женщина может извинить все что угодно, включая изнасилование, но никогда не прощает непечатных выражений. Лучшая половина рода человеческого очень чувствительна к символике, что весьма странно, учитывая практическость женщин во всех других отношениях. Во всяком случае, я никогда не позволяю себе произносить неприличные слова, если нахожусь в пределах слышимости дамских ушей, не позволяю с тех пор, как получил по губам тыльной стороной могучей папашиной руки. Да уж, папаша мог дать десяток очков вперед самому профессору Павлову по части воспитания условных рефлексов.

Дак опять заговорил:

— Пенни! Ты тут, милочка?

— Да, капитан, — ответила лежавшая рядом со мной.

— Ладно, тогда посади-ка его за домашние уроки. Я подгребу к вам, как только заставлю эту консервную банку катиться в нужном направлении.

— Слушаю, капитан. — Она повернула лицо ко мне и сказала глубоким, чуть хриплым контратальто: — Доктор Капек советует вам расслабиться и несколько часов посмотреть кино. Я же буду отвечать на вопросы, которые у вас могут возникнуть.

Я вздохнул:

— Наконец-то появился кто-то, готовый отвечать на вопросы.

Она промолчала, с некоторым усилием протянула руку и повернула выключатель. Свет в каюте погас, раздался шум, и перед моими глазами возникло стереоскопическое изображение. Фигуру в центре его я сразу узнал — как узнал бы ее каждый из миллиардов граждан нашей Империи. Я узнал бы его где угодно — и тут я понял, как тонко и безжалостно Дак Бродбент заманил меня в ловушку.

Да, это был тот самый мистер Бонфорт — Достопочтенный Джон Джозеф Бонфорт — бывший Верховный Министр, лидер лояльной оппозиции, глава Экспансионистской партии — самый обожаемый и самый ненавидимый человек во всей Солнечной системе.

Пораженный внезапным открытием, я пришел, как мне показалось, к неопровергимым выводам. Бонфорт пережил три покушения на свою жизнь, во всяком случае так нам сообщали средства массовой информации. В двух из них ему удалось уцелеть только чудом. А если предположить, что чуда не было? Если предложить, что все покушения были удачны? Что милому старому дядюшке Бонфорту каждый раз удавалось подставить вместо себя кого-то другого?

Так ведь можно извести целиком неплохую актерскую труппу.

Глава 3

С политикой я никогда не связывался. Папаша вечно меня предостерегал. «Держись, Ларри, от нее по дальше, — проникновенно говоривал он, — известность, которую ты приобретешь таким путем — это дурная известность. Настоящий мужик ее уважать не станет». И поэтому я никогда даже не голосовал, в том числе и после принятия 98-й поправки к Конституции, которая облегчила голосование кочующим (понятие, которое включает, разумеется, большую часть представителей нашей профессии).

Однако поскольку какие-то политические взгляды у меня все же были, то они, конечно, никак в пользу Бонфорта не склонялись. Я считал его человеком опасным, может быть, даже где-то предателем человечества. Идея занять его место и быть убитым вместо него выглядела для меня, как бы это выразиться, мало-привлекательной, что ли...

Но... роль-то какова!

Я однажды играл главную роль в «L'Aiglon»*, играл и Цезаря в тех двух единственных пьесах, которые достойны поместить это имя в своих названиях. Но сыграть такую роль в жизни — это может понять

* «Орленок» — пьеса Эдмона Ростана (прим. ред.).

только человек, согласившийся добровольно занять место другого на гильотине просто ради счастья сыграть хоть бы в течение нескольких минут совершенно потрясающую роль — ради неистового желания создать высокое, совершенное творение искусства.

Я подумал о том, кто же были мои коллеги, что не смогли преодолеть искушение в тех — более ранних — случаях. Ясно одно — это были настоящие артисты — хотя сама их анонимность стала единственным результатом успеха их воплощения. Я попытался вспомнить, когда произошло первое из покушений на жизнь Бонфорта и кто из моих сотоварищей, обладавших нужным уровнем таланта для исполнения этой роли, умер или пропал без вести в это же время. Ничего у меня не получилось. Во-первых, я недостаточно хорошо знал детали современной политической истории, а во-вторых, артисты исчезают из виду с обескураживающей частотой — эта профессия полна случайностей даже для самых лучших из нас.

И тут я обнаружил, что внимательнейшим образом слежу за поведением своей модели.

Я понял, что хочу сыграть его. Черт побери, да я бы мог сыграть его даже с привязанным к ноге ведром, даже во время пожара на сцене! Начать с того, что никаких трудностей с фигурой не возникало. Бонфорт и я запросто могли бы обменяться костюмами, и те сидели бы на нас без морщинки. Эти ребятки заговорщики, что так ловко уволокли меня с Земли, придавали, по-видимому, слишком большое значение физическому сходству, а оно само по себе ничего не решает, если не подкреплено искусством актера, и уж вовсе не должно быть таким близким, если актер талантлив и знает свое дело. Впрочем, признаю — повредить делу оно не может, и их дурацкая возня с компьютером совершенно случайно привела к настоящему артисту и к тому же по фигуре и росту почти двойнику этого политического деятеля. Профиль у нас был схож, даже пальцы одинаково длинны, тонки и аристократичны. А руки куда сложнее «сыграть», не жели лицо.

Изобразить хромоту (судя по всему, результат одного из ранних покушений) было просто пустяком. Достаточно было посмотреть на него несколько минут, чтобы, поднявшись с постели (при одном «г», естественно), ходить так же, как он, при этом делать это совершенно автоматически. Тоже и с почесыванием кадыка, поглаживанием подбородка и с еле заметным тиком, которым сопровождалось начало каждой новой фразы, — все это сразу запало мне в память, подобно тому, как вода всасывается в песок.

Я мог бы сыграть его на сцене или произнести за него речь уже через двадцать минут. Но роль, которую я собирался сыграть, как я понимал, должна быть чем-то гораздо большим, нежели простое подражание. Так намекнул, что мне предстоит убедить людей, знавших его лично, может быть, даже интимно. Это куда труднее. Пьет ли он кофе с сахаром или без? Если кладет сахар, то сколько? Какой рукой зажигает сигарету и как ее держит? Я получил ответ на последний вопрос, даже не успев сформулировать его, и спрятал его в глубинах памяти. Объект подражания, сидевший передо мной, так раскурил сигарету, что стало ясно — он начал пользоваться спичками и вышедшими из моды сортами сигарет задолго до того, как сам вступил на стезю так называемого прогресса.

Хуже всего то, что человек — отнюдь не простая сумма привычек и мнений. Эта сумма поворачивается к каждому человеку, с которым знакома, каким-то своим боком. А это значит, что для успешного подражания двойник должен меняться для каждой индивидуальной «аудитории» — для каждого знакомого он обязан играть по-особому. Это не только трудно, это статистически невозможно. А ведь из-за одной такой мелочи может рухнуть все дело. Какие общие интересы связывали ваш прообраз с неким Джоном Джонсоном? А с сотней, с тысячью Джонов Джонсонов? Откуда это знать двойнику?

Игра на сцене, как и другие виды искусства, строится прежде всего на процессе абстрагирования, на выделении лишь нескольких ведущих черт. Но для двойника важнейшей может стать любая черта. Любая

мелочь, ну, например, то, что он не поперчил салат, может испортить все дело.

И тут я мрачно, но вполне обоснованно подумал, что мне не придется напрягаться слишком долго — может быть, всего лишь до того момента, когда наемный убийца возьмет меня на мушку.

И все же я продолжал изучать человека, которого должен был сыграть (а что еще оставалось делать?), когда дверь отворилась и раздался голос Дака, спросившего в своей обычной манере:

— Кто-нибудь дома?

Свет зажегся, трехмерное изображение исчезло, а я как будто очнулся от глубокого сна. Повернула лицо — молодая женщина по имени Пенни с трудом пыталась оторвать свою голову от гидравлической постели, а Дак стоял в дверном проеме.

Я поглядел на него с удивлением и спросил:

— Как это вам удается стоять прямо? — Та часть моего мозга, что ведает профессиональными проблемами и работает независимо от других частей, заметила как он стоит, и поместила это впечатление в картотеку с надписью: «Как стоят космолетчики при двукратных перегрузках».

Он ухмыльнулся:

— Ничего хитрого. На мне специальный корсет.

— Черта с два!

— Ты тоже можешь встать, если захочешь. Обычно мы не советуем пассажирам вылезать из гидравлических коеч, когда идем с ускорением более полутора «г» — уж слишком велики шансы, что какой-нибудь олух запутается в своих ногах и сломает одну из них. Но вообще-то два «г» — это пустяк, все равно, что снести на закорках другого человека. — Он взглянул на девушку: — Ты ему отвечаешь откровенно, Пенни?

— А он еще ничего не спрашивал.

— Вот как! Лоренцо, а я-то тебя держал за парня, любящего задавать вопросы.

Я покачал плечами.

— Не вижу в этом толку, поскольку все равно проживу недостаточно долго, чтобы насладиться вашей правдой.

— Что такое? Что-то ты скис, мой мальчик!

— Капитан Бродбент, — сказал я с горечью, — я, к сожалению, ограничен в выборе выражений присутствием этой леди. Поэтому не смогу с необходимой полнотой обсудить ваших родителей, ваши личные привычки, вашу мораль и то место, куда вы неизбежно когда-нибудь попадете. Давайте примем за данное, что я понял, в какую ловушку вы меня заманили, понял сразу же, как только увидел, кого мне придется изображать. Я удовлетворюсь одним вопросом — кто намеревается совершить покушение на Бонфорта? Ведь даже глиняный голубь для стрельбы влет имеет право знать, кто именно по нему выстрелит.

Впервые я увидел на лице Дака выражение растерянности. Затем он расхохотался так оглушительно, что две перегрузки оказались даже ему не под силу. Он сполз на пол, прислонился к переборке и с наслаждением продолжал ржать.

— Не вижу ничего смешного, — гневно сказал я.
Он перестал смеяться и вытер глаза.

— Лорри, старина, ты что, всерьез думаешь, будто я хочу тебя использовать как подсадную утку?

— Так это же и слепому ясно, — и я высказал ему свои соображения насчет предыдущих покушений.

На этот раз у него хватило ума не расхохотаться.

— Понятно. Ты, значит, предположил, что это работенка, как у пробовальщика вин при дворе средневекового короля. Что ж, придется тебя разочаровать. Тем более что твоей игре вряд ли пойдет на пользу мысль, будто тебя вот-вот укокошат, не сходя с места. Слушай, я работаю с Шефом вот уже шесть лет. И мне известно, что за все эти годы он ни разу не прибегал к услугам двойника. И еще — я дважды был свидетелем покушений на его жизнь — один раз собственно-ручно прикончил наемного убийцу. Пенни, ты с Шефом дольше, чем я. Он когда-нибудь использовал двойников?

Она холодно покосилась на меня.

— Никогда. Сама мысль, что Шеф мог бы представить вместо себя другого человека в опасной ситуации,

настолько... что я с удовольствием дала бы по физиономии этому...

— Спокойней, Пенни, — мягко одернул ее Дак. — Вам обоим предстоит общая работа, так что научись сдерживаться. Кроме того, его ошибочная догадка не так уж и глупа, если посмотреть на нее со стороны. Между прочим, Лоренцо, эту леди зовут Пенелопа Рассел. Она личный секретарь Шефа, что делает ее автоматически твоим тренером номер один.

— Счастлив познакомиться, мадемуазель.

— Не могу ответить вам тем же.

— Прекрати, Пенни, а то как бы мне не пришлось отшлепать тебя по твоей пышной попке, да еще при двукратной силе тяжести! Лоренцо! Я согласен, что изображать Джона Джозефа Бонфорта опаснее прогулки в инвалидном кресле; что и говорить, мы знаем, что несколько покушений на него чуть не закончились выплатой страховки наследникам. Но сейчас нам грозит нечто совсем иное. Дело в том, что по политическим соображениям, о которых ты вскоре узнаешь, мальчики, работающие против нас, не осмеливаются убить Шефа. Они не осмелятся убить и тебя, когда ты примешься его дублировать. Они прикончили бы меня или даже Пенни за милую душу при первом же удобном случае. Сейчас они с восторгом пришли бы и тебя, если бы смогли до тебя добраться, но стоит тебе появиться на публике в роли Шефа — и ты будешь в полной безопасности. Обстоятельства таковы, что они просто не могут позволить себе такой роскоши — прихлопнуть тебя. — Он внимательно посмотрел на меня. — Ну, что скажешь?

Я покачал головой.

— Не вполне понимаю вас.

— Ладно, потом поймешь. Дело сложное, включает в себя еще и марсианский образ мышления. А пока просто прими сказанное на веру. Остальное тебе станет ясно еще до прибытия на Марс.

И все же спокойней мне не стало. Правда, до сих пор Дак не выдавал мне отборной лжи — во всяком случае, насколько я мог судить об этом, но что он может врать распрекраснейшим образом, а еще луч-

ше — утаивать правду — в этом я имел возможность убедиться на собственном горьком опыте.

Я сказал:

— Послушайте, у меня нет никаких оснований вам доверять, а еще меньше — верить этой леди, уж вы меня, мисс, извините. Но хотя я и не питаю нежных чувств к Бонфорту, мне все же известна его репутация человека кристально честного. Когда я могу поговорить с ним лично? Когда мы доберемся до Марса?

Некрасивое, оживленное лицо Дака затуманилось.

— Боюсь, нет. Разве Пенни тебе не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Старик, именно по этой причине нам нужен двойник Шефа — они его похитили.

Голову у меня ломило, должно быть, от двойной перегрузки, а может — от моральных потрясений.

— Теперь ты понимаешь, — продолжал Дак, — почему Джок Дюбуа не хотел доверять тебе тайну, пока мы не вылетим с Земли. Это же величайшая сенсация со времен первой посадки на Луну, а мы придавили ее своими задницами и всеми силами удерживаем от распространения. Мы хотим использовать тебя до тех пор, пока не отыщем Шефа и не освободим его. Если хочешь знать, то свою работу ты уже начал. Этот корабль вовсе не «Риск», а частная яхта Шефа и одновременно его деловой офис — «Том Пейн». Что касается «Риска», то он сейчас крутится на постоянной орбите вокруг Марса, подавая позывные «Пейна», о чем знают только его капитан и старший связист, тогда как сам «Пейн» понесся к Земле, чтобы подобрать Шефу достойную замену. Начинаешь вникать, старик?

Я признался, что пока еще нет.

— Да... но послушайте, капитан, если политические противники мистера Бонфорта похитили его, то почему вы держите это в секрете? Я бы на вашем месте орал об этом со всех крыш.

— На Земле мы бы так поступили. И в Новой Батавии. И на Венере — безусловно. Но мы имеем дело с марсианами. Ты знаком с легендой о Кккахгра-ле-младшем?

— Как вы сказали? Боюсь, что нет.

— Придется тебе ею заняться. Это приблизит тебя к пониманию того, что такое марсиане. Если же кратко, то этот парень Ккках должен был появиться в определенном месте в точно назначенное время — а дело было тысячи лет назад — для получения высочайшей награды, что-то вроде посвящения в рыцари. Отнюдь не по собственной вине (как это расценили бы мы) ему не удалось прибыть вовремя. По марсианским обычаям оставалось сделать лишь одно — убить его. Но учитывая молодость и безупречный послужной список Кккаха, некие радикально мыслящие деятели внесли предложение, чтобы он вернулся туда, откуда прибыл и снова проделал бы весь путь. Но Кккахграль наотрез отказался. Он настоял на своем праве быть казненным и тем самым — очищенным, получил это право и был казнен. Благодаря этому он стал Святым и Покровителем Приличий на Марсе.

— Чушь какая-то!

— Ты так думаешь? Но ты не марсианин. Это очень древний народ, который выработал сложнейшую систему запретов и правил, охватывающую все возможные ситуации. Заядлые формалисты, это уж точно. В сравнении с ними древние японцы с их «гири» и «гиму» просто-напросто дикие анархисты. У марсиан не существует понятий «хорошо» или «плохо», а есть лишь «прилично» и «неприлично», где все к тому же возведено в квадрат или в куб, да вдобавок полито острым соусом. А говорил я тебе все это потому, что Шефа должны принять в Гнездо Кккахграля-младшего. Усек теперь?

Я все еще ничего не понимал. С моей точки зрения этот тип Кккахграль был одним из мерзейших персонажей Гиньоля*.

Бродбент же продолжал:

— Все очень просто. Наш шеф, возможно, самый крупный знаток обычаяев и психологии марсиан. Этим делом он занимался много лет. В ближайшую среду, по местному календарю, в Лакус-Сити должна состояться

* Гиньоль — спектакль, основанный на изображении злодейств, избиений и др. (прим. ред.).

церемония Усыновления. Если Шеф на ней появится, все будет о'кей. Если не появится, причем совершенно неважно, почему — его имя на Марсе предадут поруганию в каждом Гнезде от полюса до полюса, и произойдет самый неслыханный планетарный и межпланетный скандал, какой только можно вообразить. Больше того, скандал будет иметь множество последствий. Самым малым, как я предполагаю, был бы выход Марса из очень непрочного союза с Империей. Гораздо более вероятно, что начнутся волнения, будут убиты земляне, может быть, все без исключения земляне, проживающие на Марсе. В ответ примутся орудовать экстремисты из Партии Человечества, и Марс присоединят к Империи насильно. Но это случится лишь после того, как будет убит последний марсианин. И все это — следствие того, что Бонфор特 не смог явиться на церемонию Усыновления. К таким делам марсиане относятся очень серьезно...

Дак ушел так же внезапно, как и появился. Пенелопа Рассел снова включила проекционный аппарат. К сожалению, мне с большим опозданием пришла в голову мысль узнать, что именно должно удержать наших противников от моего уничтожения, если для того, чтобы опрокинуть политическую телегу, достаточно только не допустить Бонфорта (лично или в моем лице) до посещения варварской марсианской церемонии. Но спросить я забыл, возможно потому, что боялся ответа.

В общем, я опять принялся изучать Бонфорта, пристально вглядываясь в его движения и жесты, в мимику его выразительного лица, пытаясь в уме повторять интонационные особенности его речи, погружаясь в эту бесконечную и всепоглощающую бездну художественного творчества. Да, можно сказать, я уже частично влез в шкуру Бонфорта.

Но вот когда изображение переключилось на показ Бонфорта в окружении марсиан, дотрагивающихся до него своими псевдохленами, тут я запаниковал. Я так вжился в образ, что вдруг внезапно *ощутил* и прикосновение щупальца, и непереносимый для меня запах.

Я сдавленно заорал и попытался оторвать щупальца от себя:

— УБЕРИТЕ ЭТО!!!

Вспыхнул свет, изображение исчезло. Мисс Рассел смотрела на меня во все глаза.

— Что это с вами? Припадок?

Я старался унять дрожь и вновь обрести дыхание.

— Мисс Рассел... очень сожалею... пожалуйста... не надо этого... не выношу марсиан...

Она посмотрела на меня так, будто услышала нечто совершенно невероятное, но тем не менее возмутилась.

— Я же им говорила, — отчетливо и неприязненно проговорила она, — что вся эта идиотская затея гроша ломаного не стоит.

— Мне очень жаль, но это от меня не зависит...

Она не ответила и с большим трудом выбралась из «давильни». Двигалась она при двукратной перегрузке куда хуже Дака, но все же двигалась. Пенни вышла, не сказав ни слова и захлопнув за собой дверь.

Она так и не вернулась. Вместо нее в каюте появился человек в чем-то вроде огромных детских ходунков.

— Здрассьте, здрассьте, юноша, — проговорил он гулким басом. Было ему лет за шестьдесят, был он толст и лыс как колено. И не требовалось даже спрашивать его о дипломе, чтобы угадать в нем домашнего врача.

— Здравствуйте, сэр. Как поживаете?

— Неплохо. Но поживал бы еще лучше при более скромных перегрузках. — Он критически оглядел поддерживающее его сооружение. — А как вам мой самодвижущийся корсет? Может, он и не так красив, но зато снимает лишнюю нагрузку с сердца. Кстати, меня зовут доктор Капек, я личный врач мистера Бонфорта. Кто вы — мне известно. Ну, так что у вас за проблема с марсианами?

Я постарался изложить ему суть дела предельно ясно и без эмоций.

Доктор Капек кивнул:

— Все это капитан Бродбент обязан был сообщить мне гораздо раньше. В своей области капитан Бродбент вполне компетентен, но у молодых людей мышцы нередко действуют раньше, чем ум... У него настолько сильна сконцентрированность на материальном мире, что иногда это просто пугает меня. Впрочем, ничего дурного не произошло. Я попрошу вас дать согласие на сеанс гипноза. Даю слово врача, гипноз будет использован только для помощи вам в этом деле, и я ни в коем случае не затрону глубин вашего сознания. — Он вытащил из карманчика старомодные часы, которые можно считать чуть ли не вывеской его профессиональной принадлежности, и нащупал мой пульс.

Я ответил:

— Такое разрешение, сэр, я охотно дам, но боюсь, ничего не получится. Я не поддаюсь гипнозу. — Я сам в свое время учился гипнозу, давая сеансы чтения мыслей, но моим учителям так и не удалось погрузить меня в транс. Моим сеансам чуть-чуть гипноза не помешало бы, особенно в тех городах, где полиция не слишком строго следит за выполнением всех правил, которыми связала нас по рукам и ногам Ассоциация врачей.

— Вот как? Что ж, тогда нам придется обсудить другие варианты. А пока расслабтесь, лягте поудобнее, и мы сможем более подробно побеседовать о ваших проблемах.

Он все еще продолжал держать в своей руке часы, покачивая их и вращая пальцами цепочку, хотя уже перестал измерять мой пульс. Я хотел напомнить ему об этом, потому что часы отражали свет от лампы для чтения, висевшей над моим изголовьем, но потом решил, что у него, должно быть, выработалась такая нервная привычка, о которой, возможно, он и сам не подозревает, и чужому человеку вовсе нет необходимости лезть в это дело.

— Я уже расслабился, — сказал я. — Спрашивайте, о чем хотите. Если угодно, начнем с ассоциативных связей...

— А вы постарайтесь вообразить себя как бы на плаву, — ответил он тихо. — Ведь двойную силу тя-

жести переносить так трудно... верно? Я обычно в такое время стараюсь спать побольше... это содействует отливу крови от мозга... такое сонное состояние... корабль, между прочим, мне кажется, ускоряет ход... нам станет еще тяжелее... придется уснуть...

Я начал было говорить, что ему лучше бы убрать свои часы, иначе они вырвутся из его рук. А вместо этого взял да и заснул.

Когда я проснулся, то обнаружил, что другую койку для перегрузок занимает доктор Капек.

— Привет, дружок! — приветствовал он меня. — Эта дурацкая детская коляска мне осточертела, и я позволил себе вытянуться, чтобы правильно распределить напряжение.

— А что, мы вернулись к двукратному?

— А? Ну конечно. У нас сейчас перегрузка двукратная.

— Очень жаль, что я отключился. И долго это продолжалось?

— Нет, не очень. А как вы себя чувствуете?

— Отлично. Просто удивительно хорошо отдохнул.

— Да, такой побочный эффект известен. Особенно при больших ускорениях, я хочу сказать. Ну как, посмотрим картинки?

— Что ж, с удовольствием, если вам так угодно, доктор.

— О'кей! — он вытянул руку — и свет в каюте погас.

Я собрал всю волю в кулак, зная, что сейчас он начнет показывать мне марсиан. Про себя я решил, что паниковать ни за что не буду. В конце концов, бывали же случаи, когда мне удавалось притвориться, что их просто не существует. А ведь это — кино, оно никак не может мне повредить — просто в тот раз они уж очень внезапно появились.

Это действительно были стереоизображения марсиан как с Бонфортом, так и без него. И тут обнаружилось, что я могу смотреть на них как бы отвлеченно — без страха или отвращения.

Внезапно я понял, что мне приятно смотреть на них. Я издал какое-то восклицание — и Капек остановил фильм.

— Опять затруднения?

— Доктор, вы загипнотизировали меня?

— Так вы же разрешили.

— Но меня нельзя загипнотизировать!

— Весьма прискорбно это слышать.

— Но... но вам удалось! Я же не настолько туп, чтобы не заметить очевидного. — Я был поражен. — А может быть, мы еще раз прокрутим эти кадры? Мне просто не верится...

Он снова включил проектор, а я смотрел и удивлялся. Марсиане вовсе не были омерзительны, если смотреть на них без предубеждения. Их даже нельзя было назвать некрасивыми. Они обладают каким-то пикантным изяществом — ну, как китайская пагода, что ли. Это верно, что по форме они не похожи на человека, но ведь и райская птица тоже не похожа на него, а она — одно из чудеснейших явлений природы.

Я начал понимать, что их псевдочлены могут быть очень выразительны. Их неловкие движения чем-то напоминали мне поведение добродушного щенка. Теперь я знал, что всю жизнь смотрел на марсиан сквозь призму ненависти и страха.

«Конечно, — размышлял я, — к их запаху надо привыкнуть, но...» И тут я внезапно обнаружил, что я обоняю их, я ощущаю этот ни с чем не сравнимый запах — и не имею против него ровным счетом ничего! Больше того, он мне нравится.

— Доктор, — пристал я к нему, — а у проектора есть приставка для передачи запахов?

— Что? Кажется, нет. Да и как ей быть — для яхты она слишком велика.

— Нет, есть! Я же чувствую их аромат, чувствую совершенно отчетливо!

— Ах, вот оно что! — Он выглядел весьма смущенным. — Знаете, дружок, я должен повиниться перед вами, кое-что мне все же пришлось сделать, что, надеюсь, не доставит вам особого беспокойства.

— Не понимаю вас, сэр!

— Да пока мы зондировали ваш мозг, мы выяснили, что ваше невротическое отношение к марсианам во многом определяется запахом, присущим их телам. Ну, времени для внесения глубоких изменений у меня не было, так что пришлось этот запах просто заглушить. Я попросил Пенни — девицу, что занимала эту койку — одолжить мне духи, которыми она пользуется. Боюсь, дружок, что с нынешнего дня марсиане будут пахнуть для вас, как парижский парфюмерный салон. Если бы у меня было время, я бы воспользовался каким-нибудь более простым и приятным запахом — например, земляники или горячих пышек с сиропом. Однако пришлось импровизировать.

Я принюхался. Да, действительно, пахло сильными и дорогими духами. Черт побери, они и в самом деле отдавали запахом марсиан.

— Мне это нравится.

— А куда ж вам теперь деваться!

— Но вы, пожалуй, разлили тут целый флакон духов. Каюта прямо благоухает ими!

— Что? Нет-нет. Просто полчаса назад я поводил затычкой флакона у вас под носом, а потом вернул флакон Пенни, и она его унесла. — Он принюхался. — Да и запах-то уже выветрился. «Страсть в джунглях» — так написано на этикетке. По-моему, там слишком много мускуса. Я даже намекнул Пенни, что она собирается довести весь наш экипаж до любовного безумия, но она только хихикнула. — Доктор потянулся и выключил проектор. — Хватит пока. Надо заняться более важным делом.

Когда изображение погасло, вместе с ним стал слабеть и аромат, точно так же, как это бывает с приставками для запахов. Мне пришлось доказывать себе, что все это лишь мое воображение. Умом-то я это быстро усвоил, но когда несколькими минутами позже в каюту вошла Пенни, она благоухала точно марсианская.

И я пришел в полный восторг!

Глава 4

Мое дальнейшее обучение происходило в той же самой комнате. Оказалось, что она служила мистеру Бонфорту гостиной. Я совсем не спал, разве что отдыхал под гипнозом, но, по-видимому, никакой нужды в сне не испытывал. Док Капек или Пенни всегда были рядом, готовые помочь, чем можно. К счастью, человек, которого мне предстояло играть, фотографировался и снимался на пленку куда чаще, чем многие другие политические деятели, а кроме того, я пользовался всесторонней помощью близких к нему людей. Материала была масса и проблема заключалась в том, сколько его я смогу усвоить как бодрствуя, так и под гипнозом.

Не знаю, в какой момент я почувствовал, что перестал относиться к Бонфорту с предубеждением. Доктор Капек уверял — и я ему верил — что никаких внушений на этот счет под гипнозом не было. Сам я об этом не просил, а что касается Капека, то я абсолютно уверен в его щепетильности и порядочности в вопросах этики врача и гипнотерапевта. Подозреваю, что это просто результат вживления в образ — думаю, что проникся бы симпатией даже к Джеку Потрошителю, если бы мне предложили его сыграть. Взгляните на это дело глазами актера: чтобы по-настоящему вой-

ти в роль, необходимо на время стать тем человеком, которого играешь. А человек либо нравится себе, либо кончает жизнь самоубийством — другого пути тут нет.

«Понять — значит простить», а я уже начал понимать Бонфорта.

Во время торможения мы получили возможность отдохнуть при нормальной силе тяжести, как и обещал Дак. Состояние невесомости не наступало ни на минуту. Вместо включения тормозных двигателей, к чему космолетчики не любят прибегать, корабль проделал то, что Дак назвал ствосьмидесятиградусной петлей. Этот маневр позволяет двигателям работать в прежнем режиме, проделывается очень быстро и оказывает весьма странное действие на организм, как бы нарушая чувство равновесия. Называется это эффектом то ли Кориолана, то ли Кориолиса.

Все, что я знаю о космических кораблях — это то, что те из них, которые взлетают с Земли, хоть и являются настоящими ракетами, но вояжеры их зовут «чайниками» из-за той напоминающей пар струи воды или водорода, с помощью которой они движутся. Их нельзя считать настоящими атомными кораблями, хотя нагрев и производится атомным реактором. Межпланетные же корабли, как, например, тот же «Том Пейн», пользуются формулой, где то ли E равно $m \cdot C$ в квадрате, то ли m равно $E \cdot C$ в квадрате. Ну словом, той штуковиной, которую изобрел Эйнштейн.

Дак изо всех сил старался разъяснить мне все это. Вероятно, это действительно интересно для тех, кто такими делами занимается. Я же, откровенно говоря, в толк не могу взять, какое дело настоящему джентльмену до таких вот вещей. По моему мнению, всякий раз, когда эти ученые парни со своими логарифмическими линейками берутся за что-нибудь, жизнь сразу же становится еще сложнее. И что им не понравилось в этом мире, каким он был раньше?

За те два часа, что мы пробыли при нормальной силе тяжести, я перебрался в личную каюту Бонфорта. Там я надел его костюм и постарался во всем походить на него, а все окружающие обращались ко мне «мис-

тер Бонфорт», или «Шеф», или (как доктор Капек) «Джозеф», чтобы помочь войти в роль.

Все, кроме Пенни. Она ни за какие коврижки не хотела звать меня мистером Бонфортом. Она вовсю старалась быть полезной, но принудить себя к этому не могла. Как божий день было ясно, что она безмолвно и безнадежно влюблена в своего босса, и что я вызываю у нее глубочайшую, совершенно нелогичную, но для нее в высшей степени естественную, неприязнь. Это обстоятельство было одинаково тяжелым для нас обоих, особенно если учесть, что мне она казалась очень привлекательной. Попробуйте-ка добиться успеха в деле, если с вами рядом постоянно находится женщина, вас презирающая! А я ей тем же ответить не мог. Очень жалел ее, хотя не могу сказать, что ее поведение меня радовало.

В общем, это было что-то вроде генеральной репетиции, так как далеко не все на борту «Тома Пейна» знали, что я не Бонфорт. Не знаю, кто именно был посвящен в историю с подменой, но расслабляясь и задавать вопросы мне разрешалось только Даку, доктору Капеку и Пенни. Я почти уверен, что глава секретариата Бонфорта мистер Вашингтон знал о подмене, но ничем этого знания не обнаруживал. Это был худощавый пожилой мулат с крепко сжатыми губами на лице мученика. Были еще двое посвященных, но они находились не на «Томе Пейне», а на «Риске» и оттуда прикрывали нас, обрабатывая текущую почту и передавая различную информацию прессе. Это были Билл Корпсмен, отвечавший в аппарате Бонфорта за связь со средствами массовой информации, и Роджер Клифтон. По правде говоря, не знаю, как определить сферу деятельности Клифтона. Может быть, заместитель по вопросам политики? Если помните, он был министром без портфеля, когда Бонфорт занимал пост Верховного Министра. Впрочем, это ни о чем не говорит. А если коротко, то можно сказать так: Бонфорт разрабатывал политику, а Клифтон контролировал ее проведение в жизнь.

Эта маленькая группа людей знала все, а если кто-нибудь еще и был в курсе, то меня не сочли

нужным уведомить об этом. Однако будьте уверены, что и другие сотрудники Бонфорта и члены команды его корабля понимали, что происходит нечто необычное, только не знали — что именно. Многие видели, как я появился на борту, но в обличии Бенни Грея. К тому времени, когда я встретился с ними снова, я был для них уже мистером Бонфортом.

У кого-то хватило ума запастись настоящими средствами для гримировки, но я к ним почти не прибегал. На близком расстоянии грим всегда виден. Даже силикоплоть не обладает текстурой, присущей человеческой коже. Я ограничился тем, что придал коже более темный оттенок при помощи «Семиперма» и постарался удерживать на лице типично бонфортовское выражение. Мне, разумеется, пришлось пожертвовать большей частью своей шевелюры, а доктор Капек умертвил корни моих волос. Я не слишком огорчился — ведь актер всегда может подобрать себе нужный парик, а кроме того, я был уверен, что эта работа принесет мне такой куш, который позволит удалиться от дел на весь остаток жизни, если я, конечно, захочу этого.

С другой стороны — мне нередко приходило на ум, что этот самый «остаток» может оказаться весьма скромным — вам же знакомы эти старинные поговорки насчет человека, который слишком много знал, и про покойника, который хранит секреты лучше всех. Однако если говорить честно, то я все больше верил этим людям. Все они были чертовски славный народ, что говорило о Бонфорте не меньше, чем прослушивание его речей или просмотривание кинолент. Политик — это не только он один, как я уже начал понимать, но и команда хорошо сработавшихся людей. И если Бон福特 сам не был честен, его бы не стали окружать такие люди, как эти.

Больше всего тревог мне доставлял марсианский язык. Подобно большинству актеров, я поднабрался слов марсианского, венерианского и даже внешнеюпитерианского языков, чтобы безбоязненно оперировать ими в случае нужды — на сцене или перед кинокамерой. Но эти раскатистые или трепещущие согласные дьявольски трудны для произношения. Человеческие

голосовые связки, полагаю, не столь универсальны, как марсианские тимпаны, и в любом случае полуфонетическая передача этих звуков латинскими буквами — например «ккк», «ррр» или «жжж» имеет с реальными звуками общего не больше, чем звук «г» в слове «гну» с тем щелкающим призыхательным звуком, который издает, произнося это слово негр банту. Марсианскоe «жжж» больше всего, например, похоже на шуточное приветствие, которое иногда можно услышать в Бронксе.

По счастью, Бонфорт не отличался особыми способностями к языкам, а я все же профессионал. Мои уши слышат отлично, а голос может имитировать любой звук — от взвизга пилы, наскочившей в старом бревне на ржавый гвоздь, до кудахтанья курицы-несушки, потревоженной в своем гнезде. Что же касается марсианского, то я должен был владеть им на том же уровне, что и Бонфорт. Он работал над языком упорно, стараясь прилежанием компенсировать недостаток таланта, и каждое слово или фраза марсианского языка, ему известные, фиксировались на бобинах, чтобы он мог исправить свои ошибки.

Я тщательно изучал эти ошибки, пользуясь звукофильмом, перенесенным в его офис, а Пенни сидела рядом, разбирая кassetы и отвечая на мои вопросы.

Языки Земли разделяются на четыре группы: флексивные — например, англо-американский; позиционные — например, китайский; агглютинативные, как старотурецкий, и полисинтетические, примером которых может служить эскимосский. К ним теперь добавили такие дикие и непостижимые для человеческого ума структуры, как венерианский. К счастью, марсианский, в какой-то степени, имеет аналоги человеческим речевым формам. Марсианский «бейсик» — торговый язык — является позиционным, он использует лишь простейшие конкретные понятия, вроде приветствия «Я тебя вижу». «Высокий» марсианский язык относится к полисинтетическим, он очень стилизован и способен выразить каждый нюанс их крайне сложной системы поощрений и наказаний, приличий и табу. Пенни сказала, что Бонфорт мог с легкостью читать те беско-

нечные сочетания точек, которые им заменяют письменность, но из разговорных форм «высокого» марсианского умел произнести лишь несколько сот предложений.

Бог ты мой! Как же я вкалывал, чтобы выучить то, что знал Бонфорт!

Напряжение, в котором пребывала Пенни, было во много раз сильнее, чем у меня. Оба — и Дак, и она — немного знали марсианский, но вся тяжесть тренировки пала на ее плечи, так как Даку приходилось много времени проводить в рубке — гибель Джока оставила его без помощника. Мы перешли с двукратного ускорения на нормальное на те несколько миллионов миль, что остались нам для подхода к Марсу, и за все это время Дак ни разу не спускался к нам вниз. Я же с помощью Пенни разучивал сложнейший ритуал, сопровождающий церемонию Усыновления.

Я только кончил репетировать речь, в которой благодарил за оказанную мне честь быть принятым в Гнездо Кккаха, речь по своему духу несколько похожую на ту, что произносит еврейский ортодоксальный юноша, принимая на себя обязанности мужчины, только более стройную и столь же не подлежащую изменениям, как и монолог Гамлета. Я прочел ее со свойственными Бонфорту ошибками в произношении, сопровождая чтение типичным для Бонфорта лицевым типом.

Кончил и спросил:

— Ну как?

— Вполне удовлетворительно, — серьезно ответила Пенни.

— Спасибо, Кудрявенькая. — Это было прозвище, заимствованное с катушек с записями языковых уроков Бонфорта. Так он называл Пенни, когда приходил в хорошее расположение духа. Применение его в данном контексте было вполне оправданно.

— Не смейте меня так называть!

Я взглянул на нее в полном изумлении и ответил, все еще не выходя из образа:

— Что с тобой, Пенни, детка?

— И так тоже не смеите! Вы... обманщик! Фальшивка! Жалкий актеришка! — Она вскочила и опрометью кинулась прочь, что в наших условиях означало — до двери, и остановилась там, спиной ко мне, закрывая лицо руками и сотрясаясь от рыданий.

Я сделал огромное усилие, чтобы выйти из образа — втянул живот, разрешил моему собственному лицу пропустить сквозь ставшую привычной маску и своим обычным голосом произнес:

— Мисс Рассел! — Она перестала плакать, резко обернулась, посмотрела на меня, и рот ее раскрылся от удивления. Я добавил, продолжая оставаться самим собой: — Подойдите ко мне и сядьте.

Сначала мне показалось, что она не подчинится, но потом она, видимо, передумала, медленно вернулась к стулу и села, сложив руки на коленях и сохраняя выражение лица маленькой девочки, решившей упрямиться до самого конца.

Я дал ей успокоиться, потом сказал:

— Да, мисс Рассел, я действительно актер. Но разве это причина, чтобы оскорблять меня?

Ее лицо по-прежнему выражало лишь упрямство.

— Как актер я здесь нахожусь для того, чтобы выполнить определенную актерскую работу. И вам прекрасно известно — какую. Вы знаете также, что меня завлекли в это дело обманом, это ведь не та работа, за которую я взялся бы с открытыми глазами, даже если бы был смертельно пьян. Я ненавижу эту работу, ненавижу куда сильнее, чем вы ненавидите меня за то, что я ее исполняю, ибо невзирая на жизнерадостные заверения капитана Бродбента, я вовсе не уверен, что выйду из этого переплета с неповрежденной шкурой, а я ею ужасно дорожу — ведь она у меня одна. Но разве это основание, чтобы делать мою работу еще более тяжелой, чем она есть на самом деле? — Она что-то пробурчала. Я резко прикрикнул: — Отвечайте!

— Это нечестно! Это непорядочно!

Я вздохнул.

— Безусловно. Более того, это почти невероятно, особенно без всемерной поддержки всех остальных

членов нашей труппы. Поэтому позовите сюда капитана Бродбента и скажите ему. И пусть все идет к чертям!

Она подняла глаза и сказала:

— О нет! Этого делать ни в коем случае нельзя!

— Это почему же? Гораздо лучше все бросить на нынешней стадии, чем довести дело до позорного провала у всех на глазах. Я, согласитесь, не могу выступать в таких условиях.

— Но... но... мы же должны... наконец, это просто необходимо...

— А почему необходимо, мисс Рассел? Из политических соображений? Так я совершенно равнодушен к политике и сомневаюсь, что вы питаете к ней такой уж глубокий интерес. Так зачем же тянуть?

— Потому что... потому что он... — Она замолчала, не в силах продолжать и задыхаясь от слез.

Я встал, обошел ее сзади и положил ей руку на плечо.

— Я понимаю. Потому что, если мы этого не сделаем, что-то, над чем он трудился долгие годы, рухнет и превратится в прах. Потому что он не в состоянии сделать этого сам, и его друзья пытаются прикрыть его и сделать это за него. Потому что его друзья верны ему. Потому что вы сами верны ему. И тем не менее вам неприятно видеть другого человека на том месте, которое по праву принадлежит только ему. Кроме того, вы наполовину потеряли голову от горя и беспокойства за его жизнь. Разве не так?

— Так.

Я еле разобрал сказанное слово. Взял ее за подбородок и поднял лицо.

— Я знаю, почему вам так тяжело видеть меня на его месте. Вы любите мистера Бонфорта. Но и я изо всех сил стараюсь помочь ему. Будь оно все проклято, женщина! Вы что же, хотите сделать мое положение в шесть раз хуже, обращаясь со мной, как с дермом?

Это ее шокировало! В какое-то мгновение мне показалось, что я сейчас схлопочу по физиономии. Потом она тихо сказала:

— Я сожалею... я очень сожалею... больше это не повторится...

Я отпустил ее подбородок и деловито произнес:

— Тогда за работу.

Она не сдвинулась с места.

— Вы можете простить меня?

— Что? Тут нечего прощать, Пенни. Вы поступали так, потому что любите его и потому что встревожены. Ну, а теперь за работу. Я должен быть уверен в каждой букве, а нам остались какие-то жалкие часы...

Я снова вошел в образ.

Она взяла кассету и вновь запустила проектор. Я еще раз просмотрел пленку и опять произнес монолог, не включая звук и синхронизируя свою речь с движением его губ. Пенни смотрела, переводя взгляд с его лица на мое, и ее черты выражали только смущение. Мы кончили, и я выключил проектор.

— Ну как?

— Великолепно.

Я улыбнулся его улыбкой:

— Спасибо, Кудрявенькая.

— Не за что... мистер Бонфорт.

Двумя часами позже мы встретились с «Риском».

Дак привел Роджера Клифтона и Билла Корпсмена в мою каюту сразу же после того, как их переправили с «Риска». Оба уже были мне знакомы по видеозаписи. Я встал и сказал:

— Привет, Родж. Рад вас видеть, Билл. — Голос мой был приветлив и обычен. На том уровне отношений, которые их связывали, быстрый перелет к Земле и обратно означал лишь кратковременную отлучку и не более того. Я прохромал вперед и протянул руку. Ускорение было меньше нормального, корабль перешел на орбиту поближе к Марсу.

Клифтон бросил на меня быстрый взгляд и подыграл мне. Он вынул изо рта сигару и тихо произнес:

— Привет, Шеф.

(Это был маленький человечек, лысый, средних лет, похожий одновременно и на адвоката, и на заядлого игрока в покер.)

— Что-нибудь произошло, пока меня не было?

— Нет, все как обычно. Папку с делами я передал Пенни.

— Отлично. — Я повернулся к Биллу Корпсмену и тоже протянул руку.

Он ее не принял. Вместо этого подбоченился, оглядел меня с головы до ног и присвистнул.

— Поразительно! Думаю, у нас есть шанс справиться с ситуацией. — Он снова оглядел меня и сказал: — А ну-ка, повернись, Смизи! И пройдись немножко. Хочу проверить, как ты ходишь.

Я ощущал такое раздражение, которое, вероятно, ощущал бы сам Бонфор特, если бы с ним обошлись так же нахально. Разумеется, раздражение отразилось на моем лице.

Дак тронул Корпсмена за рукав и тихо сказал:

— Остынь-ка, Билл. Ты что, не помнишь, о чем мы договорились?

— Чушь собачья! — ответил Корпсмен. — Каюта звуконепроницаема. Все, что я хочу — это проверить его. Смизи, как твой марсианский? Можешь болтануть на нем?

Я ответил ему многосложным словом на «высоком» марсианском, которое имело значение «Правила хорошего тона требуют, чтобы один из нас покинул комнату», но глубинный смысл куда серьезнее — он означал вызов, который, как правило, кончался уведомлением одного из Гнезд о преждевременной смерти его сочлены.

Не думаю, чтобы Корпсмен понял, так как он ухмыльнулся и ответил:

— Что ж, должен признаться, что ты не разочаровал меня, Смизи. Сделано недурственно.

Дак, однако, понял все. Он взял Корпсмена за руку и произнес:

— Билл, я уже просил тебя оставить этот тон. Ты находишься на моем корабле и рассматривай эту просьбу как приказ. Мы договорились, что с этой минуты и до конца мы все участники одного представления.

Корпсмен ответил ему злым взглядом, потом пожал плечами.

— Ладно-ладно. Я просто проверял, идея-то была моя. — Он криво улыбнулся и сказал: — Привет, мистер Бонфорт. Рад вашему возвращению.

Он сделал чуть большее, чем следовало бы, ударение на слове «мистер», но я оставил это без внимания:

— Приятно снова оказаться меж друзей, Билл. Есть какие-нибудь важные новости, которые мне нужно знать, прежде чем мы двинемся дальше?

— Пожалуй, ничего выдающегося. Пресс-конференция в Годдард-Сити состоится сразу же после церемонии.

Я видел, что ему любопытно, как я к этому отнесусь. Я кивнул:

— Что ж, хорошо.

Дак быстро вмешался:

— Слушай, Родж, это еще зачем? Разве в этом есть необходимость? С тобой это согласовано?

— Я вынужден добавить, — ответил Корпсмен, поворачиваясь к Клифтону, — пока у шкипа не начался родимчик, что я могу провести ее сам, сказав, что у Шефа ларингит после церемонии, или же ограничить ее ответами на письменные вопросы, заданные заранее, и на которые я заранее же подготовлю письменные ответы, пока идет церемония. Однако увидев, как он выглядит и как похоже разговаривает, я посоветовал бы рискнуть. Как вы насчет этого... мистер Бонфорт? Сможете провернуть?

— Нет проблем, Билл. — Я подумал, что если на марсианской церемонии у меня не произойдет какого-нибудь сбоя, то я смогу морочить головы целой своре земных репортеров столько времени, сколько они будут способны выдержать. К этому времени я уже хорошо овладел лексикой Бонфорта и имел общее представление о его политических взглядах и предпочтениях, а в детали мне ведь вникать не требовалось.

Но Клифтон развел руками. Однако прежде, чем он успел вмешаться, чей-то голос сказал по переговорному устройству:

— Капитана просят в рубку управления. Готовность минус четыре минуты.

Дак бросил:

— Ладно, в остальном разбирайтесь сами. А мне надо загнать эту банку на надлежащую полку, на подхвате же никого нет — один молодой Эштейн. — И он кинулся к двери.

Корпсмен крикнул:

— Слушай, шкил! Мне надо сказать тебе... — И тоже исчез за дверью, даже не попрощавшись.

Клифтон прикрыл дверь, которую Корпсмен оставил открытой, вернулся к нам и медленно заговорил:

— Вы хотите рискнуть с этой конференцией?

— Решаете вы. Черную работу делаю я.

— Ммм... Тогда я склонен рискнуть, если мы воспользуемся практикой письменных вопросов с заранее подготовленными ответами. Но я сам проверю ответы Билла, прежде чем передать их вам.

— Отлично. — Потом я добавил: — Если вы найдете возможность дать мне их минут за десять или около того до конференции, то никаких трудностей не будет. Я учу быстро.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Охотно верю, Шеф. Хорошо, я попрошу Пенни передать вам ответы сразу же после церемонии. Потом вы извинитесь, что вам нужно в туалет, и пробудете там столько, сколько будет нужно.

— Этого достаточно.

— И я так думаю. Да... должен сказать, что увидев вас, я почувствовал себя куда увереннее. Чем-нибудь могу вам быть полезен?

— Думаю нет, Родж. Впрочем, один вопрос есть. О Бонфорте есть новости?

— Что? Ах да! И да и нет. Он все еще находится в Годдард-Сити, в этом мы уверены. Его не вывезли ни с Марса, ни за город. Тут мы их заблокировали, конечно, если допустить, что у них такие намерения были.

— Но ведь Годдард-Сити не такой уж большой город, правда? Не больше ста тысяч жителей. Так в чем же загвоздка?

— Загвоздка в том, что мы не можем признаться в том, что вы... что он, я хочу сказать, похищен. Как только мы справимся с проблемой усыновления, мы

сможем спрятать вас, а затем объявит о похищении, будто бы совершенном сразу после церемонии. Городская администрация, конечно, в руках партии Человечества, но им придется сотрудничать с нами, особенно после того, как Усыновление состоится. И это будет самое тесное сотрудничество из всех, какие вам только приходилось наблюдать, так как им захочется найти мистера Бонфорта как можно скорее, пока все Гнезда Ккакхграля не накинулись на них и не разнесли этот городишко по камешку.

— Вот как! Я еще очень мало знаю о марсианских обычаях и о психологии марсиан.

— Как и все мы.

— Родж... мmm... А почему вы все так уверены, что он еще жив? Разве для похитителей не было бы лучше... и риска меньше... если бы они его убили? — Тут я вспомнил, как совсем недавно мне самому пришлось убедиться, что если человек решителен, то отделяться от трупа — дело пустяковое.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Но это тоже связано с марсианскими представлениями о приличиях (он употребил марсианский эквивалент этого слова). Смерть — единственная простительная причина невыполнения обязательства. Если бы Бон福特 просто убили, марсиане все равно усыновили бы его в своем Гнезде посмертно, а затем Гнездо, а возможно, и все марсианские Гнезда принялись бы мстить за него. Им вообще-то нет дела, пусть хоть вся человеческая раса будет уничтожена или вымрет, но убить того человека, который помешал Бонфорту быть усыновленным при жизни, — это уж дело совершенно иное. Такая ситуация относится к области приличий и обязательств, а они в некоторых отношениях столь автоматически определяют действия марсиан, что в соответствующих случаях о них можно говорить, как об инстинкте. Разумеется, это не инстинкт, поскольку марсиане в высшей степени разумны. Но иногда они совершают дьявольски страшные поступки. — Он нахмурился и добавил: — Иногда я очень жалею, что покинул родной мой Сассекс.

Предупреждающий вой сирены прервал наш разговор и заставил поторопиться к койкам. Дак организовал все чудесно — как только мы перешли на режим свободного падения, к нам прибыла ракета-шаттл из Годдард-Сити, и мы — все пятеро — перешли на нее, так что все пассажирские места оказались заняты, что опять-таки было результатом тонкого расчета, так как Резидент-Комиссар выразил намерение встретить меня; эту встречу удалось предотвратить лишь письмом Дака, где сообщалось, что нам нужны все пассажирские места на шаттле.

Я надеялся во время спуска получше рассмотреть поверхность Марса, поскольку из капитанской рубки «Тома Пейна» мне удалось повидать ее лишь краешком глаза, ибо предполагалось, что на Марсе я уже бывал неоднократно и демонстрировать туристское любопытство мне не следовало. Но и сейчас я увидел немногое — пилот шаттла развернул ракету так, что мы увидели Марс лишь в момент посадки, да и я все это время был занят надеванием кислородной маски.

Эта проклятая маска чуть было не испортила нам все дело. У меня не было времени с ней попрактиковаться, так как Дак об этом не подумал, а я не предполагал, что она может превратиться в проблему. В свое время мне приходилось носить и акваланг, и космический скафандр, и я считал, что это примерно то же самое. А оказалось — маска на них совсем не похожа. Модель, которую предпочитал Бонфор — она называлась «Тихий ветерок», производилась концерном Мицубиси — оставляла рот открытым, а обогащенный кислородом воздух подавался прямо в ноздри — носовой зажим, патрубок в ноздрях, трубы, идущие от каждой ноздри прямо за уши, где на затылке укреплялся смеситель. Я согласен, это превосходное изобретение, позволяющее разговаривать, есть, пить и т. д. прямо в маске, если, разумеется, к ней привыкнуть. Но я бы лично предпочел дантиста, засовывающего свои руки по локоть мне в рот.

Главная трудность овладения системой состояла в том, что нужно было научиться сознательно управлять мускулами рта и глотки. В противном случае вместо

речи получалось что-то вроде свиста кипящего чайника, ибо проклятущая маска работала на принципе разницы давлений.

К счастью, пилот, как только мы надели маски, тут же уравнял давление в каюте с марсианским, что дало мне почти двадцать минут для привыкания. Но был момент, когда я решил, что все кончено из-за простейшего дурацкого приспособления. И тогда я внушил себе, что уже сотни раз надевал эту штуковину, что привык к ней, как к своей зубной щетке. И в конце концов уверовал в это.

Даку удалось избавить нас от присутствия Резидента-Комиссара на борту шаттла, а меня — от разговоров с ним в течение целого часа, но освободиться от него полностью не удалось. Он встретил шаттл в космопорте. Отсутствие времени помешало мне пообщаться с другими людьми, так как я должен был немедленно отправиться в город марсиан. Очень трудно было представить себе, хотя это и истинная правда, что среди марсиан я буду находиться в большей безопасности, нежели среди своих согражданников. Но еще более странным было ощущение, что находишься на Марсе.

Глава 5

Комиссар Бутройд был, конечно, ставленником партии Человечества, как и весь подчиненный ему аппарат, за исключением чисто технических работников Гражданской службы. Однако Дак уверял меня, что готов поставить шестьдесят против сорока, что Комиссар никакого отношения к заговору не имеет. Дак считал его человеком честным, хоть и глуповатым. И Дак, и Клифтон полагали непричастным к заговору и Верховного Министра Кирогу. Всю вину они возлагали на подпольную террористическую группировку, сложившуюся внутри партии Человечества и называвшую себя «Активисты». Среди последних было немало в высшей степени респектабельных и богатых людей, надеявшихся на получение колоссальных барышей.

Что касается меня, то я не смог бы отличить активиста от аукциониста.

В самый момент приземления, однако, случилось нечто, заставившее меня усомниться в том, действительно ли наш приятель Бутройд так честен и глуп, как полагал Дак. Это была мелочь, но из тех мелочей, из-за которых рушатся самые хитроумные планы заговорщиков.

Поскольку я был Очень Важным Лицом, Комиссар меня встречал. Поскольку у меня не было никакого

официального статуса, кроме звания члена Великой Ассамблеи, и путешествовал я частным образом, то протокольного приема мне не полагалось. Поэтому Комиссар был один, если не считать его адъютанта и девочки лет пятнадцати.

Комиссар был мне знаком по фотографиям, да и знал я о нем вполне достаточно. Родж и Пенни проинструктировали меня очень тщательно. Мы пожали друг другу руки, я спросил, как дела с его синуситом*, поблагодарил за приятно проведенное время в прошлый приезд на Марс, перекинулся несколькими шутливыми словами с его адъютантом, на что Бонфор特, как известно, великий мастер. Затем повернулся к девочке. Я знал, что у Комиссара есть дети, знал, что одна из них девочка и примерно того же возраста. Но чего я не знал (возможно, этого не знали и Пенни с Роджем), так это того, встречался ли Бонфорт с ней раньше.

Бутройд спас меня:

— Мне кажется, вы не знакомы с моей дочерью Дейрдре? Она заставила взять ее с собой.

Ничто виденное мной на кинолентах, которые я изучал, не давало мне даже намека на то, как Бонфорт обращается с юными девицами, поэтому я принял действовать так, как, по моему ощущению, должен был бы вести себя вдовец, переступивший за пятьдесят, бездетный, не имевший даже племянницы и, вероятно, никогда в глаза не видавший ни одной девчонки-тинэйджера, но зато обладающий огромным опытом общения с людьми самого разного сорта. Я принял обхаживать ее, будто она была вдвое старше. Даже ручку чмокнул. Она зарделась и казалась вполне довольной.

Бутройд сказал снисходительно:

— Ну что ж, детка, проси что хотела. Другого случая может и не быть.

Девочка покраснела еще больше и прошептала:

* С и н у с и т — воспаление придаточных пазух носа (прим. ред.).

— Сэр, не могу ли я попросить у вас автограф? У нас все девочки в классе их собирают... У меня уже есть автограф мистера Кироги... И очень хотелось бы ваш... — И она протянула мне маленький блокнотик, который прятала за спиной.

Я почувствовал себя, как водитель коптера, у которого потребовали права на вождение машины, а он забыл их дома в других штанах. Как старательно ни обучался я подражать Бонфорту, мне и в голову не пришло научиться подделывать его почерк. Да будь оно все проклято — нельзя же усвоить все за каких-то жалких два с половиной дня!

Однако не мог же Бонфорт отказать девчурке в такой ерунде, а я был Бонфортом! Я весело улыбнулся и спросил:

— Значит, подпись Кироги у вас, говорите, уже есть?

— Да, сэр.

— Одна только подпись?

— Да, сэр. Он еще добавил «с лучшими пожеланиями».

Я подмигнул Бутройду.

— Всего только «с лучшими пожеланиями», это надо же! Таким юным леди я не пишу ничего другого, как «с любовью». Знаете, что я сделаю... — Я взял ее блокнот и перелистал его.

— Шеф! — нетерпеливо напомнил Дак. — Мы уже опаздываем!

— Успокойтесь, — сказал я, не поднимая глаз, — все марсиане мира, если нужно, обязаны уступать очередь молодым леди. — Я передал блокнот Пенни. — Запишите, пожалуйста, размеры блокнота, а потом напомните мне, что нужно подобрать фото нужного формата, подписать его по всем правилам и отправить сюда.

— Будет сделано, мистер Бонфорт.

— Вы удовлетворены, мисс Дейрдре?

— Ух ты! Еще бы!

— Отлично. Рад приятному знакомству. Комиссар, это наша машина?

— Да, мистер Бонфорт. — С шутливой досадой он покачал головой. — Боюсь, вы склонили одного из членов моей семьи в свою экспансионистскую ересь. Разве это спортивно? Все равно, что на уток охотиться с подсадной.

— Что ж, это научит вас не водить девочек в дурные компании. Верно, мисс Дейрдре? — Я снова пожал ему руку. — Благодарю вас, что встретили, Комиссар. Видимо, нам пора поторопливаться.

— Да, конечно. Очень рад был повидаться.

— Большое спасибо, мистер Бонфорт.

— Это вам спасибо, милочка.

Я медленно повернулся, стараясь не выглядеть на стерео нервным или торопливым. Кругом было полно фотографов, репортеров, стереовизорчиков и тому подобных. Билл старался не допустить к нам репортеров, и когда мы двинулись, он махнул рукой, крикнув:

— Присоединюсь к вам попозже, Шеф! — и начал разговаривать с одним из них.

Родж, Дак и Пенни пошли к машине вместе со мной. Народу в космопорту было много, меньше, чем в земных, но все же много... Мне до них дела не было — уж если Бутройд принял мою игру (хотя уверен, что среди присутствующих были несколько человек, отлично знавших, что я вовсе не Бонфорт). Но эти люди меня мало беспокоили. Никаких неприятностей доставить они не могли, не выдав себя при этом с головой.

Машина была «Роллс Аутландер» с регулируемым давлением внутри салона, но кислородную маску я снимать не стал, видя, что так поступили остальные. Я сел с правой стороны, рядом сел Родж, за ним Пенни, а Дак со своими длинными ногами притулился на откидном сиденье. Шофер посмотрел на нас через стеклянную перегородку и завел мотор.

Родж сказал тихонько:

— Была минута, когда я испугался.

— И напрасно, не надо нервничать. А сейчас помолчите, я должен повторить свою речь.

Вообще-то мне просто захотелось поглязеть на марсианский пейзаж — речь свою я и так знал отлично.

Шофер вез нас вдоль северной окраины взлетного поля космопорта мимо множества складов. Я читал вывески «Вервис Трейд Компани», «Диана Аутрайнс Лимитед», «Три Планеты», «И. Г. Фарбениндустри». Марсиан тут было не меньше, чем людей. Нам, землянам, кажется, будто марсиане движутся медленно, ну, как улитки, и это в самом деле так, но только для нашей планеты с ее большой силой тяжести. В их собственном мире они скользят на своих пьедесталах так же быстро, как умело брошенная плоская галька скользит по воде.

Направо — к югу от нас — за ровным полем космопорта уходил к странно близкому горизонту Великий Канал; его противоположный берег не просматривался. Прямо перед нами лежало Гнездо Ккакаха — сказочный город. Я вглядывался в него, и сердце мое дрожало от этой хрупкой прелести, но тут Дак неожиданно рванулся вперед.

Мы только что миновали скопление транспорта у складов, и теперь впереди виднелась только одна машина, шедшая нам навстречу. Я видел ее краем глаза, но особого внимания не обратил. А вот Дак — он, видимо, был готов к любой переделке — когда машина была уже совсем близко от нас, он рывком опустил перегородку, отделявшую нас от шофера, перегнулся через его плечо и схватился за баранку. Машину швырнуло вправо, так что она едва не задела встречную, потом опять влево, причем она чудом не соскочила с шоссе. Нам здорово повезло — космопорт мы уже миновали, и шоссе шло прямо вдоль самой бровки Канала.

Пару дней назад — в отеле «Эйзенхауэр» — я был для Дака плохим помощником, но ведь тогда у меня не было оружия, и все произошло так неожиданно. Оружия у меня не было и сегодня — даже отравленных зубов — но к передрягам я был подготовлен куда лучше. Даку и без того пришлось безумно тяжело, когда, перегнувшись через спинку переднего сиденья, он пытался вести машину. Шофер, сначала сбитый с толку, теперь изо всех сил рвал баранку из рук Дака.

Я метнулся вперед, обхватил левой рукой шею водителя и ткнул большой палец правой руки ему между ребрами.

— Только шевельнись — и тебе конец! — Голос принадлежал герою-злодею из пьесы «Джентльмен из второго рассказа», да и реплику я спер оттуда же.

Мой пленник замер.

Дак быстро спросил:

— Родж, что они там делают?

Клифтон поглядел назад и ответил:

— Разворачиваются.

Дак отозвался:

— О'кей. Шеф, держите этого типа на мушке, пока я перелезу. — Говоря это, он уже перелезал, что было делом нелегким, учитывая длину его ног и битком набитый салон автомобиля. Он уселся на место водителя и с удовлетворением произнес: — Сомневаюсь, чтобы что-то, имеющее колеса, могло обогнать «Роллс» на прямой. — Дак нажал педаль газа, и огромная машина рванулась вперед. — Как там наши дела, Родж?

— Они только-только развернулись.

— Прекрасно. А что мы сделаем с этим подонком? Выкинем его из машины?

Моя жертва дернулась и заверещала:

— Я же ничего такого не сделал!

Я еще сильнее ткнул ему под ребра пальцем, и он тут же успокоился.

— Конечно, ничего, — согласился с ним Дак, не отрывая глаз от дороги. — Все что ты сделал, это попытался организовать маленькую аварию, чтобы мистер Бонфор特 опоздал на свое свидание. Если бы я не заметил, как ты замедляешь ход, чтобы столкновение не повредило тебе, дело наверняка выгорело бы. — Он взял поворот так, что покрышки взвизгнули, а гидрокомпас еле удержал нас от падения. — Как там дела, Родж?

— Они отстали.

— Еще бы! — Дак не стал снижать скорость, и мы делали никак не меньше трехсот в час. — Интересно, удержатся ли они от желания обстрелять нас, зная, что

с нами — один из их компаний? Что ты думаешь на этот счет, парень? Не спишут они тебя как дешевку?

— Не понимаю, о чём вы! Вам еще придется за все это ответить!

— Ты так полагаешь? А как же быть с показаниями четырех добропорядочных граждан против слова подонка с тюремным прошлым? Оно же у тебя есть, верно? И в любом случае мистер Бонфор特 предпочитает, чтобы его машину вел я, так что, естественно, ты с радостью оказал ему эту ничтожную услугу — уступил мне место.

В это мгновение нас так подкинуло на каком-то камешке, случайно оказавшемся на гладкой поверхности шоссе, что мы с шофером чуть не прошибли крышу головами.

— Мистер Бонфорт! — в устах пленника это имя прозвучало как площадное ругательство.

Дак помолчал. Потом наконец сказал:

— Не думаю я, что нам следует выбрасывать его из машины, Шеф. Правильнее будет, если, после того как вы выйдете, мы отвезем его в какое-нибудь укромное местечко. Думаю, он разговорится, если на него чуть-чуть поднажать.

Шофер опять сделал попытку вырваться, но я еще сильнее сжал ему глотку и снова ткнул пальцем под ребро. Может, палец по ощущению и не так уж похож на ствол пистолета, но какой дурак захочет проверять, так ли это. Шофер расслабился и мрачно сказал:

— Ну, уж наркотики вы мне колоть не посмеете!

— Господи, конечно же, нет! — Даже сама мысль об этом, похоже, шокировала Дака. — Ведь это было бы противозаконно! Пенни, девочка, не найдется ли у тебя булавки?

— Надо думать, найдется, Дак, — голос ее звучал удивленно. Удивился и я. Любопытно, что она ничуть не испугалась, а я, признаться, сдрейфил.

— Вот и чудненько. Слушай, парень, а тебе, случай-но, никогда булавку под ногти не загоняли? Говорят, от этого раскалываются даже те, кому под гипнозом приказано молчать. Вроде бы булавка им на подсознание действует. Единственный недостаток у этого мето-

да состоит в том, что клиенты уж слишком противно кричат. Поэтому мы отвезем тебя в дюны, где ты никого, кроме песчаных скорпионов, потревожить не сможешь. А когда ты разговаришься — а теперь, парень, слушай внимательно, ибо начинается самое интересное — так вот, после того как ты разговаришься, мы отпустим тебя и ничего плохого больше не сделаем, просто отпустим на все четыре, и гуляй в город пешком. Но — ты слушай, парень, слушай — если ты будешь с нами мил и откровенен, то получишь за это приз! Мы тогда, парень, позволим тебе взять в эту прогулку кислородную маску!

Дак снова замолчал. На мгновение наступила тишина, нарушающая лишь свистом разреженного марсианского воздуха, обтекающего корпус машины. Человек может, если, конечно, у него крепкое здоровье, пройти без кислородной маски не более двухсот ярдов. И то, если повезет. Я, помнится, читал где-то об одном случае, когда человек до того как умер, отшагал целых полмили! Поэтому я бросил взгляд на спидометр и увидел, что от Годдард-Сити нас отделяют двадцать три мили.

Пленник с трудом выдавил из себя:

— Честное слово, я ничего не знаю! Мне заплатили только за аварию.

— Что ж, придется освежить твою память. — Пандус к воротам марсианского города был прямо перед нами. Дак начал сбрасывать скорость: — Тут вам выходить, Шеф. Родж, возьми-ка ты свой пистолет и освободи Шефа от заботы о нашем госте.

— Сию минуту, Дак! — Родж протиснулся мимо меня и ткнул шофера под ребро — опять же пальцем. Я подвинулся, чтобы не мешать. Дак остановил машину у пандуса.

— На четыре с половиной минуты раньше срока, — сказал он, видно, очень довольный собой. — Отличная машина. Мне бы такую. Родж, ну-ка отклонись в сторонку, ты мне мешаешь.

Клифтон послушался, и Дак очень профессионально врезал водителю ребром ладони по шее. Тот обмяк.

— Это успокоит его на время, пока вы тут. Нежелательно, чтобы марсиане стали свидетелями подобных незапланированных событий. Сверим часы.

Так мы и поступили. У меня осталось еще три с половиной минуты.

— Вам надо войти точно в назначенное время. Минута в минуту — ни раньше ни позже.

— Понятно, — ответили хором мы с Клифтоном.

— На то, чтобы добраться до ворот, требуется секунд тридцать. Как вы хотите распорядиться своими тремя минутами?

Я вздохнул.

— Попробую привести нервишки в порядок.

— Твои нервы и так в порядке. Ты пока не допустил ни единой ошибки. Бодрись, дружище! Еще два часа — и ты окажешься на пути домой, с карманами, полными денег. Это последнее испытание.

— Хорошо бы. А были и тяжелые минуты. Послушайте, Дак...

— Что?

— Выдем на минуточку. — Я вышел из машины и жестом попросил его отойти в сторону. — А вдруг я допущу ошибку? Там — внутри?

— Чего-чего? — Дак очень удивился, потом захотел, как мне показалось, не очень естественно. — Никакой ошибки не будет. Пенни говорит, что ты выучил роль назубок.

— Это-то так, но вдруг...

— Никаких «вдруг» не будет. Твое состояние мне хорошо знакомо. Я чувствовал себя точно так же, когда впервые самостоятельно вел корабль на посадку. А как приступил к маневру, так тотчас забыл все тревоги — слишком уж много было дел, так что для ошибок просто не оставалось времени.

Клифтон окликнул нас, в разряженном воздухе голос его звучал глухо:

— Дак! За временем следишь?

— Времени еще навалом. Больше минуты.

— Мистер Бонфорт! — это был голос Пенни. Я повернулся и пошел к машине. Пенни вышла и протянула руку: — Удачи вам, мистер Бонфорт.

— Спасибо, Пенни.

Родж пожал мне руку, а Дак хлопнул по плечу:

— Осталось сорок пять секунд. Пора двигаться!

Я кивнул и стал подниматься по пандусу. Оставались еще секунда-другая, когда я достиг верха, ибо могучие створки ворот откатились, как только я к ним приблизился. Я глубоко набрал в грудь воздуха... и проклял эту кислородную маску.

А потом я шагнул на сцену.

Сколько бы раз в жизни вы ни выходили на сцену — неважно, все равно в минуту, когда делаешь первый шаг, когда занавес поднимается и начинается премьера, у вас захватывает дух и замирает сердце. Да, конечно, ты знаешь свой текст. Конечно, ты просил помощника режиссера рассчитать все до точки с запятой. Конечно, ты уже сотни раз выходил на сцену. Неважно. Когда ты делаешь этот первый шаг и знаешь, что все глаза направлены на тебя, что все ждут твоего первого слова, первого жеста, может быть, даже ждут, чтобы ты ошибся, произнося свой монолог, тогда, дружище, ты ощущаешь все это всем своим естеством. Вот почему в театре необходимы супфлеры.

Я поднял глаза, увидел свою публику — и мне захотелось бежать со всех ног. Впервые за тридцать лет я почувствовал острый страх перед сценой.

Члены Гнезда заполнили все видимое мне пространство. Передо мной лежала узкая свободная дорожка, а по обеим сторонам — тысячи марсиан, стоявших плотно, как спаржа на грядке. Я помнил, что первым делом обязан пройти по самой середине дорожки до ее дальнего конца, туда, где начинается пандус, ведущий во Внутреннее Гнездо.

Я не мог сделать ни шагу. Тогда я сказал себе: «Слушай, парень, ты же не кто иной, как сам Джон Джозеф Бонфорт! Ты бывал тут десятки раз. Этот смешной народец — твои друзья. Ты находишься тут потому, что захотел этого сам, и потому, что они захотели того же. А раз так — шагай-ка ты по этой дорожке. Ать-два! Ать-два! Ну — вперед и до упора!»

Я снова стал Бонфортом. Я был дядюшкой Джо Бонфортом, весь нацеленный на то, чтобы проделать все,

что должно быть проделано ради чести и благосостояния моего народа и моей планеты и ради моих друзей марсиан.

Я снова набрал в легкие побольше воздуха и сделал свой первый шаг.

Глубокий вдох спас меня — он донес до моего носа божественное благоухание марсиан. Тысячи тысяч марсиан, плотно прижатых друг к другу, пахли так, будто кто-то вдребезги разбил поблизости целый ящик духов «Страсть в джунглях»! Уверенность в том, что я чувствую именно этот аромат, была так сильна, что я непроизвольно обернулся, надеясь увидеть рядом с собой Пенни. Мне даже почудилось, что она ободряюще сжала мою ладонь.

Я захромал по дорожке, стараясь выдерживать скорость, равную той, с которой передвигаются марсиане на своей родной планете. Толпа за моей спиной сомнулась. Время от времени какой-нибудь юный марсианчик отбегал от родителей и скользил передо мной. Под «марсианчиками» я понимаю тех, кто только недавно отпочковался — масса у них наполовину меньше, чем у взрослых, а рост и того скромнее. Они никогда не покидают Гнездо, а потому мы склонны забывать о существовании марсианчиков. Для достижения величины взрослого, полного развития мозга и восстановления родовой памяти марсианину требуется после отпочкования около пяти лет. В этот переходный период марсианина можно назвать идиотом, который учится на полуумного. Перестройка генов и регенерация, ведущая к появлению способности к Слиянию и почкованию, выводят марсиан из строя на долгое время. Одна из бонфортовских кассет содержала целую лекцию на эту тему, сопровождаемую любительской стереосъемкой.

Детишки, будучи жизнерадостными идиотиками, не подпадают под правила Приличий и всего, что с последним связано. Но зато все их просто обожают.

Двое таких ребятишек, самые маленькие и для меня абсолютно одинаковые, вдруг перестали скользить и остановились передо мной как вкопанные; они были как две капли воды похожи на глупых щенков, попав-

ших на полосу быстрого движения. Надо было или остановиться, или наступить на них.

Конечно, я остановился. Они придвинулись еще ближе, полностью заблокировав мне дорогу и, чирикая что-то друг другу, начали отращивать свои псевдочелюстей. Я, разумеется, их чириканья не понимал. Они тут же принялись ощупывать мою одежду, а их крохотные щупальца полезли в мои нарукавные карманы.

Толпа была столь плотна, что я не мог даже обойти марсианчиков. Я просто разрывался между двумя противоположными желаниями. Во-первых, они были так очаровательны, что мне захотелось порыться в карманах и поискать возможно завалявшиеся там леденцы. Но еще «первое» было знание того, что церемония Усыновления расписана заранее куда более строгого, нежели балетное представление. Если я не пройду в назначенное время эту тропу до самого конца, значит, я совершу классический грех против Приличий, что, как известно, прославило в свое время Кккахграля-младшего.

Однако ребятишки вовсе не торопились убраться с моего пути. Один из них как раз обнаружил мои часы.

Я вздохнул и чуть не потерял сознание от запаха духов. Тогда я заключил сам с собой пари. Я поспорил, что ласковое отношение к детям — явление универсальногалактическое и должно перевешивать даже соображение необходимости соблюдения строгих марсианских приличий. Я опустился на колено, чтобы стать такого же роста, как марсианчики, и стал их ласкать, похлопывая и поглаживая их чешуйчатые тельца.

Затем встал и старательно выговаривая слова, произнес:

— Вот и все пока. Мне пора идти, — чем практически истощил свой запас марсианского «бейсика».

Малыши снова прильнули ко мне, но я осторожно и нежно отставил их в сторонку и пошел между двумя рядами марсиан, несколько ускоряя шаг, чтобы наверстать упущенное время. Ни один боевой жезл не поднялся, чтобы прожечь у меня дыру в спине. Я рискнул в надежде, что мое нарушение правил Приличий не выйдет за рамки, влекущие за собой суровое

наказание. Наконец я достиг пандуса, ведущего вниз к Внутреннему Гнезду, и стал туда спускаться.

Церемония Усыновления состоит из целого набора тайнств. Почему тайнств? Да потому, что они известны лишь членам Гнезда Кккаха. Это сугубо семейное дело.

Ну посудите сами: мормон может иметь очень близких и дорогих друзей немормонов, но разве эта дружба позволит «язычнику» запросто бывать в Храме мормонов в Солт-Лейк-Сити? Такого никогда не было и быть не может. Марсиане свободно обмениваются визитами между Гнездами, но во Внутреннее Гнездо может войти только член данного клана. Даже его собрачники лишены этой привилегии. Я же имею не больше права рассказывать посторонним о церемонии Усыновления, чем член масонской Ложи о ее специфических ритуалах.

Нет, общие-то принципы, конечно, не секрет — они одинаковы во всех Гнездах, равно как одинакова и роль всех усыновляемых. Мой «крестный» — старинный друг Бонфорта — Кккахреаш — встретил меня у входа, угрожая боевым жезлом. Я потребовал, чтобы он убил меня на месте, если я повинен в каких-нибудь проступках. Сказать по правде, я этого друга не узнал, хотя и изучал его портрет досконально. Но надо думать, это он и был, раз того требовал ритуал.

Итак, поклявшись, что я стою на страже Материнства, Семейного Очага, Гражданского Достоинства и никогда не пропускаю занятий в Воскресной школе, я получил разрешение войти. Рреаш повел меня по всем инстанциям, и всюду мне задавали вопросы, и всюду я на них отвечал. Каждое слово, каждый жест были стилизованы будто в классической китайской пьесе, все держалось на зубрежке, иначе мне бы никогда не одолеть этой церемонии. Большую часть вопросов я вообще не понимал, равно как и половину собственных ответов. Просто я зазубрил на память реплики и ответы на них. Дело отнюдь не облегчалось полутормой, которую так любят марсиане и в которой я тыркался как слепой крот.

Мне как-то довелось играть с Хоуком Мантеллом — совсем незадолго до его смерти, но уже после того, как он окончательно оглох. Вот это был артист! Он даже не мог пользоваться слуховым аппаратом — слуховой нерв полностью атрофировался. Большую часть реплик он читал по губам, но это не всегда возможно. Режиссером постановки был он сам, и все действие у него было рассчитано по долям секунд. Я видел, как он, произнеся свою реплику, уходил в глубь сцены, а затем внезапно поворачивался и как будто выстреливал в партнера другой репликой — ответом на ту, которой он не слышал, но время произнесения которой он великолепно вычислял.

Тут была сходная ситуация. Я тоже отлично знал роль и играл соответственно. Если бы вся сцена провалилась, то виноват в этом был бы никак не я.

А вот что меня отнюдь не воодушевляло, так это постоянно направленные на меня поддюжины боевых жезлов. Я все время должен был уверять себя, что они все же не сожгут меня из-за одной единственной оговорки. В конце-то концов я же просто-напросто тупое человеческое существо, и учитывая это, они обязаны выставить мне проходной балл хотя бы за старание. Правда, сомнения в верности этих рассуждений у меня сохранились до самого конца.

Мне казалось, что прошло уже много дней (что было вовсе не так — вся церемония заняла точно одну девятую суточного оборота Марса, но время тянулось бесконечно), когда мы приступили к пиршеству. Не знаю, что я ел, да, может, это и к лучшему. Важно лишь одно — я не отравился.

После того как старейшины произнесли свои речи, я тоже сказал слово, благодаря за честь, которую мне оказали, а затем мне дали новое имя и мой личный жезл. Теперь я стал марсианином.

Как пользоваться жезлом, я не знал, а мое новое имя походило на звук, издаваемый испорченным водопроводным краном, но с этого мгновения оно было моим юридическим именем на Марсе, и опять же юридически я стал кровным братом самого аристократического семейства этой планеты. И все это произош-

ло спустя лишь пятьдесят два часа после того, как некий жук-землеед, оставшийся без гроша в кармане, истратил последний полуимпериал на угощение незнакомца в баре отеля «Каса-Маньяна»!

Полагаю, что это отнюдь не лишнее доказательство опасности, которой подвергаешься, приваживая к столику посторонних.

Я ушел сразу же, как только стало возможно. Дак сочинил мне небольшую речь, в которой объяснялась необходимость срочного ухода, и они отпустили меня. Я нервничал, как человек, попавший в женскую уборную на митинге Ассоциации Американских Женщин, ибо не имел ни малейшего представления о ритуалах, определяющих мое дальнейшее поведение. Я хочу сказать, что любой, самый обыкновенный мой поступок был как бы окружен плотным частоколом весьма опасных для меня обычаем, о коих я не имел ни малейшего представления. Поэтому я прочирикал свои извинения и отбыл. Рреаш и еще один старейшина сопровождали меня. По пути мне посчастливилось поиграть еще с одной парой детишек — впрочем, может быть, это были те же самые. Когда мы подошли к воротам, старейшины пожелали мне на своем квакающем английском счастливого пути и отпустили меня с миром. Ворота за моей спиной закрылись, и тогда наконец я смог перевести дух.

«Роллс» стоял на том же самом месте, где я его оставил несколько часов назад. Я подбежал к нему, дверца открылась, и я очень удивился, увидев там одну Пенни. Не могу сказать, однако, что это меня так уж разочаровало. Я крикнул:

— Эй, Кудрявенькая! Я со щитом!

— Я знала, что так и будет.

Я отдал ей шутливый салют моим жезлом и сказал:

— Зовите меня теперь Кккахджджджеррр! — И при этом произнес второй слог этого слова так, что заплевал бы первые ряды публики, если бы таковая тут, разумеется, была.

— Будьте поосторожнее с этой штукой, — сказала Пенни испуганно.

Я скользнул на переднее сиденье рядом с ней и спросил:

— А вы знаете, как с ним обращаться? — Наступила реакция, я чувствовал себя безмерно усталым и одновременно взвинченным. Сейчас мне не повредили бы рюмки три хорошего виски и толстый-претолстый бифштекс, а уж потом, может быть, проснулся бы интерес и к отзывам критики.

— Не знаю, но будьте с ним осторожны.

— Мне кажется, надо просто нажать где-то тут. — И нажал, отчего в ветровом стекле сейчас же появилась аккуратная дырка дюйма два диаметром, а машина сразу потеряла свою герметичность.

Пенни так и ахнула, а я сказал:

— Черт побери, мне очень жаль. Отложу-ка я эту штуку подальше, пока Дак не объяснит мне, что к чему.

Пенни перевела дух.

— Ладно. Ничего страшного. Только не направляйте ее куда попало. — Она тронула машину, и я понял, что Дак вовсе не единственный, кто может лихо водить автомобиль.

Ветер врывался сквозь проделанную мной дыру.

— Почему такая спешка? Мне все равно нужно время, чтобы выучить свои ответы корреспондентам. Вы привезли их? А где все остальные? — Насчет захваченного в плен водителя машины я начисто забыл — не вспоминал о нем с той самой минуты, как передо мной открылись ворота Гнезда.

— Не привезла. А остальные не смогли приехать.

— Пенни, что с вами? Что случилось?! — Я засомневался, смогу ли я провести пресс-конференцию без поддержки. А может, лучше рассказать им об Усыновлении? Тут мне ничего не придется выдумывать...

— Это из-за мистера Бонфорта... Мы нашли его!

Глава 6

До этой минуты я как-то не обращал внимания, что Пенни ни разу не назвала меня мистером Бонфортом. Просто, видимо, не могла себя заставить, поскольку я им больше не был. Я теперь опять был просто Ларри Смизи, актеришка, которого наняли, чтобы сыграть ее босса.

Я откинулся на спинку сиденья и вздохнул, а потом позволил себе расслабиться. Значит, дело это у нас все-таки получилось, и мы вышли из него с честью. Я физически ощущал, как сваливается с моих плеч этот тяжелейший груз. Я даже не подозревал, насколько он был тяжел, этот груз, пока не сбросил его. Даже моя «хромая» нога перестала ныть. Я наклонился, похлопал Пенни по руке, сжимавшей баранку, и заговорил своим собственным голосом:

— Как я рад, что все кончилось! Но мне теперь долго будет не хватать вас, дружок. Вы отличный товарищ. Однако все, даже самое лучшее, имеет конец, приходит время расставания и с самыми дорогими друзьями. Надеюсь, мы еще встретимся когда-нибудь.

— Я тоже надеюсь.

— Надо думать, как найдет какого-нибудь контрабандиста, чтобы спрятать меня на время, а потом тайком доставить на борт «Тома Пейна»?

— Этого я не знаю. — Голос ее звучал странно, я бросил на нее искоса взгляд и увидел, что она плачет. Пенни плачет? Сердце мое дрогнуло. Неужели из-за того, что мы расстаемся? В это я никак не мог поверить, хотя в душе страстно желал. Кто-нибудь, вероятно, полагает, что, благодаря красоте моего лица и безукоризненным манерам, женщины считают меня неотразимым, но грустная истина заключается в том, что огромное большинство их находит в себе силы противостоять моему обаянию. Пенни, по-видимому, это удавалось без особых усилий.

— Пенни, — сказал я быстро, — к чему эти слезы, дорогая? Так и машину разбить недолго.

— Ничего не могу с собой поделать.

— Ну хорошо... Тогда расскажите мне все. Что же все-таки случилось? Вы же сказали, что его нашли, а больше я ничего не знаю. — Внезапно мне в голову пришла ужасная, но вполне логичная мысль. — Его нашли живым, не так ли?

— Да... он жив... но они его изуродовали... — Рыдания снова сотрясли ее тело, и мне пришлось перехватить руль. Она тут же взяла себя в руки. — Извините меня.

— Может быть, вы хотите, чтобы машину повел я?

— Нет, я сейчас приду в себя. Кроме того, вы не умеете... Я хочу сказать — подразумевается, что вы не умеете водить автомобиль.

— Что?! Вот еще глупости какие! Я умею водить, а теперь уже не имеет значения, что... — И тут я замолчал, так как неожиданно понял, что значение это пока имеет, да еще какое! Если обращение этих негодяев с мистером Бонфортом было таким грубым, что оставило на нем видимые следы, то он, надо полагать, не сможет появиться на публике в таком состоянии, во всяком случае, не пятнадцать минут спустя после того, как его приняли в Гнездо Кккаха! Возможно, мне все же придется выступить на этой пресс-конференции и отбыть с Марса на глазах у почтеннейшей публики, а Бонфорта доставят на борт корабля тайком. Ну что ж, ладно, будем рассматривать это, как выход на публику после спуска занавеса. — Пенни, Дак и Родж хотят,

чтобы я еще некоторое время не выходил из роли? Мне придется выступить перед репортерами? Или нет?

— Ничего я не знаю! Не было времени, чтобы все это обговорить.

Мы приближались к складам на краю поля, и колоссальные полусфераы Годдард-Сити, похожие на гигантские мыльные пузыри, были уж совсем рядом.

— Пенни, притормозите машину и давайте поговорим всерьез. Должен же я понимать, как действовать дальше.

Водитель машины, оказывается, разговорился и я не стал спрашивать, произошло это после применения иглотерапии или обошлось без нее. Потом его отпустили на все четыре стороны, и маску не отобрали. Машина, имея Дака за рулем, тут же рванулась в Годдард-Сити. Мне просто повезло, что меня в ней не было — космонавтам не следует разрешать водить что-либо кроме космических кораблей.

Они сразу же бросились по адресу, который им дал водитель — где-то в Старом Городе, под самым первым куполом. Я думаю, это нечто вроде каменных джунглей, образующихся во всех портах мира со временем, когда финикийцы на своих парусниках впервые обогнули Африку. Там гнездятся бывшие заключенные, проститутки, торговцы наркотиками, бандиты и прочий сброд, а полицейские туда заходят лишь парными патрулями.

Информация, выжатая из водителя, оказалась верной, но устаревшей на несколько минут. В комнате явно содержался пленник, стояла койка, в которой, судя по ее виду, он провел, не вставая, более недели; на столе стоял чайник — еще горячий, а на полке завернутая в полотенце лежала чья-то старомодная челость, в которой Клифтон опознал челость Бонфорта.

Самого Бонфорта не было и в помине, равно как и его похитителей.

Дак и другие уехали, намереваясь придерживаться ранее согласованного плана, то есть оповестить о похищении, будто бы имевшем место сразу же после церемонии Усыновления, и оказать давление на Комиссара Бутройда, угрожая ему обратиться за по-

мощью к Гнезду Кккаха. И тут-то они и нашли Бонфорта.

Они просто наткнулись на него на улице, еще не покинув пределов Старого Города. У него был вид несчастного бродяги, обросшего щетиной недельной давности, грязного и явно не в своем уме. Мужчины его даже не узнали, но Пенни узнала и заставила их остановить машину.

Она снова разрыдалась, когда дошла до этой части своего рассказа, и мы чуть не врезались в колонну тягачей, волочивших грузы в один из доков, принимавших грузовые корабли.

Наиболее вероятная реконструкция того, что произошло, была такова: те парни, что были во второй машине и должны были устроить нам аварию, сообщили в свой штаб о том, что произошло, а таинственные лидеры наших противников решили, что идея похищения себя исчерпала и больше для их целей не годится. Несмотря на аргументы, высказанные в свое время Даком, я очень удивился, что они просто не убили Бонфорта. Только позже я понял насколько тоньше был их замысел, насколько больше он соответствовал их целям и насколько он был жесток — куда более жесток, чем простое убийство.

— А где же он теперь? — спросил я.

— Дак отвез его в гостиницу для космолетчиков, в куполе номер три.

— Мы тоже направляемся туда?

— Я не знаю. Родж успел только приказать, чтобы я забрала вас, а потом они тут же исчезли в служебном входе гостиницы. Ох, боюсь, нам туда ехать опасно. Ума не приложу, что делать.

— Пенни, остановите машину.

— Зачем?

— Наверняка в ней есть телефон. Мы не сделаем ни одного шага, пока не выясним — или не догадаемся сами — что нам делать. Я уверен лишь в одном — я не должен выходить из роли до тех пор, пока Дак или Родж не решат, что мне пора сгинуть. Кто-то обязан выступить перед репортерами. Кто-то должен официально отбыть на борт «Тома Пейна». Вы увере-

ны, что мистера Бонфорта нельзя подремонтировать, так, чтобы он все это проделал?

— Что? На это нет ни малейшей надежды! Вы ведь не видели, каков он сейчас!

— Верно, не видел. Но готов поверить вам на слово. Ладно, Пенни, я снова мистер Бонфорт, а вы моя секретарша. С этого мы и начнем.

— Хорошо... мистер Бонфорт.

— А теперь, пожалуйста, попробуйте соединить меня по телефону с капитаном Бродбентом.

Нам так и не удалось найти в машине список телефонов Годдард-Сити, и Пенни пришлось прибегнуть к помощи справочной, но наконец она получила номер Клуба космолетчиков. Я хорошо слышал весь разговор.

— Клуб космолетчиков. У телефона миссис Келли. Пенни прикрыла трубку ладонью.

— Мне представиться?

— Говорите правду, нам скрывать нечего.

— Говорит секретарь мистера Бонфорта, — сказала она деловым тоном. — Не у вас ли его пилот, капитан Бродбент?

— Я хорошо знаю его, милочка, — потом донесся крик: — Эй! Эй, вы, трубокуры, никто из вас не заметил, куда подевался Дак? — Пауза. Затем: — Он, оказывается, пошел в свою комнату. Сейчас я ему позвоню.

Через несколько секунд Пенни сказала:

— Шкипер, это вы? С вами будет говорить Шеф. — И отдала мне трубку.

— Дак, это Шеф.

— Какого... Где вы находитесь, сэр?

— Мы все еще в машине. Пенни заехала за мной вовремя. Дак, мне кажется, Билл назначил пресс-конференцию? Где она должна состояться?

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Я очень рад, что вы позвонили, сэр. Билл отменил пресс-конференцию. У нас тут произошли... произошли небольшие изменения в ситуации.

— Пенни мне рассказала. В общем, я таким решением доволен — уж очень устал. Я решил не оставать-

ся тут на ночь — нога сильно разболелась, и мне требуется хороший отдых в невесомости. — Я-то терпеть невесомость не мог, а Бонфорт это состояние очень любил. — Может быть, вы или Родж извинитесь за меня перед Комиссаром, ну и все такое проще?

— Мы обо всем позаботимся, сэр.

— Отлично. Как скоро вы сможете организовать для меня шаттл?

— «Эльф» уже ждет вас в порту, сэр. Если вы подъедете к воротам номер три, я позвоню — и космодромная машина будет подана прямо туда.

— Отлично. Отбой.

— Отбой, сэр.

Я отдал трубку Пенни, чтобы она вложила ее в зажим.

— Кудрявенькая, мне неизвестно, можно ли организовать подслушивание на этой волне или вся машина уже раньше была набита «жучками». В любом случае им могут быть известны два обстоятельства: во-первых, где находится Дак, а следовательно, где находится и мистер Бонфорт. И во-вторых, что я собираюсь делать дальше. Это вас наводит на какие-нибудь мысли?

Она подумала, потом вынула свой секретарский блокнот и написала: «Пожалуй, нам лучше избавиться от машины». Я кивнул, взял у нее блокнот и написал: «Далеко ли отсюда до ворот номер три?». Она ответила: «Можно добраться пешком».

Мы молча вылезли из машины и двинулись вперед. Машину мы бросили на стоянке какого-то начальника возле одного из складов. Без сомнения, ее в свое время обнаружат и вернут настоящему владельцу. Сейчас такие мелочи нас не должны были волновать.

Мы прошли около полусотни ярдов, когда я вдруг остановился. Что-то было не так. Нет, нет, не погода. День был ослепителен, солнце ярко сверкало на пурпурном небосводе Марса. Ни машины, ни пешеходы не обращали на нас ни малейшего внимания, а если и обращали, то скорее на красивую молодую женщину, а не на меня. И все же я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Что-нибудь не в порядке, сэр?

— А? Ах вот оно, значит, что!

— Сэр?

— Я перестал быть Шефом, вот что! Не в его характере пробираться тайком, как мы это делаем сейчас! Пенни, нам надо вернуться!

Она не стала спорить и послушно пошла за мной обратно к машине. На этот раз я устроился на заднем сиденье, стараясь выглядеть как можно внушительнее, и приказал ей отвезти меня к воротам номер три.

Это были не те ворота, через которые мы выезжали с космодрома. Думаю, так выбрал их по той причине, что через них проходили преимущественно не пассажиры, а грузы. Пенни пренебрегла всеми указателями и надписями и подогнала «ролс» прямо к воротам. Полисмен, охранявший вход в терминал, попытался было остановить ее, но она холодно бросила ему:

— Машина мистера Бонфорта. Будьте добры, передайте в офис Комиссара, чтобы ее забрали отсюда.

Полисмен растерялся, глянул на заднее сиденье, по-видимому, узнал меня и разрешил поставить машину.

— Наш лейтенант требует, чтобы территория перед оградой ничем не загромождалась, мистер Бонфорт, — извинился он, — но я думаю, в данном случае он не станет возражать.

— А вы можете позвонить сразу же, чтобы машину забрали, — сказал я. — Мы с моей секретаршей убываем немедленно. Что, космодромная машина за мной уже пришла?

— Сейчас узнаю у привратника, сэр. — Он ушел.

Полисмена я рассматривал как «необходимое и достаточное» количество зрителей — достаточное, чтобы удостоверить факт прибытия мистера Бонфорта в правительственный машине и его же отбытия на свою космическую яхту. Я зажал под мышкой жезл, подобно наполеоновскому маршалу, и захромал вперед с Пенни, послушно шедшей за мной в кильватере. Полицейский разговаривал с привратником, затем поспешил к нам, и лицо его расплылось в улыбке.

— Космодромная машина ждет вас, сэр.

— Большое спасибо. — В душе я поздравил себя с точным расчетом времени.

— Да, и еще... — Полицейский покраснел и торопливо добавил шепотом: — Я тоже экспансионист, сэр. Сегодня вы сделали доброе дело. — Он глянул на боевой жезл с явной завистью.

Мне было хорошо известно, как вел себя Бонфор特 в подобных случаях.

— О, благодарю вас. Желаю вам побольше нарочать ребятишек. Нам они пригодятся, чтобы завоевать прочное большинство.

Он захочтал куда громче, чем того стоила острота.

— Это вы здорово сказали! Можно мне поделиться с друзьями?

— Ради бога! — мы пошли дальше, и я ступил на порог.

Привратник тронул меня за рукав.

— Э-э-э... позвольте ваш паспорт, мистер Бонфорт.

Надеюсь, я не дрогнул ни одним мускулом лица.

— Наши паспорта, Пенни!

Она окинула привратника ледяным взглядом.

— Всеми формальностями, связанными с отлетом, занимается капитан Бродбент.

Привратник взглянул на меня и тут же отвел глаза в сторону.

— Я не сомневаюсь, что все в порядке. Но в мои обязанности входит проверка паспортов и занесение в ведомость их серий и номеров.

— А-а, понятно. Что ж, полагаю, мне придется вызвать капитана Бродбента с летного поля сюда. У моего шаттла время взлета строго фиксировано? Тогда вам придется снести с Центром управления полетами и договориться о задержке вылета.

Но Пенни, казалось, вышла из себя от гнева.

— Но это же просто чудовищно, мистер Бонфорт! Мы никогда раньше не подвергались такой проверке! Во всяком случае, на Марсе!

Тут вмешался и полисмен:

— Конечно, тут все в порядке, Ганс. В конце концов, это же мистер Бонфорт!

— Я понимаю, но...

Я прервал его с обаятельной улыбкой:

— Есть более простой выход. Если вы... кстати, как ваша фамилия?

— Хаслуонтер. Ганс Хаслуонтер, — крайне неохотно ответил он.

— Мистер Хаслуонтер, если вы позвоните Комиссару Бутройду, я поговорю с ним, и таким образом мы сэкономим время, которое придется потратить на приход сюда моего пилота — то есть мне это даст выигрыш в час или два дорогого времени.

— Хмм... мне бы этого не хотелось, сэр. Может быть, я позвоню в офис Капитана Порта? — предложил он с надеждой в голосе.

— Дайте-ка мне номер Комиссара Бутройда. Я сам позвоню ему. — На этот раз я вложил в свой тон некоторое количество льда. Мое лицо и интонация соответствовали манерам занятого и важного человека, который долго пытался быть демократичным, но его уже стала раздражать мелочная бюрократическая придирчивость нижестоящих.

Это решило дело. Привратник сказал:

— Все в порядке, мистер Бонфорд. Прямо беда с этими правилами.

— Мне ли этого не знать! Благодарю вас, — и я пошел к турникуту.

— Мистер Бонфорд! Постойте! Взгляните сюда! — Я оглянулся. Эти проклятые крючкотворы служащие задержали нас как раз настолько, чтобы пресса смогла накинуться на меня. Один из репортеров уже опустился на колено, нацеливав на меня камеру стереосъемки. Он оторвал от камеры взгляд и заорал: — Возьмите жезл так, чтобы все его видели! — Несколько других, держа в руках всевозможные орудия своего ремесла, окружили нас. Один забрался на крышу «роллса». Кто-то чуть ли не в рот пихал мне микрофон, кто-то наставлял на меня похожий на обрез микрофон направленного действия.

Я разозлился, как красавица, увидевшая в светской хронике свое имя напечатанным мелким шрифтом, но потом вспомнил, кто я такой. Улыбнулся и замедлил шаги. Бонфорд всегда учитывал, что движение пере-

дается на экране в ускоренном темпе. Мне следовало помнить об этом.

— Мистер Бонфор特, почему вы отказались от пресс-конференции?

— Мистер Бонфорт, известно, что вы намеревались потребовать от Великой Ассамблеи даровать марсианам полное Имперское гражданство. Прокомментируйте это!

— Мистер Бонфорт, когда вы намерены поставить вопрос о вотуме доверия правительству?

Я поднял руку, в которой держал боевой жезл, и усмехнулся.

— В очередь, пожалуйста! Так какой же вопрос был первым?

Все, конечно, опять заорали хором. Пока они там разбирались с вопросом о первенстве, подоспел Билл Корпсмен.

— Имейте совесть, друзья! У шефа был очень тяжелый день! Я отвечу на все ваши вопросы.

Тут я поднял руку.

— У меня найдется минута-другая, Билл. Джентльмены, я сейчас отбываю, но постараюсь ответить на самое главное из того, что вы спрашивали. Насколько мне известно, нынешнее правительство не планирует пересмотр отношений Марса с Империей. Поскольку я не имею никакого официального положения, мое мнение тут вряд ли имеет вес. Рекомендую задать этот вопрос мистеру Кироге. Что же касается того, когда оппозиция поставит вопрос о доверии, я могу только сказать, что мы не намерены этого делать, пока не будем уверены в победе. Это вы знаете не хуже меня, не правда ли?

— Немного же вы нам открываете! — выкрикнул кто-то.

— А я и не намеревался говорить вам много, — парировал я, смягчая слова улыбкой. — Задайте мне вопрос, на который я имею право ответить, и я на него отвечу исчерпывающе. Спросите меня, например, что-нибудь вроде «А-перестали-ли-вы-бить-свою-жену» и тут же получите соответствующий ответ. — Тут я слегка заколебался, вспомнив, что Бонфорт славится

своей откровенностью и честностью, особенно в отношениях с прессой. — Но я не собираюсь водить вас за нос. Вы все знаете, зачем я прибыл сюда. Давайте поговорим об этом... И если хотите, можете цитировать все, что я скажу. — Я покопался в памяти и выудил оттуда подходящий отрывок из речей Бонфорта, которые изучал. — Истинное значение того, что произошло сегодня, состоит не в том, что это величайшая честь когда-либо оказанная человеку (при этом я помахал боевым жезлом), а в том, что это доказывает возможность перебросить мост между двумя великими народами, мост через разделяющую их пропасть отчуждения. Наша раса прорвалась к звездам. Мы скоро узнаем, нет — мы уже знаем, что пока мы в меньшинстве. Если мы хотим, чтобы наше продвижение к звездам было успешным, мы должны быть честны, скромны и чисты сердцем. Мне приходилось слышать, что наши соседи-марсиане хотели бы добиться превосходства над нами и на Земле, если бы им представилась такая возможность. Это чушь — Земля не годится для марсиан. Так будем же защищать то, что принадлежит нам по праву и не станем, действуя под влиянием страха или ненависти, впадать в соблазн неразумных и скороспелых действий. Звезды не могут быть завоеваны людьми с мелкими страстишками, для этого надо быть великими, как велик сам Космос.

Один из репортеров поднял бровь:

— Мистер Бон福特, сдается мне, я уже слышал эти слова в речи, произнесенной в прошлом феврале?

— А вы услышите от меня то же самое и в следующем апреле. А так же в следующем январе, в следующем марте и во все прочие месяцы. Истины следует повторять как можно чаще. — Я оглянулся на прихватника и добавил: — Боюсь, у меня больше нет ни минуты, иначе я задержу вылет.

Я повернулся и пошел через турникет, сопровождаемый верной Пенни. Мы втиснулись в маленький, покрытый свинцовой броней автомобиль, и дверь с громким стуком закрылась за нами. Машина была с автоматическим управлением, так что мне не пришлось

брать на себя роль водителя. Я опустился на сиденье и наконец расслабился.

— Вы справились с этим просто замечательно, — серьезно сказала Пенни.

— Но я здорово испугался, когда тот парень поймал меня на повторении старой речи.

— Ничего, вы прекрасно вывернулись. Это было вдохновение в самом прямом смысле этого слова. Вы... вы... вы говорили совсем так, как сказал бы он.

— Там не было никого, кого я должен был бы называть по имени?

— Пожалуй, не было. Впрочем, если даже и были два-три человека, то они вряд ли могли ожидать к себе внимания с вашей стороны в такой суматохе.

— Да, попал я в положение! И еще этот копуша привратник со своими паспортами! Пенни, мне кажется, они должны храниться у вас, а не у Дака.

— А он их и не хранит. Мы всегда носим их при себе. — Она порылась в сумочке и достала оттуда маленькую книжечку. — Вот мой, но я не посмела предъявить его.

— Почему?

— Его паспорт был при нем, когда его похитили. Мы тогда не решились подать заявление о выдаче дубликата — это было слишком опасно.

Внезапно я ощутил смертельную слабость.

Не получив инструкций ни от Дака, ни от Роджа, я продолжал разыгрывать роль Бонфорта и на борту шаттла, и на борту «Тома Пейна». Это было легко. Я просто прыгнул в каюту хозяина и провел бесконечные омерзительнейшие часы в невесомости, грызя ногти и гадая, что же происходит сейчас там — внизу, на поверхности Марса. С помощью пиллюль от космической болезни мне в конце концов удалось уснуть тревожным сном, но это была ошибка, так как снились мне кошмары, в которых я появлялся без штанов, репортеры тыкали в меня пальцами, полисмены хватали за руки, марсиане целились из своих жезлов. И все они знали, что я подделка, и все спорили меж собой, претендую на право расчленить меня и спустить куски в канализацию.

Разбудил меня рев сирены, возвещавший о конце невесомости. Мощный баритон Дака отдавался в ушах:

— Первое и последнее предупреждение! Одна треть земной силы тяжести! Через минуту!

Я поспешил перевалиться через борт своей антиперегрузочной койки и замер. Когда появилась сила тяжести, я почувствовал себя куда как лучше. Одна треть «г» — не так уж много, почти как на Марсе, но вполне достаточно, чтобы желудок встал на место, а пол повел бы себя как пол, а не иначе.

Пятью минутами позже, когда я встал и пошел к двери, в нее постучали — и сразу же вошел Дак.

— Привет, Шеф!

— Привет, Дак! Рад снова видеть вас на борту.

— Не больше, чем я рад здесь оказаться, — ответил он устало. Потом бросил взгляд на мою койку. — Ничего, если я прилягу?

— Будьте как дома.

Он так и сделал, а потом тяжело вздохнул:

— Черт, я просто разваливаюсь от усталости. Мог бы спать без просыпа эдак с недельку... Уверен, смог бы...

— Я бы тоже не отказался. А... его вам удалось доставить на борт?

— Да. Это была та еще работенка.

— Ну еще бы... И все же наверняка ее было легче проделать тут — в таком небольшом порту. Вряд ли здесь потребовались такие хитрости, какие вам пришлось применить в Джейфферсоне.

— Что? Вовсе нет, здесь было куда труднее.

— Почему?

— Да потому, что тут все знают друг друга, и сплетни начнут распространяться сразу же. — Дак криво усмехнулся. — Мы доставили его на борт в ящике с замороженными марсианскими креветками из местных каналов. Пришлось, разумеется, даже пошлину платить.

— Дак, а как он себя чувствует?

— Ну, — нахмурился Дак, — доктор Капек считает, что Бонфорт полностью поправится — дело вроде бы только за временем. — И яростно выкрикнул: —

Если бы только добраться до этих гнусных тварей! Ты бы посмотрел, во что они его превратили, так сам бы впал в истерику и завыл от жалости! А ведь нам пришлось оставить их в покое — ради него, понимаешь ты это!

Дак и сам был на грани истерики. Я мягко спросил:

— Из слов Пенни я понял, что они его сильно покалечили. Он изуродован?

— А? Нет, ты не так понял Пенни. Если не считать того, что он чудовищно грязен и небрит, то никаких физических травм на нем не было вообще.

Я ничего не понимал.

— Я думал, они избили его. Лутили бейсбольной битой или чем-то вроде того.

— Хорошо, если б так! Два-три сломанных ребра — пустяки. Нет-нет, вся штука в том, что они сделали с его мозгом.

— Ох! — Тут уж мне действительно стало плохо. — Промывка мозгов?

— Да. Вернее, и да и нет. В их цели не входило заставить его говорить, так как никаких секретов, которые бы имели значение для политики, он не знал. Бонфорт всегда действовал открыто, и это всем хорошо известно. Вероятно они прибегали к этому средству, чтобы держать его под контролем и предотвратить всякую попытку бегства. Доктор думает, что они ежедневно вводили ему минимальную дозу, достаточную, однако, чтобы держать его в заданном состоянии, а напоследок, перед самым освобождением, вкатили ему такое количество, которое и слона превратило бы в полного идиота. Передние доли мозга пропитаны этой дрянью как губка.

Мне стало так плохо, что оставалось лишь радоваться, что до этого у меня полностью пропал аппетит. Случайно мне довелось кое-что прочесть на эту тему. Сам предмет был настолько омерзителен, что чем-то даже заворожил меня. Думаю, что в попытках изменить человеческую личность есть нечто столь аморальное и низменное, что они предстают перед нами, как Зло поистине космического масштаба. Убийство по сравнению с ним — дело «чистое», так себе — пус-

тячная эскапада. «Промывка мозгов» — термин, дошедший до нас из времен коммунистических движений Позднего Средневековья. В начале она применялась для того, чтобы сломить волю человека и изменить его сознание путем физических страданий и тонко продуманных пыток. Но на это уходили целые месяцы, и поэтому потом были открыты «лучшие» методы, в том числе и такой, который превращал человека в тупого раба буквально за несколько секунд — стоило лишь ввести ему в передние лобные доли мозга одно из производных кокаина.

Эта грязная практика была первоначально разработана для достижения вполне законных целей — для успокоения буйных больных, чтобы подготовить их к психотерапевтическому лечению. В таком качестве ее можно было рассматривать как нравственный прогресс, так как она заменяла лоботомию, а лоботомия — термин, внушающий не меньшее отвращение, чем «пояс целомудрия» — означала такое вмешательство в человеческий мозг с помощью скальпеля, когда человек переставал быть человеком, хотя его и не убивали. Да-да, именно так поступали тогда с больными людьми — не лучше, чем в глубокую старину, когда их избивали, чтобы «изгнать дьявола».

Коммунисты довели технику «промывки мозгов» с помощью наркотиков до высочайшего уровня, а когда коммунистов не стало, банды «Братьев» отшлифовали ее так, что могли с помощью ничтожно малой дозы привести людей в состояние, когда они бездумно подчинялись лидерам, а могли и накачать наркотиками так, что те превращались просто в кусок безмозглой проптапазмы — и все это во имя высшей цели — становления «Братства». В самом деле, о каком «Братстве» может идти речь, если человек упрям и хочет держать свои тайны при себе, верно? А разве есть лучший способ увериться, что он ничего против вас не замышляет, чем запустить ему иглу за глазное яблоко и ткнуть ею в мозг, введя туда препарат, превращающий его в идиота? «Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц» — вот он, вечный софизм мерзавцев!

Разумеется, в наши дни эта практика уже давным-давно считается вне закона, конечно, кроме медицины, где она применяется по специальному решению суда. Но преступники ею пользуются, да и полиция наша далеко не всегда чиста как лилия, ибо «промывка» заставляет преступника разговориться и при этом не оставляет следов. Жертве даже можно приказать забыть все, что с ней случилось.

Почти все это я уже знал ко времени, когда Дак рассказал мне о том, что сделали с Бонфортом, а остальное я извлек из бывшей на борту «Энциклопедии Батавии». Можете сами посмотреть там статьи «Психическая интеграция» и «Пытка».

Я покачал головой и постарался выкинуть оттуда эти кошмары.

— Но он поправится?

— Доктор говорит, что наркотики не изменяют структуру мозга, они ее лишь парализуют. Он утверждает, будто кровь постепенно подхватывает частицы наркотика и вымывает их из мозга. Потом они поступают в почки и таким путем уходят из тела. Но на все это нужно время. — Дак взглянул на меня. — Шеф!

— Что? А не пора ли нам расстаться с этим обращением? Он ведь вернулся.

— Именно об этом я и хочу с вами поговорить. Не будет ли для вас слишком большой обузой побывать еще некоторое время двойником Бонфорта?

— Но зачем? Ведь на борту нет никого, кроме посвященных в тайну?

— Это не совсем так, Лоренцо, хотя мы и пытались держать все в полном секрете. Значит, так: есть ты, есть я, — он считал по пальцам, — есть доктор, Родж, Билл. Ну и Пенни, разумеется. Есть еще человек по имени Лангстон, он на Земле, и ты его не знаешь. Думаю, что обо всем догадывается Джимми Вашингтон, но он даже собственной мамаше не проговорится, какой теперь час. Мы, однако, не знаем сколько людей принимали участие в похищении, хотя можно сказать с уверенностью, что их было немного. Во всяком случае, они все равно болтать не посмеют, а самое забавное, что у них сейчас нет никаких доказательств,

что похищение имело место вообще, так что если бы они даже захотели оповестить об этом весь мир, то у них ничего не выйдет. Но вот в чем беда: тут — на борту «Тома» — есть еще экипаж и полно бездельников из секретариата. Стариk, почему бы тебе еще немножко не побывать Шефом, чтобы тебя ежедневно можно было лицезреть и членам команды, и девицам Джимми Вашингтона, и всем прочим, пока он не попрavится? А?

— Ммм... Почему бы, собственно, и нет. А надолго может затянуться процесс выздоровления?

— Надо думать, до конца полета. Мы будем идти медленно, с небольшим ускорением, так что ты будешь чувствовать себя как дома.

— О'кей, Дак. Вы все эти дни, пожалуйста, не включайте в платежную ведомость. Я буду работать бесплатно, ибо от всей души ненавижу «промывку мозгов».

Дак вскочил и крепко хлопнул меня по плечу.

— Вот таких людей я уважаю, Лоренцо! И не беспокойся о гонораре, мы о тебе сами позаботимся. — Его манеры вдруг резко переменились. — Отлично, Шеф. Увидимся завтра.

Итак, карусель завертелась. Включение доз, которое произошло после возвращения Дака на корабль, означало лишь смену орбит — переход на более далекую от Марса, чтобы обезопасить себя от прибытия на шаттлах назойливых репортеров. Я проснулся в невесомости, принял таблетку и даже, хотя с трудом, позавтракал. И тут же в каюту вплыла Пенни.

— Доброе утро, мистер Бонфорд.

— Доброе утро, Пенни. — Я кивнул в сторону гостевой каюты. — Есть что-нибудь новенькое?

— Нет, сэр. Капитан свидетельствует свое почтение и спрашивает, не сочтете ли вы возможным посетить его в капитанской каюте?

— С удовольствием.

Пенни отправилась со мной. Там уже были Дак, обхвативший длинными ногами ножки стула, чтобы удержаться на месте, и Родж с Биллом — оба пристегнутые к кушетке ремнями.

Дак обвел взглядом каюту и сказал:

— Спасибо, что зашли, Шеф. Нам нужна ваша помощь.

— Доброе утро. А в чем дело?

Клифтон ответил на мое приветствие с обычной уважительностью и назвал меня Шефом. Корпсмен ограничился кивком. Дак продолжал:

— Чтобы благополучно завершить дело, вам по традиции следовало бы еще раз появиться на экранах.

— Что? Но я думал...

— Минуточку, сэр. Дело в том, что средствам масовой информации дали понять, будто вы сегодня произнесете большую речь, в которой прокомментируете вчерашние события. Родж намеревался ее отменить, но у Билла уже есть подготовленный текст. Вопрос в том — захотите ли вы выступать?

— Что ж, как говорится, если ты подобрал кошку, так непременно жди от нее котят... А где состоится выступление? В Годдард-Сити?

— О нет! Прямо в вашей каюте. Мы транслируем выступление на Фобос, там его запишут для Марса и по линии срочной связи ретранслируют в Новую Батавию, откуда запись пойдет на Землю, а также на Венеру, Ганимед и так далее. За каких-нибудь четыре часа ваша речь обойдет всю Солнечную систему, а вам и шагу из каюты ступить не придется.

В огромности аудитории есть что-то завораживающее. Мне лишь раз пришлось принять участие в аналогичной передаче, и то мою роль почти целиком вырезали, так что моя физиономия маячила на экране ровно двадцать семь секунд.

Дак посчитал, что я колеблюсь и добавил:

— Особого беспокойства это не причинит, поскольку у нас на «Томе» есть аппаратура для стереозаписи. Мы сможем просмотреть плёнку и вырезать то, что покажется неудачным.

— Ну... ладно. Текст речи у вас, Билл?

— Да.

— Дайте мне просмотреть его.

— Это еще зачем! Для этого у вас будет время перед выступлением.

— Это его вы держите в руках?

— Да, его, а что?

— Тогда позвольте мне прочесть.

Билл выглядел очень раздраженным.

— Вы получите его за час до выступления. Такие вещи производят более сильное впечатление, когда они кажутся импровизацией.

— Впечатление импровизации есть результат тщательной подготовки, Билл. Поверьте мне, ведь это моя профессия, и я знаю, о чем говорю.

— У вас вчера на космодроме получилось неплохо без всякой репетиции. В речи ничего нового нет, и я хочу, чтобы вы произнесли ее точно так же, как там.

Чем больше упрямился Корпсмен, тем больше во мне проступали черты характера Бонфорта. Думаю, Клифтон заметил, что я готов взорваться, потому что он сказал:

— О ради бога, Билл! Отдай ты ему текст, в самом деле!

Корпсмен фыркнул и швырнул мне листы. В невесомости они разлетелись по всей каюте. Пенни собрала их, сложила по порядку и передала мне. Я поблагодарил ее и стал читать.

Я просмотрел текст, затратив на это столько же времени, сколько потребовалось бы на произнесение речи. Окончив читать, поднял глаза и оглядел присутствующих.

— Ну как? — спросил Родж.

— Тут примерно пять минут на тему об Усыновлении. Остальное — аргументация в пользу политики партии Экспансионистов. В общем, очень похоже на те речи, которые вы мне давали для прослушивания.

— Да, конечно, — согласился Клифтон. — Усыновление — крюк, на который мы повесили все остальное. Как вам известно, мы собираемся в недалеком будущем поставить вопрос о вотуме доверия.

— Это-то я понимаю. Вы не можете упустить шанс и должны забить во все барабаны. Так вот, все хорошо, но...

— Что вы хотите сказать? Вам что-нибудь не нравится?

— Все дело в форме выступления. В нескольких местах требуется кое-что перефразировать. Он просто не мог бы сказать так, как это значится в тексте.

Корпсмен взорвался, произнеся слово, которое никак не следовало бы говорить в присутствии дамы, за что я смерил его ледяным взглядом.

— Послушай-ка, Смизи! — продолжал он. — Кому должно быть лучше известно, как бы сказал или не сказал Бонфорт? Тебе? Или человеку, который пишет все его речи вот уже четыре года?

Я постарался взять себя в руки. В чем-то он был прав.

— Дело в том, — ответил я, — что фраза, которая хорошо выглядит на бумаге, иногда звучит фальшиво в устной речи. Мистер Бонфорт великий оратор, это я давно понял. Он стоит в ряду с Уэбстером*, Черчилем или Демосфеном — самые высокие мысли он выражает самым простым языком. Вот, посмотрите, тут употребляется слово «бескомпромиссность», причем, даже дважды. Я, конечно, вполне способен произнести его правильно, у меня вообще слабость к многосложным словам, и я охотно демонстрирую свою эрудицию публично. Но мистер Бонфорт сказал бы «упрямство» или даже «ослиное упрямство», «тупоголовость» или нечто подобное. Причина, по которой он так поступил бы, лежит, разумеется, в том, что подобные выражения отлично передают эмоциональный настрой оратора.

— Вот что! Ты занимайся своим прямым делом — постарайся получше донести смысл речи до слушателей, а я уж как-нибудь позабочусь о словах!

— Вы не понимаете, Билл! Мне дела нет до того, правильна ли речь с политической точки зрения или нет. Но моя работа — верно передать манеру оратора. А я этого сделать не смогу, если в уста изображаемого мной персонажа будут вложены не свойственные ему выражения. Это прозвучало бы так же фальшиво, как если бы коза попробовала заговорить по-гречески. Но

* Джон Уэбстер (1500 (?) — 1625 (1634 ?)) — английский драматург (прим. ред.).

если я прочту речь, написанную теми словами, которые свойственны только Бонфорту, она автоматически произведет нужное впечатление. Он ведь великий оратор.

— Слушай, Смизи, тебя нанимали не для того, чтобы ты писал речи. Тебя нанимали...

— Полегче, Билл, — вмешался Дак. — И заодно отвыкни навсегда от всех этих «Смизи». Родж, что скажешь? Каково твое мнение?

— Насколько я понимаю, Шеф, речь идет только о нескольких выражениях?

— Да, конечно. И я бы еще предложил изъять личный выпад против мистера Кироги и намек на его спонсоров. Мне кажется, это не в духе мистера Бонфорта.

Клифтон как-то уял:

— Этот абзац я вставил сам. Но вы, вероятно, правы. Он всегда старается думать о людях хорошо. — Он на минуту задумался. — Сделайте изменения, которые сочтете нужными. Потом мы запишем выступление и просмотрим плёнку. Всегда ведь можно вырезать то, что покажется неудачным. Можно и вообще отменить выступление «по техническим причинам». — Клифтон скромно улыбнулся. — Вот так мы и сделаем, Билл.

— Будь я проклят, если это не самая наглая...

— И все же, именно так мы и поступим, Билл.

Корпсмен пулей вылетел из каюты. Клифтон вздохнул:

— Билл не терпит даже мысли, что кто-то, кроме мистера Бонфорта, будет давать ему указания. Но человек он очень дальний. Гмм... Шеф, как скоро вы будете готовы для записи? Наше время — шестнадцать ноль-ноль.

— Не знаю. Но к этому времени я буду готов.

Пенни проводила меня до кабинета. Когда она прикрыла дверь, я сказал:

— В ближайший час или около того вы мне не будете нужны, Пенни, девочка. А пока попросите, пожалуйста, у доктора еще несколько таблеток, они могут потребоваться.

— Хорошо, сэр. — Она поплыла спиной к двери. — Шеф!

— Что, Пенни?

— Я только хочу сказать, не верьте, что Билл действительно писал все *его* речи.

— А я и не поверил. Я же слышал его речи... И прочел этот... текст.

— О, конечно, Билл частенько готовил нечто вроде черновика. То же самое делал и Родж. Даже мне приходилось этим заниматься. Он... он использовал любые идеи, откуда бы они ни шли, если считал их заслуживающими внимания. Но когда он говорил речь, она была его собственной — от первого слова и до последнего.

— Я уверен в этом. Хотелось бы, однако, чтобы он подготовил и эту — заранее.

— Все будет отлично, если вы захотите.

Так я и сделал. Я начал с того, что стал заменять синонимы, вставляя грубоватые гортанные германизмы на место высоких утробных латинизмов, на произношении которых можно вывихнуть челюсть. Потом я вошел в раж, побагровел и порвал текст на кусочки. Актеру ведь часто хочется повозиться с текстом своей роли, только шансов ему почти никогда не выпадает.

Я никого не допустил к прослушиванию своей речи, кроме Пенни, и потребовал от Дака устроить так, чтобы ее нельзя было услышать где-нибудь в другой части корабля, хотя и подозреваю, что он все же обвел меня вокруг пальца и подслушал. Пенни расплакалась уже после трех первых минут, а к тому времени, когда я кончил (речь длилась двадцать восемь с половиной минут — ровно столько, сколько мне выделили), она была на грани обморока. Я, конечно, не позволил себе вольничать со славной экспансионистской доктриной, провозглашенной ее официальным пророком — Джоном Джозефом Бонфортом. Я просто заново воссоздал и речь, и манеру, в которой она произносилась, используя для этого отдельные абзацы из других его речей.

И вот ведь какая странная штука — произнося ее, я верил каждому сказанному в ней слову.

Но какая же это была роскошная речь, друзья мои!

Потом мы все вместе прослушали эту запись, сопровождаемую моим изображением в натуральную величину. Среди нас был и Джимми Вашингтон, что заставило Билла Корпсмена держаться в рамках привычий. Когда все кончилось, я спросил:

— Что скажете, Родж? Надо ли что-то вырезать?

Он вытащил изо рта сигару и ответил:

— Нет. Если вам угодно высушать мой совет, Шеф, я посоветую все оставить как есть.

Корпсмен снова выскользнул из каюты, но зато мистер Вашингтон подошел ко мне со слезами на глазах — а надо сказать, слезы в космосе в состоянии невесомости — большое неудобство, так как им некуда падать — и сказал:

— Мистер Бонфор特, это было прекрасно!

— Благодарю вас, Джимми.

А Пенни вообще не могла произнести ни слова.

После окончания прослушивания я был в полном отпаде — триумфальный исход представления всегда превращает меня в выжатый лимон. Я проспал как убитый больше восьми часов и проснулся только от воя сирены. Еще перед сном я привязался ремнями к койке — терпеть не могу в состоянии невесомости болтаться во сне туда-сюда по каюте. Так что я продолжал лежать, не двигаясь. Однако я и понятия не имел, что мы так скоро стартуем, а потому сразу же после первого предупреждения вызвал капитанскую рубку.

— Капитан Бродбент?

— Одну минуту, сэр, — услышал я голос Эпштейна.

— Слушаю, Шеф, — ответил мне тут же Дак.

Мы стартуем точно по расписанию. Согласно вашим распоряжениям.

— Что? Ах, да, разумеется.

— Думаю, мистер Клифтон сейчас зайдет к вам.

— Отлично, капитан. — Я снова откинулся на подушки и стал ждать.

Сразу же после старта, когда сила тяжести достигла одного «г», в каюту вошел Родж Клифтон. Я никак

не мог определить выражение его лица — на нем одновременно читались триумф, тревога и недоумение.

— Что случилось, Родж?

— Шеф! Они нас перехитрили! Правительство Кироги ушло в отставку!

Глава 7

Голова у меня была все еще затуманена сном, и мне пришлось как следует потрясти ею, чтобы понять, что произошло.

— Из-за чего шум, Родж? Разве не этого вы добивались все это время?

— Конечно, конечно, но... — он замялся.

— Что «но»? Ничего не понимаю. Вся ваша команда многие годы трудилась и хитрила, пытаясь добиться именно такого результата. Теперь вы его получили и почему-то разыгрываете из себя невесту, которая неожиданно потеряла уверенность в том, что ей действительно хочется идти под венец. В чем дело? Грешники вроде бы низвергнуты, праведники торжествуют. Разве не так?

— Сразу видно, что вы еще слабо разбираетесь в политике.

— Еще бы! После того как меня забаллотировали на выборах в звеньевые отряда бойскаутов, я потерял все свои амбиции.

— Тогда знайте, что правильный выбор момента действий в политике — это все!

— Мой папаша говорил то же самое. Послушайтесь, Родж, прав ли я, предположив, что вы предпочита-

ете, чтобы Кирога пока оставался у власти? Вы сказали, что он перехитрил вас.

— Попытаюсь объяснить. Мы надеялись поднять вопрос о вотуме доверия и, победив, добиться проведения всеобщих выборов, но все это в более удобное для нас время, когда мы будем полностью уверены в победе на выборах.

— Ага! А сейчас, значит, уверенности в победе у вас нет. Вы полагаете, что Кирога может обойти вас и снова встать у власти на следующие пять лет или, в крайнем случае, сохранить прочные позиции в Ассамблее?

Клифтон задумался.

— Нет, я считаю, что у нас недурные шансы на выигрыш.

— Что? Знаете, я плохо соображаю спросонья. Вы что же, не хотите победы?

— Конечно, хотим, но вы не понимаете, каковы последствия отставки правительства в данный момент.

— Действительно не понимаю.

— Видите ли, правительство, находящееся у власти, может назначить всеобщие выборы в любой день своего пятилетнего срока правления. Обычно оно выбирает для этого самый, по его мнению, подходящий момент. Однако оно никогда не уходит в отставку в промежуток между объявлением о сроке будущих выборов и самими выборами, если, конечно, его к этому не принудят. Это понятно?

Я, хоть политикой не интересуюсь, все же понял, что и в самом деле произошло нечто странное.

— Кажется, да.

— Сейчас же Кирога назначил всеобщие выборы, а затем весь его кабинет подал в отставку, оставив Империю без управления. В этом случае Императору не остается ничего иного, как поручить кому-то сформировать «переходное» правительство, которое будет функционировать до выборов. Согласно букве закона, он может поручить это любому члену Великой Ассамблеи, но если руководствоваться конституционными президентами, то никакой альтернативы у Императора нет. Когда правительство в полном составе уходит в отстав-

ку, не перераспределяя портфелей, а полностью, Император обязан поручить формирование «переходного» правительства лидеру оппозиции. Такой ход событий неизбежен, он вытекает из нашей конституционной практики, которая должна предотвратить использование угрозы отставки в качестве средства давления. В прошлом для этого прибегали к другим методам, но они приводили к тому, что правительства менялись как перчатки. Наша же нынешняя система гарантирует стабильность управления государством.

Я приложил такие усилия, чтобы вникнуть в эти детали, что чуть не пропустил следующую фразу.

— А поэтому Император, естественно, вызвал мистера Бонфорта в Новую Батавию.

— Что? В Новую Батавию? Господи! — Я подумал, что никогда еще не бывал в столице Империи. В тот раз, когда я летел на Луну, превратности моей профессии не оставили мне ни времени, ни денег на поездку в Батавию. — Так вот почему мы стартовали! Ну, что ж, я даже рад. Думаю, что у вас найдется возможность отправить меня на Землю и в том случае, если «Томми» попадет туда не скоро.

— Вот уж из-за этого вам совсем не стоит ломать голову. Да капитан Бродбент в одну минуту изыщет десяток способов переправить вас домой.

— Виноват! Я, конечно, понимаю, что сейчас у вас на уме гораздо более важные дела, Родж. Хотя, разумеется, именно сейчас, когда моя работа завершена, я бы не отказался поскорее оказаться дома. Впрочем, несколько дней или даже месяц пребывания на Луне не помешают. Меня ведь ничто не торопит. И большое спасибо, кстати, за то, что нашли время сообщить мне все эти новости. — Только тут я обратил внимание на выражение его лица. — Родж, вы чем-то дьявольски озабочены!

— Да неужели вы не понимаете?! Император вызвал мистера Бонфорта! Сам Император, человече! А мистер Бон福特 не может прибыть на аудиенцию! Они разыграли рискованный гамбит и, возможно, поставили нас перед неизбежным матом.

— Что-что? Подождите-ка минутку... Дайте сообразить... Так-так, я понимаю, о чем вы... Но постойте, мы же еще не в Новой Батавии, до нее же сто миллионов миль, или двести, или еще больше... Доктор Капек к тому времени поддается мистера Бонфорта, и тот сможет распрекрасно сыграть свою роль. Разве не так?

— Ну... во всяком случае, мы надеемся на это.

— Но вы не уверены?

— А как можно быть уверенным? По словам Капека, в медицинской практике последствия применения таких огромных доз практически неизвестны. Многое зависит от индивидуальных особенностей хода биохимических процессов и от того, какой именно препарат применялся.

И тут я вспомнил, как один сукин сын подсунул мне однажды перед представлением таблетку сильнейшего слабительного. Я, конечно, провел свою сцену, что было явной победой духа над материей, но затем добился, чтобы мерзавца прогнали с позором.

— Родж! Значит, они сделали ему это последнее вливание — дали ему совершенно ненужную чудовищную дозу вовсе не из гнусных садистских побуждений, а с целью подготовить нынешнюю ситуацию...

— Я тоже так думаю. И Капек — тоже.

— Слушайте! Но тогда за всей этой историей с похищением стоит не кто иной, как сам Кирог! Значит, Империей управляет самый обыкновенный гангстер!

Родж покачал головой.

— Совсем необязательно. И даже маловероятно. Но это означает, что те же самые силы, которые направляют действия Активистов, контролируют и аппарат партии Человечества. Однако этим силам обвинение не предъявишь — они недосягаемы и респектабельны. И тем не менее именно они могли дать Кироге сигнал — пришло время свернуть дела, залечь в кусты и притвориться мертвым — и заставить его этот приказ выполнить. Почти наверняка, — добавил он, — даже не намекнув на действительную причину того, почему именно этот момент сочтен наиболее подходящим.

— Черт побери, уж не хотите ли вы сказать, что самый могущественный человек в Империи вот так запросто сложит лапки и подчинится? Только потому, что кто-то прикрикнет на него из-за кулис?

— Боюсь, что именно так я и думаю.

Я покачал головой:

— Политика — грязная игра.

— Нет, — решительно возразил Клифтон. — Такой вещи, как грязная игра, не существует вообще. Зато часто приходится иметь дело с грязными игроками.

— Не вижу разницы.

— Разница огромная. Кирога — человек весьма заурядный, и он лишь марионетка в руках негодяев. Бонфорту же личность выдающаяся и марионеткой никогда — в буквальном смысле этого слова — не был. В бытность свою простым членом Движения он верил в его правоту, а став лидером, исходит из прочных идейных соображений.

— Поправка принята, — сказал я, извиняясь. — Ну хорошо, так как же мы поступим? Может быть, Даку следует вести «Томми» так, чтобы он еле-еле тащился, и к моменту прибытия в Новую Батавию Шеф успел бы полностью прийти в себя?

— Тянуть мы не можем. Конечно, идти с ускорением большим, нежели одно «г», нет необходимости — никто не вправе ожидать, чтобы человек в возрасте Бонфорта подвергал бы сердце большим перегрузкам. Но и оттягивать аудиенцию мы не можем. Когда Император приглашает вас — вам остается только однажды — прибыть к нему, и поскорее.

— Так что же делать?

Родж молча поглядел на меня. И тут я начал нервничать:

— Слушайте, Родж, попрошу вас обойтись без всяких там дурацких штучек! Ваши проблемы не имеют ко мне никакого отношения! Я с ними покончил, если не говорить об обещании несколько раз как бы случайно появиться там и сям на корабле! Грязная она или чистая, но политика — не мое дело, так что, будьте добры, раплатитесь со мной, отправьте меня домой, и

я гарантирую вам, что никогда не подойду ближе чем на милю к избирательным урнам!

— Но вам же, вероятно, практически ничего не придется делать! Доктор Капек почти наверняка приведет его в порядок ко времени прибытия. И вообще — ничего трудного для вас не предвидется — ничего даже похожего на церемонию Усыновления... так, простенькая аудиенция у Императора...

— У Императора!!! — Я почти орал во весь голос. Как и все американцы, я не видел в монархическом строе никаких преимуществ, в глубине души не одобрял его и в то же время испытывал тайное, уходящее корнями в самое сердце, благоговение перед королевскими особами. К тому же Америка вошла в Империю как бы с черного хода, сменив свой статус ассоциированного члена на преимущества полного членства, оговорив сохранение в неприкосновенности американских общественных институтов, собственной конституции и всего прочего. В частности, негласно было решено, что ни один из членов королевской семьи никогда не ступит на американскую землю. Возможно, это было плохо придумано. Возможно, если бы мы немного присмотрелись к королевским особам, они не производили бы на нас такого сильного впечатления. Пока же всем известен факт, что именно американские дамы-«демократки» больше всех прочих лезут вон из кожи, стараясь добиться чести быть представленными ко двору.

— Остыньте, — ответил Родж. — Вполне вероятно, что ничего такого вам делать не придется. Мы только хотим, чтобы вы были наготове. Я пытался дать вам понять, что «переходное» правительство — в общем-то, дело пустяковое. Оно не принимает законов, оно не меняет политику. Так что деловую часть я целиком возьму на себя. Вам же придется — если придется — лишь официально появиться перед королем Виллемом и выдержать одну, возможно, две — в зависимости от того, как пойдет выздоровление — заранее подготовленные пресс-конференции. То, что вы сделали раньше, было гораздо труднее. А что касается оплаты — деньги будут вам выплачены независимо от того, понадобятся нам ваши услуги или нет.

— Черт вас возьми, оплата тут совершенно ни при чем! Дело совсем в другом... Короче, говоря словами одного из героев известной драмы — «Вычеркните меня из списков»!

Прежде чем Родж успел ответить, в каюту без стука ворвался Билл Корпсмен, окинув нас беглым взглядом и кинул Клифтону:

— Ну, ты ему уже сказал?

— Да, — ответил Клифтон. — И он отказался от работы.

— Как это? Что за чушь собачья!

— Это не чушь, — отозвался я. — И между прочим, Билл, на двери, через которую вы вошли, есть симпатичное местечко, куда можно постучать. В нашей профессии принято перед тем, как входить, постучать и спросить: «Можно войти?». Я хотел бы, чтобы вы запомнили это.

— Еще чего! У нас нет времени на все эти цирлихи-минирихи! И что это еще за болтовня насчет отказа?

— Это не болтовня. За такую работу я не брался.

— Чушь! Может, ты слишком глуп, чтобы понять это, Смизи, но ты увяз в этом деле уж сильно глубоко, чтобы пятиться назад. Смотри, тебе может не поздоровиться!

Я подошел к нему и крепко схватил за плечо.

— Вы мне угрожаете? Если да, давайте выйдем и выясним отношения.

Он сбросил мою руку.

— Ты что, забыл, что мы на космическом корабле? Совсем дурак, что ли? А ты попробуй понять своей тупой башкой, что именно ты — причина нынешней неразберихи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Он хочет сказать, — вмешался Клифтон, — что убежден, будто падение кабинета Кироги есть прямой результат речи, произнесенной вами сегодня утром. Возможность, что он прав, не исключена. Но сейчас речь не об этом. Билл, попытайся сохранить хотя бы элементарную вежливость, ладно? Руганью мы тут ничего не добьемся.

Я был так поражен предположением, будто это я вызвал отставку Кироги, что позабыл даже страстное желание набить морду Биллу. Неужели они всерьез так считают? Конечно, речь была отменная, но могла ли она вызвать такую реакцию? Если так, то скорость реагирования просто поразительна.

Я сказал с удивлением в голосе:

— Билл, должен ли я понимать, что вы недовольны моей речью, потому что она оказалась слишком сильно действующей?

— Чего? Черта с два! Это было препаршивое выступление!

— Вот как? Придется вам выбирать что-то одно. Вы же утверждаете, что это паршивенькое выступление оказалось столь сильным, что напугало партию Человечества и заставило ее правительство выйти в отставку. Тут что-то не очень вяжется.

Билл растерялся, начал было отвечать, заметил, что Родж прячет ухмылку, надулся, опять попытался что-то возразить, но, наконец, передернув плечами, пробормотал:

— Ладно, парень, будем считать, что ты прав — твоя речь не имеет отношения к падению кабинета Кироги. И тем не менее дело есть дело. Почему бы тебе не взять на себя часть общей ноши?

Я взглянул на него и снова обуздал свой гнев (тоже влияние Бонфорта — исполнение роли хладнокровного персонажа невольно воспитывает хладнокровие и в актере).

— Билл, вы опять нелогичны. Только что вы ясно дали понять, что считаете меня всего лишь простым наемником. Раз так, то никаких обязательств, сверх оговоренных ранее и уже выполненных, у меня нет. И вы не можете нанять меня на новую работу, если она мне не по нраву. А она мне явно не подходит. — Он начал было выступать, но я оборвал его. — Разговор окончен. Убирайтесь. В вас тут никто не нуждается?

Билл выглядел ошеломленным.

— Да кто ты такой, чтобы тут командовать!

— А никто! Ровным счетом никто, как вы мне только что указали. Но это моя каюта, отведенная мне

капитаном. Поэтому или уходите сами, или я вас вышвырну. Мне не нравятся ваши манеры.

Клифтон тихо добавил:

— Тебе бы лучше испариться, Билл. Не говоря о прочем, в данный момент это действительно его личная каюта. Поэтому тебе лучше выйти. — Помолчав, Родж продолжил: — Думаю, что в присутствии нас обоих тут нет особой нужды. Видимо, договориться не удалось. С вашего разрешения... Шеф...

— Разумеется.

Я сел и несколько минут обдумывал происшедшее. Жаль, что я позволил Биллу спровоцировать себя даже на такую, сравнительно бескровную ссору. Все равно она была ниже моего достоинства. Однако вороша в уме все детали этой перепалки, я удостоверился, что мои личные расхождения с Биллом никак не повлияли на решение — оно было принято до его прихода.

Раздался громкий стук в дверь. Я крикнул:

— Кто там?

— Капитан Бродбент.

— Входите, Дак

Он вошел, сел и, по меньшей мере, несколько минут казался занятым исключительно состоянием своих ногтей. Наконец поднял глаза и сказал:

— Вы измените свое решение, если я посажу этого жулика в карцер?

— Как? Разве на вашем корабле есть карцер?

— Нет. Но соорудить его ничего не стоит.

Я бросил на него пытливый взгляд, пытаясь понять, что происходит в глубине этой черепной коробки.

— А вы что, действительно посадили бы Билла в карцер, если бы я попросил об этом?

Он взглянул на меня, заломил бровь и хитровато усмехнулся.

— Нет, конечно. Разве дойдешь до капитанского звания, если будешь действовать, исходя из таких шатких оснований? Подобного приказа я бы не выполнил, даже если бы он исходил от него. — И он кивнул в сторону каюты, где сейчас лежал мистер Бонфор特. — Есть решения, которые человек имеет право принимать только самостоятельно.

- Точно.
- Ммм... Я слышал, что вы уже решили нечто в этом духе?
- Верно.
- Так. За это время я стал уважать тебя, сынок. Когда мы с тобой встретились впервые, мне показалось, что ты просто воображала и фигляр, у которого за душой ровным счетом ничего нет. Я ошибался.
- Очень признателен.
- Поэтому я не стану тебя упрашивать. Ты мне просто скажи — стоит ли нам с тобой тратить время на обсуждение всех сторон этого дела? Или ты уже обдумал все сам?
- Я твердо решил, Дак. Не мое это амплуа, вот что!
- Что ж, должно быть, ты прав. Очень жаль. Думаю, нам остается лишь надеяться, что он оправится ко времени прибытия. — Дак поднялся. — Кстати, тебя хотела бы повидать Пенни, если, конечно, ты не собираешься ложиться в постель.
- Я рассмеялся, но смех был невесел.
- «Кстати», значит? А вы случайно не нарушили очередность? Разве сейчас не очередь доктора Капека выкручивать мне руки?
- Он уступил свою очередь. Слишком занят с мистером Б. Однако он велел тебе передать кое-что.
- Что именно?
- Сказал, чтобы ты проваливал ко всем чертям. Конечно, он высказался куда красочнее, но смысл был именно таков.
- Вот как?! Тогда передайте ему, что я займусь ему mestечко у адского огня.
- Так Пенни может войти?
- О разумеется. Но лучше скажите ей заранее, что она зря потеряет время. Ответ все равно будет отрицательный.
- Ну, в общем, решение я, конечно, изменил. Черт возьми, и почему это аргументы кажутся куда более убедительными, если их подкрепляет аромат «Страсти в джунглях»? Сказать, что Пенни прибегла к каким-нибудь бесчестным приемам, нельзя — она даже ни еди-

ной слезинки не проронила, да и я себе ничего такого не позволил, однако вскоре обнаружилось, что я уже сдал кое-какие из своих позиций, а потом оказалось, что и отступать-то уже некуда. Да что там говорить, от Пенни не отбъешься — она из тех женщин, что готовы спасать всех подряд, а ее искренность прямо-таки заразительна.

Усилия, которые мне пришлось приложить во время полета на Марс, чтобы войти в образ Бонфорта, ничто по сравнению с тем, что мне предстояло сделать во время полета в Новую Батавию. Основные черты характера моего героя уже были мной усвоены, но теперь мне предстояло узнать об этом человеке все, чтобы чувствовать себя Бонфортом в любой ситуации. Хотя готовился я преимущественно к королевской аудиенции, но когда мы очутимся в Новой Батавии, я могу столкнуться с сотнями и даже тысячами людей. Родж надеялся оградить меня от грозящих опасностей ссылками на необходимость уединения, в котором время от времени нуждается каждый крупный политик, когда ему предстоит большая работа. Но как там ни крути, мне все равно не избежать встреч — общественный деятель — это общественный деятель, и уж тут никуда не денешься.

То хождение по тугу натянутому канату, которое мне предстояло, стало возможным лишь благодаря бонфортовскому фэри-архиву, возможно самому лучшему из когда-либо существовавших. Фэри — политический менеджер в двадцатом веке, насколько я помню, состоявший при Эйзенхауэр. И метод, который он изобрел, чтобы облегчить политическим деятелям личные связи с другими людьми, был столь же революционен, как и создание немцами Генерального штаба для планирования военных операций. Я-то, разумеется, об этом методе ничего не знал, пока Пенни не показала мне архив Бонфорта.

Это было собрание досье, содержащих самые различные сведения о людях. Ведь искусство политика заключается именно в знании людей. В досье находилась информация о многих тысячах лиц, с которыми Бон福特 встречался на протяжении своей долгой карье-

ры общественного деятеля. Досье представляли собрание фактов, известных Бонфорту о каждом из этих людей и полученных в результате встреч с ними. Там было все что угодно, как бы тривиальны не были сами по себе эти факты (именно наиболее тривиальные обстоятельства заносились в досье одними из первых): имена и шутливые прозвища жен, детей, домашних животных, хобби, любимые блюда и напитки, предрассудки, причуды. За этим следовали даты, места и содержание разговоров каждой встречи, которая была у Бонфорта с этим человеком.

Если была возможность, прилагались фото. Иногда в досье включалась информация из других источников, то есть основанная не на личных впечатлениях Бонфорта, а полученная другим путем. В некоторых случаях такая побочная информация включала в себя целые биографические очерки — иногда на несколько тысяч слов.

И Бонфорт, и Пенни всегда носили с собой минимагнитофоны, работавшие от теплоты их тел. Если Бонфорт был один, он при первом удобном случае — в автомобиле, в туалете — надиктовывал запись сам. Если же с ним была Пенни, она записывала нужные сведения на своем диктофоне, замаскированном под наручные часы. Пенни, по-видимому, сама не занималась перепечаткой и микрофильмированием материалов — это входило в обязанности двух девиц из штата Джимми Вашингтона, и дел у них было по горло.

Когда Пенни показала мне фээри-архив, показала целиком — а он был весьма объемист, хотя на каждой катушке помещалось до десяти тысяч слов — и когда она сказала, что все это личные впечатления о знакомых мистера Бонфорта, я издал звук, которому трудно подобрать название — нечто между воплем и стоном.

— Господи помилуй, детка! Я же говорил, что эта работа не по мне! Разве найдется человек, который может это все запомнить?

— Конечно, нет.

— Но вы же только что сказали, что здесь все, что он помнит о своих знакомых!

— Не совсем так. Я сказала, что здесь все, что он хочет о них помнить. Поскольку это физически невозможно, он прибегает к записям. Не волнуйтесь. Вам ничего не придется запоминать. Я лишь хотела, чтобы вы знали, что подобный материал всегда к вашим услугам. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы у него всегда находилось несколько минут на просмотр досье перед встречей с конкретным лицом. Если возникнет необходимость, я всегда готова помочь вам подобными справками.

На выбор я просмотрел одно из досье, которое Пенни тут же запустила в проектор. Помнится, это был иский мистер Сандерс из Претории в Южной Африке. У него был бульдог по кличке Снафлз-Биллибой, несколько ничем не примечательных отпрысков, и он любил разбавлять виски содовой и лимонным соком.

— Пенни, неужели вы хотите сказать, что Бонфорт притворялся, будто помнит такую ерунду? Мне это кажется не очень честным.

Вместо того, чтобы рассердиться на меня за поношение ее идола, Пенни с серьезным выражением лица кивнула.

— Я сначала тоже так думала. Но вы смотрите на это не под правильным углом зрения, Шеф. Вам приходилось когда-нибудь записывать номера телефонов своих друзей?

— Что? Ну да, разумеется.

— Разве это нечестно? Неужели лучше извиняться перед другом за то, что он так мало для вас значит, что вы не можете запомнить его телефон?

— Хмм... Ладно, сдаюсь. Вы, конечно, правы.

— Все это вещи, которые он хотел бы помнить, если бы обладал абсолютной памятью. Ну, а поскольку ее у него нет, то подобное досье ничуть не более бесчестно, чем запись на перекидном календаре, чтобы не забыть день рождения друга. Это и есть гигантский перекидной календарь, который охватывает все. Но суть не только в этом. Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с действительно очень важной персоной?

Я стал припоминать. Пенни, конечно, не имела в виду больших актеров; надо думать, об их существовании она даже не подозревала.

— Однажды я встречался с президентом Уорфилдом. Мне тогда было десять или одиннадцать.

— И вы помните какие-нибудь детали этой встречи?

— А как же! Он спросил: «И как это ты умудрился сломать себе руку, сынок?». Я ответил: «Упал с велосипеда, сэр». И тогда он воскликнул: «Со мной было то же самое, только я сломал ключицу».

— Как вы думаете, он вспомнил бы этот случай, будь он сейчас жив?

— Разумеется, нет.

— А мог бы, будь у него наш фэкли-архив. Он включает сведения и о ребятишках такого возраста, потому что дети растут и становятся взрослыми. Я хочу сказать, что крупные политические фигуры, вроде Уорфилда, встречаются с большим числом людей, чем они могут запомнить. Каждая из этих незаметных личностей хорошо помнит свою встречу со знаменитым человеком, причем во всех деталях. Но самая важная фигура в жизни даже самого маленького человечка — это он сам. И забывать об этом не следует. Со стороны политика помнить о мелочах его отношений с людьми, о тех мелочах, о которых они сами так хорошо осведомлены — это проявление вежливости, расположения, внимания. И это очень важно для политика.

Я попросил Пенни прокрутить на дисплее досье короля Виллема. Оно оказалось очень маленьким, что сначала меня смущило, пока я не сделал вывод, что знакомство Бонфорта с королем не очень близкое и что они встречались лишь на официальных приемах — назначение Бонфорта Верховым Министром произошло еще до смерти старого Императора Фредерика. Биографии тоже не было — была лишь ссылка «См. "Дом Оранских"». Я этим советом пренебрег — не было времени рыться в миллионах слов по истории Империи и доимперского периода, да и в школе по истории мои оценки колебались от удовлетворительных до отличных. Все, что мне нужно было знать об

Императоре, очерчивалось кругом того, что о нем знал Бонфоркт.

Я сообразил, что фэрли-архив должен был включать сведения обо всех обитателях корабля, поскольку они: а) были люди и б) встречались с Бонфортом. Я попросил Пенни дать мне их досье. Казалось, она ничуть не удивилась.

Удивился я. Оказалось, что на «Томе Пейне» находилось целых шесть членов Великой Ассамблеи. Это были, разумеется, Бонфорт и Клифтон, но в досье Дака первая строчка гласила: «Бродбент Дариус К., Достопочтенный член Ассамблеи от Лиги Свободных Путников, член ее президиума». Там еще упоминалась степень доктора философии по физике, факт, что девять лет назад он стал чемпионом Императорских Игр по стрельбе из пистолета, и публикация им под псевдонимом «Эйси Уилрайт» трех томиков стихов. Я поклялся, что никогда больше не буду судить о людях только по их внешности. Была там еще приписка почерком Бонфорта: «Практически неотразим для женщин. Соответственно и наоборот».

Пенни и доктор Капек тоже были членами парламента. Даже Джимми Вашингтон состоял в нем, представляя какой-то «надежный» округ, населенный преимущественно лапландцами и северными оленями, не говоря уж о Санта-Клаусе. Джимми был рукоположен в Истинной Первой Библейской Церкви Святого Духа, о которой я никогда и слыхом не слыхивал, но что полностью соответствовало его облику тонкогубого священнослужителя.

Особое удовольствие я получил от чтения досье Пенни — Достопочтенной Пенелопы Талиаферро Рассел. Она была магистром искусств, получив эту степень за исследование в области теории государственного управления в Джорджтаунском университете, и бакалавром искусств — эту степень она получила в колледже Уэлсли, что меня, признаться, мало удивило. Она представляла в парламенте женщин с университетским образованием, которые избирательными округами не охватывались, но эта категория избирательниц была

очень надежной опорой партии Экспансионистов — четыре из каждого пяти были ее членами.

Ниже этих сведений помещался размер ее перчаток и данные о прочих размерностях Пенни, любимые цвета — тут я понял, что ее вкус не слишком изыскан и кое-чему могу ее поучить, любимые духи — «Страсть в джунглях» и другая информация, по большей части вполне невинная. Было там и примечание: «Болезненно честна, слаба в арифметике, думает, что обладает чувством юмора, которого у нее нет ни на грош, соблюдает диету, но объедается засахаренной вишней, имеет повышенный комплекс материнства в отношении малых мира сего, склонна придавать слишком большое значение печатному слову». Ниже шла запись почерком Бонфорта: «Ага, Кудрявенькая! Опять подглядываешь! Я же вижу!».

Когда я возвращал эти досье Пенни, я спросил, знакома ли она с собственным. Она дерзко посоветовала мне не совать нос в чужие дела. Потом покраснела и извинилась.

Хотя большую часть моего времени занимала «учеба», я все же улучил несколько часов для совершенствования физического сходства с Бонфортом, для чего с помощью цветовой таблицы несколько изменил, пользуясь «Семипермом» оттенок кожи, затем тщательно отработал морщинки, добавил два-три родимых пятна и уложил волосы, прибегнув к услуге электрощетки. Впоследствии, когда я буду возвращать себе прежнее лицо, мне за все это придется заплатить шелушением кожи, но это скромная цена за грим, который не может быть испорчен, который нельзя смыть даже ацетоном и которому не страшны никакие салфетки и носовые платки. Еще я сделал себе на «хромой» ноге шрам, взяв за образец фотографию, приложенную доктором Капеком к истории болезни Бонфорта. Если бы у Бонфорта была жена или любовница, ей вряд ли удалось бы отличить оригинал от подделки по одной внешности. Работа была тонкая и сложная, но в то же время она не мешала мне обдумывать то, что составляло основную и最难的 part of my task.

Груднее всего мне далаась попытка войти в мир мыслей и надежд Бонфорта — короче, попытка понять смысл политики партии Экспансионистов. В некотором смысле он сам олицетворял эту партию, был не только ее лидером, но и политическим теоретиком и величайшим деятелем. Ко времени основания партии, экспансионизм был вряд ли чем-то большим, нежели Движение Манифеста Предназначения — пестрая коалиция группировок, имевших только одну общую черту — веру в то, что освоение дальних космических просторов — важнейшее дело, с которым связано все будущее человечества. Бон福特 дал этой партии четкую цель и систему этических постулатов, содержанием которых являлась идея, что равные права и свободы должны следовать за Имперским стягом повсюду. Он неустанно повторял, что человеческая раса никогда не должна повторить ошибки, сделанные в свое время белыми людьми в Азии и Африке.

Меня очень смутил тот факт — а я в таких делах совершенно не искушен — что ранняя история партии Экспансионистов необычайно походила на нынешнюю историю партии Человечества. Я тогда еще не понимал, что политические партии со временем меняются, как меняются, взрослея, люди. Я смутно помнил, что партия Человечества начиналась как группа, отколовшаяся от Движения, но никогда об этом не задумывался. Практически же это было вполне закономерно — когда прочие политические партии, не принимавшие экспансию в космос всерьез, потеряли под воздействием объективных факторов былое значение и утратили места в парламенте, единственная партия, стоявшая на верном пути, была обречена на раскол. Она превратилась в две.

Но я слишком забежал вперед; мое политическое образование шло отнюдь не так последовательно. Я сначала насквозь пропитался политической риторикой Бонфорта. По правде говоря, этим я занимался еще на пути к Марсу, но тогда меня интересовала лишь манера, в которой произносились его речи, теперь же я стал вникать в их содержание.

Бонфортом был оратором в полном смысле слова, хотя иногда в пылу спора мог показаться излишне желчным — как, например, в той речи, которую он произнес во время дебатов в Новом Париже по поводу договора с марсианскими Гнездами, ставшего известным как Соглашение Тихо. Именно этот договор стал причиной его отставки. Он все же протащил его через парламент, но последовавшая за этим реакция привела к вотому недоверия. Тем не менее Кирога побоялся денонсировать договор. Эту речь я слушал особенно внимательно, поскольку договор был мне самому не по душе. Мысль, что марсианам должны быть дарованы те же привилегии на Земле, что и людям на Марсе, вызывала у меня тошноту... правда, то было до посещения Гнезда Кккаха...

«Мой оппонент, — говорил с насмешкой Бонфорд, — пытался внушить вам, что лозунг так называемой партии Человечества — "Правительство людей, избранное людьми и действующее в интересах людей" — есть не что иное как осовремененная перефразировка бессмертного изречения Линкольна. Но если голос тут и напоминает об Аврааме, то рука, написавшая лозунг, явно принадлежит Ку-Клукс-Клану. Истинное значение этого внешне совершенно невинного изречения таково: повелевать всеми расами будут только люди, и делать это они будут в интересах привилегированного меньшинства.

Но мой оппонент возразит, что, дескать, сам Господь Бог вручил нам мандат на право нести в звездные просторы свет просвещения, навязывая «дикарям» ту форму цивилизации, которую мы создали у себя... Так ведь это не что иное, как социологическая школа известного дядюшки Римуса — хорошие негры распевают псалмы, а старый добный хозяин их за это очень даже уважает. Что и говорить, картина получается трогательная, да только рамка у нее тесновата — в ней не умещаются ни бич, ни бараки рабов, ни колодки для нарушителей порядка».

Я чувствовал, что становлюсь если не экспансионистом, то во всяком случае, бонфортистом. Не уверен, что меня увлекла логика его рассуждений, я не уверен

даже, что логика там присутствовала. Просто я находился в том состоянии, когда ум легко подчиняется услышанному. Мне так хотелось понять то, что он говорил, что я, если бы потребовалось, мог бы повторить все эти мысли уже как собственные.

Передо мной был человек, который знал, чего он хочет, и (что бывает куда реже) знал, почему он этого хочет. Естественно, это производило впечатление и заставляло пересмотреть свои собственные взгляды. Чем ты жив, человек?

Во-первых, своей профессией. Я был вскормлен ею, любил ее, питал ни на чем не основанную уверенность, что искусство требует жертв, и, кроме того, это был единственный доступный мне способ заработать на хлеб. А что еще?

На меня никогда не производили серьезного впечатления формальные школы этики. В свое время я пробежал по ним — общественные библиотеки — прекрасное место отдыха для актера без ангажемента — но нашел, что они так же бедны витаминами, как поцелуй тещи. Дайте философу побольше времени и вдоволь бумаги, и он докажет все что угодно.

С таким же презрением я относился к наставлениям, которые преподносятся подрастающему поколению. По большей части это чушь собачья, а те крупицы, которые что-то значат, предназначены для пропаганды священного принципа — «хороший» ребенок это тот, что не мешает мамочке спать по ночам, а «хороший» мужчина имеет солидный счет в банке и ни разу при этом не был схвачен с поличными за руку... Нет уж, спасибо...

В общем-то, правила поведения есть даже у собаки. А у меня какие правила? Как веду себя я, или хотя бы, как я оцениваю свое поведение?

«Представление должно состояться при любых условиях». В это я всегда верил и соответственно этому поступал. Но почему все-таки важно, бы представление состоялось, особенно учитывая, что большинство из них ужасная гадость? Вероятно, потому что ты добровольно согласился в нем участвовать, потому что публика ждет этого, потому что она заплатила за право

смотреть, и ты обязан выложиться до последнего вздоха. Ты обязан делать это ради публики. Ты обязан сделать это ради рабочих сцены, ради режиссера, ради продюсера, ради других членов труппы, а так же ради тех, кто учил тебя ремеслу, ради тех, кто длинной вереницей уходят в глубь истории, туда — к театрам под открытым небом, с каменными сиденьями и даже к тем сказочникам, что восседают на корточках посреди пыльного базара. *Noblesse oblige**

Я пришел к выводу, что все эти мысли годятся для любой профессии. «Плати добром за добро». «Строй прочно и без обмана». Клятва Гиппократа. «Не подводи товарищей». «Хорошая работа за хорошую плату». Это все аксиомы, не требующие доказательств. Они — неотъемлемая часть жизни, они сохраняют истинность повсюду — даже в самых отдаленных уголках Галактики.

И тут я неожиданно понял, к чему клонит Бонфорт. Если существуют какие-то этические нормы, не зависящие от времени и пространства, то, значит, они верны одинаково и для людей, и для марсиан. Они верны для любой планеты, вращающейся вокруг своей звезды. И если человеческая раса не будет действовать соответственно этим нормам, она никогда не прорвется к звездам, ибо тогда какая-нибудь более развитая раса выбросит ее оттуда к чертям за двоедущие.

За экспансию придется платить добродетелью. «Обжуль жулика» — эта философия слишком узка, чтобы прижиться в просторах космоса.

Но Бонфорта никак нельзя считать чистым поборником мягкости и доброты. «Я не пацифист. Пацифизм — хитроумная доктрина, с помощью которой человек пользуется всеми благами, дарованными ему определенной социальной группой, и не желает платить за это, причем свою нечестность выдает за добродетель, требующую уверчания его нимбом святого. Господин Спикер, жизнь принадлежит только тем, кто не боится ее потерять. Этот закон должен быть принят!». С

* Положение обязывает (фр.).

этими словами Бонфорт встал, пересек проход между рядами и сел среди тех, кто поддерживал идею возможности применения силы, — концепцию, которую Конгресс его собственной партии отверг.

Или вот еще: «Имейте на все собственное мнение. Всегда занимайте совершенно определенную позицию. Иногда вы можете ошибиться, но человек, который не имеет собственной точки зрения, ошибается постоянно. Боже упаси нас от дурней, не способных занять свою позицию. Давайте же встанем и посмотрим, сколько нас тут». Эти слова сказаны на закрытом заседании Съезда, но Пенни записала их с помощью своего минидиктофона, а Бонфорта сохранил запись. У Бонфорта обостренное чувство Истории. Он тщательно хранит все материалы. Если бы он не хранил их, мне пришлось бы работать куда меньше.

Я нашел, что Бонфорт — фигура как раз по мне. Или во всяком случае, он тот человек, на которого я хотел бы походить. Он личность, и я гордился тем, что воссоздаю его образ.

Насколько я помню, после того как я пообещал Пенни быть на королевской аудиенции, если Бонфорт не сможет это сделать, я не спал ни минуты. Вообще-то я намеревался спать — какой смысл появляться на сцене с глазами, опухшими от бессонницы, — но я увлекся материалами, которые изучал, да и в столе у Бонфорта обнаружилось вдоволь стимулирующих таблеток. Удивительно, как много можно сделать, работая по двадцать четыре часа в сутки, когда тебе никто не мешает, а наоборот, все стремятся помочь.

Однако незадолго до прибытия в Новую Голландию, доктор Капек пришел и сказал:

— А ну-ка, засучите левый рукав.

— Это еще зачем? — спросил я.

— А затем, что мы вовсе не хотим, чтобы представ пред очи Императора, вы бы хлопнулись в обморок от переутомления. Эта штука заставит вас спать до самой посадки. А потом я дам вам стимулятор.

— Э? Значит, вы не надеетесь, что он придет в норму?

Вместо ответа Капек вколол в меня иглу. Я попытался дослушать ту речь, что стояла в магнитофоне, но, видно, через секунду уже заснул. Следующее, что я услышал, был голос Дака, который почтительно повторял:

— Проснитесь, сэр. Пожалуйста, проснитесь. Мы приземлились в аэропорту Липперши.

Глава 8

Поскольку Луна лишена атмосферы, межпланетные ракетные корабли могут садиться прямо на нее. Однако «Том Пейн», хотя и относился к этой категории, был сконструирован так, что должен был оставаться на околопланетных орbitах и обслуживаться на орбитальных станциях. Поэтому ему пришлось садиться в «ко-лыбель». Жаль, что я в это время спал и не был свидетелем этой интереснейшей процедуры — говорят, что поймать на блюдце падающее яйцо и то легче. Так был одним из полдюжины пилотов, способных произвести такую посадку.

Мне не удалось посмотреть на «Томми» в его «ко-лыбельке» и после посадки — все, что я видел, была внутренность пассажирского переходника, подсоединенного одним концом к шлюзовой камере корабля, а другим — к пассажирской капсуле, умчавшей нас в Новую Батавию. Эти капсулы движутся с такой скоростью, что при малой силе тяжести на Луне, мы примерно к половине пути оказались в состоянии невесомости.

Сначала нас доставили в апартаменты, предназначенные для лидера лояльной оппозиции, поскольку они должны были служить официальной резиденцией Бон-

форту до тех пор, пока он не победит на всеобщих выборах, если, конечно, это произойдет вообще.

Роскошь этих апартаментов заставила меня призадуматься о том, сколь же ослепительна в этом случае должна быть резиденция Верховного Министра. Думаю, что Новая Батавия является самой пышной столицей из всех, когда-либо существовавших. Жаль только, что ее почти не видно снаружи, но этот ничтожный недостаток с избытком окупается тем обстоятельством, что Новая Батавия единственный город в Солнечной системе, который не может быть разрушен даже прямым попаданием водородной бомбы. Вернее будет сказать, он почти неразрушаем, так как на поверхности все же есть кое-какие структуры, которые и могут пострадать в таком случае. Апартаменты Бонфорта, например, включали в себя «Верхнюю гостиную», встроенную в обрыв скалы, с балкона которой, прикрытое прозрачным колпаком, можно было любоваться и самой Матушкой Землей. Спальни же и кабинеты находились под защитой тысячефутовой толщи скального грунта, и туда надо было спускаться на частном лифте.

Осматривать апартаменты во всех подробностях у меня не было времени — пришлось тут же одеваться для аудиенции. Бон福特 не держал камердинера даже на Земле, но Родж настоял на том, чтобы «помочь» мне навести последний глянец, хотя он гораздо больше мешал.

Одежда была копией старинного придворного костюма — бесформенные, похожие на трубы штаны; дурацкий сюртук с раздвоенными фалдами сзади, что превращало меня в портрет молотка-гвоздодера; и то и другое мрачного черного цвета; сорочка с туго накрахмаленной грудью, воротничком с отгибающимися уголками и белой «бабочкой».

У Бонфорта последние детали были сшиты воедино, я думаю, потому что он не пользовался услугами камердинера. По-настоящему же все это полагалось надевать в строгой очередности, а «бабочку» нужно было завязывать так небрежно, чтобы было видно, что

это делается вручную — ведь трудно ожидать, чтобы человек одинаково хорошо разбирался и в политике, и в искусстве одевания.

Ужасно уродливый костюм, но зато на нем отлично смотрелся орден Вильгельмины, чья яркая лента наискось пересекала грудь. Я посмотрелся в большое зеркало и, в общем, остался доволен производимым эффектом. Единственное яркое пятно на фоне строгих черных и белых тонов смотрелось отлично. Быть может, традиционная одежда и не была красива, но она придавала мне достоинство, похожее на холодное величие метрдотеля. Я решил, что вполне могу претендовать на роль дворецкого на официальном обеде у Императора.

Родж Клифтон передал мне свиток, в котором, как предполагалось, находились имена кандидатов на министерские посты, а во внутренний карман моего сюртука он вложил отпечатанную на машинке копию того списка, оригинал которого, написанный рукой Джимми Вашингтона, был отправлен в секретариат Императорского Совета сразу же, как только наш корабль сел на Луну. Теоретически цель аудиенции заключалась в том, чтобы дать Императору возможность проинформировать меня, что он желает поручить мне сформировать кабинет министров, а мне — почтительно высказать ему свои соображения по этому поводу. Предложения по части кандидатур считались секретными до тех пор, пока Император их не утвердит.

Фактически же выбор уже был сделан. Родж и Билл во время полета только тем и занимались, что формировали кабинет и получали согласие каждого кандидата, пользуясь для этого специальной линией связи. Я же внимательно изучал фэкли-досье каждого кандидата на соответствующие посты. Однако список все равно оставался секретным, в том смысле, что средства массовой информации не должны были даже подозревать о его содержании до окончания аудиенции у Императора.

Я взял свиток и протянул руку к боевому жезлу. Тут Родж пришел в ужасное смятение.

— Господи, человече, с этой штуковиной вы не имеете права входить в покой Императора!

— Это еще почему?

— Почему? Да потому что это оружие!

— Это церемониальное оружие. Родж, любой герцог или вшивый дворянчик имеет право носить в присутствии короля свою придворную шпагу. Поэтому я возьму свой жезл.

Он яростно замотал головой.

— Им это положено. Разве вы не понимаете, с чем связан этот обычай исторически? Парадные шпаги символизировали долг их владельцев перед своим сюзереном — защищать его и поддерживать его власть как личным оружием, так и оружием своих вассалов. Вы же — простолюдин и по протоколу обязаны появляться перед королем безоружным.

— Нет, Родж. О, я, конечно, сделаю так, как вы мне скажете, но, по-моему, вы упускаете потрясающий шанс, который нам представился. В некотором роде это сценическое действие, и если вы посмотрите на ситуацию с этой точки зрения, то сразу поймете, в чем дело.

— Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите:

— Послушайте, разве слух, что я сегодня явился к королю с марсианским боевым жезлом в руках не долетит до Марса? Я хочу сказать — до Гнезд?

— Что ж, пожалуй, и долетит.

— Еще бы! Думаю, стереовизоры есть в каждом Гнезде. Я сам видел такой в Гнезде Ккакха. И они следят за имперскими новостями не менее внимательно, чем мы. Верно?

— Да. Во всяком случае, Старейшины.

— Значит, если со мной будет жезл, они об этом узнают. Если его со мной не будет — тоже. Для них это необычайно важно. Ни один взрослый марсианин не появится вне Гнезда без боевого жезла, а уж тем более во время церемониального приема. Марсиане и раньше появлялись на приемах у Императора. И, разумеется, с жезлами, не так ли? Я готов спорить на что угодно, что так.

— Да, это верно, но вы...

»

— Это вы забываете, что я теперь марсианин! —
Тут выражение лица Роджа изменилось, а я продолжал. — Я ведь не просто Джон Джозеф Бонфорт. Я еще и Ккахджджджрр из Гнезда Ккакаха. Если я появлюсь без жезла, то допущу величайшее неприличие и, откровенно говоря, даже не могу предположить, каковы могут быть последствия, когда известие о нем дойдет до Марса. Я ведь плохо знаком с марсианскими обычаями. А теперь взгляните на это с другой точки зрения: когда я пойду по проходу навстречу Императору, неся в руке жезл, это будет идти гражданин *Марса, которого Его Императорское Величество собирается назначить своим Верховным Министром!* Какое впечатление это произведет на Гнезда?

— Кажется, я это плохо продумал, — задумчиво проговорил Родж.

— Я бы наверняка тоже упустил это из виду, если бы не задумался — брать с собой жезл или нет. Но неужели вы думаете, что Бонфорт не рассчитал всех вытекающих отсюда последствий еще задолго до того, как отправился на церемонию Усыновления? Родж, мы поймали тигра за хвост, и теперь нам остается только одно — оседлать его и мчаться во весь опор. Другого нам не дано.

В этот момент в комнату вошел Дак, который полностью поддержал меня и, казалось, очень удивился, что у Клифтона сначала было другое мнение.

— Мы, конечно, устанавливаем новый прецедент, Родж, но кто знает, сколько нам их еще придется создать, пока мы достигнем конца? — Однако когда Дак увидел, как я держу жезл, он издал вопль ужаса: — Черт бы вас побрал, дружище! Вы что — хотите прикончить нас или желаете проделать дыру в стене?

— Так я же не нажал кнопку!

— Возблагодарим же Господа за его неизреченную милость! У вас даже предохранитель не поставлен! — Он отобрал у меня жезл и сказал: — Вот тут есть кольцо... его надо повернуть и заправить вот в эту

прорезь... Тогда жезл превращается в палку для прогулок. Ф-ф-фу!

— Извините меня.

Они проводили меня до королевских покоев и передали с рук на руки королевскому Конюшему, полковнику Патилу — индусу с ничего не выражающим лицом, великолепными манерами и одетому в живописный мундир Имперских Космических Сил. Его поклон был, судя по всему, рассчитан с помощью логарифмической линейки — он давал понять, что, возможно, я и буду назначен Верховным Министром, но пока еще таковым не являюсь, что я выше его по рангу, но в то же время — обычный шпак, значимость которого должна быть облегчена еще минимум на несколько граммов тем обстоятельством, что полковник носит на правом плече императорский аксельбант.

Он взглянул на жезл и тихо произнес:

— Это, если я не ошибаюсь, марсианский жезл, сэр? Любопытная вещица. Я думаю, вы захотите оставить его здесь, он тут будет в полной сохранности.

Я ответил:

— Я возьму его с собой.

Брови полковника полезли вверх, выражая надежду, что я сам исправлю столь явную ошибку.

Я пошарил в памяти среди любимых крылатых выражений Бонфорта и выбрал одно, при помощи которого он осаживал невеж:

— Сынок, давай-ка соли свою кашу по-своему, а я уж буду солить свою на свой вкус.

С его лица слетело всякое выражение.

— Слушаюсь, сэр. Будьте добры следовать за мной.

У входа в тронный зал мы задержались. Далеко, далеко на возвышении, куда вели ступени, стоял пока еще пустой трон. По обеим сторонам гигантского помещения толпились в ожидании придворные и знать. Видимо, Патил подал какой-то знак, так как тут же зазвучал Императорский Гимн, и мы в молчании высушали его: Патил, застыв как выключенный робот, я — несколько сутуясь, как то приличествует пожилому и уставшему от груза забот человеку, смиренно несуще-

му свои обязанности перед обществом; придворные же застыли как манекены в витрине роскошного магазина. Очень надеюсь, что нам никогда не придется сокращать статью бюджета на содержание Императорского Двора — все эти разодетые в яркие одежды вельможи и доблестные копьеносцы создают необычайно живописное зрелище.

Еще звучали последние аккорды Гимна, когда откуда-то сзади появился и занял трон он — Виллем, Принц Оранский, Герцог Нассауский, Великий Герцог Люксембургский, Командор Рыцарей Священной Римской Империи, Генерал-Адмирал Имперских Вооруженных Сил, Советник Марсианских Гнезд, Защитник Сирых и Убогих и, по милости Господней, Король Нидерландов и Император Планет и Межпланетных Просторов.

Я не мог разобрать черт его лица, но вся эта символика внезапно разбудила во мне чувство симпатии. Я больше не ощущал в себе неприязни к монархическому строю.

Когда король Виллем сел, Гимн окончился. Он кивнул в знак благодарности за приветствия, и по толпе придворных прошел еле слышный шелест голосов. Патил куда-то испарился, и я, зажав под мышкой жезл, начал свой длинный путь к трону, сильно прихрамывая, невзирая на малую силу тяжести. Все это весьма смахивало на церемонию во Внутреннем Гнезде, с той разницей, что тут я ничего не боялся. Просто мне было жарко, да в ушах стоял отчего-то звон. Мои шаги сопровождались мелодиями Империи — «Король Христиан» переходил в «Марсельезу», а та — в «Звезднополосатое знамя» и так далее.

У первой отметки я остановился и поклонился, у второй повторил то же самое и отвесил глубокий поклон у третьей, расположенной почти у начала ступеней. Я не преклонил колен — знать обязана становиться на них, но выходцы из народа пользуются теми же суверенными правами, что и сюзерены. В стереовизорах и в театрах это обстоятельство иногда неучитывается, но Родж предусмотрительно растолковал мне, как надо вести себя в подобной ситуации.

— Ave, Imperator!* — Если бы я был голландцем, то сказал бы Rex**, но я был всего лишь американцем.

Мы обменялись несколькими репликами на школьной латыни. Он спрашивал меня, что мне угодно, а я напоминал ему, что прибыл по его приглашению, и так далее. Потом мы перешли на англо-американский, на котором он говорил с легким европейским акцентом.

— Ты верно служил Нашему отцу. Мы надеемся, что так же ты будешь служить и Нам. Что скажешь ты?

— Желание повелителя — приказ для подданного, Ваше Величество.

— Приблизься.

Наверное, я перестарался, но и ступени были слишком высоки, моя нога по-настоящему разболелась, а психосоматическая боль ничуть не лучше настоящей — и я чуть не упал, но король соскочил с трона и поддержал меня за локоть. Я слышал пропесшийся по рядам вздох. Король улыбнулся и сказал шепотом:

— Легче, легче, старина. Мы постараемся закрутиться поскорее.

Он подвел меня к подобию табурета, стоявшему возле трона, и заставил сесть на него, что было явным нарушением приличий, так как я оказался сидящим раньше, чем король вернулся на трон. Затем он протянул руку за свитком, и я подал его. Король развернул свиток и притворился, будто внимательно читает белую бумагу.

Раздавалась тихая музыка, двор разыгрывал сцену всеобщего оживления и веселья — смеялись дамы, благородные кавалеры шептали им комплименты, на которые дамы отвечали движением вееров. Никто не сходил со своего места, но, похоже, никто не оставался и неподвижным. Маленькие пажи, похожие на микеланджеловских херувимов, скользили между придворными, держа в руках подносы со сладостями. Один из них преклонил колено возле короля Виллема, и тот, не отрывая взгляда от бумаги, взял что-то. Ребенок подал поднос и мне, и я взял нечто, не зная, правильно

* Приветствую тебя, император! (лат.)

** Король (лат.).

я поступаю или нет. Нечто оказалось одной из тех ни с чем не сравнимых шоколадных конфет, которые производятся только в Голландии.

Вскоре я обнаружил, что лица многих придворных мне знакомы по фотографиям. Здесь собралось большинство безработных членов королевских семейств Земли, скрывших свои прежние звания под псевдонимами герцогов или графов. Кое-кто поговаривал, что король Виллем держит их на пенсии, чтобы украсить свой двор; другие — что он просто хочет держать их под присмотром, оберегая от соблазнов принять участие в политике и других столь же неблаговидных делах. И в том и в другом, надо думать, есть частица правды.

А еще тут толклось немало знатных людей, которые к королевским домам не принадлежали. Некоторым из них приходилось зарабатывать себе на кусок хлеба. Вскоре я обнаружил, что выискиваю на лицах присутствующих губы Габсбургов и носы Виндзоров.

Наконец Виллем опустил свиток. И музыка, и разговоры тут же смолкли. В мертвой тишине он произнес:

— Ты предложил Нам славную команду. Думаем, ее следует утвердить.

— Вы очень милостивы, Ваше Величество.

— Мы обдумаем и известим тебя. — Он наклонился и сказал шепотом: — Не вздумайте спускаться по этим проклятым ступенькам задом. Я сейчас исчезну.

Я шепнул ему:

— Благодарю вас, сир!

Он встал и, пока я с трудом поднимался на ноги, исчез в шелесте своей мантии. Я обернулся и встретил множество недоумевающих взглядов. Но музыка снова заиграла, и я смог спуститься вниз, ибо благородная знать опять занялась своими галантными пустячками.

В ту же самую секунду, когда я подходил к арке выхода, возле меня снова возник Патил.

— Прошу вас, сэр, пожалуйте за мной.

Показуха кончилась, начиналась настоящая аудиенция.

Он провел меня через маленькую дверь по почти пустому коридору в весьма просто обставленный кабинет. Единственной вещью, говорившей о королевской принадлежности этого помещения, был врезанный в стену герб Дома Оранских с девизом: «Я воздвигаю». Там находился огромный письменный стол, заваленный бумагами. На середине стола, придавленный пресс-папье в виде пары металлических детских туфелек, лежал оригинал того самого списка, копия которого находилась в моем кармане. В медной рамке висел портрет покойной Императрицы с детьми. У одной стены стоял довольно потрепанный диван, рядом с ним небольшой бар. Была тут еще пара мягких кресел и вертящийся стул возле стола. Остальная мебель была бы вполне уместна в кабинете известного, но скромного по достатку домашнего врача.

Патил оставил меня одного и закрыл за собой дверь. У меня не было времени даже решить, могу ли я сесть, не нарушив этикета, когда в дверь, что была напротив той, через которую я вошел, большими шагами почти вбежал Император.

— Привет, Джозеф, — воскликнул он, — я освобожусь через минуту!

Он быстро пересек комнату, сопровождаемый пятью лакеев, которые на ходу помогали ему раздеваться, и вышел в третью дверь. Вернулся он почти тотчас же, затягивая молнию своего рабочего комбинезона.

— Вас провели кратчайшим путем, а мне пришлось идти кружным. Все собираюсь отдать приказ придворному инженеру пробить другой туннель из дальней части тронного зала прямо сюда в кабинет, и, черт побери, давно уже пора это сделать! А то приходится тащиться по трем сторонам квадрата либо пользоваться коридорами, открытыми для всех, да еще разодетым в этот шутовский наряд. — Потом задумчиво прибавил: — Ничего не ношу под этой дурацкой мантией, кроме нижнего белья.

— Не думаю, чтобы она была хуже, чем этот обезьяний костюм, который я ношу сейчас, сир.

Он передернул плечами.

— Ладно, каждому из нас приходится переносить неудобства, связанные с характером его работы. Хотите выпить? — Он взял список кандидатов в министры. — Налейте и себе, и мне.

— Что вы будете пить, сир?

— Что? — Он поднял на меня глаза и бросил ост锐ый взгляд. — Да то же, что и всегда. Шотландское со льдом, конечно.

Я ничего не ответил и налил нам обоим, добавив в свой стакан немного содовой. По коже у меня пробежал мороз. Если Бонфорт знал, что Император всегда пьет чистое шотландское виски со льдом, это должно было быть отражено в досье. А там ничего подобного не было.

Но Виллем принял свой стакан, ничего не сказав, кроме обычного «Горячей плазмы», и продолжал рассматривать список. Потом оторвался от него и спросил:

— Ну, а как вам самому, Джозеф, нравятся эти ребята?

— Сир! Это, так сказать, скелет кабинета, разумеется. — Мы, где могли, сдавали портфели — сам Бонфорт должен был кроме должности премьера занимать еще посты военного министра и министра финансов. В трех случаях мы вписали просто постоянных заместителей тех министров, которые только что ушли в отставку. Это были посты министров по делам наук, проблем населения и внешних территорий. Люди, которые займут эти места после выборов, сейчас были нужны для ведения избирательной кампании.

— Да, да... второй состав... мmm... А что вы скажите об этом Брауне?

Я очень удивился. Я полагал, что Виллем утвердит список без лишних слов, хотя ему, вероятно, и захочется поболтать со мной о том, о сем. Такого разговора я не опасался. Человек может создать себе репутацию блестящего собеседника, просто дав другому возможность говорить без передышки.

О Лотаре Брауне говорили как о многообещающем государственном деятеле. Все, что я знал о нем, исходило из фэри-досье и из разговоров с Роджем и

Биллом. Он возник на политической арене уже после того, как Бонфорт вышел в отставку, и поэтому не занимал никаких постов, находясь, так сказать, на подхвате.

Билл настаивал, что Бонфорт будто бы планировал быстро продвинуть Брауна и что в «переходном» правительстве для него будет хорошая возможность показать себя. Он предложил его на пост министра внешних коммуникаций.

Родж Клифтон, казалось, колебался. Он сначала наметил на этот пост Энджела Хесус де ла Торре — постоянного заместителя министра. Но Билл возражал, говоря, что если Браун окажется пустышкой, то нынешняя ситуация даст возможность проверить его и в то же время не нанесет ущерба делу. Тогда Клифтон согласился.

— Браун? — ответил я. — Многообещающий юноша. Блестящий ум.

Виллем ничего не ответил, но снова пробежал глазами по списку. Я же отчаянно пытался припомнить, что дословно говорилось в досье Бонфорта. Блестящий... трудолюбивый... аналитический ум... Было ли там хоть что-то против Брауна? Нет... хотя... чересчур любезен... но чрезмерная любезность еще не бросает тень на человека. Правда, Бонфорт ни слова не сказал о таких важных качествах, как честность и лояльность. Конечно, это могло ровным счетом ничего не значить, поскольку фэрли-досье — вовсе не собрание характеристик, а досье фактов.

Император отложил лист.

— Джозеф, когда вы планируете включить марсианские Гнезда в Империю? Немедленно?

— Что? Разумеется, но не раньше проведения выборов, сир.

— Ну-ну, вы же понимаете, что я тоже имел в виду послевыборный период. А вы что, забыли, что меня зовут Виллем? Слышать, как тебя называет «сир» человек на шесть лет старше тебя, да еще когда мы наедине, по меньшей мере, глупо.

— Хорошо... Виллем.

— Как мы оба хорошо знаем, считается, будто я не должен вмешиваться в политику. Но оба мы знаем и то, что такое мнение не вполне правильно. Джозеф, вы потратили свои лучшие годы на то, чтобы создать обстоятельства, когда Гнезда единодушно пожелают войти в состав Империи. — Он ткнул пальцем в мой жезл. — Думаю, что это вам удалось. Если вы выиграете избирательную кампанию, вы сможете заставить Великую Ассамблею дать мне право провозгласить вхождение Марса в Империю. Я прав?

Я подумал.

— Виллем, — сказал я, тщательно выбирая слова, — вы же знаете, что именно так мы и собираемся поступить. Вероятно, у вас есть причины поднять этот вопрос именно сейчас?

Он поболтал свое виски в стакане и уставился на меня с видом ново-английского лавочника, готового отшить одного из своих летних клиентов.

— Вы хотите получить мой совет? Согласно Конституции, это вы должны подавать мне советы, а не наоборот.

— С радостью выслушаю ваш совет, Виллем, но не обещаю, что выполню его.

Он засмеялся.

— Вы вообще чертовски редко обещаете что-либо. Ладно, давайте предположим, что вы выиграли выборы и получили право сформировать правительство, но в парламенте у вас такое незначительное большинство, что вам будет исключительно трудно провести через него закон о даровании Гнездам полного равенства. В этом случае я не рекомендовал бы вам ставить вопрос о доверии. Если потерпите поражение, закусите губу и оставайтесь у власти. Постарайтесь удержаться у власти весь пятилетний срок.

— Зачем, Виллем?

— Затем, что вы и я — терпеливые люди. Видите это? — И он указал на герб своего Дома. — «Я воздвигаю». Не такой уж броский девиз, но ведь не королевское это дело — быть броским. Для короля — оберегать, предвидеть и хорошо «держать» удары. С конституционной точки зрения, мне наглевать, стоите

вы у власти или нет. Но зато мне очень даже важно, чтобы Империя была крепка и едина. Я полагаю, что если вы потерпите поражение в вопросе о марсианах сразу же после выборов, то можете позволить себе роскошь ждать — другие реформы завоюют вам достаточную популярность, а на дополнительных выборах вы будете набирать голоса и неизбежно, рано или поздно, придет ко мне и скажете, что я могу добавить к своим прочим титулам титул Императора Марса. Так что — не торопитесь.

— Я обдумаю это, — сказал я осторожно.

— Валяйте, думайте. Теперь, а как насчет ссылки преступников?

— Мы запретим ее сразу после выборов, но резко ограничим функционирование этой системы сейчас же. — Это я мог обещать твердо — Бонфорт ненавидел ссылку.

— Рад, что вы сохранили свой боевой дух, Джозеф. Мне лично отвратительно, что знамя Оранских развеивается над кораблем, перевозящем преступников. А что вы скажете о свободной торговле?

— После выборов — да!

— А как вы думаете компенсировать потери в бюджете?

— Мы убеждены, что торговля и промышленность получат мощный толчок к разритью, а прочие виды обложения перекроют потери от снятия таможенных барьеров.

— А если предположить, что этого не произойдет?

В моих запасах ответа на этот вопрос не было — политическая экономия была для меня тайной за семью печатями. Поэтому я улыбнулся.

— Виллем, я обязательно подумаю над вашими вопросами. Но вообще-то, вся программа партии Экспансионистов основана на идее, что свобода торговли, свобода передвижения, общее гражданство Империи, общая валюта и минимальное вмешательство имперских законов и ограничений принесут пользу не только гражданам Империи, но и самой Империи. Если нам понадобятся деньги, мы отыщем их не путем дробления Империи на малые удельные княжества. — Все

сказанное, кроме первой фразы, принадлежало лично Бонфорту и было лишь адаптировано применительно к данному разговору.

— Ладно уж, оставьте это для предвыборных выступлений, — буркнул король, — в конце-то концов я ведь только спросил. — Он снова взялся за список. — Вы уверены, что не хотите сделать в нем никаких изменений?

Я протянул руку, и он отдал мне листок. Черт побери, было совершенно очевидно, что Император пытается мне внушить в зашифрованной форме, насколько ему разрешала Конституция, свое мнение, будто Браун — не та фигура. Но ведь, будь оно проклято, я же не имею права менять списки, подготовленные Роджем и Биллом!

Но, с другой стороны, это же не список Бонфорта, это всего лишь то, что, как они полагают, хотел бы видеть Бон福特, будь он *compos mentis**

Как я жалел сейчас, что не порасспросил Пенни о Брауне и не выяснил, что она думает о нем!

И тогда я протянул руку, взял со стола Императора перо, вычеркнул Брауна и печатными буквами вписал туда *de la Torre*. Почерком Бонфорта я все еще не решался пользоваться.

Император заметил лишь:

— Мне кажется, команда недурна, Джозеф. Желаю вам счастья. Оно вам, безусловно, понадобится.

На этом деловая часть аудиенции кончилась. Я мечтал поскорее унести ноги, но от королей просто так не уходят — это одна из их прерогатив. Он пожелал показать мне свою рабочую мастерскую и сделанные им самим новые модели поездов. Я полагаю, что он больше других сделал для возрождения этого старинного хобби. Лично мне, не очень-то понятно увлечение взрослых людей такой забавой, но я все же выжал из себя несколько вежливых восклицаний по поводу его нового игрушечного локомотива, предназначенного для «Королевского шотландца».

* В здравом уме (лат.).

— Если бы мне повезло в жизни, — говорил король, ползая на четвереньках и заглядывая во внутренности локомотива, — из меня получился бы очень толковый продавец отдела игрушек большого магазина, а может быть, даже главный механик секции механической игрушки. Но превратности судьбы не дали осуществиться моей мечте.

— Вы и в самом деле полагаете, что предпочли бы другой жребий, Виллем?

— По правде говоря, не знаю. Моя нынешняя профессия не так уж и плоха. Времени занимает немного, зарплата — хорошая, да и социальной защищенности такой — поискать, если, конечно, не говорить о возможности революции. Впрочем, как известно, моей династии в отношении революций всегда везло. Однако большая часть моих обязанностей — зеленая тоска, и их мог бы с успехом выполнить любой второразрядный актер. — Он посмотрел на меня. — А ведь я здорово выручаю вашего брата, освобождая вас от бесконечных церемоний по закладке зданий и по приemu парадов?

— Я это знаю и очень высоко ценю.

— Время от времени, но очень редко, мне удается дать чему-то толчок в нужном направлении, или вернее, в том направлении, которое мне представляется нужным. Быть королем — смешная профессия, Джозеф. Не советую вам браться за нее.

— Боюсь, что мне уже поздно заниматься ею, даже если бы и очень захотелось.

Он продолжал что-то совершенствовать в своей игрушке.

— Моя главная функция — не дать вам сойти с ума.

— Что?

— Ну, разумеется. Ситуационный психоз — профессиональная болезнь глав государств. Мои предшественники по королевскому ремеслу — те, что действительно правила, — почти все были хоть чуточку, да психопаты. А гляньте только на ваших американских президентов — эта работенка, как правило, ведет к преждевременной смерти. Но мне не приходится руково-

дить процессами. Для этого у меня есть профессионалы вроде вас. И вам нет нужды доводить себя до убийственного кровяного давления. Вы или такие, как вы, всегда можете уйти со сцены, если дела пойдут уж совсем из рук вон плохо. И вот тогда Старый Добрый Император — а он обычно стар, так как на трон мы попадаем в том возрасте, когда нормальные люди уходят на пенсию — тут как тут, чтобы гарантировать стабильность, охраняя символы государственной власти, пока вы — профессионалы — будете вырабатывать для нее Новый Курс. — Он хитровато усмехнулся. — Моя работа, может быть, и не так уж заметна, но, безусловно, полезна.

Потом он еще немного похвастал своими игрушками, и мы вернулись в его кабинет. Я думал, что сейчас он меня отпустит, и действительно король сказал:

— Мне кажется, пора вас отпустить к вашим делам. Поездка была тяжелой?

— Не очень. Но пришлось много работать.

— Надо думать. А между прочим, кто вы такой?

Вас может схватить за плечо полицейский; вы можете получить шок, не нащупав ногой ступеньку там, где она должна быть; можете во сне свалиться с кровати; вас может застать неожиданно вернувшийся муж; но любой из этих случаев я бы с радостью обменял на этот, заданный тихим голосом вопрос. Мне показалось, что от ужаса я постарел, сравнявшись возрастом с моим прототипом.

— Сир?

— Бросьте, бросьте, — сказал он нетерпеливо. — Мой пост связан с рядом привилегий. Поэтому вам лучше говорить правду. Уже час, как я знаю, что вы не Джозеф Бонфорт, хотя допускаю, что вы могли бы провести даже его родную мать. В самых мелочах поведения вы — выпитый Бонфорт. Так кто же вы такой?

— Меня зовут Лоренцо Смизи, Ваше Величество, — еле слышно прошептал я.

— Не надо дрожать! Я уже давно мог кликнуть стражу, если бы намеревался вас схватить. Уж не подосланы ли вы, чтобы убить меня?

— Нет, сир! Я... верный... верный подданный Вашего Величества...

— Странный способ у вас доказывать верность. Ладно, налейте-ка себе стаканчик и выкладывайте.

И я рассказал ему все, с самыми мельчайшими подробностями. Для этого потребовался еще стаканчик-другой, после чего я почувствовал себя куда лучше. Король ужасно рассердился, узнав о похищении, но когда я рассказал о том, что они сделали с мозгом Бонфорта, его лицо буквально почернело от ярости.

Наконец он сказал:

— Значит, для того чтобы Бонфорт пришел в норму, нужно еще несколько дней?

— Так, во всяком случае, утверждает доктор Капек.

— Не позволяйте ему работать до тех пор, пока он не поправится окончательно. Это очень большой человек. Вы сами-то это понимаете? Он стоит шести таких, как вы или я. Продолжайте быть двойником и дайте ему нужный отдых. Он необходим Империи.

— Вы правы, сир.

— Бросьте вы это «сир»! Поскольку сейчас вы — это он, то и зовите меня Виллемом, как он звал. А знаете, как я вас расколол?

— Нет, си... Нет, Виллем.

— Он зовет меня по имени вот уже двадцать лет. И мне показалось немного странным, что он перестал наедине обращаться со мной просто, хотя, конечно, и находился здесь по государственной надобности. Но тогда я еще по-настоящему ничего не заподозрил. И все же, как бы поразительна ни была ваша игра, я призадумался. Когда же вы пошли смотреть мои поезда, тут уж я окончательно убедился.

— Извините, но почему?

— Вы были слишком вежливы, вот почему. Я ведь и раньше показывал ему свои машинки, и он постоянно расплакивался со мной за испытываемую скуку насмешками, грубо въезжаясь насчет того, что вот, дескать, такой взрослый дядька, а занимается подобной ерундой. Эту маленькую сценку мы разыгрывали часто, она очень забавляла нас обоих.

— Ох, об этом я и не подозревал.

— Откуда ж вам было знать!

Я же подумал о том, что все же следовало сообразить, что этот проклятый фэрли-архив выдает в некоторых случаях в чем-то ненадежную информацию. Только потом я понял, что досье вовсе не было дефектным и что принципы, на которых архив был основан, ничуть не нарушились. Досье должны были давать видному общественному деятелю мелкие детали о привычках менее значимых лиц. А Императора таким незначительным лицом уж никак нельзя было считать: он известен никак не меньше Бонфорта, и, разумеется, последний не нуждался в записях, чтобы закрепить в памяти привычки короля Виллема. Тем более он не считал возможным помещать в досье сведения о своих личных взаимоотношениях с сюзереном, раз этим досье пользовались даже клерки!

Я не понял того, что было совершенно очевидно, хотя и не знаю, что бы я предпринял, если б уразумел с самого начала, что досье неполно.

А Император продолжал:

— Вы блестательно справились со своей задачей! И после того как вы рискнули жизнью в марсианском Гнезде, я ничуть не удивляюсь, что вы взяли на себя смелость попытаться обмануть и меня. Скажите, я когда-нибудь видел вас на сцене или на экране?

Я назвал ему свое настоящее имя, когда Император того потребовал, сейчас же, смущаясь, я выдал ему и свой театральный псевдоним. Он оглядел меня с ног до головы, всплеснул руками и громко расхохотался. Мне стало даже обидно.

— Вы никогда не слышали обо мне?

— Слышал ли я о вас? Да я один из самых горячих поклонников вашего таланта! — Он снова пригляделся ко мне. — Нет, вы же как две капли воды схожи с Бонфортом! Я не верю, что вы — Лоренцо!

— И тем не менее это я.

— Да верю я, верю! А вы помните ту сценку, где вы играли бродягу? Сначала еще вы пытались доить корову — и ничего не вышло. А кончается она тем, что вы едите из кошачьей миски, но приходит кот и вас прогоняет.

Я сказал, что помню.

— Я эту кассету чуть ли до дыр не затер. Смеюсь и плачу одновременно.

— Так это и было задумано. — Поколебавшись, я все же сказал, что скопировал замысел «Бедного Вилли» у знаменитого артиста совсем другой эпохи. — Однако мои любимые роли — драматические.

— Такие, как эта последняя?

— Ну... не совсем так... Такая роль — одна на всю жизнь. И играть целый сезон я бы ее не смог.

— Думаю, вы правы. Ладно, скажите Роджу Клифтону... Нет, Клифтону ничего не надо говорить. Лоренцо, я не думаю, чтобы кто-нибудь выиграл узнав о нашем с вами разговоре. Если вы передадите его содержание Клифтону, ну даже хотя бы то, что я просил его не беспокоиться, это фактически только растревожит его. А перед ним еще уйма работы. А потому лучше промолчим, а?

— Как пожелаете, Ваше Величество?.

— Прошу вас, бросьте вы это... Мы будем хранить молчание потому, что так лучше для дела. Ах, как жаль, что нельзя тайком навестить Дядюшку Джо. Ему бы это, конечно, не помогло, хотя в прежние времена считалось, что королевское прикосновение творит чудеса. А потому ничего никому не скажем и притворимся, что я ни о чем не догадался.

— Хорошо... Виллем.

— А теперь, я думаю, вам пора идти. Я и без того слишком задержал вас.

— Как вам будет угодно.

— Я попрошу Патила проводить вас... Или вы уже знаете обратную дорогу? Одну минуточку... — продолжал король, роясь в бумажном завале на столе и что-то бурча себе под нос. — Эта девка, должно быть, опять старалась навести у меня порядок... Ах, нет... вот она... — Он выудил небольшую книжечку. — Возможно, мы никогда больше не увидимся... Вы не откажетесь дать мне свой автограф перед уходом?

Глава 9

Билла и Роджа я нашел в Верхней гостиной Бонфорта. Оба прямо икру метали от беспокойства. Не успел я войти, как Билл накинулся на меня.

— Где вы шлялись столько времени, черт бы вас побрал?!

— Был у Императора, — ответил я холодно.

— Вы проторчали там в пять или шесть раз дольше, чем положено!

Я даже не потрудился ответить. Со временем ссоры из-за той речи Корпсмену и мне приходилось взаимодействовать, но это был явно брак по расчету, а не по любви. Мы сотрудничали, но томагавк войны не был зарыт, и можно было ожидать, что его в любую минуту всадят мне между лопатками. Я не делал попыток примириться с Биллом и не видел в том особой нужды — по моему мнению, его родители не слишком заботились об его воспитании — переспали где-то и все.

Я не люблю ссориться с другими членами труппы, но Корпсмена явно устраивало лишь одно положение для меня — положение слуги, при каждом обращении снимающего шляпу и к месту и не к месту величающего своего хозяина сэром. Я же был профессионал, согласившийся делать очень тяжелую профессиональ-

ную работу, и не привык, чтобы меня кормили на кухне — профессионалы требуют почтительности и уважения в обращении с ними.

Поэтому я проигнорировал Билла и спросил Роджа:

— А где Пенни?

— Она у него. Там сейчас находятся и Дак с доктором.

— Значит, его уже переправили сюда?

— Да, — Клифтон немного замялся. — Мы поместили его рядом с вашей спальней, в ту комнату, которая предназначалась бы для вашей жены, если бы она у вас была. Это единственное место, где можно обеспечить ему полный покой и нужный уход. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Конечно, не буду.

— Вам это особых неудобств не доставит. Спальни соединены, как вы, вероятно, заметили, общей гардеробной, и мы закрыли дверь с его стороны. Кстати, дверь звуконепроницаема.

— Что ж, по-моему, все правильно. Как он себя чувствует?

Клифтон нахмурился.

— Лучше, гораздо лучше — если оценивать в целом. Большую часть времени в сознании. — Он снова замялся. — Если хотите, можете его навестить.

Я тоже помолчал.

— Как скоро, по мнению доктора Капека, мистер Бонфор特 сможет появиться на публике?

— Трудно сказать. Довольно скоро.

— Как скоро? Дня три-четыре? Достаточно скоро, чтобы отменить все встречи и позволить мне на это время исчезнуть из виду? Родж, мне трудно это сформулировать, но, хотя мне и очень хочется его увидеть и выразить свое глубочайшее уважение, по моим ощущениям, этого не следует делать до того, как я в последний раз появлюсь в этой роли. Такая встреча может разрушить созданный мной образ.

В свое время я сделал огромную ошибку, придя на похороны собственного отца. Долгие годы после этого я представлял его себе только таким, каким увидел его в гробу. И лишь постепенно мне удалось вытеснить это

воспоминание другим и снова увидеть его жизнелюбивым, полным энергии, воспитавшим меня твердой рукой и передавшим мне все секреты нашего ремесла. Я боялся, что нечто в этом роде может произойти и в случае с Бонфортом. Я ведь играл здорового человека, человека в расцвете сил, такого, каким я видел его в стереозаписях. Я опасался, что если увижу его больным, то воспоминания об этом спутают меня и испортят мою игру.

— Я не настаиваю, — сказал Клифтон, — вам виднее. Возможно, нам удастся избавить вас от новых появлений на публике, но я хотел бы, чтобы вы были постоянно наготове до тех пор, пока мы не будем окончательно уверены.

Я чуть было не проговорился, что такое решение совпадает и с мнением Императора, но вовремя спохватился — шок от свидания с Императором чуть было не выбил меня из роли. Воспоминание об Императоре вернуло меня к нашей рутине. Я вынул из кармана пересмотренный список кабинета и вручил его Корпсмену.

— Вот вам утвержденный состав. Передайте его в средства массовой информации, Билл. В нем вы найдете только одно изменение — де ла Торре вместо Брауна.

— ЧТО?

— Хесус де ла Торре вместо Лотара Брауна. Таково желание Императора.

Клифтон был ошеломлен. Корпсмен — ошеломлен и взбешен.

— Мало ли чего он захочет! У него, черт побери, никакого права на собственное мнение нет!

Вступил Клифтон, стараясь говорить спокойно:

— Билл прав, Шеф. Как юрист, специализирующийся на конституционном праве, могу заверить вас, что утверждение этого списка сюзереном — чистая формальность. Вы не должны были позволять ему вносить какие бы то ни было изменения.

Мне хотелось наорать на них, и лишь усвоенное мной бонфортовское хладнокровие удержало меня. У меня и без того был тяжелый день, так как невзирая

на блестящую игру, меня все же постигла сокрушительная неудача. Мне хотелось выкрикнуть прямо в лицо Роджу, что, если бы Виллем не был действительно великим человеком, королем в полном смысле этого слова, мы бы все сидели сейчас по уши в дерьме просто потому, что мне не обеспечили должного уровня подготовки. Вместо этого я спокойно ответил:

— Что сделано, того не переделаешь.

— Это вы так думаете! — взвизгнул Корпсмен. — Еще два часа назад я передал правильный список репортерам. Так что придется вам отправляться назад и исправлять свои ошибки! Родж, вам надо сейчас же созвониться с Дворцом и...

И тут я прикрикнул:

— А ну, тихо! — Корпсмен заткнулся. А я продолжал, чуть-чуть сбавив тон: — Родж, формально вы, должно быть, правы. Я этого просто не знаю. Зато я знаю, что Император имел моральное право поставить кандидатуру Брауна под вопрос. А потому если кому-то из вас угодно пойти к Императору и оспорить его мнение, то — на здоровье! Я же собираюсь немедленно снять эту старомодную смирительную рубашку, скинуть туфли и выпить добрый стаканчик виски. А потом завалюсь спать.

— Подождите, Шеф, — возразил Клифтон, — вам предстоит еще пятиминутное выступление по сети центрального стереовидения, где вы объявит о составе нового кабинета.

— Займитесь этим сами. Вы же мой первый вице-премьер.

Он только моргнул.

— Хорошо.

Корпсмен, однако, продолжал стоять на своем:

— А как же будет с Брауном? Мы ведь обещали ему этот пост!

Клифтон задумчиво посмотрел на него.

— Я этого ни в каких документах не читал. У него, как и у других, спросили, не хочет ли он заняться государственной деятельностью. Ты это имел в виду?

Корпсмен заколебался, как актер, что-то напутавший в своей роли.

- Конечно. Но это же и есть обещание.
- Не есть, раз не было официального объявления. Это совсем другое дело.
- Но ведь уже объявили, я же вам сказал! Два часа назад объявили!
- Ммм... Билл, боюсь вам придется связаться с ребятами из прессы и сказать, что произошла техническая ошибка; например, что по недосмотру список был им вручен раньше, чем его утвердил сам мистер Бонфорт. Так или иначе, но ошибку нужно исправить до того, как имперская сеть начнет передачи.
- Вы что же хотите, чтобы этому... сошло с рук такос дело?!
- Надо думать, что под словом «этот» подразумевался скорее я, чем Виллем. Родж сделал вид, что он понял иначе.
- Да, Билл, сейчас не время вызывать конституционный кризис. Впрочем, и само дело того не стоит. Поэтому решайте, кто возьмет на себя исправление недоразумения — вы или я?
- Своим поведением Корпсмен напоминал кота, которого тащат, чтобы ткнуть носом. Выглядел он мрачно, пожал плечами и сказал:
- Беру на себя. Надо все очень точно сформулировать, чтобы выбраться из этой неурядицы, не вызвав опасных кривотолков.
- Спасибо, Билл, — мягко отозвался Клифтон.
- Корпсмен двинулся к двери. Я окликнул его:
- Билл, поскольку вы будете говорить с прессой, у меня для них есть еще одна информация.
- А? Что у вас там еще?
- Пустяки. — Дело в том, что я внезапно ощутил смертельную усталость как от роли, так и от связанных с ней напряжения. — Скажите им только, что мистер Бонфорт простудился и врач рекомендовал ему постельный режим на несколько дней. Я действительно безумно устал.
- Корпсмен фыркнул.
- Тогда лучше назовем это пневмонией.
- Ваше дело.
- Когда он вышел, Родж повернулся ко мне и сказал:

— Не расстраивайтесь, Шеф. В наших делах все идет то в горку, то под гору.

— Родж, мне в самом деле лучше объявить себя больным. Так что сообщите об этом вечером по стечею.

— Даже так?

— Да, я собираюсь лечь в постель и оставаться там некоторое время. Ведь нет причины, по которой Бонфорту не может простудиться и пролежать в кровати до того времени, пока он не будет в состоянии впрячься в свою упряжь? Всякий раз, как я появляюсь перед публикой, опасность того, что кто-нибудь что-то заметит, возрастает. И каждый раз после выхода этот проклятый Корпсмен выискивает, к чему бы ему придраться. Артист не может работать в условиях, когда его непрерывно подкусывают. Так давайте же лучше закончим на этом и опустим занавес.

— Успокойтесь, Шеф. Отныне я приму все меры, чтобы держать Корпсмена подальше от вас. Здесь, на Луне, это сделать проще, нежели на корабле, где все мы сидели чуть ли не на коленях друг у друга.

— Нет, Родж, мое решение окончательно. Поймите, я вовсе не собираюсь совсем выйти из игры. Я останусь с вами до тех пор, пока мистер Бонфорту не сможет выйти на сцену, останусь на случай, если возникнет острая необходимость. — Тут я с беспокойством вспомнил, что Император тоже просил меня остаться и, вероятно, уверен, что я так и поступлю. — И все же практически меня лучше держать в тени. До сих пор нам все сходило с рук, не правда ли, но они-то знают, кто-то ведь знает, что на церемонии Усыновления был вовсе не Бонфорту. Они только не осмеливаются поднять по этому поводу крик, так как не уверены, что смогут доказать свою правоту. Те же самые люди могут подозревать, что на сегодняшней аудиенции тоже был двойник, но полной уверенности в этом у них нет, так как всегда сохраняется вероятность, что Бонфорту уже оправился настолько, что смог выдержать прием у Императора. Я правильно рассуждаю?

Странное виноватое выражение появилось на лице Клифтона.

— Боюсь, они полностью убеждены, что вы — двойник, Шеф.

— Это еще почему?

— Мы несколько приукрасили истину, чтобы не нервировать вас понапрасну. Доктор Капек еще после первого осмотра был уверен, что только чудо способно поднять мистера Бонфорта на ноги к сегодняшней аудиенции. Люди, вкатившие ему такую чудовищную дозу, тоже должны это понимать.

Я нахмурился.

— Значит, вы обманули меня сегодня, когда расписывали, как он отлично чувствует себя? Как он на самом деле, Родж? Только на этот раз без вранья.

— На этот раз все было правдой, Шеф. Именно поэтому я предлагал вам навестить его, хотя раньше меня полностью устраивало ваше нежелание видеться с ним. — Помолчав, он добавил: — Может быть, вам все же лучше повидаться и поговорить с ним?

— Ммм... Нет. — Причины, породившие мой отказ, все еще сохраняли силу: если мне предстоят публичные выступления, то я не хотел бы, чтобы мое подсознание сыграло со мной злую шутку. Я должен был играть роль совершенно здорового человека. — Родж, все, что вы рассказали мне сейчас, только укрепляет мое мнение. Раз они убеждены, что на сегодняшнем приеме был двойник, нам никак нельзя рисковать новым публичным появлением. Сегодня мы их застали врасплох — или у них не было физической возможности разоблачить нас в данных обстоятельствах. Но они могут пустить в ход такую ловушку, которую мне не удастся обойти, и тогда — трах! — дверца захлопнется, игра окончена! — Я подумал. — Лучше бы мне заболеть по-настоящему. Билл прав — пусть это будет пневмония.

Сила внушения такова, что на следующий день я проснулся с насморком и с болью в горле. Доктор Капек нашел время навестить меня и прописал что-то, отчего уже к обеду я вновь почувствовал себя человеком. Тем не менее он выпустил бюллетень о вирусном гриппе у мистера Бонфорта. В полностью изолированных и снабжаемых искусственным воздухом городах

Луны страх перед инфекцией, передаваемой воздушным путем, исключительно силен. Поэтому никто и не пытался прорваться ко мне через заслоны. В течение четырех дней я бездельничал, читал позаимствованные из личной библиотеки мистера Бонфорта книги и сборники его статей. Я сделал открытие, что как политика, так и экономика — безумно интересное чтение. До сих пор я был очень далек от них. Император прислал мне цветы из своих оранжерей. Интересно, не предназначались ли они лично для меня?

Впрочем, это неважно. Я бездельничал и прямо-таки купался в наслаждении снова ощущать себя актером Лоренцо и даже просто Лоренцо Смизи. Обнаружил, что могу мгновенно входить в роль при появлении кого-то из посторонних, причем проделываю это автоматически, независимо от воли, просто в силу необходимости. Я не видел никого, кроме Пенни и Капека, если не считать единственного визита Дака.

Однако даже жизнь лотофагов* приедается. На четвертый день мне так осточертела моя комната, как не надоедала ни одна приемная продюсера, и я почувствовал себя одиноким и заброшенным. Никто ко мне не заходил. Визиты доктора Капека были коротки и носили чисто профессиональный характер, Пенни забегала на минутку и редко. Она перестала звать меня мистером Бонфортом.

Когда появился Дак, я был вне себя от радости.

— Дак! Что новенького?

— Да очень мало. Одной рукой пытался наладить техосмотр корабля, другой — помогал Роджу в его политической стряпне. На этой кампании, где все запутано до предела, он наверняка наживет язву желудка. — Дак уселся в кресло. — Политика — это еще та штучка!

— Хмм... Дак, а как вы ввязались в это дело? Мне казалось, что космолетчики так же далеки от политики, как и актеры. А уж лично вы — тем более.

* Жители сказочной страны, питающиеся лотосом. В переносном смысле — праздные мечтатели (прим. ред.).

— И да и нет. Большую часть времени космолетчикам глубоко наплевать, как действует вся эта кухня — была бы возможность перегонять свой металлом с одной планеты на другую. Однако чтобы летать, надо иметь грузы, а раз груз, значит — торговля, а доходная торговля требует снятия таможенных пошлин, свободы выбора куда лететь и отказа от всяких таможенных барьеров и запретных зон. Свобода! И вот, пожалуйста, вы уже по самое горло в политике. Что касается меня, то я впервые занялся этим, когда попытался «протолкнуть» закон о Непрерывном Полете, чтобы не приходилось платить таможенные сборы дважды при рейсе между тремя планетами. Законопроект, конечно, был внесен Бонфортом. Ну, одно за другим, и вот я уже шесть лет, как капитан его яхты и представитель нашей Гильдии со времени последних выборов, — Он вздохнул. — Сам не понимаю, как это все случилось.

— Надо думать, вам все это изрядно поднадоело? Вы не будете выставлять свою кандидатуру на следующий срок?

Он так и уставился на меня.

— Что?! Дружище, да если ты никогда не занимался политикой, значит, ты никогда и не жил!

— Но вы же только что сказали...

— Сам знаю, что я сказал... Это грубая, иногда грязная и всегда тяжелая работа, сопровождаемая уймой тоскливых и нудных мелочей. Но это единственный вид спорта, который годится для настоящего мужчины. Все другие игры — это для детишек. Все! — Он встал. — Пора бежать!

— Ох, ну посидите еще немножко, Дак.

— Не могу. Завтра собирается Великая Ассамблея, и мне надо помочь Роджу. Тут и впрямь вздохнуть некогда.

— Вот как? А я даже и не знал. — Вообще-то говоря, я слышал, что уходящий состав Великой Ассамблеи должен собраться еще раз перед распуском и утвердить «переходное» правительство. Но как-то об этом не думал. Дело-то было чисто формальное, такое

же, как утверждение списка членов Кабинета Императором. — А он сможет там присутствовать?

— Нет. Но вам об этом не следует беспокоиться. Роджу придется извиниться за ваше... то есть, за его отсутствие и попросить утвердить полномочия, не открывая по этому поводу прений. Затем он зачитает речь Верховного Министра, вступающего на свой пост — ее как раз заканчивает писать Билл. Потом, уже в качестве вице-премьера, Родж просит утвердить состав Правительства. Последует минута молчания. Дебатов не будет. Предложение примут. Собрание распустят. Все помчатся домой, чтобы поскорее получить возможность наобещать каждому избирателю пару баб в его постели и по сто империалов утром каждого понедельника. Рутина... — Он помолчал. — Ах, да! Кто-то из членов партии Человечества внесет резолюцию, выражющую личные симпатии Верховному Министру, и, разумеется, в зал втащат целую корзину цветов. От всего этого будет исходить аромат самого утонченного ханжества. Ведь с куда большим удовольствием они послали бы венок на могилу Бонфорта! — Дак даже оскалился.

— Неужели все так просто? Ну, а что если предложение заслушать заместителя не пройдет? Мне казалось, что Великая Ассамблея не склонна принимать подобные решения?

— Как правило, да. Но на все есть своя хитрая парламентская механика. Ведь если они не выслушают заместителя завтра, им придется ждать неопределенное время, пока Бон福特 выздоровеет, и только тогда они смогут разъехаться и заняться серьезными делами — обolvаниванием избирателей. А надо помнить, что и без того ежедневно, с самого дня отставки Кироги, в Ассамблее шли так называемые «фальшивые» заседания, состоявшие только из церемоний открытия и закрытия. Эта Ассамблея мертва куда больше, чем призрак великого Цезаря, но похоронить ее полагается согласно соответствующей статье Конституции.

— Пусть так... Но предположим, что какой-то идиот возразит?

— Никто не возразит. Видите ли, это могло бы вызвать конституционный кризис, а этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

После этого мы довольно долго молчали. Дак больше не делал попыток уйти.

— Дак, а что, дело пойдет легче, если я появлюсь там и произнесу эту речь?

— Что? Бог ты мой, я же считал, что этот вопрос решен окончательно! Вы пришли к выводу, что появление на публике небезопасно, если не будет каких-либо чрезвычайных обстоятельств. В целом я с этим согласен. Есть же старая поговорка о кувшине, что повадился по воду ходить.

— Да. Но ведь это будет нечто вроде увеселительной прогулки, не так ли? Все расписано заранее, как в хорошей театральной постановке. Есть ли хоть один шанс, что возникнет ситуация, с которой я не справлюсь?

— Думаю, нет. В обычных условиях вам следовало бы потом встретиться с прессой, но ваша недавняя болезнь послужит извинением. Мы можем вывести вас через запасной туннель и избежать встречи с журналистами. — Он невесело усмехнулся. — Конечно, всегда есть шанс, что какой-нибудь псих на галерке прощает с собой пистолет. Мистер Бонфорт шутя называл галерку своим тиром, после того как его достали оттуда.

Я сразу же ощутил в ноге острую боль.

— Хотите напугать меня до смерти?

— Нет.

— Тогда у вас странная манера будить мою смешность. Дак, перестанем играть в кошки-мышки. Вы хотите, чтобы я завтра занялся этим делом? Да или нет.

— Конечно, хочу. Иначе какого черта я торчал бы тут, когда дел у меня по горло! Чтобы потрепаться с тобой, что ли?

Скипер *pro tempore** ударил молотком, капеллан произнес короткую проповедь, в которой постарался тщательно избежать конфронтации взглядов различ-

* Временно назначененный (лат.).

ных религий, после чего все смолкли. Депутатские места были заполнены лишь наполовину, тогда как балконы переполнены туристами.

Мы услышали передаваемый по внутренней трансляции церемониальный стук. Парламентский пристав с булавой загородил вход. Трижды требовал Император права войти, и трижды Пристав отказывал ему. Тогда он попросил о милости и был ко всеобщему удовольствию допущен. Мы встали, когда вошел Виллем и сел позади кресла Спикера. Он носил мундир Генерал-Адмирала и был без свиты. Как и требовалось, его сопровождал лишь эскорт Спикера и парламентский Пристав.

После этого я взял свой боевой жезл под мышку, встал со своего кресла в первом ряду и, адресуясь к Спикеру, как будто сюзерена в зале и не было, прочел речь. Это была не та речь, что написал Корпсмен. Ту я отправил в сортир сразу же после того, как просмотрел ее. Билл написал речь, которая, возможно, подходила для избирательной кампании, но никуда не годилась для данного места и данного времени.

Моя речь была краткой и нейтральной, я составил ее из кусков, заимствованных из других речей Бонфорта, и она, в известной мере, повторяла ту, что он произнес, возглавляя предыдущее «переходное» правительство. Я твердо высказался в пользу хороших дорог, отличной погоды, пожелал, чтобы все возлюбили друг друга подобно тому, как мы — демократы, обожаем своего сюзерена, а он любит нас. Это была шикарная лирическая поэма в прозе слов этак на пятьсот, и если я отклонялся от речи, что служила мне образцом, то продолжал говорить от себя, исходя из роли, которую играл. Восторг балкона был таким, что его пришлось призвать к порядку.

Родж встал и предложил, чтобы кандидатуры, названные по ходу речи, были утверждены; возражений не последовало. Парламентский клерк объявил это решение единогласным. Когда я вышел вперед в сопровождении секундантов от моей партии и оппозиции, то увидел, что многие члены Ассамблеи поглядывают

на часы, прикидывая, успеют ли они занять место в полуденном шаттле.

Затем я принес присягу верности моему сузерену, ограниченную соответствующими статьями Конституции, поклялся защищать и расширять права и привилегии Великой Ассамблеи, охранять свободы граждан Империи, где бы таковые граждане ни находились, а заодно пообещал и исполнять обязанности Верховного Министра Его Величества. Капеллан, произнося слова присяги пару раз сбился, но я его поправил.

Мне казалось, что я говорю очень бойко, как на каком-нибудь застолье, и вдруг я обнаружил, что плачу и слезы застилают мне глаза. Когда я кончил, Виллем сказал мне еле слышно:

— Прекрасно сыграно, Джо.

Не знаю, думал ли он, что говорит со своим старым другом, да, впрочем, какое мне дело до этого. Я не стал вытирая слез. Позволил им течь по щекам, когда повернулся лицом к Ассамблее. Подождал, пока уйдет Виллем, а затем распустил Ассамблею.

«Диана Лимитед» в тот день пустила четыре дополнительных шаттла. Новая Батавия опустела — кроме двора и миллиона пекарей, мясников, свечников и государственных служащих в городе осталось только «скелетное» правительство.

После того как мой «грипп» был побежден и я появился перед обширной аудиторией Ассамблеи, больше уже не имело смысла прятаться. В качестве Верховного Министра я уже не мог, не вызывая нежелательных слухов, быть невидимкой. Как номинальный глава политической партии, начавшей предвыборную кампанию, я обязан был встречаться с людьми, во всяком случае с некоторыми. Поэтому я делал то, что нужно было делать, и ежедневно читал присылаемый мне доклад о том, что Бонфор特 находится на пути к полному выздоровлению. Выздоровление шло хорошо, хотя и медленно. Капек сообщал, что в случае острой необходимости он мог бы появиться на людях почти в любую минуту, хотя лично он — Капек — против этого возражает. Бонфорт потерял почти ~~двадцать~~ фунтов веса, и его движения еще плохо координируются.

Родж делал все от него зависящее, чтобы прикрыть нас обоих. Бонфорту уже было известно, что вместо него действует двойник, и после первого приступа гнева, он смирился с неизбежностью и одобрил такое решение. Родж тянул на себе всю выборную кампанию, консультируясь с Бонфортом только по вопросам высокой политики, а затем передавал мне ответы Бонфорта, чтобы я мог руководствоваться ими, когда в том возникнет нужда.

Меня оберегали не менее тщательно. Увидеть меня было потруднее, чем получить свидание с засекреченным агентом. Мой офис находился в горах, сразу же за апартаментами Лидера оппозиции — мы не стали переезжать в более пышные покои Верховного Министра, что было бы вполне законно, но, пока он был лишь главой «переходного» правительства, могло бы вызвать косые взгляды. Сюда нельзя было попасть прямо из нижней гостиной, а чтобы воспользоваться главным входом, нужно было пройти через пять контрольных пунктов. Это касалось всех без исключения, кроме тех, особо доверенных, кого Родж сам провожал обходным туннелем в кабинет Пенни, а уж оттуда и в мой.

Такая система обеспечивала мне возможность просмотреть фэри-досье на каждого, кто должен был увидеться со мной. Я мог даже держать досье прямо перед собой в самый момент визита, так как мой стол был оборудован скрытым проектором, которого посетитель со своего места видеть не мог. Если же он оказывался любителем походить по кабинету, мне ничего не стоило мгновенно отключить дисплей. Он имел и другое назначение. Родж мог, например, привести ко мне посетителя, оставить меня с ним наедине, выйти в кабинет к Пенни, написать мне записку и передать ее на дисплей. Это были срочные заметки типа: «Заласкайте его до смерти, но ничего не обещайте»; «Все, что ему от вас надо — это представить его жену королевскому двору. Обещайте ему это и выпроваживайте»; «С этим будьте осторожны. Он из «трудного» округа и гораздо умнее, чем кажется. Передайте его мне, я все уляжу».

Не знаю, кто в это время на самом деле руководил правительством. Думаю, «карьерные» заместители. Каждое утро на моем письменном столе появлялась кипа документов. Я ставил под ними свою корявую бонфортовскую подпись, а Пенни утаскивала все прочь. Меня просто заворожили масштабы бюрократической машины Империи. Однажды, когда нам пришлось проводить заседание за пределами наших офисов, Пенни провела меня, как она сказала, прямиком через Архив, где миля за миля тянулись бесконечные ряды стеллажей, каждый из которых представлял собой как бы соты с ячейками для хранения микрофильмов. За стеллажами проходили движущиеся дорожки, чтобы клеркам не тратить дни на поиски нужного досье.

Пенни сказала, что провела меня только по одному крылу Архива. Каталог всех досье, говорила она, занимает пещеру размером с Зал Заседаний Великой Ассамблеи. Услышав это, я порадовался, что знакомство с государственной деятельностью для меня, так сказать, скорее хобби, чем постоянная работа.

Встречи с посетителями были неизбежным злом и главное — совершенно бесполезным, поскольку Родж или Бонфорт через Роджа сами принимали все решения. Для меня настоящая работа заключалась в написании речей для предвыборных выступлений. Был пущен слух, что мой доктор опасается осложнений на сердце после вирусной инфекции и рекомендовал мне оставаться в условиях пониженной гравитации на все время предвыборной кампании. Я не хотел рисковать, выступая двойником на Земле, а еще меньше — на Венере. От фэри-досье, когда имеешь дело с толпой, толку было мало, не говоря уж об опасности, которую представляли террористические организации Активистов. Никому из нас, а мне особенно, не хотелось даже думать о том, что я мог бы наболтать, вкati они мне хотя бы минимальную дозу неодекоксина.

Кирога мотался по всем континентам Земли, выступая по стерео и с трибун перед огромными стечениями людей. Но Роджа Клифтона это не тревожило. Он пожимал плечами и говорил: «Пусть себе. Выступлениями политических митингах голосов не соберешь.

Только сам вымотаешься. На митинги-то ходят одни фанатичные приверженцы».

Оставалось лишь надеяться, что Родж прав. Предвыборная кампания была короткой — всего шесть недель с момента отставки Кироги до того дня, который он сам назначил для проведения выборов. Поэтому я выступал чуть ли не каждый день или по Имперской сети, где нам предоставили равное время с партией Человечества, или же в записи — ролики ежедневно отправлялись с шаттлами для последующей трансляции на митингах и собраниях со специфическим составом аудиторий.

Выработалась своего рода рутинà — ко мне поступал черновик речи (возможно, его писал Билл, с которым я больше не встречался), я его перерабатывал, Родж просматривал переработанный вариант и возвращал его мне либо одобренным, либо, иногда, с незначительными изменениями, сделанными почерком Бонфорта, который стал таким корявым, что его почти невозможно было разобрать.

Я никогда не касался мест, выправленных Бонфортом, хотя остальной текст подвергал новой правке: когда вы начинаете «прокатывать» текст вслух, всегда обнаруживается, что то же самое можно сказать короче и живее. Я начал улавливать характер поправок Бонфорта — чаще всего они сводились к устраниению всякой водянистости — выражения он предпочитал крепкие и определенные.

С Бонфортом я еще не встречался. Я чувствовал, что не смогу носить его личину, если увижу его на одре болезни. Но я был не единственным человеком из нашей маленькой команды, который его не навещал: Капек выставил Пенни — ради ее же блага. Я об этом узнал только позднее. А тогда знал лишь, что с тех пор, как мы прибыли в Новую Батавию, Пенни стала раздражительной, забывчивой и мрачной. Под глазами у нее появились круги, как у енота. Всего этого я не мог не заметить, но приписал эти симптомы усталости от тревог, связанных с кампанией, и беспокойству за Бонфорта. Я был прав только отчасти. Доктор же Капек не только все понял, но и принял свои меры,

подвергнув ее легкому гипнозу, задав ей ряд вопросов, а затем строго запретив посещать Бонфорта до тех пор, пока со мной не будет все кончено и меня не отправят на Землю.

Бедная девочка почти с ума сошла, разрываясь между посещениями чуть ли не умирающего человека, в которого была безнадежно влюблена, и работой в тесном контакте с другим мужчиной, который не только схож с первым как две капли воды, но и говорит, и действует так же и при этом абсолютно здоров. Она уже начинала ненавидеть меня.

Молодчина Капек понял, в чем корень зла, сделал ей кое-какие постгипнотические внушения, но категорически запретил входить к больному. Естественно, мне тогда об этом ничего не сказали, да меня это и не касалось. Пенни же ожила и снова стала дружелюбной и невероятно энергичной, какой я ее знал до этого. Для меня же обстановка изменилась в корне. Надо честно признать — по меньшей мере раза два я был на грани разрыва с этой проклятой нервотрепкой, если бы не Пенни.

Мне нередко приходилось бывать на заседаниях Исполнительного Комитета по проведению кампании. Поскольку Экспансионистская партия была партией меньшинства и, по сути дела, лишь фракцией коалиции нескольких партий, удерживаемых вместе только личностью и лидерством Джона Джозефа Бонфорта, мне пришлось изображать его там и влиять в глотки этих обидчивых примадонн сладенький успокоительный сиропчик. К таким заседаниям меня готовили особенно тщательно, рядом со мной сажали Роджа, чтобы он наставлял меня на путь истинный, если случится какая-то заминка. Явка на эти заседания была для меня обязательна.

Примерно за две недели до выборов должно было состояться заседание, на котором намечалось произвести распределение «надежных» округов. У нашей организации всегда в запасе были тридцать-сорок округов, в которых наверняка можно было провести тех кандидатов, что были нужны или для формирования Кабинета министров, или для других политических целей.

Например, такой человек, как Пенни, сразу же приобретал другой вес, если получал права члена Ассамблеи, и мог свободно появляться там, общаться с другими членами, присутствовать на закрытых заседаниях съездов и других мероприятиях.

Сам Бонфорт тоже проходил по такому «надежному» округу. Это избавляло его от необходимости выступать на низовых собраниях избирателей. Такой же округ предназначался и Клифтону. Другой мог получить Дак, если бы он в этом нуждался, но ему было достаточно поддержки членов своей Гильдии. Родж намекал даже, что если, став снова самим собой, я захочу заняться политикой, то стоит мне слово сказать — и меня тут же занесут на следующих выборах в соответствующий список.

Некоторые из таких местечек отводились старым партийным функционерам, которые готовы были уйти в отставку по первому слову, чтобы обеспечить партии с помощью дополнительных выборов место для человека, которого нужно провести в правительство или на другой важный пост.

Все это напоминало дележку кормушек, и, учитывая, что собой представляла коалиция, Бонфорту приходилось улаживать всякого рода распри, многие из которых носили остро конфликтный характер. Соответствующий список он должен был представить Исполнительному Комитету. Делалось это в самый последний момент, перед публикацией избирательных бюллетеней, но пока еще в них можно было внести какие-то изменения.

Когда Родж и Дак вошли ко мне, я как раз работал над речью и распорядился, чтобы Пенни взяла на себя все остальные дела, а меня беспокоила только в пожарных ситуациях. Кирога в Сиднее накануне вечером выступил с совершению диким заявлением, которое давало нам возможность уличить его во лжи и поджарить на медленном огне. Я собственно готовил ответ на эту речь, не имея на этот раз даже черновика. Мне очень хотелось, чтобы представленный мной вариант был одобрен без поправок.

Когда они вошли, я сказал:

— Ну-ка, послушайте, — и прочел им тот абзац, в котором заключалась вся соль. — Нравится вам?

— Что ж, вы прямо-таки распяли его шкуру на дверях, — сказал Родж. — Тут список «надежных» округов. Не хотите ли взглянуть на него? Мы отправляемся на заседание через двадцать минут.

— Ох, уж эти мне проклятые заседания! А зачем мне смотреть список? Разве там есть что-то заслуживающее особого внимания? — Тем не менее я заглянул в него и прочел с начала до конца. Всех кандидатов я знал по фэрли-архиву, а с некоторыми встречался и лично. Знал и причины, по которым они были включены в данный список. И вдруг я увидел в списке фамилию — Корпсмен, Уильям Дж. Я подавил чувство справедливого негодования и спокойно сказал: — Я вижу в списке Билла, Родж.

— Ах, да. Об этом-то я и хотел с вами поговорить. Видите ли, Шеф, как мы все знаем, у вас с Биллом отношения сильно подпорчены. Вас я не виню, во всем виноват сам Билл. Но ведь у всякой медали есть две стороны. Возможно, и вы не всегда учитывали колossalный комплекс неполноценности, которым страдает Билл. У него это как чирий на заднице. А членство в Ассамблее послужит для него как бы лекарством.

— Вот как?

— Да. Он уже давно мечтает об этом. Видите ли, мы все имеем официальный статус, то есть я хочу сказать — все мы члены Великой Ассамблеи. Я имею в виду тех, кто тесно связан с... хм... с вами работой. Билл это переносит очень тяжело. Я сам слышал, как после третьего стаканчика он жаловался, будто он всего-навсего поденный батрак. И ему это представляется несправедливым. Вы не будете возражать? Партия от этого не обеднеет, да и сама цена за ликвидацию напряженности в нашем партийном штабе не так уж и высока.

К этому времени я уже полностью взял себя в руки.

— Меня это не касается. Какое значение имеет мое мнение, если того хочет мистер Бонфорд? — Я заметил, что Дак и Родж переглянулись, и добавил: —

Ведь это желание мистера Бонфорта? Я правильно вас понял, Родж?

— Скажи ему, Родж, — резко бросил Дак.

— Это затеяли мы с Даком, — медленно ответил Родж. — Мы думаем, что так будет лучше.

— Значит, мистер Бонфорта этого не одобрил? Вы же наверняка интересовались его мнением?

— Нет, не спрашивали.

— А почему?

— Шеф, это было не такое уж важное дело, чтобы его беспокоить. Он старый, больной, усталый человек. Я не тревожу его ничем, что выходит за рамки главных политических решений. А это дело к ним никак не относится. Это касается избирательных округов, где мы полные хозяева, и кто именно их будет представлять, не имеет ни малейшего значения.

— Тогда зачем вы спрашиваете мое мнение?

— Ну... мне казалось, что вам следует знать... и знать, почему мы так думаем. Мы полагали, что вы одобрите наше решение.

— Я? Вы хотите получить решение, как будто я — мистер Бонфорта. Но я — не он. — Я нервно побарабанил пальцами по столу. — Или это решение относится к его компетенции, и вам следует спросить его самого, или это не его уровень и тогда решайте сами, не спрашивая моего согласия.

Родж пожевал свою сигару, потом произнес:

— Ладно. Тогда я беру свой вопрос обратно.

— НЕТ!!!

— Как это — нет?

— А вот так! Вы уже спросили меня. Значит, у вас самих на душе скребут кошки. Поэтому если вы хотите, чтобы я предъявил сегодня этот список Комитету, выступая в роли Бонфорта, то пойдите и спросите его самого.

Они сидели и молчали. Потом Дак проговорил:

— Расскажи ему, Родж. Иначе это сделаю я.

Я ждал. Клифтон вынул сигару изо рта и сказал:

— Шеф, у мистера Бонфорта четыре дня назад случился инсульт. Его нельзя беспокоить.

Я так и обмер, повторяя про себя строфы об «увенчанных облаками башнях и пышных палатах». Когда силы ко мне вернулись, я спросил:

— Он в сознании?

— Кажется, он в здравом уме, но страшно ослаб. Провести такую суматошную неделю на положении почти пленника оказалось выше его сил, чего мы не предусмотрели. Удар поверг его в кому на двадцать четыре часа. Он вышел из нее, но левая сторона лица парализована, да и вообще вся левая сторона тела действует плохо.

— Хмм... А что говорит доктор Капек?

— Он надеется, что тромб рассосется и все будет в полном порядке. Однако мистеру Бонфорту нужен полный покой, нужен еще более щадящий режим, чем был до этого. А сейчас, Шеф, сейчас он болен, и нам придется завершать кампанию без него.

Мне почудилось, что я снова ощущаю горечь потери, потери отца. Я никогда не видел Бонфорта, никогда не пользовался какими-то идущими от него благами, если не считать нескольких корявых пометок, написанных на полях черновика его рукой. Но я чувствовал в нем опору. То обстоятельство, что он был вот тут — рядом, в соседней комнате, казалось, давало мне силы довести до конца эту совершенно невероятную игру.

Я набрал полную грудь воздуха, потом выдохнул и сказал:

— Ладно, Родж. Придется нам продолжать наши игры.

— Да, Шеф. — Он встал. — Пора ехать на заседание. Как же мы решим? — Он кивнул на список «надежных» округов.

— Ах, да! — Я на минутку задумался. Вполне возможно, что Бонфорт наградил бы Билла привилегией называться «Достопочтенный» только затем, чтобы Билл почувствовал себя счастливым. В таких делах Бонфорт не мелочился. В общем, не завязывал, как говорится, рта корове, попавшей в рожь. В одном из своих политических эссе он писал: «Я не интеллектуал. Если у меня и есть талант, то это умение находить людей, а затем предоставлять им свободу в выполнении пору-

ченной работы». — Как долго Билл работал с ним? — спросил я внезапно.

— Что? Да уж около четырех лет. Даже побольше. Бонфоркт, видимо, был доволен его работой.

— Значит, за это время уже прошли одни выборы. Почему он не сделал его тогда членом Ассамблеи?

Господи! Откуда же мне знать! Этот вопрос никогда не поднимался.

— А когда Пенни вошла туда?

— Около трех лет назад, на дополнительных выборах.

— Вот вам и ответ, Родж.

— Не понял?

— Бонфоркт мог сделать Билла членом Ассамблеи в любую минуту. И решил этого не делать. Дадим этот округ парню, который значится у нас как «подмена». Если мистер Бонфоркт захочет сделать Биллу подарок, он сможет сделать это с помощью дополнительных выборов, когда поправится.

Лицо Клифтона не выразило ничего. Он просто взял лист и сказал:

— Очень хорошо, Шеф.

Вечером того же дня Билл уволился. Думаю, что Роджу пришлось ему сказать, что выкрутить мне руки не удалось. Но когда Родж известил меня об этом, я почувствовал тошноту, поняв, что моя непреклонность вовлекла нас в страшную опасность. Я так и сказал Роджу. Он отрицательно покачал головой.

— Но он все знает! Этот план был разработан им самим с самого начала. Подумайте, какую бочку дерьма он может продать ребятам из партии Человечества!

— Забудьте об этом, Шеф. Билл, может быть, и дрянь — иначе я не могу говорить о человеке, дезертирующем в разгар кампании, порядочные люди так не поступают — но он все же не подонок. В нашей профессии секреты клиентов не продают, даже если с ними расходятся в разные стороны.

— Будем надеяться, что вы правы.

— Вот увидите. Не надо волноваться. Давайте делать свое дело.

Прошло несколько дней, и я решил, что Родж знает Билла лучше меня. Ни его самого, ни о нем ничего не было слышно, кампания набирала ход, как и полагалось, она становилась все более ожесточенной, но не было даже намека, что сведения о нашем сногшибательном обмане просочились наружу. Я уже начал успокаиваться, и мне удалось написать несколько самых лучших речей Бонфорта — некоторые из них с помощью Клифтона. Чаще же он просто хвалил их. Мистер Бон福特 уверенно шел на поправку, но Капек полностью изолировал его от всяких забот.

На прошлой неделе Роджу пришлось улететь на Землю. Там требовалось залатать кой-какие дыры в нашей обороне, чего никак нельзя было сделать издалека. Потребность же в речах и выступлениях сохранилась. Я работал как вол с помощью Пенни и Дака, с которыми за это время сошелся еще ближе. Теперь мне все давалось куда легче. На большинство вопросов я мог отвечать, почти не задумываясь.

И так, то была обычная, проводимая регулярно два раза в неделю, пресс-конференция, совпадавшая по времени с днем возвращения Роджа. Я надеялся, что он прилетит к ее началу, но, в общем, причин сомневаться, что я сам доведу ее до благополучного конца, не было. Пенни вошла в кабинет первой, неся все орудия своего ремесла.

И тут за дальним концом стола я увидел Билла.
Я окинул кабинет спокойным взором и сказал:
— Доброе утро, джентльмены.
— Доброе утро, господин Министр, — ответили они хором.
— Здравствуйте, Билл — добавил я. — Вот уж не думал, что встречусь с вами здесь. Кого вы представляете?

Наступила пауза. Все знали, что Билл то ли уволился, то ли был уволен. Он ухмыльнулся мне прямо в лицо и ответил:

— Добрый день, мистер Бон福特. Я представляю синдикат Крейна.

Тогда я понял — опасность рядом. Однако мне не хотелось, чтобы он почувствовал мою тревогу.

— Отличное место. Надеюсь, они платят вам столько, сколько вы заслуживаете. Ну, а теперь к делу... Сначала письменные вопросы. Они у вас, Пенни?

Быстро раздевшись с письменными вопросами, дав на них ответы, которые подготовил заранее, я откинулся на спинку кресла и как обычно сказал:

— Есть немного времени, джентльмены, чтобы поболтать. Будут ли у вас вопросы? — Их оказалось несколько. Один раз мне пришлось сказать «комментариев не будет» — ответ, который Бонфор特 предпочитал уклончивому увиливанию. Наконец я взглянул на часы и сказал: — Ну, пожалуй, на сегодня достаточно, джентльмены. — И начал подниматься.

— СМИЗИ!!! — заорал Билл.

Я продолжал вставать, даже не взглянув в его сторону.

— Я к тебе обращаюсь, господин поддельный Бонфорт-Смизи! — злобно кричал Билл, еще больше повышая голос.

Теперь я посмотрел на него с удивлением, как должно было смотреть важное официальное лицо, грубо оскорбленное в обстановке, где ничего подобного просто не могло произойти. Билл тыкал в мою сторону пальцем, лицо его стало багровым.

— Ты... самозванец! Мелкий актеришка! Обманщик!

Репортер из Лондонского «Таймс», стоявший справа от меня, тихо спросил:

— Хотите, я вызову охрану, сэр.

— Нет, он в общем-то безобиден, — ответил я.

Билл расслышал.

— Значит, я безобиден, а? Ну, посмотрим!

— Я думаю, охрану все же лучше вызвать, сэр... — настаивал репортер из «Таймс».

— Не нужно! — резко ответил я. — Довольно, Билл. Вам лучше уйти без шума.

— Ишь ты, чего захотел! — И он с невероятной быстротой начал выкладывать перед присутствующими все обстоятельства дела. Конечно, о похищении он ничего не сказал, о своей роли в разработке плана — тоже, но зато намекнул, что покинул нас, не желая

принимать участие в столь подлом обмане. Возникновение идеи подмены он связал, отчасти справедливо, с болезнью Бонфорта, но намекнул при этом, что мы сами оглушили его наркотиками.

Я слушал совершенно спокойно. Большинство репортеров сначала принимали Билла с тем выражением лиц, которое появляется у людей посторонних, ставших случайными свидетелями семейного скандала, потом кое-кто стал записывать и даже что-то диктовать в свои минидиктофоны.

Когда он остановился, я спросил:

— Вы все сказали, Билл?

— А тебе что — мало, а?

— Больше чем достаточно. Мне очень жаль, Билл.

Пока все, джентльмены. Мне надо работать.

— Одну минуту, господин Министр! — выкрикнул кто-то. — Разве вы не хотите дать опровержение? — Другой прибавил: — А вы не будете преследовать его по суду?

Сначала я ответил на второй вопрос:

— Нет, не буду. Кто же судится с больным человеком?

— Больной? Это я-то больной?! — выходил из себя Билл.

— Успокойтесь, Билл. Что же касается опровержения, то вряд ли в нем есть необходимость. Однако я видел, что кое-кто вел записи. Хоть я и сомневаюсь, чтобы ваши издатели взяли на себя смелость сообщить об этом печальном инциденте, но если они это сделают, то пусть воспользуются нижеследующим анекдотом. Вам когда-нибудь приходилось слышать о профессоре, отдавшем сорок лет жизни доказательству того, что «Одиссею» написал не Гомер, а совсем другой грек, но носивший то же имя?

Раздался вежливый смех, я улыбнулся и повернулся к дверям. Билл кинулся ко мне, обежал стол и схватил за руку.

— Ты от меня не отделаешься смешочками!

Тогда корреспондент из «Таймс» — мистер Аккрайд, кажется, — оторвал руки Билла от меня.

Я поблагодарил его:

— Спасибо, сэр! — А Корпсмену сказал: — А что вы хотите, чтобы я сделал, Билл? Я уже и так постарался вести дело таким образом, чтобы вас не арестовали.

— Зови своих жандармов, лгун! Мы еще посмотрим, кто из нас проведет больше времени в тюряге! Посмотрим, что произойдет, когда у тебя возьмут отпечатки пальцев!

Я вздохнул и сыграл лучшую сцену в моей жизни.

— Это уже не шутка, джентльмены. Я полагаю, что с этим представлением пора кончать. Пенни, дорогая, будьте добры, пошлите кого-нибудь за оборудованием для снятия отпечатков пальцев. — Я полностью отдавал себе отчет, что иду ко дну, но если идешь на дно, стоя на палубе «Биркенхеда»*, то уж стой по стойке смирно до самого конца. Даже злодей, и тот имеет право на красивый уход со сцены.

Билл, однако, не хотел терять ни минуты. Он схватил стакан, стоявший передо мной на столе — несколько раз я подносил его ко рту.

— Пошел ты ко всем чертам! Мне хватит и этого!

— Я уже раз говорил вам, Билл, чтобы вы следили за своим языком в присутствии женщин. Но стакан можете взять.

— Будь уверен, что возьму!

— Отлично. А теперь, пожалуйста, уходите. Если не уйдете, мне придется вызвать охрану.

Он вышел. Все молчали. Я сказал:

— Может быть, кому-нибудь еще захочется получить мои отпечатки?

Аккрайд быстро ответил:

— О, я уверен, что они не понадобятся, господин Министр!

— А то — пожалуйста. Если вы полагаете, что в этой истории есть хоть капля правды, то надо проверить. — Я настаивал, потому что это, во-первых, соответствовало моему характеру, а во-вторых и в-третьих, потому что быть немножко беременной или слегка

* Английский корабль, потерпевший крушение в 1852 г. Найдившийся на нем полк морской пехоты героически погиб, пытаясь спасти корабль.

разоблаченным просто невозможно, и я не хотел, чтобы присутствующие здесь мои друзья оказались запутанными Биллом. Это было самое малое, что я мог для них сделать.

Нет, за настоящим оборудованием нам посыпать не пришлось. У Пенни с собой оказалась черная копирка, а у кого-то нашелся вечный блокнот с пластиковыми страницами — на них получились отличные отпечатки. Затем я пожелал им доброго утра и вышел.

Мы еле-еле дошли до кабинета Пенни. Оказавшись в нем, Пенни тут же упала в обморок. Я отнес ее в свой кабинет, положил на диван, а сам сел за стол, и в течение нескольких минут меня бил сильный озноб. Весь остаток дня мы оба никуда не годились. Мы вели себя как всегда, только Пенни отказалась в приеме всем посетителям, прибегнув к первому попавшемуся предлогу. Мне предстояло еще записать речь, и я всерьез подумывал о том, как от этого избавиться. Стерео я оставил включенным, но ни одного слова об утреннем инциденте оно не передало. Я понял, что все заняты проверкой отпечатков. Без этого писать было рискованно, ведь, в конце концов, я все же был Верховный Министр Его Императорского Величества.

Поэтому я все же решил записать речь, ибо она уже была готова, да и время для записи было назначено заранее. Проконсультироваться я ни с кем не мог — даже Дак, и тот уехал в Тихо-Сити.

Это была моя самая лучшая речь. Я сделал ее в том духе, в котором выступает клоун, предотвращая панику в горящем цирке. После того как запись была окончена, я просто спрятал лицо в ладони и заплакал, а Пенни в это время гладила меня по плечу. Суть сегодняшнего кошмара мы даже не обсуждали.

Родж прилунился в двенадцать часов по Гринвичу, как раз, когда мы кончали записывать. И зашел ко мне сразу же, как появился в апартаментах. Глухим монотонным голосом я изложил ему всю эту гнусную историю. Он слушал, жуя потухшую сигару, а лицо оставалось совершенно бесстрастным.

В конце я сказал жалким голосом:

— Я должен был дать им эти отпечатки. Хоть вы-то понимаете это? Отказать им в этом было бы не по-бон-фортовски.

Родж ответил:

— Не волнуйтесь.

— Что вы сказали?

— Я сказал «не волнуйтесь». Когда заключение по этим отпечаткам придет из Информационного Бюро в Гааге, вы получите небольшой, но приятный сюрприз, а наш друг Билл — большой и куда менее приятный. А если он уже получил хоть часть своих сребрнянников в задаток, то, надо думать, ему придется расплачиваться за них собственной шкурой. Очень надеюсь на это!

Я сразу понял, о чём идет речь.

— Оз! Но, Родж, они же на этом не остановятся... Есть еще десятки мест, где можно получить отпечатки. Общественная Безопасность, например, да мало ли еще где...

— Неужели вы думаете, что мы работаем так небрежно? Шеф, я знал, что нечто в этом духе может рано или поздно произойти. В ту самую минуту, как Дак радиорвал о вступлении плана «Марди Грасс» в действис, началась и работа по обеспечению... Всюду... Но я не считал нужным посвящать в это Билла. — Он пососал свою стылую сигару, вынул ее изо рта и внимательно оглядел со всех сторон. — Бедняга Билл.

Пенин тихонько вздохнула и опять хлопнулась в обморок.

Глава 10

В общем, мы как-то добрались до последнего дня перед выборами. О Билле никаких известий не поступало. Списки пассажиров свидетельствовали, что он улетел на Землю через сутки после своего фиаско. Если какое-нибудь захудалое агентство новостей и опубликовало хоть строчку об этом деле, то я об этом ничего не слыхал, а в речах Кироги никаких намеков не было.

Мистер Бонфорт шел на поправку и можно было поспорить, что после выборов он приступит к исполнению своих обязанностей. Следы пареза еще сохранялись, но их можно было объяснить — сразу же после выборов он собирался отправиться в отпуск — практика обычная, к которой прибегают почти все политики. Отпуск намечалось провести на «Томми» — в полной безопасности и уединении. Во время этого рейса меня должны были тайно отправить на Землю, а у Шефа «намечался» микроинсульт, вызванный перенапряжением во время избирательной кампании.

Роджу предстояло снова повозиться с отпечатками пальцев, но это дело могло и подождать годик-другой.

В день выборов я был счастливее щенка, забравшегося в шкаф с хозяйственными туфлями. Кончилась моя роль, хотя еще одно выступление за мной оставалось.

Мы уже записали два пятиминутных спича для Имперской линии связи: один, в котором выражалось удовлетворение по поводу нашей победы, и другой, в котором мы также достойно признавали свое поражение. Моя работа была завершена. Когда последняя запись кончилась, я схватил Пенни в объятия и расцеловал. Особого неудовольствия она не выказала.

И все-таки мне предстояло еще раз выступить в образе Бонфорта — мистер Бон福特 хотел увидеть меня в этой роли, прежде чем я навсегда перестану ее играть. Я не возражал. Теперь, когда напряжение спало, я мог увидеться с ним без всяких опасений. Исполнение этой роли для его удовольствия можно было рассматривать, как водевиль, разыгранный на полном серьезе. Да и то сказать — серьезность и достоверность — основа всякой настоящей комедии.

Вся наша команда должна была собраться в Верхней гостиной, ибо мистер Бон福特 за все эти долгие недели еще ни разу не видел звездного неба, по которому истосковался. Там мы намеревались ждать результатов голосования, чтобы либо выпить за победу, либо утопить в виски горечь поражения и поклясться в том, что добьемся удачи в следующий раз. Только теперь уже без меня: я был по горло сыт политикой — хлебнул ее вдоволь за первые и последние в моей жизни Национальные выборы.

Я даже не был уверен, что захочу продолжать свою театральную карьеру. Играть ежеминутно на протяжении целых шести недель, это значит участвовать минимум в пятистах представлениях. А это, знаете ли, весьма утомительно.

Мистера Бонфорта доставили на лифте в инвалидном кресле. Я не показывался, дожинаясь, пока его устроят поудобнее на кушетке — ведь человеку свойственно испытывать неловкость, когда его слабости выставляются напоказ перед незнакомыми людьми. А кроме того, мне хотелось войти с некоторой помпой.

Но меня чуть не выбило из роли! Он был похож на моего отца! О, конечно, я имею в виду просто удаленное сходство. Мы с ним больше походили друг на друга, чем каждый в отдельности на моего отца, но

сходство было отчетливо. И возраст тот же, так как выглядел он очень старым. Я даже предположить не мог, что он так состарился! Он страшно исхудал и был сед как луна.

Я отметил про себя, что во время предстоящего отдыха в рейсе должен помочь ему подготовиться к вхождению в его собственный былой образ. Бессспорно, Капек сумеет восстановить прежний вес, ну а если нет, то всегда найдется способ казаться более полным, даже не прибегая к легко обнаруживаемым прокладкам из ваты. Я сам покрашу ему волосы. Обявление о недавно перенесенном инсульте поможет объяснить многие другие изменения в его внешности. В конце концов, эти изменения действительно произошли за считанные недели. Теперь надлежало постараться за такое же время скрыть их следы, чтобы избежнуть появления новых слухов о подмене.

Все эти практические соображения возникли у меня как бы назависимо, где-то в самом укромном уголке мозга. Все мое существо переполняла буря чувств. Как бы тяжело он ни был болен, от него исходила сила — могучая сила интеллекта и физической мощи. Я ощутил то теплое, почти святое чувство, которое охватывает вас при виде гигантской статуи Авраама Линкольна. Я вспомнил еще одну статую, когда увидел его полупарализованного, лежащего на диване, с беспомощными ногами и с левой стороной тела, тщательно укрытой пледом. Он напомнил мне скульптуру раненого льва в Люцерне. Ей тоже присуще какое-то мощное достоинство — даже в бессилии. «Гвардия умирает, но не сдается».

Он поднял глаза, когда я вошел, и улыбнулся мягкой, дружеской, понимающей улыбкой, чуть кривой из-за пареза левой стороны, и здоровой рукой поманил меня к себе. Он пожал мне руку с неожиданной силой и тепло сказал:

— Рад, что наконец познакомился с вами.

Его речь была слегка неразборчива, что же касается левой неподвижной стороны лица, то она была скрыта от моих глаз.

— Я счастлив и горд познакомиться с вами, сэр! —
Большим усилием воли мне удалось удержаться от
подражания невнятности речи — результата пареза.

Он внимательно оглядел меня с головы до ног и
усмехнулся.

— А мне кажется, что со мной вы уже встречались
неоднократно.

Я в свою очередь посмотрел на него и ответил:

— Я очень старался, сэр.

— Старались? Да вы добились колоссального успе-
ха! Знаете, так странно смотреть на самого себя со
стороны.

И тут я с болью в сердце понял, что он эмоциональ-
но не ощущает, как страшно изменился за эти дни и
считает эти изменения временными последствиями бо-
лезни, которым не следует придавать ни малейшего
значения.

А он продолжал:

— Не будете ли вы так добры, сэр, показать себя
в движении? Я хочу посмотреть, как я... как вы... как
мы... словом, мне хочется глянуть, что видят зрители.

Я встал, расправил плечи, прошелся по комнате,
поговорил с Пенни (бедняжка переводила глаза с меня
на него с совершенно ошеломленным видом), взял
бумагу, почесал ключицу, потер подбородок, вынул
из-под мышки боевой жезл и немного поиграл им.

Бонфорт смотрел с восхищением. Тогда я добавил
«на бис» — стал на середину ковра и выдал отрывок
одной из самых сильных его речей, не пытаясь вос-
произвести ее дословно, немного варьируя, и кое-где
позволяя голосу раскатиться громом, как сделал бы
это он сам. Закончил я так: «Раба освободить невоз-
можно. Только он сам может освободить себя. Этого
нельзя сделать сверху как нечая и поработить сво-
бодного — его можно лишь убить»

Наступила странная тишина затем раздались апло-
дисменты, причем Бонфорт хлопал здоровой рукой по
дивану и кричал: «Браво!».

Это были единственные аплодисменты, полученные
за исполнение этой роли, но мне их было достаточно.

Он заставил меня принести стул и сесть с ним рядом. Я увидел взгляд, брошенный им на жезл, и протянул его:

— Он на предохраниtele, сэр.

— Я знаю, как им пользоваться. — Он внимательно осмотрел жезл, потом вернул его мне. Я думал, что, может быть, он захочет оставить жезл у себя, но раз этого не произошло, решил отдать его Даку, чтобы тот сам передал его мистеру Бонфорту. Он расспрашивал меня о себе, сказал, что, по-видимому, никогда не видел меня на сцене, но видел моего отца в роли Сирано. С большими усилиями он старался контролировать движение лицевых мышц, и речь его была ясна, хотя слова давались с трудом.

Он спросил, что я собираюсь делать дальше. Я ответил, что пока конкретных планов у меня нет. Он кивнул и сказал:

— Мы подумаем вместе. Найдем вам место — работы у нас много.

Он не упомянул о деньгах, и я горжусь этим до сих пор.

Начали поступать первые итоги голосования. И Бонфорт обратился к стереовизору. Сведения поступали уже сорок восемь часов, поскольку Внешние Территории, а также избиратели, не охваченные округами, голосовали на сутки раньше Земли, да и на Земле избирательный день продолжался с учетом вращения вокруг оси около 30 часов. Сейчас уже передавали итоги по земным континентам. По данным с Внешних Территорий, полученным еще вчера, мы шли далеко впереди, но Родж объяснил мне, что это ничего не значит — Экспансионисты всегда имеют большинство голосов на других планетах и спутниках. Решающее значение имели голоса миллионов избирателей на Земле, которые никуда не выезжают и даже не помышляют о космосе. Но нам был важен каждый голос и на Внешних Территориях. Агрийская партия Ганимедов одержала победу в пяти из шести округов. Эта партия была частью Коалиции, и Экспансионистская партия как таковая там кандидатов не выставляла. Ситуация на Венере была сложнее, поскольку там действовало

около десятка мелких партий, различающихся столь тонкими подходами к теологическим вопросам, что ни одному землянину их не дано было понять. Тем не менее мы рассчитывали, что большинство голосов туземцев будет отдано нам прямо или косвенно через коалиции, которые создадутся позже, равно как и все голоса живущих там землян. Имперские ограничения, гласившие, что туземцы обязательно должны выбирать людей, которые и будут представлять их в Новой Батавии, Бонфорту поклялся отменить. Это должно было дать ему перевес в голосах на Венере, но трудно сказать, сколько голосов он потеряет при этом на Земле.

Поскольку Гнезда посыпали в Ассамблею только наблюдателей, то единственными голосами, о которых приходилось беспокоиться на Марсе, были голоса людей. Мы пользовались там симпатиями простого люда, но на Марсе действовала полуфеодальная система Патронатов. Однако при честном подсчете голосов мы и там могли рассчитывать на приличный результат.

Дак что-то вычислял на логарифмической линейке, сидя рядом с Роджем. Родж на большом листе бумаги строил прогнозы по какой-то сложной средневзвешенной формуле, разработанной им самим. Десяток или более гигантских искусственных мозгов, рассеянных по всей Солнечной системе, занимались сегодня вечером тем же самым, но Родж предпочитал свои методы. Он мне как-то сказал, что ему достаточно пройтись по избирательному округу, чтобы «расколоть» его и прогнозировать результат с точностью до двух процентов. Я ему верил.

Доктор Капек развалился в кресле, сложив ручки на животе, чем-то похожий на разомлевшего земляного червя. Пенни сновала туда-сюда, поправляя какие-то вещи, стоявшие, по ее мнению, неправильно, и разнося нам напитки. Мне показалось, что она избегает прямо смотреть на меня и на мистера Бонфорта.

Мне до сих пор никогда не приходилось бывать на вечеринках, посвященных окончанию выборов. Эта на обычные сборища ничем не походила. Ее отличал какой-то особый уют, какой-то покой, наступивший по-

сле того, как бушующие страсти улеглись. В общем, как именно проголосовали избиратели, казалось даже неважным — мы честно сделали все что могли, мы были окружены друзьями и соратниками, и на какое-то время прежние страхи и заботы отошли на задний план, хотя возбуждение и любопытство все еще жили в глубине сердца каждого из нас. Все это напоминало момент, когда торт уже испечен, но его еще предстоит украсить завитушками из крема.

Не помню, проводил ли я когда-нибудь время с большим наслаждением.

Родж поднял глаза, поглядел на меня, но обратился к мистеру Бонфорту:

— Континент выглядит как груда мозаики, не сложившейся в картину. Похоже, что американцы осторожничают, пробуя воду голыми пятками и не решаясь перейти на нашу сторону. Вопрос для них в том — не глубока ли водичка.

— А прогноз вы можете дать, Родж?

— Пока нет. О, у нас явное большинство голосов, но при распределении мест в Великой Ассамблее возможны изменения в ту или иную сторону на десятки кресел. — Он встал. — Прошвырнусь-ка я, пожалуй, в город...

Вообще-то говоря, мне тоже следовало бы появиться где-нибудь в качестве мистера Бонфорта. Лидер партии во время подсчета голосов обязательно должен был показаться хотя бы в штаб-квартире выборной кампании. Но я там за все эти шесть недель ни разу не был, так как там меня могли разоблачить быстрее всего. Тем более не имело смысла рисковать сегодня. Родж вполне мог пойти туда вместо меня, пожать десяток рук, пошутить и позволить девчонкам из секретариата, на плечи которых легла бесконечная бумажная писанина, повисеть у себя на шее и оросить ее слезами.

— ... Вернусь через часок.

В обычных условиях наша вечеринка должна была проходить в нижних офисах, включать всю канцелярию и уж обязательно Джимми Вашингтона. Но тогда

пришлось бы изолировать от них самого мистера Бонфорта. Конечно, сейчас они тоже праздновали. Я встал.

— Родж, спущусь с вами и зайду навестить гарем Джимми.

— Что? Настоятельной надобности в этом нет.

— Но так будет лучше, верно? К тому же это не трудно, а риска никакого. — Я повернулся к Бонфорту: — Как вы полагаете, сэр?

— Я буду вам очень признателен.

Мы спустились на лифте, прошли через пустые и тихие жилые покои, через мой кабинет и кабинет Пенни. Там, за ее дверью, был сущий бедлам. Стереовизор, доставленный сюда на время, орал на полную мощность, пол покрывал бумажный мусор. Все пили, или курили, или пили и курили одновременно. Даже у Джимми, слушающего передачу итогов по округам, в руке был стакан с выпивкой. Правда, он ни разу не поднес его к губам. Джимми отродясь не пил и не курил. Просто кто-то сунул ему в руку стакан, и он продолжал держать его, позабыв обо всем на свете. Джимми всегда отлично вписывался в любую компанию.

Я в сопровождении Роджа обошел всех, тепло и искренне поблагодарил Джимми и извинился, ссылаясь на то, что устал.

— Собираюсь пойти прилечь, надо же дать отдых старым косточкам, Джимми. Передайте мои извинения остальным, ладно?

— Конечно, сэр. Вам надо заботиться о своем здоровье, господин Министр.

Я вернулся наверх, а Родж пошел пройтись по городским туннелям.

Когда я вошел в Верхнюю гостиную, Пенни встретила меня приложенным к губам пальцем. Бон福特, казалось, уснул, и громкость стереовизора была приглушена. Даc все еще сидел перед экраном, занося цифры в большую таблицу Роджа, в ожидании, когда тот вернется. Капек, по-видимому, за все это время даже не шевельнулся. Теперь он кивнул мне и поднял стакан в знак приветствия.

Я попросил Пенни смешать мне виски с содовой, а потом вышел на прикрытый колпаком балкон. Была ночь как по земным часам, так и по лунному времени, и полная Земля отлично смотрелась в газовом облаке звездного покрова. Я нашел Северную Америку. И попытался отыскать ту крохотную точку, которую покинул несколько недель назад. Эмоции у меня были самые что ни на есть смешанные.

Немного погодя я вернулся. Ночь на Луне — зрелище замечательное. Потом пришел Родж и, не сказав ни слова, занялся своей таблицей. Я заметил, что Бонфорд уже не спит.

Передавали данные по очень важным округам, все молчали, стараясь создать наилучшие условия Роджу для работы с его таблицей и Даку с его логарифмической линейкой. Наконец, нарушив долгую тишину, Родж откинулся в кресле.

— Все, Шеф, — сказал он, не глядя ни на кого из нас. — Мы победили. Большинство не менее семи мест, вероятно, девятнадцать, а возможно, даже и тридцать.

После паузы Бонфорд произнес:

— Вы вполне уверены?

— Абсолютно! Пенни, переключите на другой канал и послушаем, что говорят там.

Я подошел и сел рядом с Бонфортом. Говорить я не мог. Он протянул руку и похлопал меня по плечу так, как это сделал бы отец, и мы оба перевели глаза на экран. Первая станция, которую нашла Пенни, передавала:

— ... никакого сомнения, ребята! Восемь электронных мозгов сообщают, что да, мозг КУРИАК — что возможно. Экспансионистская партия выиграла бой и с большим перевесом...

Пенни переключилась на другую:

— ... его временный пост превратился в постоянный на следующие пять лет. С мистером Кирогой нам поговорить не удалось, но его политический представитель в Чикаго признает, что полученные сведения нельзя игнорировать...

Родж встал и пошел к телефону. Пенни приглушила стерео так, чтобы оно не мешало разговору. Обозреватель беззвучно шевелил губами, видимо, повторяя то, что уже было всем известно. Вернулся Родж. Пенни снова увеличила громкость, обозреватель оборвал начатую фразу на середине, прочел переданную ему записку и повернулся к зрителям, широко улыбаясь:

— Друзья и сограждане! Сейчас я передам слово Верховному Министру...

И передача переключилась на мою победную речь.

Я сидел и прямо-таки купался в ней, все мои чувства перепутались, но они были приятны и радостны до боли. Речь была отличная, я над ней хорошо поработал. На экране я выглядел усталым и измученным, но спокойным и уверенным. В общем, все было тип-топ.

Я как раз дослушал до места «так пойдем же вперед, неся свободу всем...», когда услышал за спиной какой-то шорох.

— Мистер Бонфорт, — начал я... — Док! ДОК!!! Скорее! На помощь!

Мистер Бонфорт цеплялся за меня правой рукой и, напрягая все силы, старался сказать мне что-то, видимо, очень важное, но было поздно, губы не повиновались ему, а его казавшаяся непобедимой воля была бессильна перед слабостью плоти.

Я обнял его. Вздох перешел в дыхание Чайна-Стокса*, и смерть наступила почти незаметно.

Дак и Капек спустили тело на лифте. Я им был не нужен. Пришел Родж, похлопал меня по плечу и опять ушел. Пенни тоже пошла вниз. Я встал и вышел на балкон — мне нужен был свежий воздух, хотя воздух там был тот же, что и в комнате — искусственный.

Они убили его. Враги убили его так же верно, как если бы воткнули нож в спину. Невзирая на все трудности и опасности, которые мы пережили, в конце концов они все же достали его. «Гнуснейшее из всех убийств!»

* Один из видов периодического дыхания, нарушение нормального дыхательного ритма (прим. ред.)

Мне казалось, что внутри меня все мертвое, все окаменело от шока. Я видел умирающим самого себя... Я видел, как умирал мой отец. Теперь я понимал, почему так редко удаются операции по разделению сиамских близнецов. Вот и я тоже умер.

Не знаю, как долго я пробыл на балконе. Очнулся от голоса Роджа за спиной:

— Шеф!

Я обернулся.

— Родж! — сказал я зло. — Никогда больше не называйте меня так, прошу вас.

— Шеф, — настаивал он, — Вы же знаете, что вы обязаны сделать, не правда ли?

Голова у меня кружилась, лицо Роджа расплывалось перед глазами. Я не понимал, о чем он говорит, да и не хотел понимать.

— О чём вы?

— Шеф... Человек может умереть, но представление должно продолжаться. Вы не можете бросить нас в такую минуту.

Голова раскалывалась от боли, глаза не могли ни на чем сфокусироваться. Мне казалось, что он то подплывает ко мне, то отдаляется, хотя голос звучал одинаково громко.

— ... отнять у него шанс завершить свой труд. Вы обязаны сделать это ради него. Вы должны его воскресить.

Я встрихнул головой и сделал мощное усилие, чтобы овладеть собой и ответить ему.

— Родж! Вы сами не понимаете, что говорите. Это же чудовищно! Это, наконец, просто нелепо. Я не государственный деятель. Я только жалкий лицедей. Мое дело — корчить рожи и потешать зрителей. Больше я ни на что не гожусь.

К своему ужасу я услышал, что говорю голосом Бонфорта.

Родж внимательно поглядел на меня.

— А по-моему, вы совсем неплохо справлялись с делом.

Я попытался изменить голос и вернуть себе способность контролировать происходящее.

— Родж! Вы просто не в себе. Когда вы успокоитесь, вы поймете, как смехотворно ваше предложение. Вы правы, представление должно продолжаться, но не так, как предлагаете вы! Сделать надо вот что — и это единственный выход — вам следует самому занять его место. Выборы выиграны. У вас большинство — занимайте его место и выполняйте обещанную программу.

Он посмотрел на меня и грустно покачал головой.

— Я сделал бы это, если бы мог. Сознаюсь в этом. Но не могу. Шеф, вы помните эти проклятые заседания Исполнительного Комитета? Ведь это вы удерживали их всех в рамках приличия. Вся Коалиция держалась лишь на одном — на личности и авторитете одного единственного человека... Если вы не возьметесь за дело сейчас же, все, ради чего он жил и умер, распадется на куски и рухнет.

Мне было нечего возразить. Может быть, тут он и был в чем-то прав. За эти полтора месяца я вник в кой-какие тайны политической машинерии.

— Родж! Если даже то, что вы говорите, верно, предложенное решение все равно никуда не годится. Нам удалось спастись от разоблачения только потому, что я показывался в тщательно подготовленной обстановке — и то мы чуть не попались. Но чтобы работать день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, а может быть, и год за годом, как я понял вас... Нет! Это просто немыслимо, невозможно. Я на это не способен!

— Способны! — Он наклонился ко мне и с силой произнес: — Мы это уже обговорили. И знаем опасности не хуже вас. У вас будет возможность войти в курс дела постепенно. Для начала две недели в космосе, нет, черт возьми! Месяц, если понадобится! Вы будете все время учиться. Прочтете его дневники, его детские школьные записи, его записные книжки. Вы пропитаетесь всем этим нас kvозь. А мы будем вам помогать. — Я ничего не ответил, а он продолжал: — Послушайте, Шеф! Вы ведь уже поняли, что в политике личность — это не один человек, а команда. Команда, связанная единством целей и убеждений. Мы

потеряли нашего капитана, и нам нужен другой. А команда цела.

На балконе оказался Капек. Я даже не заметил, как он тут появился. Я повернулся к нему.

— Вы тоже за это?

— Да.

— Это же просто ваш долг, — добавил Родж.

— Ну, я не стал бы так далеко заходить, — медленно произнес Капек, — я только надеюсь, что вы это сделаете. Но, черт побери, я не хотел бы, чтобы ваше решение лежало на моей совести. Я верю в свободу воли, как бы смешно это не звучало в устах человека медицинской профессии. — Он повернулся к Клифтону: — Лучше оставить его одного, Родж. Ему решать.

Хотя они и ушли, я недолго оставался в одиночестве. Появился Дак. К моему великому облегчению и радости, он не стал величать меня шефом.

— Привет, Дак.

— Привет. — Он помолчал, пуская дым и любуясь звездами. Потом повернулся ко мне. — Старина, нам пришлось плечом к плечу пройти через кой-какие дела. Теперь я знаю тебя как облупленного и с радостью приду тебе на помощь с оружием ли, с деньгами ли или просто с кулаками; даже не спрашивая, зачем она тебе понадобилась. Если ты решил бросить это дело, я ни слова не скажу в осуждение и ни на йоту не изменю своего мнения о тебе. Ты и так уже совершил почти невозможное.

— Х-м-м. Спасибо, Дак.

— Еще одно слово, и я смываюсь. Помни вот что: если ты решишь отказаться от этого дела, то та сволочь, что погубила его — она победит. Победит, несмотря ни на что.

И ушел с балкона.

Я чувствовал, что мой мозг прямо разрывается. И тут мне стало нестерпимо жаль себя. Все было так несправедливо. У меня была своя жизнь, которую я хотел прожить по-своему. Я был в расцвете сил, впереди меня ждали высочайшие триумфы моей карьеры. Как можно было требовать, чтобы я похоронил се-

бя, — и возможно на долгие годы — став анонимным исполнителем роли другого человека, а в это время публика забывала бы обо мне, и продюсеры, и режиссеры — тоже. Эти-то наверняка решили бы, что я умер.

Нет! Это было нечестно! Даже просить меня об этом было невероятно жестоко.

Потом я немного успокоился, и чувство обиды притупилось. В небе висела большая, прекрасная и вечная Мать Земля. Я подумал о том, как отмечается там сейчас ночь победы на выборах. Хорошо были видны Марс, Юпитер и Венера, горевшие ярко на фоне Знаков Зодиака. Ганимед, конечно, был не виден, как и та крошечная колония на Плутоне.

«Мирры Надежды» называл их Бонфортом.

Но Бонфорд был мертв. Его больше не существовало. Они отняли у него священное право на жизнь. Отняли, когда он был в расцвете сил. Он мертв.

А эти хотят, чтобы я воскресил его, дал бы ему новую жизнь. Гожусь ли я для этого? Могу ли соответствовать тем благородным целям, которые онставил перед собой? Если бы он был на моем месте, как бы он поступил? Сколько раз за время избирательной кампании я ставил перед собой такой вопрос — как бы поступил на моем месте Бонфорд.

Кто-то стоял за моей спиной. Я обернулся и увидел Пенни. Посмотрел и спросил:

— Это они прислали тебя? Тоже будешь меня уговаривать?

— Нет.

Она ничего не добавила и, по-видимому, не ждала ответа. Друг на друга мы не смотрели. Молчание становилось невыносимым. Наконец я прервал его.

— Пенни, если я попробую, ты мне поможешь?

Она быстро повернулась ко мне.

— Да. О да, Шеф! Я помогу!

— Тогда я попытаюсь, — чуть слышно сказал я.

Все это я написал двадцать пять лет назад, пытаясь привести в порядок свои мысли. Я старался говорить правду и не щадил себя, тем более что читать это должны были только я и мой личный врач — доктор

Капек. Как странно спустя четверть века читать эти наполненные эмоциями и не очень умные слова юноши. Я помню его хорошо, но мне трудно даже представить, что и он — это тоже я. Моя жена Пенелопа подразнивает меня, утверждая, что помнит его лучше, чем я, и что никогда его не любила. Время меняет нас.

Я нахожу, что помню ранние годы Бонфорта лучше, чем настоящую жизнь этого довольно жалкого субъекта Лоренцо Смизи или, как он любил себя величать, Лоренцо Великолепного. Значит ли это, что я сошел с ума? Стал шизофреником? Если так, то это благородное сумасшествие, необходимое для исполнения той роли, которую мне выпало сыграть. Потому что, для того чтобы сделать Бонфорта опять живым, мне пришлось придушить этого ничтожного актеришку, придушить навсегда.

Безумный или нет, но я знаю, что он существовал когда-то и что я был им. Он никогда не пользовался успехом как актер, хотя я и уверен, что иногда в нем пробуждалось благородное безумие. Свой уход со сцены он оформил вполне в своем духе — где-то у меня хранится пожелтевшая вырезка из газеты, где сказано, что его нашли мертвым в отеле «Джерси-Сити», скончавшимся от слишком большой дозы снотворного, принятой, вероятно, в припадке отчаяния, так как его агент сообщил, будто в течение нескольких месяцев он не мог получить ни одной роли. Лицо мне кажется, что не следовало писать, будто он был безработным. Это если и не клевета, то просто излишняя жестокость. Дата на вырезке свидетельствует, что он никак не мог быть в Новой Голландии или где-либо еще во время избирательной кампании пятнадцатого года.

Наверное, лучше эту вырезку сжечь.

Впрочем, сейчас уже нет в живых почти никого из тех, кто знает правду, — только Дак и Пенелопа. Конечно, есть еще те, кто убил тело Бонфорта.

Три раза становился я Верховным Министром и уходил в отставку, вероятно, нынешний срок — последний. Первый раз мне пришлось уйти, когда мы добились выборов в Великую Ассамблею туземцев — венерианцев, марсиан и жителей спутников Юпитера.

Я ушел, туземцы — остались. А потом я снова вернулся на этот же пост. Людям нужно долго отдыхать после реформ, реформы же — остаются. Вообще-то люди не любят никаких изменений, вообще никаких, а ксенофобия пустила в их душах глубокие корни. И все же мы идем вперед и должны идти дальше и дальше — если только хотим приблизиться к звездам.

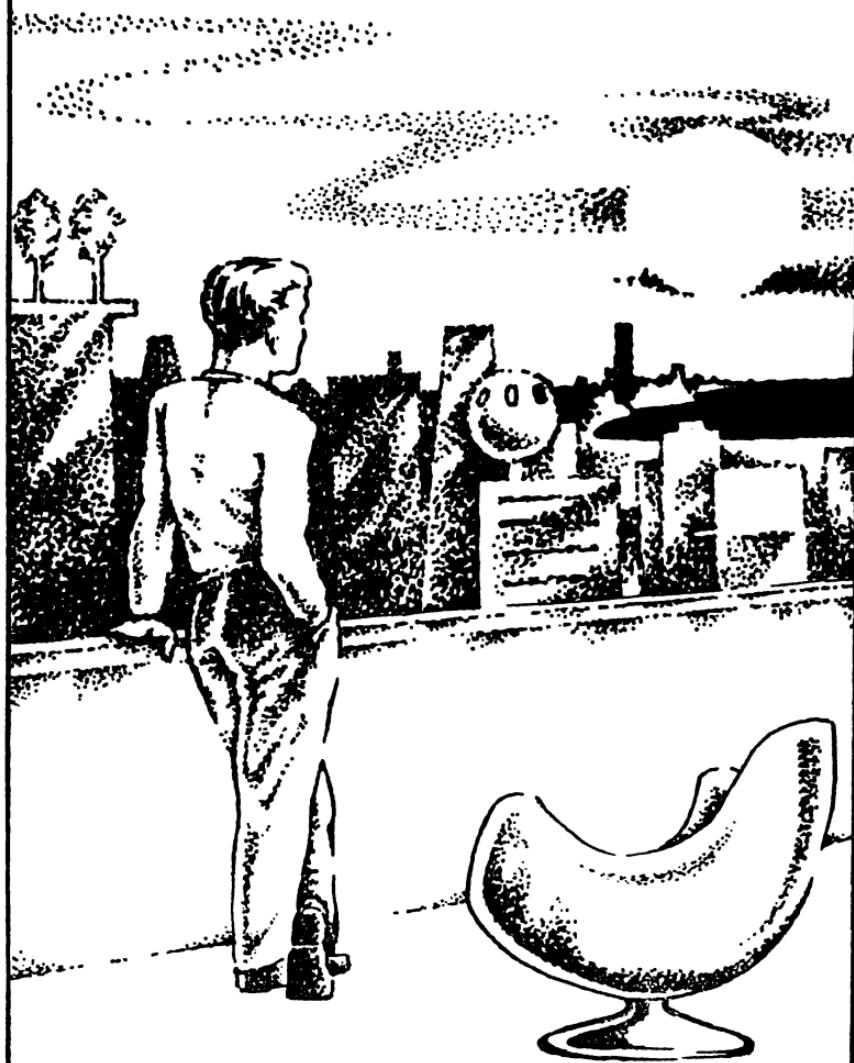
Снова и снова я задаю себе вопрос: «А что сделал бы на моем месте сам Бонфорту?». Я не уверен, что ответы всегда верны, хотя и считаю себя самым прилежным учеником Бонфорта во всей Солнечной системе. Но стараюсь никогда не выходить из роли. Кто-то давным-давно — может, это был Вольтер — сказал: «Если бы Дьявол сверг Бога, ему пришлось бы возложить на себя все атрибуты святости».

Нет, я никогда не скучал по оставленной профессии. Да и оставил ли я ее? Виллем был прав. Есть и другие знаки одобрения, кроме рукоплесканий. А хорошее представление всегда бросает на зрителей свой мягкий отблеск. Я думаю, что мной двигала идея создать Идеальный Спектакль. Возможно, полностью мне это и не удалось, но полагаю, что мой папаша назвал бы его сносным представлением.

Нет, я ни о чем не жалею. Хотя в те далекие времена я был, наверное, счастливее... Во всяком случае, спал крепче и спокойнее. Но есть скромное удовлетворение в том, что кое-что для блага восьми миллиардов людей я сделал.

Возможно, их жизни и не имеют космического значения, но зато у них есть чувства, и они страдают...

ДВЕРЬ В ЛЕТО

1
2
3
4
5
6
7
8
9

Глава 1

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с котом Петронием Арбитром* жили на старой ферме в штате Коннектикут. Сомневаюсь, сохранился ли дом до сих пор. Он попал в зону ударной волны от Манхэттанского взрыва, а старые каркасные дома горят, как папиросная бумага. Даже если он и выстоял, вряд ли кому взбредет в голову арендовать его, — в тех местах выпали радиоактивные осадки.

Но тогда нас с Питом он вполне устраивал. Водопровода там не было, и поэтому арендную плату не вздували; к тому же комната, служившая нам столовой, выходила окнами на север, а при таком освещении удобно чертить.

Существенным недостатком нашего жилища было множество наружных дверей — двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда старался устроить для него отдельный выход; здесь я вставил в разбитое окно нежилой спальни фанерку и вырезал в ней по ширине Питовых усов кошачий лаз. Слишком много времени я затратил, открывая дверь котам. Как-то я подсчитал,

* Петроний, Гай Арбитр (? — 66 гг. н.э.) — римский писатель, автор романа «Сатирикон» («Сатурны») (здесь и далее прим. перев.).

что с момента своего появления человечество провело за этим занятием девятьсот семьдесят восемь человечко-столетий. Могу показать выкладки.

Обычно Пит пользовался своей дверью, но категорически отказывался выходить через нее, как только выпадал снег. Тогда он принуждал меня открывать ему человечью дверь.

Еще пушистым шустрым котенком Пит выработал для себя простую философию, в соответствии с которой я должен был отвечать за жилье, пищу и погоду, а он — за все остальное. Особая ответственность, считал он, лежала на мне за погоду. А вы знаете, что зимы в Коннектикуте хороши только разве что на рождественских открытках.

Той зимой Пит взял за правило подходить к своей двери, обнюхивать ее — и поворачивать обратно. Его, видите ли, не устраивало противное белое вещество, покрывавшее землю и все вокруг. Он принимался приставать ко мне, чтобы я открыл ему человечью дверь, ибо был твердо убежден: хоть одна из дверей да должна открываться в лето. Поэтому всякий раз мне приходилось обходить вместе с ним все одиннадцать дверей и приоткрывать их по очереди, дабы он убедился, что за каждой из них та же зима. И с каждым новым разочарованием росло его недовольство мною.

И все-таки он оставался дома до тех пор, пока гидравлика естества не понуждала его выходить наружу. Когда он возвращался, льдинки на лапах стучали по полу, словно башмаки на деревянной подошве. Он свирепо посматривал на меня и отказывался мурлыкать, пока не слизывал льдинки, после чего милостиво прощал меня — до следующего раза. Но он никогда не прекращал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря 1970 года* я тоже искал ее. Мои попытки были столь же тщетны, как и Питовы тогда, в Коннектикуте. Хотя в Южной Калифорнии сохранилось еще немногого снега на радость лыжникам, но над

* Роман написан в 1957 году.

Лос-Анджелесом его поглощал смог. А в сердце у меня была настоящая зима.

На здоровье я не жаловался (разве что голова побаливала с похмелья) Мне еще не стукнуло тридцати, и денежные дела у меня были в порядке. За мной никто не гнался: ни разгневанные мужья, ни полиция, ни судебные исполнители — словом, мне ни перед кем ни в чем не нужно было оправдываться. Но в сердце у меня все равно была зима, и я искал Дверь в Лето. И не потому, что я так уж жалел себя. В конце концов больше трех миллиардов человек на планете находились в худшем положении. Но тем не менее Дверь в Лето искал я один.

Почти все двери, что встречались на моем жизненном пути, походили на «вертушку», перед которой я сейчас стоял. Она вела, если верить вывеске, в гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел, выбрал кабину неподалеку от входа, с превеликой осторожностью поставил на сиденье объемистую сумку и примостился рядом, поджиная официанта.

— А я у-у? — спросила сумка.

— Успокойся, Пит, — отвечал я.

— М-я-а-а!

— Не дури, не так уж долго ты сидишь в сумке. И закрой пасть, официант идет.

Пит замолк. Когда я поднял голову, официант уже наклонился над столиком.

— Двойной «скотч», стакан воды и бутылочку имбирного пива.

— Имбирного пива, сэр? С виски-то? — Официант недоумением уставился на меня.

— Есть у вас имбирное пиво или нет?

— Почему нет, есть, конечно. Но...

— Тогда несите. Я, может, занюхивать им буду И прихватите блюдце.

— Как угодно, сэр. — Он протер столик. — А как насчет бифштекса, сэр? Или, может, устриц желаете? Сегодня устрицы хороши...

— Послушайте, приятель! Если обещаете не приносить устриц, я включу их стоимость в чаевые. Все, что мне надо, уже заказано... И не забудьте блюдце.

Он наконец заткнулся и ушел. Я еще предупредил Пита, чтобы не дергался, — морская пехота не подведет. Вернулся офицант: чтобы сохранить уважение к себе, бутылку пива он нес на блюдце. Пока он открывал пиво, я успел смешать виски с водой.

— Принести стакан под пиво, сэр?

— Зачем? Я ведь настоящий ковбой с Дикого Запада — пью только из горла.

Он больше не стал лезть ко мне с разговорами. Но включить в счет стоимость устриц не забыл да еще позволил дать себе на чай. Едва он убрался, я налил в блюдце пива и постучал по сумке:

— Кушать подано, Питер.

Сумка была открыта. Когда я ношу в ней Пита, то никогда не застегиваю молнию. Пит когтями раздвинул края сумки, высунул голову и быстро огляделся. Потом вылез и оперся передними лапами о край стола. Мы переглянулись, и я поднял стакан:

— За слабый пол, Пит! Чтоб вовремя встретить и вовремя расстаться!

Он молча кивнул в ответ — это вполне соответствовало его собственной философии. Потом изящно наклонил голову и принял лакать пиво.

— Если такое, конечно, возможно, — добавил я и сделал приличный глоток.

Пит не ответил. Какое ему дело до расставаний — он был холостяком по призванию.

На другой стороне улицы, как раз напротив окна бара, бежали буквы рекламы. Сперва они складывались в слова: «Ты спиши, а служба идет», потом появилось: «Окунись в сон, и все беды вон!». Затем загорелись буквы, вдвое больше прежних:

КОМПАНИЯ ВСЕОБЩЕГО СТРАХОВАНИЯ

Я прочитал рекламу трижды, не вникая в смысл. О замораживании, точнее, о сне в холода я знал немного. Когда начались первые опыты по замораживанию, мне попалась статья на эту тему в каком-то популярном журнале. Да еще раза два или три в неделю с утренней почтой мне поступали рекламные проспекты страховых компаний. Я их выбрасывал не глядя — нужны они мне были, как рыбе зонтик.

Прежде всего, до недавнего времени за сон в холода — а стоил он недешево — я и заплатить не смог бы. Во-вторых, с какой стати человеку, который увлечен работой, умеет делать деньги и надеется, что вскоре их у него станет еще больше, да к тому же влюбленному и, можно сказать, почти женатому, — с какой стати ему, спрашиваю я вас, становиться наполовину самоубийцей?

Другое дело, если человек неизлечимо болен и приговорен врачами к смерти, но считает, что медицина будущего спасет его. К тому же он в состоянии оплатить сон в холоде на тот срок, пока врачи не научатся исцелять его недуг. Тогда, конечно, игра стоит свеч. Или, скажем, человек мечтает совершить путешествие на Марс. Он полагает, что если перевернет страницы своей книги судеб на одно поколение вперед, то получит возможность купить билет на рейс Земля-Марс. В этом, я считаю, тоже есть своя логика. В какой-то газете была статья об одной парочке, которая прямо из-под венца отправилась в Храм Сна Западной страховой компании. Они заявили журналисту, что оставили распоряжение разбудить их, только когда станет возможным провести медовый месяц на межпланетном лайнере... Я сильно подозреваю, что это всего лишь рекламный трюк страховой компании; парочка же, получив гонорар, смылась через черный ход, заблаговременно изменив фамилии. Да и кто поверит, что нашлись бы желающие провести свою первую брачную ночь в ящике со льдом, словно какая-нибудь замороженная скумбрия?

Все страховые компании откровенно заманивали клиентов, напирая, как правило, на финансовую сторону дела: «Ты спиши, а служба идет». (Читай: «И денежки тоже!») Лежите, мол, себе спокойно, а ваши скромные сбережения за время сна превратятся в целое состояние. Положим, вам пятьдесят пять лет, и из пенсионного фонда вы получаете пару сотен в месяц. Так почему бы вам не проспать полсотни лет, проснуться в том же возрасте и получать уже ежемесячную тысячу! Не говоря о том, что пробудились бы вы в новом светлом мире, где наверняка вам будет угото-

вано жить еще долгие годы припеваючи в добром здравии.

Компании повели настоящее рекламное наступление на город. Причем каждая стремилась с помощью «точных подсчетов» доказать, что страховки именно этой компании дадут в будущем самый большой процент прибыли: «Ты спиши, а служба идет!».

Меня подобные грядущие блага нисколько не интересовали: мне еще не стукнуло пятидесяти пяти, оставлять работу я не собирался и ничего плохого в 1970 году не ожидал. Не интересовали до недавнего времени — так будет вернее. А теперь — нравилось мне или нет — меня лишили работы; вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, я торчал во второразрядном кафе и, чтобы забыться, глушил виски, а жену мне заменил насмерть перепуганный кот с болезненной тягой к имбирному пиву. В настоящее время у меня не было никаких привязанностей, да и к чему они мне? Я бы их все променял на ящик джина, а потом одну за другой опустошил бутылки.

Но самообладания я не терял.

Из кармана пиджака я вытащил конверт и открыл его. В нем лежали две бумаги: одна — заверенный чек на сумму, которую я раньше и представить-то себе не мог, не то что держать в руках; другая — заверенный в банке список акций «Горничная инкорпорейтед». Обе бумаги были слегка помяты: я таскал их в кармане с тех пор, как получил.

Так почему бы и нет?

Почему бы мне не залечь, не окунуться в сон, чтобы беды вон? Все лучше, чем Иностранный легион или настоящее самоубийство! По крайней мере, я избавился бы от тех, кто сделал мою жизнь невыносимой. Так почему бы и не залечь?

Нет, к богатству я не стремился. Конечно, я читал «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, читал как хорошую классику. Это уже потом страховые компании стали раздавать книгу в целях рекламы бесплатно. Я понимал, к чему может привести погоня за большими процентами и тяга к обогащению. Но я и не был уверен, хватит ли у меня средств оплатить «долгий

сон» да к тому же открыть счет, который обеспечит мне в будущем безбедное существование.

Меня больше прельщала другая сторона дела — лечь банинки и проснуться, если так можно выразиться, в ином мире. Будет ли он лучше, как уверяют страховые компании, или хуже — кто знает? Но что иной — уж точно.

Я должен быть твердо уверен, что просплю достаточно долго и, когда проснусь, уже не застану в этом мире ни Белл, ни Майлза Джентри. Прежде всего, Белл Даркин. Умри она — я бы забыл ее, забыл все, что она мне сделала, вычеркнул бы из памяти. А теперь вот у меня сердце заходится оттого, что она всего в нескольких милях отсюда.

Что ж, прикинем. Белл сейчас двадцать три — во всяком случае, она так утверждает. Правда, однажды она проговорилась, что помнит президентство Рузвельта*. Ладно, пусть ей еще нет тридцати. Если проспать лет семьдесят, от нее один некролог останется. Пусть будет семьдесят пять — для верности.

А успехи в гериатрии**? Толкуют, что скоро продолжительность жизни достигнет ста двадцати лет и такой возраст, мол, вполне достижим.

А может, залечь годков на сто, — правда, я не уверен, в состоянии ли хоть одна страховая фирма предложить мне столь длительный анабиоз. Тут под воздействием виски мне в голову пришла поистине дьявольская мысль: вовсе не обязательно дожидаться смерти Белл. Если я стану, скажем, лет на тридцать моложе ее, то сделаю остаток жизни моей бывшей возлюбленной просто невыносимым. Лучшей мести женщине и не придумать!

Я почувствовал легкое прикосновение лапы.

— Ма-а-ло! — объявил Пит.

— Ненасытное брюхо, — проворчал я и вновь наполнил блюдце пивом.

* Рузвельт, Франклин Делано (1882 — 1945) — 32-й президент США. Период президентства — 1933 — 1945 годы.

** Гериатрия — раздел клинической медицины, разрабатывающий методы лечения и профилактики заболеваний людей пожилого и старческого возраста.

В знак благодарности он немного помедлил, потом вновь принялся жадно лакать. Но он уже прервал поток сладостномстительных мыслей. Да, а что, черт побери, мне делать с Питом? Кот — не собака, его в чужие руки не отдашь; он попросту такого не вынесет. Кошки остаются домашними животными, но Питер не таков. Для него с тех самых пор, как девять лет тому назад его отняли от матери, единственной опорой в нашем изменчивом мире был я. Даже в армии я умудрялся держать его при себе и ради этого шел на любые ухищрения. Пит пребывал в добром здравии и, похоже, сдавать не собирался, хотя шрамов у него хватало. Сообразовывай он склонность к лидерству со своими возможностями — ему еще лет пять выходить победителем из всех драк и плодить потомство.

Я мог бы, конечно, оплатить содержание в кошачьем пансионе до конца его дней (невероятно!); мог бы усыпить его (вовсе невероятно!) или выбросить его на улицу (совсем уж невероятно!). С кошками всегда так: или вы безропотно выполняете принятые на себя обязательства — или бросаете беднягу на произвол судьбы, обрекая на одичание, и разрушаеете его веру в высшую справедливость. Как Белл разрушила мою веру.

Так-так, Дэнни. Об этом лучше не вспоминать. Нечего киснуть, ты ведь не укроп моченый; все равно придется выполнять те самые принятые на себя обязательства перед избалованным котом.

Тут мои философские размышления были прерваны. Пиво попало Питу в нос, и он чихнул.

— *Gesundheit** — сказал я. — И не старайся вылакать все блюдце за один присест.

Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом — и знал об этом.

Наш официант околачивался возле кассы и трепался с кассиром. Наступило послеобеденное затишье, и кроме нас с Питом еще несколько посетителей сидели у стойки. Когда я сказал «*Gesundheit*», официант взгля-

* Будь здоров (нем.)

нул в нашу сторону и что-то сказал кассиру. Тот вышел из-за стойки и направился к нам.

— Полундра! — тихо скомандовал я.

Пит огляделся и нырнул в сумку, которую я тут же прикрыл. Кассир подошел, облокотился на столик и быстрым взглядом окинул всю кабинку.

— Извините, приятель, — категоричным тоном начал он, — но кошку вам придется отсюда убрать.

— Какую кошку?

— Ту самую, что вы поили из блюдца.

— Не вижу никакой кошки.

Он нагнулся и заглянул под столик.

— Вы засунули ее в сумку, — уличил он меня.

— В сумку? Кошку? — недоуменно переспросил я. — Мой друг, вы страдаете острой фигуральностью речи.

— Что? Говорите со мной по-человечески. Кошка у вас в сумке. Откройте-ка ее.

— Есть у вас ордер на обыск?

— Слушайте, бросьте придуриваться!

— Это вы валяете дурака, требуя осмотра моей сумки без ордера на обыск. Однажды Четвертую поправку* нарушили и поплатились многолетней войной. Ну, как я понимаю, вопрос урегулирован. Передайте, пожалуйста, офицантку, чтобы он повторил заказ, или организуйте все сами.

Он, похоже, обиделся.

— Друг, я ведь против тебя ничего лично не имею, но терять лицензию мне неохота. Видишь, вон там, на стене, табличка. На ней ясно написано: «Посетители с кошками и собаками не обслуживаются». Мы стремимся к соблюдению правил гигиены в нашем заведении.

— Плохо стремитесь. — Я посмотрел на свет стакан. — Видите следы губной помады? Вам бы следо-

* Четвертая поправка к Конституции США гласит: «Не следует нарушать право народа на то, чтобы личность, дом, бумаги и вещи каждого человека были ограждены от безосновательных обысков и арестов, а приказы на производство обыска должны выдаваться только на основании правдоподобных доводов, подтвержденных присягой или торжественным заявлением (дается вместо клятвы — перев.) и с точным указанием места, где должен быть произведен обыск, и лица или вещи, подлежащих аресту».

вало получше присматривать за посудомойкой, а не обыскивать посетителей.

— Не вижу никакой помады.

— Она почти вся стерлась, пока я пил. Вот отправим стакан в Санитарное управление, пусть они там микробов посчитают.

— Вы что, полицейский?

— Нет.

— Тогда мы поладим. Я не буду обыскивать вашу сумку, а вы не потянете меня в Санитарное управление. А если хотите еще выпить, подойдите к стойке, возьмите что надо... с собой. Только не пейте здесь. — Он развернулся и направился к кассе.

Я пожал плечами.

— Мы как раз собирались уходить.

Я поднялся, подхватил сумку и поплелся к выходу. Когда я проходил мимо бара, кассир спросил:

— Не обиделись на меня?

— Ничуть. Правда, я собирался выпить на днях здесь со своим конем. Теперь не приду.

— Как вам угодно. В правилах о лошадях ничего не говорится. Вот только еще один вопрос: что, ваша кошка действительно пьет имбирное пиво?

— О Четвертой поправке помните?

— Да я же не кошку прошу показать. Просто интересно узнать...

— Ладно, так и быть, скажу. Вообще-то он предполагает, когда пиво разбавляют чем-нибудь покрепче. Ну, если придется, пьет и неразбавленное.

— Да? Вряд ли такой коктейль пойдет на пользу его почкам. Взгляните-ка сюда, приятель.

— Куда-куда?

— Нагнитесь немного. Теперь поднимите голову и посмотрите на потолок. Над каждой кабинкой среди потолочных украшений — зеркальца. Видите? Я знал, что вы пришли с котом, потому что видел его отражение в зеркале.

Я выгнулся, как он сказал, и взглянул вверх. На потолке среди разной мишуры были спрятаны кусочки зеркала. Они располагались под таким углом, что с

места кассира весь зал просматривался, как в перископ.

— Мы вынуждены были так сделать. — Он словно оправдывался. — Вы не представляете себе, что творилось бы в кабинах, не присматривай мы за клиентами. Я вам вот что скажу: мир полон скверны.

— Аминь, друг, — завершил я нашу содергательную беседу и направился к двери.

Очутившись на улице, я раскрыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит тут же высунул голову.

— Пит, ты ведь слышал, что сказал кассир: «Мир полон скверны». Да он ею заполнен до краев, если приятели не могут спокойно, без слежки, пропустить стаканчик. Считаю, вопрос решен.

— С-р-а-а-з-у-у? — спросил Пит.

— Как скажешь. Но если уж решили, зачем откладывать?

— С-р-а-а-з-у-у! — согласился Пит.

— Принято единогласно. То, что нам надо, — напротив. Только улицу перейти.

Секретарша в приемной Компании всеобщего страхования являла собой превосходный образчик совершенного функционального дизайна. Обтекаемость основных форм (хоть сейчас разгоняй до скорости 4 М*) дополняли установленные с фронтальной части вершинами конусов наружу радары наведения на цель... ну и все прочее, что требовалось для выполнения ее основного жизненного предназначения. Мне даже пришлось себя одернуть: ведь к тому времени, когда я отсюда выйду, от нее ничего, кроме атмосферных помех, не останется... Я сказал ей, что хочу приобрести у них полис.

— Располагайтесь, пожалуйста, — завибрировала она. — Сейчас взгляну, кто из администраторов свободен.

* М — «Число Маха», выражает соотношение между скоростью полета и скоростью звука. Тело, летящее со скоростью 4 М, летит, таким образом, в четыре раза быстрее скорости звука. Число названо по имени австрийского ученого Эрнста Маха (1838 — 1916), разработавшего теорию этого числа.

Не успел я расположиться, как она возникла опять:
— Вас примет наш мистер Пауэлл. Пройдите сюда, пожалуйста.

Обстановка в кабинете «нашего мистера Пауэлла» наводила на мысль, что дела компании идут в гору. Мистер Пауэлл подал мне свою влажную руку, усадил в кресло и предложил сигарету. Он попытался взять у меня из рук сумку, но я вцепился в нее мертвой хваткой.

— Итак, сэр, чем могу служить?

— Мне нужен «долгий сон».

Брови мистера Пауэлла медленно поползли вверх, на лице появилось выражение почтительности. Знаю я, как это делается: Всеобщая выпишет клиенту полис за семь с полтиной, а «долгий сон» дает им возможность наложить свою жирную лапу на все его имущество.

— Весьма мудрое решение, — чуть ли не благоговейно откликнулся мистер Пауэлл. — Будь я свободен в выборе решения, то поступил бы так же. Но... ответственность за семью, знаете ли... — Он взял со стола бланк. — Клиенты выбравшие «сон», обычно спешат. Позвольте сэкономить ваше время и не беспокоить заполнением бумаг. Я сам все сделаю... И мы сразу же устроим, чтобы вас осмотрел врач.

— Минутку.

— Да?

— Только один вопрос. Можете ли вы обеспечить сон в холоде коту?

На его лице появилось выражение сначала удивления, потом обиды.

— Вы, конечно, шутите?

Я приоткрыл сумку, и Пит тут же высунул голову.

— Знакомьтесь, мой кореш. Итак, что скажете? Если нет, мы обратимся в страховую компанию «Центральная долина». Их контора в этом же здании, не так ли?

Выражение обиды сменилось выражением ужаса.

— Мистер... Не рассыпал вашего имени и фамилии.

— Дэн Дейвис.

— Мистер Дейвис, сдва клиент переступает наш порог, Компания всеобщего страхования берет его под свое неназойливое покровительство. Я просто не могу позволить вам пойти в «Центральную долину»

— Интересно, как вы собираетесь «не позволять»? Применяя дзюдо?

— Что вы, что вы! — Он понизил голос. — Наша компания всегда соблюдает этические нормы.

— Вы имеете в виду, что «Центральная» не соблюдает?

— Нет, нет Я этого не говорил. Мистер Дейвис, понимаю, конечно, что не могу надеяться повлиять на вас...

— Да я и не позволю...

— ... Но осмелись посоветовать: сравните образцы контрактов нашей компании и «Центральной». Проконсультируйтесь с адвокатом, а еще лучше — со специалистом по семантике*. И вам станет ясно, что предлагаю и в действительности выполняем мы, а что может предложить «Центральная долина». — Он огляделся и наклонился ко мне. — Я не должен бы так говорить, — надеюсь, потом вы не будете ссылаться на меня, — но они даже не пользуются статистическими таблицами установленного образца!

— Может, вместо этого они предоставляют клиенту более благоприятные возможности для помещения капитала?

— Да что вы! Дорогой мой мистер Дейвис, наша компания распределяет поровну между клиентами всю получаемую прибыль. Этого требует наш устав... в то время как «Центральная» является акционерной компанией.

— Может, мне приобрести несколько их акций? Послушайте, мистер Пауэлл, мы попусту теряем время. Возьмет Всеобщая заботы о моем приятеле или нет? Если нет, то я у вас и так слишком долго задержался.

* Семантика — раздел языкоznания, изучающий значение единиц языка, прежде всего слов.

— То есть вы имеете в виду, что хотите сохранить это существо живым при помощи гипотермии*? И оплатите расходы?

— Я имею в виду, что нам обоим нужен «долгий сон». И не называйте моего кота «это существо». Его зовут Петроний.

— Извините. Я поставил вопрос иначе. Готовы ли вы оплатить два взноса — за себя и э... э... Петрония — за помещение вас в наш Храм сна?

— Готов. Но не два взноса. Взнос за себя, ну и сколько-то я доплачу, понятно, за Пита. Вы же можете поместить нас в один ящик. Разве честно брать одинарковую плату с кота и человека?

— Но ваш случай весьма необычен...

— Конечно. Но давайте поторгуемся чуть позже... или я поторгуюсь с «Центральной долиной». Давайте обсудим главное: можете вы выполнить мой заказ или нет?

— Ну-да. — Мистер Паузел в задумчивости забаранил по крышке стола. — Минутку. — Он поднял телефонную трубку. — Опал, соедините меня с доктором Барквистом.

Остального я уже не слышал — он включил систему индивидуальной защиты. Несколько минут спустя он положил свое орудие производства и улыбнулся так, словно у него помер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр. Я тут совершенно упустил из виду тот факт, что первые успешные опыты по замораживанию производились как раз на котах. Так что техника и основные особенности процесса хорошо известны. Фактически в Военно-морской исследовательской лаборатории в Аннаполисе есть кот, который вот уже более двадцати лет находится в охлажденном состоянии.

— А я-то думал, что ВМИЛ разрушили до основания, когда они добрались до Вашингтона.

* Гипотермия — охлаждение; понижение температуры тела теплокровного животного или человека вследствие теплоотдачи, превосходящей теплопродукцию.

— Нет, пострадали только здания на поверхности, а подземные сооружения сохранились. Благодаря совершенной технике животное оставалось целым и невредимым более двух лет, а ведь его жизнедеятельность поддерживалась только автоматикой!.. И оно до сих пор живо-здраво — и не состарилось. Так и вы, сэр, будете здравствовать тот период времени, на какой доверите себя Всеобщей.

Мне показалось, он вот-вот перекрестится.

— Ладно, ладно. Продолжим наше торжище.

Итак, мы обсудили четыре вопроса. Первый — как оплатить заботу о нас Всеобщей, пока мы находимся в спячке; второй — на какой срок мы заляжем; третий — куда я собираюсь поместить свои капиталы на то время, пока буду находиться в холодильнике. И последний: как они поступят, если я откину копыта и не проснусь.

Я окончательно остановился на 2000 году: приятная круглая дата, до которой спать-то всего тридцать лет. Проспав дольше, я опасался не застать в живых тех, кого знал прежде. За те три десятка лет, что я прожил на свете, произошло столько умопомрачительных событий — две большие войны и дюжина войн поменьше, крушения тоталитарных режимов, Великая паника, появление искусственных спутников и переход на атомную энергию... А когда я был маленьким, еще и понятия не имели о том, что теперь воспринимается как само собой разумеющееся.

Так что в 2000 году от рождества Христова, думаю, мне будет от чего прийти в замешательство! Но я никогда не решился бы прыгнуть так далеко в будущее, если бы не уверенность, что к тому времени Белл наверняка превратится в дряхлую старуху.

При обсуждении вопроса о том, как я распоряжусь моим капиталом, я решил положиться на имевшиеся у меня акции «Горничной инк.», а наличные вложить в другие ценные бумаги. Тут я особо уповал на акции компаний, занимавшихся перспективными разработками — к примеру, автоматизированных систем. Кроме того, я надеялся на одну фирму по производству мине-

ральных удобрений из Сан-Франциско. Там проводили опыты над дрожжевыми культурами и годными в пищу водорослями. Людей на нашей планете становится с каждым годом все больше, а цены на мясо вряд ли понизятся... То, что оставалось после сведения баланса, я попросил поместить в опекунский фонд Всеобщей. Вкладывать деньги в государственные бумаги или предприятия я не собирался — инфляция заложена в любую государственную систему уже при ее возникновении.

Теперь стоило подумать, как поступить со всем этим, если я загнусь во время спячки. Компания гарантировала, что шансы выжить очень высоки — семь к десяти; предлагалось даже заключить пари. Но они-то внакладе не останутся при любом исходе! На удачу мне рассчитывать было трудно, но я знал, на что шел: в любой азартной игре есть риск. Правда, мошенники всегда одурачивают доверчивых болванов, а страхование — узаконенное мошенничество. Что там говорить, если старейшая и наиболее уважаемая лондонская страховая компания «Ллойд» и то не колеблясь заключит любое пари. Но не надейтесь на свой выигрыш — ведь должен же кто-то оплачивать «нашему мистеру Паузеллу» счета от портного! В общем, я распорядился в случае своей смерти все деньги до единого цента передать компании; тут мистер Паузелл едва не бросился ко мне на шею. Он принял горячо убеждать меня, что семь из десяти — дело верное. Я же ухватился за этот вариант только из-за того, что становился (если выживу) наследником других клиентов, выбравших те же условия страхования (в случае их смерти, конечно). Чем не «русская рулетка»*? При деньгах будет тот, кто выживет... ну а компаний, как обычно, остается заграбать лопатой денежки, да еще с процентами.

Ну, вроде я подготовился к возможному возвращению в жизнь, и мистер Паузелл возлюбил меня, как

* Русская рулетка — оконная игра времен русско-японской и первой мировой войн. В барабан револьвера заряжается один патрон, барабан несколько раз прокручивается, после чего игрок, приставив дуло к виску, нажимает на спусковой крючок.

крупье любит идиота, который ставит и ставит на «зеро»*. Пристроив таким образом мои капиталы, мистер Паузелл весьма здраво подошел к решению вопроса о взносе за Пита. Мы сошлись на пятнадцати процентах обычного взноса и составили на Пита отдельный контракт.

Теперь оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское освидетельствование. Врачебный осмотр меня не беспокоил: раз уж компания только выигрывает от смерти клиента, его примут даже с чумой в последней стадии. Но вот получить «добро» у судьи — долгая история. А без этого не обойтись, потому что клиент, спящий во льду, находится в безвыходном положении на законном основании: живой, но беспомощный.

Впрочем, мои опасения оказались напрасными. У «нашего мистера Паузелла» были уже заготовлены все документы — общим числом двенадцать, и каждый — в четырех экземплярах. У меня пальцы занемели, пока я их подписал. Потом явился посыльный, забрал всю пачку и поспешно удалился. Так что судью я и в глаза не видел.

Медосмотр оказался стандартной изнурительной процедурой, если не считать небольшого эпизода. Закончив осматривать меня, врач угрюмо взглянул на меня и спросил:

- Сынок, ты давно в запое?
- В запое?
- В запое, в запое.
- Да с чего вы взяли, доктор? Я трезв, как... как вы.
- В подтверждение я начал было произносить скороговорку.
- Брось валять дурака. Отвечай на вопрос.
- М... м... м... Да недельки две, может, чуть больше.
- А чуть больше — это месяц или два? И не вешай мне лапшу на уши, пьяница.
- Ну, вообще-то я никакой не пьяница... Видите ли...
- И я принялся рассказывать о том, как посту-

* «З е р о» — позиция (одно из сорока гнезд круга) игры в рулетку. На эту позицию выигрыш падает очень редко, но зато достигает значительной суммы.

пили со мной Белл и Майлз, и почему я был в таком состоянии.

— Прошу тебя! — Он предостерегающе поднял руку. — У меня хватает своих неприятностей, к тому же я не психиатр. Все, что меня интересует, — выдержит ли сердце клиента предстоящие перегрузки. Ведь твое тело охладят до четырех градусов Цельсия. Вообще-то мне плевать, если какой-то псих сует башку в петлю, да еще и затягивает ее сам. Я так считаю: одним дураком на свете меньше. Но остатки профессиональной этики не дают мне права разрешить человеку, отупевшему от пьянства, — неважно, что он за птица, — залезть в ледяной гроб. Повернись-ка кругом.

— Что?

— Спиной, говорю, повернись. Сделаю тебе укол в ягодицу.

Я повернулся — он уколол. Пока я растирал укоточенное место, он продолжал:

— Теперь выпей вот это. Минут через двадцать ты впервые за весь месяц станешь трезвым как стеклышко. Потом, если у тебя есть хоть капля здравого смысла, в чем я лично сомневаюсь, ты все обдумаешь и решишь — сбежать от неприятностей... или встретить их лицом к лицу, как подобает мужчине.

Я выпил лекарство.

— Вот и все. Одевайся, твои бумаги я подпишу, но предупреждаю, что могу наложить вето даже в самую последнюю минуту. Чтоб ни грамма алкоголя, только легкий ужин. Никакого завтрака. Быть здесь для окончательного осмотра завтра, в полдень.

Он повернулся ко мне спиной и удалился, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, кипя от злости. Мистер Паузэлл уже отложил мои экземпляры документов, подписанные в суде. Когда я забирал их со стола, он заметил:

— Можете оставить их здесь, если хотите. Заберите завтра в полдень... тот комплект, что отправится с вами в усыпальницу.

— А что станет с другими?

— Один комплект мы оставим у себя. Затем, когда вы заснете, один комплект пошлем судье и один — в

Карлсбадские архивы. Ну-да... Доктор предупредил вас о соблюдении диеты?

— Конечно.

Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Пауэлл потянулся за ними.

— Я сохраню их до завтра.

Я спрятал бумаги за спину.

— Я и сам смогу их сохранить. Может, мне захочется что-нибудь изменить.

— Увы, уже поздно вносить изменения, дорогой мой мистер Дейвис.

— Не давите на меня. Если надумаю что изменить, приду пораньше.

Я раскрыл сумку и засунул документы во внутренний боковой карман, рядом с Питом. Я и раньше держал там ценные бумаги. Может, там не так надежно, как в архивах, упрятанных в Карлсбадские пещеры, но гораздо надежнее, чем можно себе представить. Однажды какой-то гнусный воришко попробовал залезть в этот карман. Думаю, у него до сих пор на руках и лице шрамы от когтей Пита.

Глава 2

Выйдя из здания компании, я спустился к автомобильной стоянке по Першинг-сквер, где утром оставил свою машину. Бросил в счетчик несколько монет, включил автопилот, набрав код западной магистрали, выпустил Пита из сумки на сиденье и расслабился. Вернее, попытался расслабиться, — движение в Лос-Анджелесе интенсивное до жути, а я не очень доверял автомашине. Давно собирался переделать систему: она немного устарела, чтобы соответствовать своему назначению «идеально надежной».

Наконец мы миновали Западную авеню — можно было переходить на ручное управление. Однако я уже прилично издергался, и меня потянуло промочить горло.

— А вот и оазис, Пит!

— Вер-р-но?

— Прямо перед нами.

Пока я искал, куда бы приткнуть машину (Лос-Анджелесу не грозит оккупация — захватчики просто не найдут места для стоянки), я вдруг вспомнил, что доктор запретил мне прикасаться к спиртному. Тут я очень образно и доходчиво растолковал ему, как он может поступить с подобными советами, — жаль только, что он не мог этого услышать. Интересно, сумеет ли он сутки спустя определить, пил я или нет? Я что-то

читал на этот счет, но тогда меня интересовало совсем другое, и я пролистал статью, не вникая в смысл написанного.

Черт, а ведь в его власти запретить мне лечь в анабиоз! Буду-ка я похитрее и отложу выпивку до лучших времен.

— С-р-ра-а-з-у? — заинтересовался Пит.

— Нет, пожалуй, отложим до лучших времен. А сейчас поищем-ка придорожную закусочную.

Я вдруг с удивлением обнаружил, что к выпивке меня совсем не тянет. Вот поесть и выспаться я бы не отказался. Да, доктор оказался прав — я был совершенно трезв и впервые за много недель чувствовал себя хорошо. Может, и вколол-то он мне в корму всего лишь какой-нибудь В1; но если так, то доза была реактивная.

Наконец мы увидели придорожную закусочную и заехали во двор. Себе я заказал цыпленка «по-кентуккски»*, Питу — полфунта рубленного шницеля и немного молока. Пока не принесли заказ, я выпустил Пита поразматься. Мы с ним часто перекусываем в придорожных заезжалах — там не надо то и дело загонять Пита в сумку.

Полчаса спустя машина вывезла нас из деловой части города. Я выключил зажигание, закурил, почесал Пита за ухом и задумался.

Дэн, старина, а ведь доктор был прав. Ты пытался залить горе вином, да ничего не вышло — горе осталось. Сейчас ты трезв как стеклышко, сытно поел, и впервые за последнее время на душе у тебя спокойно. И чувствуешь ты себя нормально.

Что еще? А может, док прав и в отношении всего остального? Разве ты ребенок избалованный? Или тебе не хватит пороха плюнуть на все и начать по-новой? Почему ты идешь на это? Приключений захотелось? Может, ты просто пытаешься бежать от себя, прячешь голову в песок — тоже мне, страус!

Но я действительно хочу дожить до 2000 года!

* То есть зажаренного вместе с кожей.

Ладно, хочешь — живи. Но вот можешь ли ты сбежать и не свести кое с кем счеты здесь? Хорошо, хорошо! Но как я могу свести с ними счеты? Не буду же я добиваться, чтобы Белл вернулась после всего, что она сделала!

А как я еще могу поступить? Подать на них в суд? Не будь идиотом, у тебя нет свидетелей. Да и кто, в сущности, выиграет процесс? Только сами законники...

— М-у-у-у-р-р-р-а-а-а! — подтвердил Пит.

Я взглянул на него: вся морда в шрамах. Уж он-то не станет подавать на кого-то в суд. Не понравится ему, скажем, форма усов у какого-нибудь кота, так Пит просто предложит тому выйти и зубами да когтями растолкует, что к чему.

— А пожалуй, ты прав, Пит. Навещу-ка я Майлза, руки-ноги ему повыдергиваю и выколочу из подонка всю правду. А «долгий сон» подождет. Должны же мы выяснить в конце концов, кто из них истинный автор этой подлой затеи.

Из ближайшей телефонной будки я позвонил Майлзу и велел сидеть дома и ждать.

Мой старикан дал мне имя Дэниел Бун Дейвис*, чем на свой лад выразил отношение к таким понятиям, как свобода личности и вера в собственные силы. Я родился в 1940 году, когда все в один голос утверждали, что незаурядные личности находятся на грани вымирания и будущее — за средним человеком. Отец отказывался верить этому и, назвав меня так, бросил вызов обществу. До последнего вздоха он стремился доказать свою правоту — и умер, когда ему прочистили мозги в Северной Корее.

Когда началась Шестинедельная война, я служил в армии и у меня имелся диплом инженера-механика. На призывной комиссии о дипломе я умолчал; единствен-

* Б у н, Д э н и е л (1734 — 1820) — один из первых американских поселенцев в Кентукки, был среди инициаторов захвата земель индейцев. Стал персонажем американского фольклора.

ное, что я унаследовал от отца — неудержимое желание быть независимым, не отдавать и не выполнять приказов и не подчиняться предписываемым распорядкам. Я хотел тихо-мирно оттрубить свой срок — и свалить. Во времена «холодной войны» я был техником-сержантом на складе боеприпасов в городе Сан-Диа, штат Нью-Мексико, и набивал атомами атомные бомбы, раздумывая между делом, чем бы заняться после дембеля. В тот день, когда Сандиа перестал существовать, я находился в Далласе, куда меня послали за новыми запасами Schrecklichkeit*. Радиоактивные осадки отнесло к Оклахоме, поэтому я продолжал тянуть лямку в армии.

Пит выжил по той же причине. У меня был приятель — Майлз Джентри, из резервистов. Он был женат на вдове с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Он жил вне казармы, в Альбукерке, чтобы у падчерицы (ее звали Фредерика) был свой дом. Маленькой Рикки (мы никогда не называли ее полным именем) нравилось заботиться о Пите. Спасибо кошачьей богине Бубастис**, Рикки и Пита в те страшные дни также не было в городе — они все уехали на выходные; Пита я им подбросил, потому что не мог взять с собой в Даллас.

Нас всех удивило, когда выяснилось, что военные лаборатории запрятаны в Туле и других местах, где — мы и не догадывались. Еще в тридцатые годы стало известно, что человеческое тело можно охладить до состояния, при котором жизненные процессы организма замедляются до предела. Но до Шестинедельной войны такое охлаждение было возможно только в лабораторных условиях и использовалось как крайнее терапевтическое средство. Занимались этим, конечно, в военных лабораториях. А там, чтобы только добиться результатов, ни с какими затратами не считались —

* Здесь: то, что внушает ужас (нем.). Автор подразумевает «начинку» атомных бомб.

** Автор, видимо, имеет в виду Баст (Бастет) — богиню радости и веселья в египетской мифологии. Кошка — священное животное богини. Баст изображали в виде женщины с головой кошки. Бубастис — центр ее культа, расцвет которого относится к XXII династии (Бубастидов) — X — VII век до н. э.

ни с людскими, ни с материальными. Напечатай еще миллиард долларов, найми еще тысячу ученых и инженеров — и любую задачу можно решить, независимо от того, каким необычным, почти неправдоподобным и даже сомнительным способом это будет сделано. Так вот, с помощью стазов*, или сна в холода, или гипернатии**, или гипотермии, или замедления метаболизма***, называйте как вам больше нравится — тыловые команды исследователей-медиков нашли способ складывать людей, как дрова, — штабелями, чтобы потом размораживать по мере надобности.

Сперва объекту дают наркотик, затем гипнотизируют, охлаждают и содержат при температуре ровно четыре градуса Цельсия. То есть при максимальной плотности воды, когда в ней не образуются кристаллы льда. Если «замороженного» потребуется срочно разбудить, его подвергают дисперсии****. Затем снимают гипноз — и все за каких-то десять минут (в Номе управились и за семь!). Но такая спешка ведет к моментальному старению тканей, в результате чего «размороженный» до конца дней остается идиотом. Такой ускоренный метод профессиональные военные называют «продуманный риск».

И этот риск противник не принял в расчет. Поэтому, когда война закончилась, я не оказался в числе погибших или направленных в лагеря для рабов, а демобилизовался и получил расчет.

На «гражданке» мы с Майлзом тут же занялись коммерцией. И как раз в это время страховые компании стали предлагать «сон в холоде».

* С т а з — застой, остановка движения физиологического содержимого, например, крови, лимфы и т. п., в трубчатых органах (капиллярах, венах, сосудах). Возникает под действием химических и физических факторов.

** Г и б е р н а ц и я — искусственная (от лат. *hibernatio* — зимняя спячка) — искусственно вызванное состояние замедленной жизнедеятельности организма, напоминающее зимнюю спячку животных. Достигается применением нейроплегических средств, блокирующих механизмы терморегуляции. Применяют для углубления наркоза при больших хирургических операциях.

*** М е т а б о л и з м — то же, что обмен веществ.

**** Д и с п е р с и я — глубокое прогревание.

Мы сняли пустующий дом на базе ВВС в пустыне Мохаве, открыли там небольшую фабрику и стали изготавливать «горничных». Техническую сторону дела взял на себя я, а Майлз занимался юридическими вопросами, благо опыта в сфере бизнеса у него хватало. Да, да, это я изобрел «горничную» и все ее семейство — «Вилли-окномоя» и прочих, — хотя в технических паспортах моего имени вы не найдете. В армии я много размышлял о возможностях человека с дипломом инженера. Работать на «Стандарт ойл», «Дюпона» или «Дженерал моторс»? Спустя тридцать лет в вашу честь устроят торжественный ужин с речами и спровадят на пенсию. Вас не обойдут приглашением на приемы, к вашим услугам будет принадлежащий фирме самолет... Есть что выбрать и среди государственных предприятий. Там — сразу хорошая зарплата, там — приличная пенсия, там — ежегодный месячный отпуск и, наконец, щедрые пособия. Свой оплачиваемый отпуск я уже отгулял и ждал теперь только одного — быть самому себе хозяином. А что по плечу инженеру-одиночке и не требует затраты шести миллионов человеко-часов, прежде чем с конвейера сойдет первая модель?

Все в один голос твердили, что времена велосипедных мастерских, нуждавшихся в небольшом начальном капитале (а с таких мастерских начинали Форд и братья Райт), миновали. Но я не верил этому. Во все отрасли производства бурно внедрялась автоматика: предприятию химической промышленности теперь требовалось всего три работника — два техника для наблюдения за приборами да охранник; машина продавала билет на самолет в одном городе, а в шесть других по маршруту передавала информацию о проходных местах; стальные кроты добывали уголь, а горнякам на станции контроля оставалось лишь присматривать за ними, развались в кресле.

Поэтому, пока числился в раздаточной ведомости дяди Сэма*, я от корки до корки проштудировал все

* То есть в платежной ведомости армии США.

засекреченные материалы по связи, электронике и кибернетике, на какие только мог достать разрешение.

Как вы думаете, что автоматизировалось в последнюю очередь? Ответ прост: труд домохозяек. Женщины не нужен дом, забитый хитроумными, сложными в обращении приборами; ей нужна хорошо оборудованная и изящно обставлена пещера. К тому же домохозяйкам до сих пор свойственно жаловаться на «проблему прислути», хотя сами слуги, вслед за мастодонтами, ушли в область преданий. Но почти в каждой женщине есть что-то от рабовладельца: они, похоже, до сих пор верят, что где-то должны существовать здоровенные деревенские девки, почитающие за счастье скоблить полы по четырнадцать часов в день, питаться обедками с хозяйствского стола и получать гроши, до которых не унизился бы и ученик лудильщика.

Поэтому-то мы и назвали наше чудовище «горничной». Само название агрегата напоминало о добрых временах, когда наши бабушки обращались с прислугой, в основном из эмигрантов, почти как с рабынями. Вообще-то «горничная» представляла собой всего-навсего пылесос улучшенной конструкции. Мы собирались выбросить его на рынок по ценам, ненамного превышавшим стоимость обычной метлы. Наша «горничная» (первая модель, а не мыслящий робот, в которого я ее потом превратил) могла драить полы — любые полы. Делала она это весь день с утра до вечера, не нуждаясь в присмотре. А где вы видели полы, не требующие, чтобы их время от времени драили? «Горничная» мыла, чистила, натирала их, а что именно надо делать, ей подсказывала ее убогая электронная память. Если ей попадался предмет любого размера, даже с горошину величиной, она поднимала его с пола и клала на поднос, вмонтированный в верхнюю крышку, чтобы кто-нибудь поумней решил — выбрасывать его в мусорное ведро или нет. Она неторопливо разъезжала целый день по квартире в поисках грязи, проникая в самые дальние закоулки. Если в комнате оказывались люди, она, как вышколенная прислуга, тут же поворачивала обратно, и оставалась, только когда хозяйка давала на это команду.

Ближе к обеду «горничная» направлялась в «стойло» — быстро подзарядиться. Но так было, пока мы не установили ей «вечные» блоки питания. «Горничная» первого выпуска немногим отличалась от обычного пылесоса. Но как раз «немногое» — работа в автоматическом режиме — и обеспечило ее сбыт.

Основной принцип схемы — «автономное патрулирование» — я содрал из журнала «Сайнтифик Америкен»; там в конце сороковых годов была описана схема «электрической черепахи». Блок памяти я «вынул» из электронного мозга управляемой ракеты. (У этих сверхсекретных штучек есть неоспоримое достоинство — их не патентуют.) Ну а другие узлы я «попозаимствовал» из самых разных приборов, таких, например, как госпитальный полотер, автомат по продаже безалкогольных напитков, манипуляторы, применявшиеся на атомных станциях, и дюжины других. Получалось, что в конструкции самой машины ничего принципиально нового не было; другое дело — как я скомпоновал разные узлы в одно целое. А «искру гениальности», что требовалась в соответствии с «Положением о патентах», мог обнаружить хороший юрист по патентному праву.

Но настоящая гениальность нужна была для того, чтобы наладить выпуск нашей продукции. Собрать «горничную» можно было из стандартных деталей, заказанных по каталогу Свита; исключение составляли несколько эксцентриков и одна печатная плата. Платы нам поставляли по договору, а эксцентрики я изготавлял сам из бросовой военной автоматики прямо в сарае, который мы громко именовали «наша фабрика».

Сначала как было? Майлз да я — вот и весь «сборочный конвейер»: плоское — тащи, круглое — кати, ржавое — закрась. Опытный образец обошелся нам в 4317 долларов 9 центов; первая сотня моделей — по 39 долларов за штуку. Мы сдали всю партию фирме в Лос-Анджелесе с сетью магазинов, торговавших со скидкой, по 60 долларов за штуку; продавали их уже по 85 долларов. Позволить себе заниматься торговлей мы не могли, а сбыт обеспечивать надо было. Но даже при этом мы чуть с голода не подохли, пока дождались

первых денежных поступлений. Потом журнал «Лайф» дал целый разворот с «горничной», чем оказал неоценимую помощь в реализации нашего детища.

Белл Даркин появилась вскоре после этого. Мы с Майлзом отстукивали наши деловые письма одним пальцем на «Ундервуде» образца 1908 года; Белл была профессиональной машинисткой и получила у нас должность делопроизводителя. Мы взяли напрокат электрическую пишущую машинку со стандартным шрифтом и копировальным устройством, а я набросал эскизы фирменных бланков. Мы все горячо принялись за дело; Пит и я спали прямо в мастерской, а у Майлза и Рикки была хибара поблизости. Чтобы быть защищенными от всяких неожиданностей, мы оформили наш юридический статус. В члены корпорации вошли три человека: Белл, получившая долю в нашем деле и титул секретаря-казначея, Майлз — как президент и генеральный директор, и я — в качестве главного инженера и председателя правления с правом на... 51 процент акций.

Хочу, чтобы было понятно, почему я сохранил контроль над делом. Я не эгоист, но просто мне хотелось быть хозяином самому себе. Конечно, хотя Майлз, надо отдать ему должное, и вкалывал как лошадь, но больше шестидесяти процентов начального капитала принадлежали-то мне; а все, что было изобретено и воплощено в жизнь, на все сто процентов было достигнуто моим трудом. Майлз вряд ли смог бы сделать «горничную», а вот я смог. И сделал бы, даже если не сам, то уж с дюжиной первых попавшихся под руку мошенников — наверняка. Но мои попытки превратить «горничную» в деньги потерпели бы неудачу: Майлз был бизнесменом, а я — нет.

Но я хотел иметь гарантии сохранения контроля за делом... и предоставил Майлзу равные возможности. Слишком большие возможности, как выяснилось позже.

Первую модель «горничной» раскупали, как пиво на стадионе. Тем временем я был занят ее модернизацией, установкой сборочной линии и подбором управляющего фабрикой. Потом мне пришла счастливая мысль

заняться другими механизмами для работы по дому. Просто поразительно, как мало внимания уделялось облегчению домашнего труда, хотя он составляет, как утверждают женские журналы, пятьдесят процентов всей работы, производимой в мире. Эти журналы толковали об «облегчении домашнего труда» и «функциональных кухнях», но то был детский лепет; на глянцевых картинках красовались приспособления, в сущности мало чем отличавшиеся от домашней утвари времен Шекспира. Техническая революция, заменившая карету реактивным самолетом, еще не коснулась труда домохозяек.

Я убежден, что домохозяйки — народ весьма консервативный. Они не признают никаких машин для домашнего труда — только приспособления для уборки, приготовления пищи и по уходу за детьми, чтобы заменить труд вымершей породы домашних слуг.

И я задумался о грязных окнах и рыжем налете на эмалированной поверхности ванн: чтобы соскоблить этот налет, надо согнуться в три погибели. Оказалось, что электростатическое устройство моментально удаляет грязь с любой гладкой силикатной поверхности: с оконных стекол, ванн, унитазов и тому подобного. Вот так и появился «Вилли-окномой», и я только диву давался, почему никто до меня не додумался сконструировать его. Я не пускал его в производство, пока не сделал настолько дешевым, что люди покупали его не задумываясь. Кстати, а вы знаете, во сколько вам обойдется нанять мойщика окон?

Я не пускал «Вилли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлза: я хотел, чтобы у владельцев не было трудностей и с ремонтом «Вилли». Самый большой недостаток подобных приспособлений в том, что они выходят из строя как раз в то время, когда вы позарез нуждаетесь в их услугах. И чем они лучше, чем больше операций способны выполнять — тем больше вероятность их поломки. А в этом случае требовался специалист для их починки, с оплатой не менее пяти долларов в час. На следующей неделе случалось то же самое — теперь с мойкой или кондиционером... и, как правило, в субботу поздно вечером.

А я хотел, чтобы мои приспособления работали, работали долго, не доводя их владельцев до инфаркта.

Но любые приспособления, даже сконструированные мною, когда-нибудь выходят из строя. И так будет продолжаться, пока в них имеются подвижные узлы. Даже если у вас полон дом всяких приспособлений, наверняка несколько из них сломаны.

Но военные уже много лет назад решили эту проблему. Нельзя же проигрывать сражение или даже войну, терять миллионы человеческих жизней только потому, что в каком-то механизме полетит деталька величиной с палец. Для этих целей существовало множество уловок — аварийные системы, контроль надежности, тройные цепи и так далее. Но из того, что они использовали, для производства приспособлений, облегчавших домашний труд, годился только принцип блоков.

Сама мысль проста до глупости: не чинить, а заменять. Мне хотелось заменить блоками те части «Вилли», которые чаще всего выходят из строя. Следующий этап — снабдить каждый агрегат запасными блоками. Замененные части можно будет или выкинуть, или отправить в ремонт. Зато сам «Вилли» простоят только то время, которое понадобится на замену вышедшего из строя блока новым.

Тут и возникла первая ссора между мной и Майлзом. Я заявил, что определять время запуска первой модели в производство нужно с инженерной точки зрения, а Майлз настаивал, что только с точки зрения выгоды для фирмы. Согласись я на это — «Вилли» поступал бы на рынок таким же недоделанным и непрочным, как другие приспособления «для облегчения домашнего труда». И его владельцы если не инфаркт, то, во всяком случае, изжогу точно заработали бы.

Помирила нас Белл Даркин. Если б она на меня нажала, я, может, и позволил бы Майлзу начать продажу «Вилли» прежде, чем сам считал необходимым. Слепое обожание делает мужчину идиотом — а я боготворил Белл. Она не только была превосходным секретарем и правительницей, но и обладала к тому же формами, которые вдохновили бы и Праксителя, а

ее духи действовали на меня, как валерьянка на Пита. Машинистка высшего класса — а Белл была именно таковой — нынче большая редкость. И если одна из них вдруг соглашается работать за гроши в завалющей фирме, вроде нашей, то должен возникнуть естественный вопрос: почему? А мы даже не поинтересовались, где она работала прежде, — так обрадовались, что кто-то освободит нас от потока бумаг, связанных со сбытом «горничной».

Спустя некоторое время я уже с негодованием отвергал любое предложение Майлза проконтролировать работу Белл — увы, на мои суждения оказывали большое влияние размеры ее бюста. Она милостиво разрешила мне рассказать, как одинок я был до встречи с нею, и ласково отвечала, что ей хотелось бы узнать меня получше, ибо она испытывает ко мне нечто большее, чем простую симпатию. Наконец Белл согласилась соединить свою судьбу с моей. Это случилось вскоре после того, как она помирila меня с Майлзом.

— Дэн, милый, у тебя задатки великого человека... и мне кажется, я именно та женщина, которая поможет тебе им стать.

— Конечно, ты — и никто больше!

— Ну-ну, милый. Но я не собираюсь тут же выскакивать за тебя замуж. Мне не хочется обременять тебя детьми и всем, что сопутствует семейной жизни. Я стану работать вместе с тобой и добьюсь, чтобы наша фирма процветала. А уж потом мы поженимся.

Я пытался возражать, но она оставалась непреклонной.

— Нет, дорогой. Впереди у нас — долгий путь. Фирма «Горничная» станет такой же известной, как «Дженерал электрик». И тогда мы поженимся, я плюну на бизнес и целиком посвящу себя заботам о тебе. Но сначала я должна подумать о твоем благополучии — ради нашего общего будущего. Верь мне, милый.

Ну я и верил. Она не позволила мне приобрести дорогое обручальное кольцо, что я присмотрел для нашей помолвки; вместо этого я переписал на ее имя часть своих акций. Правда, сейчас я не очень-то уве-

рен, кто из нас первый предложил заменить кольцо акциями.

После этого я стал работать усерднее, чем раньше, придумал самоопорожнявшееся мусорное ведро и мойку, укладывавшую вымытую посуду в кухонный шкаф. И все были счастливы; все, кроме Пита и Рикки. Пит игнорировал Белл, как и все, что он не одобрял, но изменить не мог. А вот Рикки была по-настоящему несчастна.

И виной тому был я. Рикки лет с шести считалась «моей девушкой» — еще в Сандиа, когда я служил в армии, а она была смешной девчушкой с торчащими во все стороны волосами и грустными карими глазами. И я обещал жениться на ней, когда она подрастет, чтобы мы вместе заботились о Пите. Мне-то все представлялось забавной игрой, да так оно в самом деле и было. Я считал, что во всем этом самое важное для малыши — заботиться о нашем коте. Но кто может узнать, что происходит в детской душе?

Честно говоря, к детям я особой нежности не питал. По-моему, большинство детей — маленькие дикари, и, только став взрослыми, они научатся вести себя. Впрочем, далеко не все из них будут при этом цивилизованными людьми.

Но маленькая Фредерика напоминала мне мою родную сестру, а кроме того, она любила Пита и заботилась о нем. По-моему, я ей нравился за то, что никогда не ругался (с детства не выношу грязных выражений) и серьезно относился к ее участию в скаутском движении. Рикки была молодцом: она вела себя с достоинством — не зазнавалась и не хныкала, не лезла на колени. Мы были друзья, вместе заботились о Пите и играли в «жениха и невесту».

После того как мама и сестренка погибли под бомбёжкой, я прекратил игру. Не потому, что принял сознательное решение, просто мне больше не хотелось шутить, да и вообще, возвращаться к прошлому. Тогда ей было лет семь, а ко времени, когда мы с Белл обручились, все одиннадцать.

Наверно, я один и сознавал, как сильно Рикки ненавидела Белл, хотя внешне неприязнь проявлялась

только в отказе разговаривать с ней. Белл называла это «застенчивостью», и Майлз, думаю, был с нею согласен.

Но я-то догадывался, в чем дело, и пытался подействовать на Рикки. Вы когда-нибудь пробовали обсуждать с подростком тему, на которую тот не желает разговаривать? Пользы столько же, сколько от крика под водой. Я утешал себя, что все еще может измениться, едва Рикки поймет, какая Белл добрая.

А тут еще и Пит.

С ним, правда, дело обстояло иначе. Если бы я не был по уши влюблен, то его поведение меня давно бы уже насторожило. И я понял бы, что нам с Белл никогда не понять друг друга и никогда не быть вместе.

Белл — конечно же! — любила моего кота. И вообще, она обожала кошечку, ей нравилась моя намечавшаяся лысина и приводил в восторг мой выбор блюд в ресторанах — словом, все, что касалось меня, вызывало у нее восхищение.

Но кошечка не обманешь — они прекрасно чувствуют, кто их любит, а кто нет. Вообще, человечество делится на «кошатников» и прочих. Причем прочих подавляющее большинство. Даже если они и прикидываются из вежливости (или по другим причинам), будто любят кошечку, то тут же выдают себя с головой; надо знать, как обращаться с кошками! Кошачий протокол гораздо строже дипломатического — в его основе чувство собственного достоинства и взаимное уважение. В нем есть что-то от «Dignidad de hombre»* латиноамериканцев, на что посягнуть можно только с риском для жизни. Кошки напрочь лишены чувства юмора, они непомерно эгоистичны и очень обидчивы.

Мне легче доказать человеку, который не любит острых сыров, преимущество «рокфора» перед «швейцарским», чем найти логическое объяснение тому, что я трачу столько времени на возню с котом. Тем не менее я вполне понимаю китайского мандарина —

* Достоинство человека (исп.).

того, кто отрезал рукав халата, покрытого бесценной вышивкой, потому что на нем спал котенок.

Белл стремилась показать, как она «любит» Пита, играя с ним, словно с собакой... и он ее, конечно, царапал. Затем, как и всякий благовоспитанный кот, он по-быстрому смывался и где-то отсиживался некоторое время. Он поступал весьма мудро, иначе я бы его шлепал: а Пита никто никогда не наказывал, даже я. Бить кота совершенно бесполезно; чтобы вразумить его, нужно огромное терпение.

Я смазывал Белл царапины йодом и старался объяснить, в чем ее ошибка.

— Мне ужасно жаль, что так получается, поверь! Но если будешь продолжать в том же духе, он тебя снова поцарапает.

— Но я только хотела поласкать его!

— Да, но... ты ласкала его, как ласкают собак. Никогда не похлопывай кошку, а только поглаживай. И не делай резких движений перед самым его носом; когда ты гладишь Пита, ему нужно видеть, что у тебя добрые намерения. Ты всегда должна быть уверена, что ему это нравится. Если ему не хочется, чтобы его гладили, он потерпит из вежливости — коты ведь очень вежливы, — но только недолго. Так что очень важно оставить его в покое прежде, чем у него лопнет терпение. — Я помолчал. — Ты же не любишь кошек?

— Что? Фу, какие глупости! Конечно же, люблю. Просто мне не приходилось часто иметь с ними дело. Она у тебя очень обидчивая?

— Он. Пит — кот. Вообще-то он не обидчив, с ним всегда хорошо обходились. Но, повторяю, с кошками надо уметь обращаться. И никогда не надо смеяться над ними.

— Что? Почему, ради всего святого?

— Потому что они действительно забавны, даже очень комичны, пожалуй. Но у них отсутствует чувство юмора — насмешка их обижает. Однако упрекать тебя за то, что ты смеешься над ним, он не станет, а просто удалится, и завоевать его дружбу снова будет очень непросто. Но это не так важно. Гораздо важнее

знать, как найти к нему подход. Когда Пит вернется, я научу тебя, что нужно сделать.

Но в этот день Пит так и не вернулся, и мне не пришлось учить ее. С тех пор Белл ни разу к нему не прикоснулась. Она разговаривала с ним и, вообще, вела себя так, будто любила его, но держалась от него подальше. Пит тоже соблюдал дистанцию. Я вскоре забыл о случившемся — не мог же я из-за такой ерунды позволить себе сомневаться в женщине, которая была для меня дороже всего на свете.

Но вопрос о Пите вновь возник и чуть не стал камнем преткновения. Мы с Белл обсуждали, где будем жить, когда поженимся. Правда, тогда она не назвала дня нашей свадьбы, но мы тем не менее тратили массу времени, обсуждая всякие подробности. Я хотел приобрести небольшое ранчо неподалеку от фабрики, а Белл предпочитала квартиру в городе, пока мы не сможем позволить себе приобрести виллу в районе Бель-Эр.

— Дорогая, это непрактично, — уверял я ее. — Мне необходимо жить поближе к работе. А кроме того, как в городской квартире держать кота?

— Ах вот ты о чем. Я рада, что ты сам упомянул об этом. Я тут под занялась кошачьим вопросом серьезно, прочитала пару книг. Мы его кастрируем, тогда он станет более покладистым и будет вполне счастлив, живя в квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Превратить старого бойца в евнуха? Сделать из него украшение для камина?

— Белл, ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Не спорь, мамочке лучше знать, — нетерпеливо перебила она.

И принялась выкладывать обычный набор доводов, свойственный тем, кто считает кошечки лишь частью интерьера. И что ему, мол, не будет больно, и что для его же блага, и что она знает, как он для меня дорог, и что у нее в мыслях не было лишать меня общества Пита... и что так для всех нас будет лучше.

Я прервал ее:

— А почему бы тебе не устроить это нам обоим?

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— Себя. Я стал бы послушным, всегда бы ночевал дома и никогда с тобой не спорил. Как ты заметила, это совсем не больно, и я даже стал бы намного счастливее.

— Ты говоришь глупости, — покраснев, сказала Белл.

— Ты тоже.

Больше она об этом не заговаривала.

Белл никогда не допускала, чтобы разногласия приводили к ссоре. Она замолчала и затаилась, ожидая подходящего случая. В ней, пожалуй, тоже было что-то кошачье... поэтому, наверно, я и не мог отказатьсь.

И я рад был слышать замять дело, поскольку по уши был занят новой работой. «Ловкий Фрэнк», «Вилли» и «горничная» должны были обязательно принести нам большой доход. Но я был помешан на идее создать совершенный многоцелевой домашний автомат-слугу. Можете назвать его роботом, хотя такое определение не совсем точно, да и я не имел намерения конструировать механического человека.

Мне хотелось создать агрегат, который мог бы выполнять любую работу по дому — не только уборку и приготовление пищи, но и более сложную: менять грудным детям подгузники или заправлять новую ленту в пишущую машинку. Я хотел, чтобы вместо одноцелевых «горничных», «Вилли-окномоеv», «нянек Нэнси», «огородников Гессов» любая семья была бы в состоянии купить одну машину, и по цене, ну скажем, хорошего автомобиля. А делать такая машина могла бы все — как слуги-китайцы, правда, известные моему поколению только по книгам.

Создание такой машины было бы равносильно появлению нового «Манифеста об освобождении рабов». Мне хотелось опровергнуть старую истину: «домашнюю работу никогда не переделаешь». Нудная, тяжелая, однообразная работа по дому оскорбляла мои чувства инженера.

«Ловкого Фрэнка» я хотел сотворить из стандартных частей и на основе уже известных принципов. В

одиночку с нуля не начнешь: тут надо было использовать прежний научно-технический опыт и развивать его дальше. Иначе ни черта не вышло бы. К счастью, уже многое достигла оборонная промышленность, и, имея доступ к секретным сведениям, я времени в армии даром не терял. Да моему агрегату и не требовалось выполнять столь же сложные задания, что и управляемой ракете. Я добивался одного: «ловкий Фрэнк» должен был производить любую работу по дому, которую до сих пор делала женщина. Он не должен был уметь играть в карты, заниматься любовью, есть или спать, но должен был прибирать за картежниками, готовить, застилать кровати, нянчить детишек — уж, во всяком случае, следить за их дыханием во сне и звать кого-нибудь, если что не так. Не было необходимости «учить» его отвечать на телефонные звонки — такой прибор уже выпускала АТТ. На дверные звонки он тоже мог не отвечать — большинство квартир в новых домах оборудовались системой ответчиков. Но чтобы выполнять такое множество обязанностей, у него должны были быть руки, глаза, уши и мозг... достаточно вместимый мозг.

«Руки» я мог заказать у компании, изготавлившей оборудование для атомной промышленности, — они же поставляли руки для «горничной». Но на этот раз мне требовалась приборы лучшего качества, с многоцелевым сервомеханизмом и обратной связью, с большими степенями свободы, — те, что использовались при отмеривании радиоактивных изотопов.

Та же компания могла поставлять и «глаза» — правда, они могли бы быть более простой конструкции, ведь «Фрэнку» не требовалось видеть и действовать из-за бетонных укрытий, как на атомных станциях.

«Уши» приобретались через компании по производству телевизоров, хотя я и сам мог бы разработать схему, обеспечивающую управление «руками» Фрэнка по тому же принципу, как «управляются» руки человека.

Но, используя транзисторы и печатные схемы, в небольшом объеме возможно уместить множество центров управления различными операциями. «Фрэн-

ку» не придется пользоваться стремянкой, чтобы, скажем, покрасить потолок. Я сделаю, чтобы у него могла вытягиваться шея... и руки. А может быть, научить его спускаться и подниматься по лестнице?

Вообще-то аналог уже имелся — инвалидное кресло на колесах с мощным приводом. Стоило, наверно, приобрести одно из них и использовать как основу для шасси, подогнав под него размеры и вес опытной модели, — так я получил бы необходимые параметры для разработки. Управлять передвижением будет «мозг» «Фрэнка».

С «мозгом» мне пришлось помучиться. Можно собрать агрегат, соединить отдельные части наподобие человеческого скелета или даже более функционально. Можно собрать достаточно тонкую координационную систему — так, чтобы этот агрегат забивал гвозди, соскребал грязь с пола, разбивал яйца или, наоборот, не разбивал. Но, пока у него нет центра управления, соответствующему тому, что размещается у человека в черепной коробке, машина мертва. К счастью, человеческий мозг мне и не требовался: я хотел создать послушного идиота, годного в основном только для нудной домашней работы.

Здесь пригодились трубы памяти Торсена. Они применялись в межконтинентальных ракетах, и их упрощенный вариант — в системах регулирования уличным движением, в Лос-Анджелесе например. Нет нужды углубляться в теорию электронных трубок, поскольку даже в лабораториях «Белл корпорейшен» в этом не очень разбираются. Суть заключается в том, что, если вмонтировать трубку Торсена в механизм контроля и запрограммировать операцию, трубка «запомнит» ее и сможет в дальнейшем управлять операцией без участия человека. Этого вполне достаточно для работы сложных станков. Но для более хитроумных механизмов — управляемых ракет и «ловкого Фрэнка» — необходимо вмонтировать вторичные цепи, которые дадут возможность машине «рассуждать». Конечно, рассуждать, как человек, машина, по-моему, не сможет никогда, просто регулирующие цепи дадут команду: следить за тем-то и тем-то в таких-то преде-

лах; обнаружив то-то и то-то, действовать по программе. Сложность программы зависит от возможностей памяти трубы Торсена — а они практически не ограничены! Можно так запрограммировать, что вторичные цепи рассуждения в любое время прервут цикл, если возникнет несоответствие с первично заложенной информацией. То есть смысл в том, что нужно лишь однажды научить «ловкого Фрэнка» вытираять со стола, очищать тарелки от остатков пищи и загружать их в мойку, — дальше он все это запомнит и будет действовать самостоятельно. А электронная регулирующая цепь рассуждения — проследит, чтобы он не бил тарелки. Если вставить вторую трубку памяти, машина сможет менять пеленки младенцу, но никогда не выбросит в мусорное ведро вместо использованных пеленок ребенка.

В квадратную голову «Фрэнка» легко могла бы вместиться хоть сотня таких трубок. В каждую из них можно занести память только об одной определенной операции. Затем монтируется цепь блокирования на случай, если «Фрэнк» столкнется с чем-то, что не вложено в его память, — в этом случае цепь сработает, он остановится и «позовет на помощь». И дети, и посуда — в безопасности. Так на каркасе инвалидного кресла на колесах я построил своего «Фрэнка». Выглядел он как осминог в любовной схватке с вешалкой... но как при этом чистил серебряные ложки!

Майлз с недоверием осмотрел первого «Фрэнка». Он внимательно наблюдал, как «Фрэнк» смешал мартины и подал нам стаканы, потом вытряхнул и тщательно протер пепельницы (не прикоснувшись к тем, что стояли чистыми), открыл окно и закрепил рамы, подъехал к книжному шкафу, вытер пыль с книг и снова аккуратно расставил их по полкам.

— Много вермута, — сделав глоток, сказал Майлз.

— Именно так мне и нравится. Но можно научить его смешивать и в твоем вкусе. У него еще не задействовано множество трубок.

Майлз отпил еще глоток.

— Как скоро его можно пустить в производство?

— Ну, лет десять с ним нужно повозиться, — отвечал я. И, не ожидая, пока он взводит, добавил: — Однако упрощенную модель можно будет запускать уже лет через пять.

— Чушь! Мы обеспечим тебя всем необходимым, но опытный образец должен быть готов через полгода.

— Черта с два. Ведь это мое *magnum opus**. И я не собираюсь отдавать его, пока он не станет произведением искусства: во-первых, размером в три раза меньше, во-вторых, у него должны полностью заменяться блоки, кроме торсновских трубок. Он будет настолько ловким, что сможет не только прогуливать собак и купать детей, но даже играть в пинг-понг. Разумеется, если покупатель доплатит. — Я взглянул на «Фрэнка»: тот методично вытирая пыль с моего стола и при этом возвращая каждую бумажку на то же место, откуда брал. — Правда, играть с ним в пинг-понг мало радости — всегда будешь проигрывать. Хотя, думаю, его можно научить изредка «мазать». Ну да, и покупатель на это клюнет.

— Год. Один год, Дэн, и ни днем больше. Я найду какого-нибудь электронщика тебе в помощь.

— Майлз! Когда ты наконец запомнишь, что технической стороной дела командую я? Твой черед наступит, когда я передам тебе готовую модель... но не раньше.

— И все-таки вермута многовато, — ответил Майлз.

Я ковырялся потихоньку с помощью наших механиков, пока не добился, что «Фрэнк» стал меньше походить на гибрид газонокосилки с игровым автоматом, а стал выглядеть как машина, которой не грех и перед соседями похвастаться. Между дел я устранил множество неполадок в его системе контроля. Я даже научил его гладить Пита и почесывать его за ухом именно так, как

* Дело всей жизни, огромная работа (лат.).

тому нравилось. А для этого, поверьте мне, нужна была система обратной связи не хуже тех, что использовались в приборах атомных станций. Майлз на меня не давил, хотя и заходил ко мне время от времени посмотреть, как продвигается дело. Большую часть работы я делал по ночам, поужинав с Белл и проводив ее домой. Днем отсыпался, потом приезжал на фабрику, подмахивал не глядя бумаги, подготовленные Белл, и шел смотреть, что успели сделать за день механики. Потом вез Белл куда-нибудь ужинать. Днем я не выкладывался: не встречаться же с любимой женщиной, когда от тебя несет потом, как от козла. После напряженной работы ночью в лаборатории фабрики вряд ли кто-нибудь вынес бы мое присутствие. Кроме Пита, конечно.

Как-то раз мы с Белл, как обычно, ужинали в ресторане. Когда подали кофе, Белл спросила меня:

— Возвращаешься на фабрику?

— Конечно. А что?

— Да ничего, так просто. Майлз собрался встретить нас там.

— А...

— Он хочет провести общее собрание акционеров.

— Общее собрание? Для чего?

— Не беспокойся, оно будет коротким. Ты, милый, последнее время так мало внимания уделяешь делам фирмы. Майлз хотел подвести итоги и определить нашу дальнейшую политику.

— Я вплотную занимаюсь инженерными вопросами. Что еще от меня требуется?

— Ничего, милый. Майлз сказал, собрание долго не продлится.

— Да что случилось-то? У Джейка неполадки со сборочной линией?

— Милый, ну пожалуйста! Майлз мне не говорил зачем. Допивай быстрой кофе.

Майлз и впрямь ожидал нас на фабрике. Он торжественно пожал мне руку, словно мы месяц не виделись.

— Майлз, в чем дело? — спросил я.

Он не ответил, а, повернувшись к Белл, спросил:

— Повестка дня готова?

Уже одно это должно было меня насторожить: ведь Белл явно лгала, утверждая, будто Майлз ни о чём ее не известил. Но тогда я ничего не заметил. Ведь я верил Белл, черт меня подери! Да к тому же я отвлекся на другое: Белл подошла к сейфу, нажала ручку, открыла дверцу.

— Кстати, дорогая. Вчера ночью я пытался открыть сейф и не смог. Ты что, изменила шифр?

Она, не оборачиваясь, вынимала бумаги из сейфа.

— Разве я тебе не говорила? На прошлой неделе кто-то пытался его взломать, и в полиции нам посоветовали изменить шифр.

— Тогда неплохо бы и мне знать его, а то придется называть кому-нибудь из вас ночью, в неурочный час.

— Конечно, конечно. — Она закрыла сейф и положила папку на стол, за которым мы проводили заседания.

Майлз прочистил горло и сказал:

— Давайте начнем.

— Ладно, — согласился я. — Если у нас деловое совещание, стенографируй, милая. Итак... Среда, 18 ноября 1970 года, 21 час 20 минут. Присутствуют все держатели акций — запиши наши имена. Председательствующий — Д. Б. Дейвис, вице-президент правления. Какие вопросы, рассматривавшиеся на прошлой встрече, остались нерешенными?

Таковых не оказалось.

— Отлично. Валяй, Майлз. Возникло что-нибудь новенькое?

Майлз прокашлялся.

— Я хочу проанализировать политику фирмы, представить программу на будущее и обсудить финансовое положение.

— Финансовое? Не дури. Мы ведем дело с прибылью, и с каждым месяцем она возрастает. В чем дело, Майлз? Недоволен своим текущим счетом в банке? Мы могли бы тебе кое-что подкинуть.

— Новая программа потребует от нас значительного расширения структуры фирмы. Мы можем лишиться прибыли.

— Что за новая программа?

— Подожди, Дэн. Я взял на себя труд записать все подробно. Пусть Белл нам прочтет.

— Ладно... пусть.

Если отбросить цветистые обороты, а Майлз, как и все юристы, обожал длинные периоды, коротко дело сводилось к следующим трем пунктам: «а» Майлз настаивал на том, чтобы я передал «ловкого Фрэнка» мастерам-производственникам и те без задержки пустили бы его в производство — и в продажу.

— Нет! — остановил я Белл.

— Погоди, Дэн. Как председатель и генеральный директор, я, естественно, имею право в процедурном порядке высказать свои мысли. Оставь замечания при себе. Дай Белл дочитать до конца.

— Ну ладно... хорошо, хорошо. Только ответ все равно один — нет!

Пункт «б» гласил, что нам пора задуматься о расширении дела. Мы первыми начали выпуск подобной сложной техники, которую можно сравнить с автомобилями. Поэтому нам надо срочно расширяться и основывать компанию по продаже и продвижению нашего товара на общемировой рынок.

Я нервно забарабанил пальцами по столу. Представляю, каково быть главным инженером такой компании, — они и до чертежной-то доски меня не допускают, а главной моей заботой будет, чтобы профсоюз не объявлял забастовок. С таким же успехом я мог бы остаться в армии и попытаться дослужиться до генерала.

Но я не стал прерывать чтения.

В пункте «в» говорилось, что грошами тут не обойтись, нужны миллионы. Финансиовать нас берется «Менникс энтерпрайз», конечно, под обеспечение нашими акциями и патента на «Фрэнка». Мы же превращаемся в дочернее предприятие. Майлз становится управляющим отделения, я — главным инженером-разработчиком. Но нашей свободе — конец: мы оба будем работать по найму.

— Все? — спросил я.

— М-м... да. Давайте обсудим и проголосуем, — сказал Майлз.

— Ну что же... Надеюсь, нам хотя бы гарантируется право сидеть по вечерам перед лачугой и распевать спиричуэлс?

— Тут не место шуткам, Дэн. Выход у нас только в том, что я предложил.

— А я и не шучу. Чтобы невольник не бунтовал, должна же быть у него хоть какая-то привилегия. Да ладно. Теперь моя очередь?

— Говори, говори.

Я внес контрпредложение — оно родилось у меня, пока я их слушал: мы полностью отстраняемся от производства.

Джейк Шмидт — наш управляющий производством — был неплохим парнем, тем не менее меня постоянно отвлекали от проектирования по всяким производственным пустякам: из теплого тумана творчества — в ледяную воду действительности. Поэтому я работал в основном по ночам, а днем старался держаться от фабрики подальше. А если расширяться, занять еще несколько зданий, ввести вторую смену, то наступит время, когда о творческой работе придется забыть, даже при условии, что осуществится этот совершенно неприемлемый план — стать в один ряд с «Дженерал моторс» и «Консолидейтед». Я не един в двух лицах и не смогу, естественно, быть и изобретателем, и управляющим производством.

Итак, я предложил не расширяться, а, наоборот, сократиться. Запатентовать «горничную» и «Вилли-окномоя», продать лицензии на их производство и сбыт какой-нибудь фирме, а самим только загребать денежки. Когда «Фрэнк» будет готов, мы его тоже запатентуем. Если «Менникс» купит лицензию на его производство и будет продавать «Фрэнка» по более высоким ценам — черт с ним! Тем временем мы изменим название на «Дейвис и Джентри. Исследовательская корпорация». В нее войдут трое: мы сами — Белл, Майлз и я — да пара наемных механиков мне в помощь, чтобы ковыряться с новыми агрегатами. Майлз и Белл останутся сидеть в кабинете и подсчитывать денежки.

Майлз медленно покачал головой:

— Нет, Дэн. Продажа патента даст нам кое-какую гарантированную прибыль. Но мы получим много больше, если будем производить товар сами.

— К черту, Майлз! Да не будем мы сами производить, вот в чем штука. Ты что, хочешь запродать наши души «Менниксусу»? Ну сколько тебе надо? Ты же не можешь одновременно пользоваться больше чем одной яхтой и одним бассейном, верно? Не пройдет и года, как у тебя будут и яхта, и бассейн, если тебе уж так хочется их иметь.

— Они мне не нужны.

— А что тебе нужно?

Он поднял на меня глаза.

— Дэн, ты хочешь изобретать. Мой план позволяет тебе заняться любимым делом — мы обеспечим все необходимое: оборудование, помошь, любые деньги. Что касается меня — я хочу вести большое дело. Большое. У меня призвание. — Он взглянул на Белл. — И мне вовсе не улыбается до конца жизни торчать здесь, в самом центре пустыни Мохаве, и быть управляемым при изобретателе-одиночке.

Я в изумлении уставился на него.

— Раньше, в Сандия, ты говорил по-другому. Хочешь выйти из дела, папаша? Нам с Белл будет чертовски неприятно, если ты так поступишь... Но уж если ты надумал... Я заложу землю или еще что-нибудь и откуплю твою долю. Не хотелось бы, чтобы кто-то чувствовал себя обиженным.

Я был потрясен до глубины души. Ну что ж, если старина Майлз так настойчив, я не считал себя вправе заставлять его делать по-моему.

— Нет, из дела я не хочу выходить, — упрямко заявил Майлз. — Я хочу его расширить. Ты же слышал, о чем я говорил: у нас есть официальное предложение от корпорации. И я считаю, мы должны его принять.

Думаю, вид у меня был несколько озадаченный.

— Ты настаиваешь на своем? Ладно. Белл, пиши: я — «против». Не стану торопить тебя с рассмотрением моего контрпредложения. Обсудим все в ближайшее время. Хочу, чтобы ты остался доволен, Майлз.

Но Майлз продолжал упорствовать:

— Проголосуем как положено. Поименно. Начнем, Белл.

— Хорошо, сэр. Майлз Джентри голосует пакетом акций, — она перечислила номера и серии, — и отдает свой голос...

— За.

Она сделала отметку в блокноте.

— Дэниел Б. Дейвис голосует пакетом акций, — опять перечисление номеров и серий, — и отдает свой голос...

— Против. Ну вот и все. Сожалею, Майлз.

— Белл С. Даркин, — словно не слыша, продолжала она, — голосует... — перечисление цифр, — за!

У меня отвисла челюсть; перестав ловить открытым ртом воздух, я наконец промямлил:

— Но ты не вправе так поступать, детка... Конечно, акции твои, но ведь ты прекрасно знаешь, что...

— Объявите результаты голосования, — прорычал Майлз.

— Большинство — за. Первое предложение проходит.

— Внесите в протокол.

— Слушаюсь, сэр.

Некоторое время я оставался в полном замешательстве. Потом начал орать на нее, потом пытался обра- зуметь, но запутался в своих доводах и сказал, что она поступила просто подло. Действительно, я переписал акции на ее имя, но она-то прекрасно знала, что это всего-навсего подарок к нашей помолвке. Я и в мыслях не держал терять контроль над делом! Тьфу ты, я ведь даже в апреле уплатил за них налог. И если она выкинула такое, пока мы помолвлены, что же от нее можно ожидать, когда она станет моей женой?

Белл же уставилась на меня не мигая — лицо ее показалось мне совершенно чужим.

— Дэн Дейвис, если вы думаете, что после всего, что здесь наговорили, я считаю себя помолвленной с вами, то вы еще глупее, чем я предполагала. — Она повернулась к Джентри: — Отвезешь меня домой, Майлз?

— Обязательно, дорогая.

Я хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вымелился оттуда, даже не захватив шляпу. Самое время было убраться, а то я, пожалуй, прикончил бы Майлза; Белл-то, конечно, я и пальцем тронуть не смог бы.

В ту ночь мне было не до сна. Часа в четыре утра я вылез из кровати и сделал несколько телефонных звонков. К пяти тридцати я был уже у ворот фабрики с грузовичком, снабженным подъемным устройством. Правда, за срочность с меня содрали кругленькую сумму. Я намеревался открыть ворота, подогнать машину к разгрузочной платформе и перетащить «Фрэнка» в кузов.

На воротах висел новый замок.

Обдираясь о колючую проволоку, я перебрался через забор. Запертые ворота меня не беспокоили: в мастерской наверняка найдутся инструменты, чтобы их открыть.

Но замок входной двери мастерской тоже был заменен. Я стал прикидывать, что лучше — разбить стекло монтировкой или достать из кабины ломик и отжать им дверь. Вдруг кто-то заорал:

— Эй, ты! Руки вверх!

Рук я не поднял, но обернулся. Средних лет мужчина направил на меня револьвер размером с осадную пушку.

— Вы кто такой, черт возьми!

— А вы кто?

— Я Дэн Дейвис — главный инженер этого предприятия.

Он немного обмяк, но миномет свой не опустил.

— Ну да, мне вас так и обрисовали. Но если при вас есть какой-нибудь документ, лучше вы его мне предъявите.

— Чего ради? Я ведь спросил вас, кто вы такой.

— Я-то? Да вы меня не знаете. Звать меня Джо Тодд из Мохавской службы охраны. Работаем по частным лицензиям. Уж вы-то должны знать нашу контору: ваша фирма уже несколько месяцев наш клиент. Но сегодня ночью я на спецзадании.

— Да ну? Тогда, если вам доверили ключ, отоприте дверь. Мне нужно войти в мастерскую. И бросьте целиться в меня из вашей базуки...

Дуло по-прежнему смотрело мне прямо в живот.

— Не могу сделать этого, правда. Первое дело — у меня нет ключа. Второе дело — у меня насчет вас приказ — не пускать вас вовнутрь. Вот за ворота я вас выпущу.

— Ладно, открывайте ворота. Но мне-то надо как раз вовнутрь. — Я оглянулся в поисках камня, которым можно было бы запустить в окно мастерской.

— Прошу вас, мистер Дейвис...

— Ну?

— Сожалею, что вы настаиваете. В ноги я вам стрелять не стану: стрелок из меня никудышный. Придется стрелять в живот. Пули в моей пушке разрывные, так что, если пальну — от вас куча дерьяма останется.

Последний довод заставил меня отступить, хотя хотелось бы верить, что сделал я это по другой причине. Заглянув на всякий случай в окно мастерской, я не увидел «ловкого Фрэнка» там, где обычно его оставляли. Вот, значит, до чего уже дошло!

... Выпроводив меня за ворота, Тодд как ни в чем не бывало вручил мне конверт:

— Велено передать вам, если, мол, вы тут появитесь.

Письмо я прочел в кабине грузовика. Это было вполне официальное извещение.

«Дорогой мистер Дейвис!

На состоявшемся сегодня очередном собрании было единогласно решено в соответствии с параграфом третьим заключенного с Вами нашей корпорацией контракта отказаться от Ваших услуг; однако Вы остаетесь при этом нашим акционером. Убедительно просим Вас не посягать на собственность компании. Ваши личные вещи и бумаги будут направлены Вам заказной почтой.

Правление выражает Вам благодарность за оказанные услуги и сожалеет, что наши разногласия относительно планов компании на будущее вынудили нас на этот шаг.

Искренне Ваш

Майлз Джентри,

председатель правления и генеральный директор.

Письмо подготовила Б. С. Даркин, секретарь-казначея».

Я дважды перечитал письмо, прежде чем до меня дошло, что никакого контракта с «нашей фирмой» у меня никогда не было; тогда откуда ссылка на третий или какой-либо другой параграф?

К концу того же дня посыльный доставил запечатанную коробку в мотель, где я снимал номер. В посылке я обнаружил шляпу, настольный письменный прибор, логарифмическую линейку, книги, мою личную переписку и несколько документов. Но там не было ни описаний, ни чертежей, сделанных мною в процессе создания «Фрэнка».

Некоторые документы содержали весьма любопытные сведения, например, оказавшийся среди бумаг мой «контракт». Тот самый «третий параграф», оказывается, позволял им выставить меня на улицу без обычного трехмесячного пособия. Но еще более любопытным являлся «седьмой параграф». Он опирался на новейший антирабочий закон, по которому уволенный не имел права в течение пяти лет поступить на работу в конкурирующую фирму. Его бывший хозяин мог рассчитаться с ним наличными и по своему усмотрению принимать или не принимать его снова на службу. То есть другими словами, я мог вернуться на работу в любой момент, когда захочу, со шляпой в протянутой руке, умоляя Майлза и Белл взять меня обратно. Может, для этого они и вернули мне шляпу?

Долгих пять лет я не мог без их согласия работать в области разработки механизмов для облегчения домашнего труда. Да мне легче было горло себе перерезать.

Среди документов имелись и копии всех моих патентов (на «горничную», «Вилли-окномоя» и прочую мелочь), право на владение которыми, как оказалось, я передал фирме «Горничная инкорпорейтед»; оформлено все было как положено. «Ловкий Фрэнк», конечно, не был запатентован. Так я тогда думал, а как на самом деле — выяснилось позже.

Но я никогда не передавал никакого права на патенты фирме; даже не давал формального разрешения на

их использование. Я не видел смысла в этом, — ведь «Горничная инкорпорейтед» была моим детищем.

В последних трех папках находились мои акции (те, что я еще не успел переписать на имя Белл), чек и письмо, в котором расписывалась по пунктам вся сумма: накопленная «зарплата» — за вычетом издержек по текущему счету, даже зарплата за три месяца вперед, опционные по «седьмому параграфу»... и премия в тысячу долларов «за особые услуги, оказанные фирмой». Что ж, очень мило с их стороны.

Перечитывая эти удивительные документы, я осознал наконец, как неумно вел себя, подписывая не глядя все, что мне подсовывала Белл; подлинность моей подписи не вызывала сомнений.

На следующий день я полностью пришел в себя и решил посоветоваться с адвокатом-проходохой, жадным до денег и таким же неразборчивым в средствах, как и они.

И я нашел такого.

Ознакомившись с бумагами и выслушав подробности дела, адвокат уселся поудобнее, сцепил пальцы на животе и мрачно изрек:

— Дэн, позвольте дать вам бесплатный совет.

— Да?

— Ничего не затевайте. У вас нет никаких шансов выиграть это дело.

— Но вы же говорили...

— Я помню, что говорил. Они вас надули. Но как вы это докажете? Они исхитрились бы и украдь все ваши акции или оставить вас без единого цента в кармане... И вы получили то, на что могли рассчитывать, если бы все шло нормально и вы сами захотели бы уйти из фирмы. Как они там формулируют — «за разногласия относительно планов на будущее»? Они выплатили вам все, что причитается... да еще кинули жалкую тыщонку в придачу — как знак того, что не держат на вас зла.

— Но у меня не было контракта! Я никогда не передавал никому свои патенты!

— Но бумаги-то говорят другое. Что подпись ваша — вы признали. Кто-нибудь может подтвердить ваши претензии?

Я призадумался. Нет, подтвердить не сможет никто. Даже Джейк Шмидт вряд ли знал, что происходит в конторе фирмы. Единственные свидетели... Майлз и Белл.

— Теперь об акциях, которые вы ей отписали. Тут можно найти зацепку. Если вы...

— Но как раз это — единственная законная сделка. Я действительно подписал акции на ее имя.

— Хорошо, пусть так. Но почему? Вы сказали, что преподнесли ей эти акции в качестве подарка по случаю помолвки — так сказать, в ожидании свадьбы. Как она ими воспользовалась при голосовании — к делу не относится. Если вы сможете доказать, что дарили ей акции по случаю помолвки в твердой надежде на брак и что она знала условия, принимая подарок, вы можете заставить ее или выйти за вас замуж, или вернуть нечестно присвоенное. Вспомним дело Мак Найти против Роудса. Тогда вы вернете контроль над делом и вышибете своих компаньонов, обвинив их в нечестности. Можете вы доказать?

— На черта теперь она мне сдалась, не собираюсь я на ней жениться...

— Дело ваше. Но давайте по порядку. Есть у вас свидетели или доказательства, ну, там письма или нечто в этом роде, которые подтверждали бы, что она принимала акции, зная: вы дарите ей их как будущей жене?

— Конечно, есть свидетели... все те же двое: Майлз и Белл.

— Теперь вам ясно? Ваше свидетельство против их свидетельства да плюс куча официальных бумаг — не в вашу пользу. Вам не только нет смысла что-нибудь затевать; больше того, вас вполне могут упрятать в психушку как параноика. Мой вам совет — найдите себе работу в какой-нибудь другой области... Или в крайнем случае ломитесь напропалую, организуйте конкурирующую фирму, чтобы оспорить их паршивый контракт. Хотел бы я посмотреть, как эти параграфы осуществляются на деле, тем более, что защищать вас буду не я. Но не пробуйте обвинить их в заговоре. Они выиграют процесс, да еще и обчистят вас до нитки — за счет судебных издережек.

Я внял его совету, но частично. На первом этаже дома, где помещалась его контора, был бар. Я зашел в него и надрался.

У меня хватило времени вспомнить все, что со мной случилось, пока я добирался до Майлза.

Когда фирма стала давать прибыль, он арендовал маленький домик в долине Сан-Фернандо и перебрался туда с Рикки, спасаясь от убийственной мохавской жары. Он ежедневно ездил до работы и обратно автобусом-экспрессом ВВС. И тут я вспомнил, что Рикки, к счастью, сейчас была далеко — в скаутском лагере для девочек на Большом Медвежьем озере. Мне вовсе не хотелось, чтобы она стала свидетельницей ссоры между мной и своим отчимом.

В туннеле Секулведа машины шли бампер в бампер; тут мне пришла в голову мысль, что, прежде чем встретиться с Майлзом, неплохо бы спрятать куда-нибудь сертификат на акции «Горничной». Эта мысль показалась мне весьма разумной: в драке, которую я не прочь был затеять, Майлз и Белл смогут отнять их у меня. Как кот, однажды прищемивший хвост дверью, я постоянно был настороже.

Оставить бумаги в машине? Предположим, что на меня будет совершено вооруженное нападение, — тем более глупо хранить их в машине, которую потом отбуксируют и где-нибудь бросят.

Я мог бы отправить бумаги по почте на свое имя, но последнее время я получал корреспонденцию в отделе доставки Главпочтамта, поскольку вынужден был переехать из одной гостиницы в другую. Меня выставляли, как только обнаруживалось, что я держу в номере Пита.

Лучшее — отправить их человеку, которому я бы доверял.

Но список таких людей был весьма коротким.

Наконец я вспомнил, кому можно верить.

Рикки.

Может показаться, что я опять лезу на рожон: только что меня надула одна особа женского пола, а я

собираюсь поверить другой. Но тут никакого сравнения быть не может. Я знал Рикки пять лет — половину ее жизни, и, если есть среди людей хоть один кристально чистый человек, так это она... и мой Пит того же мнения. Кроме того, Рикки пока не могла своими женскими прелестями лишить мужчину здравого смысла. Женственность проявлялась только в ее лице; тело ее было совсем еще девчоночным.

Выбравшись из туннеля, я свернулся с магистрали и вскоре обнаружил, что искал, — аптеку. Там я купил бумагу для письма, марки и пару конвертов — большой и маленький.

«Дорогая Рикки-тики-тави!

Надеюсь скоро увидеть тебя, но, пока я не приехал, прошу тебя сохранить вложенный в письмо конверт. Пусть это будет нашей тайной».

Тут я задумался. Проклятье! А если со мной что-нибудь случится?.. Автомобильная катастрофа или еще что-то... и меня не станет?.. Ведь при этом акции останутся у Рикки, что приведет в бешенство Майлза и Белл. Но уж я постараюсь, чтобы ничего подобного не произошло. Пока я все это обдумывал, до меня дошло, что подсознательно я уже принял решение отказаться от холодного сна. Трезвые размышления и прочитанная доктором лекция укрепили мою решимость, и я не собирался отступать, а, наоборот, был готов стоять насмерть; и сертификат станет моим оружием. Он дает мне право проверять всю документацию фирмы, на законном основании совать нос в любую сделку, заключаемую компанией, или вообще во все, что захочется.

Если они попробуют вновь выставить меня с помощью наемных охранников, то я вернусь обратно с адвокатом, помощником шерифа и постановлением суда. Можно и к суду их привлечь. Не смогу выиграть процесс — так хоть устрою шумиху, чем, вероятно, отпугну «Менникс» от покупки нашей фирмы.

А может, вовсе не надо посыпать сертификат Рикки?

Нет, случись что со мной... Пусть он останется у нее. Ведь Рикки и Пит — теперь вся моя семья. И я продолжил письмо:

«Если нам не удастся встретиться в течение года, то знай, что со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите, если сможешь его отыскать. После этого возьми маленький конверт, что внутри письма, и, не говоря никому ни слова, отнеси его в любое отделение Американского банка, а там обратись к кому-нибудь, кто занимается доверительной собственностью, и попроси вскрыть конверт.

Люблю, целую.
Дядя Дэнни».

Я взял еще один лист и написал:

«3 декабря 1970 г., Лос-Анджелес, Калифорния. Доверяю все свои наличные деньги и прочее ценное имущество (опись акций «Горничная инкорпорейтед» с указанием номеров серий прилагается) на хранение Американскому банку для управления вышеуказанным имуществом в качестве опекуна Фредерики Вирджинии Джентри, а по достижении ею двадцати одного года* утвердить ее в законных правах владения на него.

Подпись».

Думаю, что яснее выразить свои намерения я вряд ли смог бы, учитывая, что написано было все на аптечном прилавке, а в ухо мне орал музыкальный автомат. Не должно быть и тени сомнения, что в случае, если со мной что-то стряслось, деньги и ценные бумаги достанутся Рикки, и ни Майлзу, ни Белл не удастся их у нее отнять.

Но если все пройдет нормально, я попрошу Рикки вернуть конверт, когда мы встретимся. Я не стал делать передаточную подпись на обороте сертификата, где была типографским способом отпечатана форма: заявления было вполне достаточно.

* То есть по достижении совершеннолетия.

Я вложил сертификат и заявление в маленький конверт, запечатал его и вместе с письмом Рикки засунул в большой конверт. Потом написал на нем адрес лагеря скаутов, приkleил марку и бросил в почтовый ящик рядом со входом в аптеку. Надпись на ящике свидетельствовала, что корреспонденцию заберут минут через сорок; у меня словно гора с плеч свалилась, и я забрался в машину с легким сердцем... не потому, что сохранил свои сбережения, нет. Просто я решил свои самые важные проблемы.

Ну, не то чтобы «решил» их, но, по крайней мере, больше не убегал от их решения, не прятался в нору, изображая Рипа Ван Винкля*, не взирал на них через розовые очки.

Конечно же, я хотел бы увидеть двухтысячный год и увидел бы *обязательно* (пребывая в полной неподвижности)... Мне исполнилось бы шестьдесят, а я все еще оставался бы, наверно, молодым и свистел вслед проходящим красоткам. Никакой спешки...

Хотя совершить затяжной прыжок в следующее столетие не особенно приятно, тем более для нормального человека. Словно увидишь конец фильма, не зная, что же произошло в середине. Следующие тридцать лет мне оставалось бы лишь наслаждаться течением времени, загнанного в берега моего сна, и понял бы я это, лишь проснувшись в двухтысячном году.

А сейчас я собирался дать бой Майлзу и Белл. Может, я проиграю, но им тоже встреча со мной даром не пройдет. Так мой Пит в старые добрые времена, возвращаясь домой весь в крови после очередного боя, все-таки громко заявлял:

— Посмотрел бы ты на моего противника!

От вечерней встречи я не ожидал ничего хорошего — закончится все, скорее всего, официальным объявлением войны. Я намеревался испортить Майлзу сон... а он мог позвонить Белл и испортить сон ей.

* Винкль, Рип Van — герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга (1819) — под воздействием колдовского зелья проспал в лесу двадцать лет.

Глава 3

Подъезжая к дому Майлза, я весело насвистывал. Я больше не беспокоился об этой драгоценной парочке. Последние пятнадцать миль я уже обдумывал схемы двух новых моделей — каждая из них могла бы меня озолотить. Одна из них представляла собой чертежную машину, управляемую по принципу электрической пишущей машинки. Думаю, в США наберется тысяч пятьдесят инженеров, которые изо дня в день, до исступления, горбятся над своими чертежными досками, теряя здоровье и зрение. И не потому, что им не нравится проектировать, — они выбрали эту работу и хотят ею заниматься. Но сама работа очень тяжела и физически. Мое изобретение позволило бы им, сидя в удобном кресле, нажимать на клавиши, а чертеж появлялся бы на экране, укрепленном над клавиатурой. Одновременно нажимаете три клавиши — и в нужном месте появляется горизонтальная линия; нажимаете еще одну клавишу — и связываете горизонталь с вертикалью; нажатием четырех других клавиш получается изображение линии под любым необходимым углом.

Да что там! За небольшую доплату можно встроить второй экран, что позволит архитекторам проектировать в изометрии (единственно правильный способ

проектирования!) и получать второе изображение в идеальной перспективе, не глядя на чертеж. Можно даже научить машину снимать планы этажей и лестничных клеток прямо с изометрического изображения.

Вся прелесть проекта состояла в том, что машину легко было почти полностью собрать из стандартных деталей, которые можно найти в любом магазине радио- или фототоваров. Кроме панели управления. Но я был уверен, что смогу добыть для нее необходимые узлы, купив электрическую пишущую машинку, распорошив ее и приспособив клавиши для управления всем комплексом. Месяц уйдет на создание примитивной модели, еще полтора — на устранение неполадок...

Но эту-то идею я держал в памяти про запас, так как был уверен, что в любое время смогу воплотить ее в жизнь, — а в успешном сбыте своего детища я не сомневался. Еще одна мысль — и она меня приводила в восторг — касалась старины «Фрэнка». Я придумал, как его сделать еще более гибким. Я-то знал его вдоль и поперек, но вряд ли кому другому удастся досконально разобраться в его конструкции, потратив он хоть целый год на ее изучение. Но никто не мог узнать, даже изучив тщательно мои записки, что я предусмотрел возможность внести изменения, казалось бы, в единственный вариант прибора. Стремление к такому разнообразию было продиктовано желанием создать универсального механического слугу для дома. Первонаперво можно было вообще отказаться от размещения его в мотоинвалидном кресле, и тогда у меня развязаны руки. Правда, мне понадобятся торсеновские трубки памяти, но Майлз будет не в силах запретить мне их использовать, — эти трубки мог приобрести каждый, кто занимается проектированием кибернетических систем.

Чертежная машина подождет, а я займусь созданием автомата с неограниченными возможностями. Разумеется, он будет лишен способности мыслить, но зато сможет делать за человека всю механическую работу.

Нет, сначала я сработаю чертежную машину. А потом, с ее помощью, я спроектирую «всемогущего Пита».

— Как насчет имечка, а, Пит? Назовем первого в мире настоящего робота твоим именем?

— Мур-р-р?

— К чему такая подозрительность? Это большая честь.

Разрушив «Фрэнка», я смогу проектировать «Пита» прямо на моей чертежной машине и сразу же вносить усовершенствования в модель. Я сделаю из него убийцу, демона-губителя, и он разделается с «Фрэнком», прежде чем они запустят его в производство. Я разорю их, и они еще будут умолять меня вернуться обратно. Не убивать же им курицу, несущую золотые яйца!

В окнах дома Майлза горел свет, у тротуара стояла его машина. Свою я поставил чуть дальше. Питу я сказал:

— Тебе, парень, лучше остаться здесь и охранять машину. Стреляй после третьего предупреждения.

— Но-о-оу!

— Хочешь зайти в дом? Полезай в сумку!

— Бр-р-р?

— Не спорь. Я же сказал: полезай в сумку, если идешь со мной.

Пит неохотно прыгнул в сумку.

Майлз впустил меня в дом. От рукопожатий мы воздержались. Он провел меня в столовую и жестом указал на кресло.

Белл была здесь. Я не ожидал ее увидеть, но особо и не удивился. Взглянув на нее, я усмехнулся:

— Какая замечательная встреча! Только не рассказывай, что проделала долгий путь из Мохаве, чтобы поболтать со стариной Дэном... — О, стоит меня завести, я тоже шуточки откалываю! Посмотрели бы вы, что я вытворяю на вечеринках.

Белл нахмурилась.

— Не валяй дурака, Дэн. Говори, с чем пришел, если у тебя есть что сказать, и выметайся.

— Не торопи меня. Ведь у нас дружеская беседа... бывший партнер, бывшая невеста. Не хватает лишь бывшего совместного дела.

— Постой, Дэн. Не кипячься, — примирительно сказал Майлз. — Мы поступили так для твоей же пользы... и ты можешь вернуться когда захочешь. Буду рад заполучить тебя обратно.

— Для моей же пользы, да? Что-то в этом роде говорят вору перед тем, как его повесить. Вернуться... А что ты скажешь, Белл? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Конечно, если Майлз так говорит.

— А совсем недавно ты говорила: «Конечно, если Дэн так говорит». Но все меняется — такова жизнь. И я не вернусь, ребятки, можете не беспокоиться. Я пришел сюда кое-что выяснить.

Майлз взглянул на Белл. Та спросила:

— Что, например?

— Ну, для начала, кто из вас состряпал это грязное дельце? Или вы оба, на пару?

— Слишком грубо, Дэн, — процедил Майлз. — Мне твои слова не по нутру.

— Брось ты. Давай начистоту. Если я груб, то вы поступили со мной совсем по-хамски. Я имею в виду подделку паскудного контракта, подделку передаточных подписей на патентах, а это уголовно наказуемо, Майлз. И скоро ты увидишь небо в клетку. Думаю, ребята из ФБР объяснят вам тонкости. Завтра.

Майлз вздрогнул.

— Дэн, неужели ты настолько глуп, что попытаешься устроить скандал?

— Скандал? Да я врежу вам по всем статьям — гражданским и уголовным. Вам придется долго отмыватьсь, если не согласитесь кое-что сделать. Да, я ведь не упомянул о вашем третьем грешке — краже не только записей и чертежей по «ловкому Фрэнку»... но и самой модели. Впрочем, вы можете высчитать с меня за детали, поскольку их оплачивала наша фирма.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белл. — Ты же работал на компанию, а не на себя.

— Разве? Я делал работу по ночам. И вам обоим, Белл, хорошо известно, что я не был служащим. Я не получал зарплаты, а жил на проценты с доходов. А что скажет «Менникс», если я подам в уголовный суд жалобу, все-таки обвинив вас в краже? Неужели они станут покупать «горничную», «Вилли» и «Фрэнка», если узнают, что те никогда не принадлежали фирме?

— Чепуха, — жестко повторила Белл. — Ты работал на компанию. У тебя есть контракт.

Я откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Ребятки, бросьте врать, приберегите свое вранье для свидетельских показаний. Здесь, цыпки, кроме нас, нет никого. Одно мне хочется выяснить: кто все придумал?

Как это делалось — я знаю. Ты, Белл, обычно приносила мне на подпись бумаги. Какие бумаги находились под верхним экземпляром — я не видел; ты ведь подкладывала их так, что мне было видно только место, где ставить подпись. Делалось так для моего удобства, разумеется, — ты ведь была идеальной секретаршей. Теперь-то я уверен, что ты подсовывала лишние карты в колоду, — это ведь ты разработала всю технологию обмана, Майлз не смог бы. Где ему! Он даже на машинке прилично печатать не умеет. Но кто подготовил документы, с помощью которых вы меня одурачивали? Ты, Белл? Не думаю... Насколько я знаю, у тебя нет никакой юридической подготовки. Могла ли обыкновенная секретарша так замечательно сформулировать прекрасный параграф номер семь? А может, это сделал юрист? А, Майлз?

Сигара Майлза давно погасла. Он вынул ее изо рта, осмотрел и осторожно сказал:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что выудишь у нас признание, то ты просто...

— Кончай, Майлз, — прервал его я. — Мы здесь одни. Так или иначе, вы *оба* виноваты. Хотелось бы мне верить, что к вам явилась Даила*, вручила сферикованное дельце и вы, в минуту слабости, поддались искушению. Но ведь я знаю, что все не так. Поскольку

* Даила (бигл.) — здесь: обольстительница.

Белл не юрист, вы оба с начала и до конца являетесь сообщниками. Ты, Майлз, составил фальшивый документ, а Белл отпечатала его и подсунула мне на подпись. Правильно?

— Не отвечай ему, Майлз!

— Конечно, не буду, — согласился Майлз. — Может, у него в сумке спрятан магнитофон.

— Хорошо бы, — согласился я. — Да нет у меня магнитофона. — Я раскрыл сумку, и Пит высунул голову наружу. — Все запомнил, Пит? Осторожней, ребята, у Пита память, как у слона. Нет, магнитофон я не захватил. Я все тот же добрый старый болван Дэн Дейвис, крепкий задним умом. Бреду, спотыкаясь... свято верю друзьям. Как верил вам, двоим... Разве Белл юрист, Майлз? Или ты сам сел и хладнокровно рассчитал, как связать меня по рукам и ногам, ограбить и придать всему законный вид?

— Майлз! — перебила меня Белл. — С его-то способностями ему ничего не стоит сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Он может держать его не в сумке, а спрятать в карман.

— Прекрасная мысль, Белл! В следующий раз я последую твоему совету.

— Я учел это, дорогая. А ты вот не следишь за собой. Держи язык за зубами!

В ответ Белл выдала такое, что у меня от удивления глаза на лоб полезли. Таких выражений раньше в ее лексиконе не встречалось.

— Уже грызетесь между собой? Воры что-то не поделили?

— Придержи и ты язык, Дэн... если хочешь уцелеть...

Майлз начинал выходить из себя, и мне было приятно это видеть.

— Тихо, тихо. Я моложе тебя и к тому же совсем недавно прошел переподготовку по дзюдо. В человека ты не выстрелишь, скорее подсунешь ему какую-нибудь фальшивку в виде документа, имеющего законную силу. Я сказал «воры» — и имел в виду именно это. Воры и лжецы вы оба. — Тут я повернулся к Белл. — Отец учил меня никогда не называть леди

лгуньей, сладкая моя, но ведь ты — не леди. Ты лгунья... и воровка... и проститутка.

Белл покраснела. Маска красоты слетела с ее лица, обнажив облик хищной твари.

— Майлз! — завопила она. — Ты так и будешь спокойно сидеть и позволять ему...

— Тихо! — скомандовал ей Майлз. — Он хамит, чтобы вывести нас из себя... Хочет, чтобы ты нагово-рила лишнего. Остынь-ка.

Белл заткнулась, но зловещее выражение на ее лице осталось. Майлз снова повернулся ко мне.

— Дэн, я считаю тебя человеком практичным. Я пытался объяснить тебе наши мотивы, прежде чем ты вышел из дела. При составлении контракта я старался сделать все, чтобы ты достойно воспринял неизбежность происходящего.

— То есть спокойно позволил себя ограбить — ты имел в виду?

— Называй как хочешь. Я предпочел бы решить дело миром. Твой иск вряд ли удовлетворят, но как юрист я понимаю, что до суда дело лучше не доводить. По возможности. Ты тут говорил, будто есть некие условия, при которых ты согласен на мировую. Назови их — может, мы и договоримся.

— Ах вот ты о чём. К этому я и веду. Ты их выполнить не можешь, но, вероятно, помочь уладить дело тебе по силам. Вот что. Заставь Белл вернуть акции, подаренные мной в день помолвки.

— Нет! — заорала Белл.

— Я же велел тебе успокоиться, — нахмурился Майлз.

— Почему же нет, моя бывшая возлюбленная? Я посоветовался на сей счет с адвокатом: ты нарушила обещание выйти за меня замуж и поэтому не только с этической, но и с юридической точки зрения обязана вернуть мне акции. Ведь это не так называемый «до-бровольный дар» — если я ничего не путаю в терми-нологии, — а передача чего-то в ожидании договорен-ного события, которое так и не произошло. Об этом-то уж вам ведомо, ваша самовлюбленность. Так что вы-

кладывай акции, ну? Или ты опять передумала и готова выйти за меня?

Она ответила, где и как видела меня и мою свадьбу.

— Белл, ты только все осложняешь, — устало сказал Майлз. — Тебе разве непонятно, что он старается достать нас? Дэн, если ты пришел только ради этого, можешь проваливать. Если бы все обстояло именно так, как ты утверждаешь, тогда, допускаю, у тебя имелся бы повод требовать акции обратно. Но ничего подобного не было: ты передал акции Белл в оплату услуг.

— Вот как? Что за услуги? И где подтверждающие их документы?

— В них нет нужды. Она получила акции за дополнительные услуги фирме.

Я пристально взглянул ей в глаза.

— Хорошенькая теорийка! Послушай, Майлз, если она получила акции за услуги, оказанные фирме, а не мне лично, то ты должен был знать об этом и поспешил бы уплатить ей столько же, — ведь мы делили доходы и расходы пополам. Даже если у меня был — или я полагал, что у меня был, — контрольный пакет акций. Только не говори, что ты передал Белл акции на ту же сумму.

Они переглянулись, и тут у меня зародилось дикое подозрение.

— Ты так и сделал, может быть? Держу пари, моя малышка вынудила тебя, иначе она не вступила бы в игру! Верно? Если так, она сразу же зарегистрировала передачу — могу прозакладывать душу! Я передал ей акции в день нашей помолвки, и сообщение об этом в тот же день появилось в «Дезерт герольд». Ты же — в тот период, когда вы решили от меня отделаться, и она переметнулась к тебе. Факт передачи регистрируется у нотариуса! Может, судья поверит мне, а не вам, а, Майлз? Как ты считаешь?

Вот они и раскололись! Судя по их побледневшим лицам, я наткнулся на единственную зацепку — обстоятельство, которое им не объяснить, а мне не положено было знать. Так что я их придавил, сильно придавил... Но тут мне пришла в голову еще одна дикая мысль. Но такая ли дикая? Скорее — разумная.

— Сколько ты получила, Белл? Столько же, сколько вытянула из меня за «помолвку»? Для него ты сделала больше и получить должна больше. — Тут я запнулся. — Слушай, мне кажется странным, что Белл проделала такой путь сюда только ради того, чтобы поговорить со мной, — ведь она терпеть не может ездить через пустыню. Может, она и не приезжала сегодня, а была тут все время? Вы сожительствуете? Или надо говорить «помолвлены»? Или... уже жены? — Я немного поразмыслил. — Держу пари, так оно и есть. Ты, Майлз, деловой человек. Это я не от мира сего. Ставлю последнюю рубашку против твоей головы — ты никогда в жизни не передал бы акции Белл только за обещание выйти за тебя замуж. Но в качестве свадебного подарка — мог, теперь контрольный пакет у вас в руках. Не трудись отвечать — завтра я начну копать. И найду запись о регистрации вашего брака.

Майлз взглянул на Белл и ответил:

— Не трать времени даром. Знакомься: миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих. Вы друг друга стоите. Ну а теперь о моих акциях. Поскольку миссис Джентри, очевидно, не может выйти за меня замуж, то...

— Не валяй дурака, Дэн. Я уже отмел твои смехотворные доводы. Я передал Белл акции так же, как и ты. И по той же причине — за услуги фирме. Ты сам сказал — такие вещи фиксируются. Белл и я поженились неделю назад... но если ты будешь спрашивать, то увидишь, что акции были переданы ей значительно раньше. Тебе не удастся связать два этих факта. Да, она получила акции от нас обоих за особые заслуги перед фирмой. И только после того, как ты бросил ее и ушел из фирмы, мы поженились.

Я был озадачен. Майлз слишком умен — он не будет лгать, если его можно проверить. Но что-то мешало мне поверить ему до конца.

— Когда и где вы поженились?

— Хоть это и не твое дело — в Санта-Барбаре, в прошлый четверг.

— Может, и не мое. А когда ты передал акции?

— Точно не помню. Можешь уточнить, если хочешь.

Черт, в его утверждении, будто он передал акции Белл до официального бракосочетания, что-то не вязалось. Это я мог нагло врать, Майлз не таков.

— Меня кое-что удивляет, Майлз. Если провести расследование с помощью частного детектива, не выяснится ли, что вы поженились задолго до названного тобою дня? И где же? Может, в Юме? Или в Лас-Вегасе? Или когда вы смылись на север, в Рино, якобы на процесс уплаты налогов? Может, окажется, что ваш брак зарегистрирован именно там? И не совпадает ли странным образом дата передачи акций Белл и дата мнимой передачи мною патентов фирме?

Майлз не дрогнул; он даже не взглянул на Белл. А посмотреть было на что: лицо ее так и перекосило от ненависти ко мне. Похоже, все так и было. И я решил довести дело до конца.

— Дэн, — спокойно сказал Майлз. — Я долго терпел и старался быть дружелюбным. А в ответ получил только оскорблений. Так что, думаю, самое время тебе уйти. Или я озверю и выкину тебя к черту вместе с твоим блохастым котом!

— Ого! Впервые за весь вечер ты заговорил как мужчина. Только не называй Пита блохастым. Он понимает английский и может тебя сильно поцарапать. Ладно, бывший приятель, я уберусь... но под занавес хочу произнести короткую речь, очень короткую. Вероятно, у меня не будет больше возможности разговаривать с тобой. Идет?

— Ладно... Идет. Только короче.

Белл нетерпеливо перебила его:

— Майлз, мне надо поговорить с тобой.

Даже не взглянув на нее, Майлз сделал успокаивающий жест.

— Валяй, но только покороче.

Я повернулся к Белл.

— Ты, наверно, не захочешь слушать. Лучше тебе уйти.

Разумеется, она осталась. Чего я и добивался. Я вновь повернулся к Майлзу.

— Я не сержусь на тебя. Мужчина ради женщины, даже воровки, способен на все. Если не устояли ни Самсон, ни Марк Антоний, что же ожидать от тебя? По справедливости, я должен быть тебе благодарен. Пожалуй, я и впрямь тебе немного благодарен. И мне тебя жаль. — Через плечо я оглянулся на Белл. — Теперь она твоя, вот и разбирайся с ней сам... а мне все, что было, стоило испорченных на время нервов и небольшой суммы денег. А во что она обойдется тебе? Она обманула меня и заставила тебя, мой бывший друг, стать обманщиком. Но далек ли тот день, когда она сделает кого-нибудь другого своим послушным орудием и станет обманывать тебя? Произойдет ли это через неделю? Через месяц? Или она выдержит целый год? Но все равно без этого она прожить не сможет и... вернется к своей блевотине, как собака...

— Майлз! — взвизгнула она.

— Убирайся! — угрожающе зарычал Майлз.

И я понял, что самое время уйти. Я поднялся.

— Сейчас уходим. Мне жаль тебя, старина. Оба мы в самом начале совершили ошибку, и я не снимаю вины и с себя. Но расплачиваться за нее предстоит тебе одному — вот что скверно... тем более что ошибка-то совсем невинная.

Любопытство, очевидно, пересилило в нем гнев, и он спросил:

— Ты о чем?

— Нам бы с тобой следовало поинтересоваться, с чего бы это такая умная, такая красивая, такая знающая, необыкновенно способная женщина согласилась работать на нас за жалованье секретаря-машинистки. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев и устроили, как полагается, проверку, может, мы ее и не приняли бы на работу... и до сих пор оставались компаниями.

Опять в точку! Майлз резко повернулся и взглянул на свою жену. Сказать, что та выглядела крысой, загнанной в угол, было бы неверно: крыс такого размера не бывает. Но мне мало было достигнутого успе-

ха — мне нужна была полная победа. Я направился к столу.

— Ну, Белл! Что если я возьму твой стакан с виски и проверю отпечатки пальчиков? Что обнаружится? Фотографии во всех полицейских участках? Шантаж? Двоемужество? А может, брачные аферы с корыстными целями? Майлз — твой законный муж? — Я протянул руку и взял стакан со стола.

Белл выбила его у меня из рук. Майлз заорал на меня.

Я слишком долго испытывал судьбу. И глупо было входить в клетку к хищникам без оружия, но еще глупее — забыть первую заповедь дрессировщика: не поворачиваться к зверю спиной. Когда Майлз на меня заорал, я повернулся к нему. Белл схватила сумочку... и я только успел подумать, что вовсе не время ей хвататься за сигареты. Потом я почувствовал укол. Колени у меня подогнулись, и, падая на ковер, я продолжал удивляться, что Белл способна на такое. Но странно: несмотря ни на что, я все-таки продолжал ей верить.

Глава 4

Сознание я до конца так и не потерял. Подступила дурнота, все поплыло, как после укола морфия, — только введенное мне лекарство подействовало значительно быстрее. На мгновение я отключился. Майлз заорал что-то Белл и, схватив меня в охапку, поволок по ковру. И, как мешок с соломой, бросил в кресло — дурнота стала потихоньку отступать.

Сознание прояснилось, но тело мне не подчинялось. Теперь-то я знаю, что она мне впрыснула «зомби» — наркотик, применяющийся дядей Сэмом при «промывании мозгов» — незаконно, но весьма эффективно. Сейчас, похоже, его применяют при однодневном психоанализе, но, чтобы воспользоваться лекарством, даже психоаналитик должен запастись решением суда.

Бог знает, где Белл хапнула его. И Бог знает, сколько еще болванов она с его помощью прибрала к рукам! Но меня больше ничего не удивляло. Я просто неуклюже раскинулся в кресле, неподвижный как бревно. Я слышал все, что происходило, но видел только то, что происходило прямо передо мной. Но даже если бы мимо меня прошествовала сама

леди Годива* без коня, вряд ли я был бы в состоянии проследить за ней взглядом.

До тех пор, пока мне не прикажут.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал к креслу, в котором я лежал, и спросил, в чем дело. Я не отвечал, и он принялся теребить мою штанину, требуя объяснений. Так и не получив ответа, он вспрыгнул ко мне на колени, положил передние лапы на грудь, заглянул в глаза, желая немедленно и без обиняков узнать, в чем дело.

Я продолжал молчать, и тут он завыл.

Его вопли обратили на себя внимание Майлза и Белл. Майлз повернулся к Белл и зло спросил:

— Ну и что ты сделала? Ты что, рехнулась?

— Побереги нервы, толстячок! Мы его утихомирим раз и навсегда.

— Что? Если ты рассчитываешь на мое содействие в убийстве...

— Чушь! Хотя, по здравому размышлению, его и следовало бы убрать... да у тебя для этого кишкаТонка. К счастью, такой необходимости нет. Достаточно препарата.

— Что ты имеешь в виду?

— Он теперь в наших руках. Будет делать то, что я ему велю. Он больше не доставит нам неприятностей.

— Но... Господи, Белл, не можешь же ты все время держать его на игле. Однажды он очухается и...

— Кончай толковать, как законник. Я знаю, как действует этот наркотик, а ты нет. Когда он очухается, он будет делать то, что я велю. Велю ему прекратить преследовать нас, и он перестанет; велю ему прекратить совать нос в наши дела, и он оставит нас в покое. Велю ему уехать в Тимбукту, и он туда отправится.

* Л е д и Г о д и в а — жена Леофрика, графа Мерси и лорда Ковентри. В 1040 году лорд ввел непосильный налог на жителей графства. Его супруга стала умолять графа отменить налог. Граф согласился при условии, если леди проскакет обнаженной на коне через весь город. Леди Годива выполнила условие, и ее муж вынужден был сдержать обещание и отменить налог. Легенда записана в XIII веке Роджером Вендаверским.

Велю ему забыть все, что с ним было, и он забудет... он сделает все, что я ему прикажу.

Я слушал, понимал все, о чем она говорила, но меня ничего не интересовало. Если бы в тот момент раздался крик: «Пожар! Горим!» — я понял бы смысл, но все равно мне было бы безразлично.

— Не верю я.

— Хм, не веришь? — Она как-то странно взглянула на него. — А следовало бы.

— Как? О чём ты?

— Ладно, неважно. Препарат действует, толстячок. Но сначала нам нужно...

Вот тут-то Пит и начал выть. Не часто приходится слышать, как воют коты; можно прожить всю жизнь и не услышать кошачьего воя. Коты не воют во время драки, как бы сильно им ни досталось, никогда не воют просто из-за неудовольствия. Они начинают выть только в минуты безысходного страдания, когда попадают в совершенно невыносимые условия, когда наступает предел их возможностей и уже больше ничего не остается делать.

Рождающийся вопль леденит душу, его невозможно выносить, он изнуряет своей непрерывностью.

— Чертов кот! Надо выкинуть его отсюда, — вздрогнув, сказал Майлз.

— Убей его! — взвизгнула Белл.

— Ты всегда круто берешь, Белл. Из-за своего бесценного животного Дэн устроит нам скандал посильнее того, который он закатил бы, обчисти мы его самого до нитки. Где тут... — Он повернулся и поднял мою дорожную сумку.

— Я сама убью его! — визгливо закричала Белл. — Я почти год мечтала убить эту проклятую тварь.

Она оглянулась в поисках орудия убийства. Затем ринулась к камину и схватила кочергу.

Майлз поднял Пита и попытался засунуть его в сумку. Только попытался... Пит спокойно позволяет себя поднять только мне или Рикки. Но даже я не осмеливаюсь взять его на руки, когда он воет. Сначала надо провести осторожные переговоры: выведенный из эмоционального равновесия кот опаснее, чем грему-

чая змея. Но даже если бы он не был так расстроен, он никогда не разрешил бы без сопротивления схватить себя за загривок.

Пит вцепился в руку Майлза когтями и зубами. Майлз заорал и выпустил его.

— Отвали, толстяк! — истошно заорала Белл и замахнулась на Пита кочергой.

Ее намерения были достаточно откровенны, и на ее стороне были сила и оружие. Но она не обладала споровкой в обращении с кочергой, а Пит был весьма искусен во владении своим оружием. Он увернулся от удара и в четырех местах оцарапал ее ноги.

Белл пронзительно завизжала и выронила кочергу.

Что происходило потом, я мог только догадываться, так как имел возможность наблюдать лишь то, что происходило прямо передо мной. Я не мог видеть остальной части поля боя, потому что мне никто не велел взглянуть в другом направлении. Таким образом, я следил за происходящим в основном по звукам борьбы, крикам, воплям, топоту ног. Увидел я только, как два человека преследовали кота, потом, совершенно неожиданно, мимо меня пронеслись два человека, которых преследовал кот.

Не думаю, чтобы им удалось хотя бы прикоснуться к нему.

В ту ночь для меня худшее из всего было, конечно, то, что я не мог видеть подробностей сражения, а главное, не мог полностью воздать должное Питу в час его величайшей битвы и в момент его славной победы. Я видел и слышал, но не воспринимал того, что происходило. Я находился в оцепенении, и когда! В миг его наивысшего торжества.

И сейчас, вспоминая ту ночь, я чувствую волнение, которое не мог испытать тогда. Но это не одно и то же: испытать подобное мне уже никогда не суждено.

Внезапно проклятия и грохот смолкли, и вскоре Майлз и Белл вернулись в гостиную.

— Кто оставил решетку двери в сад раскрытой? — отышавшись, спросила Белл.

— Ты сама. Заткнись уж. Он убежал.

У Майлза лицо и руки были в крови. Он потрогал царапины на лице и поморщился. Он, вероятно, был сбит с толку и растерян: одежда в беспорядке, пиджак на спине порван.

— Черта с два заткнусь. Есть у тебя в доме ружье?

— А?

— Я пристрелю этого поганого кота.

Ей пришлось хуже, чем Майлзу. У нее было больше незащищенных мест, доступных когтям и зубам Пита, — ноги, обнаженные руки и плечи. Было совершенно очевидно, что ей еще долго не придется носить открытые платья, и если с помощью специалиста не принять неотложных мер, то рубцы останутся у нее до конца жизни. И вообще, она была в тот момент похожа на гарпию после серьезной стычки с сестрами.

— Сядь! — повысил голос Майлз.

Белл ответила ему кратко и выразительно — скрытый смысл ответа был отрицательным.

— Все равно я убью этого кота!

— Не хочешь — не садись. Иди-ка умойся. Потом смажем царапины йодом и сделаем перевязку. Забудь ты о коте, мы от него избавились, слава Богу.

Белл произнесла что-то неразборчиво, но Майлз разобрал.

— Ты тоже, но еще дальше, — ответил он. — Послушай, Белл, будь у меня ружье — я не говорю, что оно у меня есть, — и выди ты во двор и начни палить, то все равно — попала бы ты в кота или нет — через десять минут сюда нагрянула бы полиция, и нам пришлось бы впустить их в дом и отвечать на вопросы. Вот чего ты добьешься. Да еще он связывает нам руки. — Майлз ткнул в меня пальцем. — А если ты сунешься за дверь без ружья, этот зверь может тебя убить. — Он еще больше нахмурился. — Следовало бы издать закон, запрещающий держать дома таких тварей. Он представляет опасность для общества. Только послушай!

Пит рыскал вокруг дома. Он больше не выи. Снаружи доносился его боевой клич: он призывал своих врагов выбрать вид оружия и выйти на бой — один на один или один против всей компании — безразлично.

Белл прислушалась, и ее передернуло. Майлз продолжал:

— Не беспокойся, в дом он не проникнет. Я не только закрыл на крюк решетку, которую ты оставила открытой, но и запер вторую дверь.

— Я не оставляла ее открытой!

— Считай так, если тебе нравится.

Майлз обошел помещение, проверяя запоры на окнах. Вскоре Белл покинула комнату, за ней вышел и Майлз. Через некоторое время не стало слышно и Пита. Я не знаю, сколько времени они отсутствовали, — время для меня перестало существовать.

Белл вернулась первой. Ее косметика и прическа были безупречны, она надела платье с длинными рукавами и стоячим воротником и заменила порванные чулки. Кроме нескольких полосок пластиря на лице, ничего в ее облике не напоминало о недавней битве. Если бы угрюмое выражение лица, при других обстоятельствах ее можно было бы назвать восхитительной.

Она направилась прямиком ко мне и велела мне встать, что я и сделал. Она быстро и профессионально обыскала меня, не пропустив карманчик для часов, карманы рубашки и маленький внутренний карман, который не в каждом пиджаке и имеется-то. Добыча была невелика: кошелек, идентификационные карточки, водительское удостоверение, ключи, мелочь, антисмоговый ингалятор и еще всякий мелкий хлам да конверт с чеком, который они мне прислали. Она повертела чек в руках, прочла передаточную надпись и обеспокоенно спросила:

— Что такое, Дэн? Решил приобрести страховку?

— Нет. — Я бы рассказал ей обо всем остальном, но отвечать мог только на последний заданный вопрос.

Она нахмурилась и бросила конверт в общую кучу выгуженного у меня из карманов барахла. Тут она заметила сумку Пита и вспомнила, видно, об отделении, которое я использовал как портфель. Она подняла сумку и пошарила внутри — и тут же, понятно, обнаружила комплект копий документов, что я заполнил в Компании всеобщего страхования. Она уселись и при-

нялась читать бумаги. Я же остался стоять, где она меня оставила. Словно забытый портновский манекен.

Вскоре появился Майлз. На нем был махровый халат, тапочки и большое количество бинтов и лейкопластиря. Он походил на неудачливого борца среднего веса, которого выставили против чемпиона, — результат был налицо. Марлевая шапочка прикрывала царапину, тянувшуюся через всю лысину, должно быть, Пит достал его, когда Майлз нагнулся.

Белл оторвась от чтения, сделала ему знак молчать и показала на кипу бумаг. Майлз присел и углубился в чтение; вскоре он просмотрел всю стопку, последнюю бумагу он дочитывал, заглядывая через ее плечо.

— Это меняет дело, — закончив чтение, сказала Белл.

— Не то слово! У него вызов на четвертое декабря, то есть *на завтра*. А он в полном отрубе. Надо его убирать отсюда. — Он взглянул на часы. — Завтра утром его начнут разыскивать.

— Майлз, едва тебя прижмет, ты начинаешь вести себя как мокрая курица. Да это же счастливый случай, на лучшее мы и надеяться не могли!

— И как ты себе это представляешь?

— «Зомби» — хорошая штука, но имеет один недостаток. Скажем, ты всадил его кому-нибудь и напичкал приказами. Ладно, этот кто-нибудь выполняет все, что ему сказано, он вынужден выполнять. Ты что-нибудь знаешь о гипнозе?

— Не так уж много.

— А еще в чем-нибудь, кроме законов, ты разбираешься? Ты начисто лишен любознательности. Суть сводится вот к чему. Постгипнотическое внушение может вызвать у субъекта противодействие; практически противодействие возникает всегда, так как внушаемые команды заставляют его делать то, что он не хочет. Кончается обычно тем, что из-за расстройства психики субъект попадает в лапы психиатра. И если тот хоть каплю смыслит в своем деле, он разберется, что к чему. Так вот, Дэн наверняка будет проходить осмотр, и психиатр снимет внушение. Если так, он сможет причинить нам немало неприятностей.

— О черт! Ты ж говорила, что наркотик — дело верное.

— Господи ты Боже мой! Толстячок, надо в жизни все попробовать, в этом вся ее прелесть. Дай подумать. — Спустя некоторое время она заговорила вновь: — Проще и менее рискованно отпустить его — пусть себе ложится в «долгий сон», как задумал. Мы будем в большей безопасности, чем если бы он был мертв; к тому же нам не надо идти на риск. Вместо того чтобы напичкать его внушениями, а потом трястись, снимет их психиатр или нет, все, что нам остается сделать, — приказать ему выполнить задуманное им же — залечь в холодный сон. Еще надо привести его немного в чувство и выставить отсюда. — Она повернулась в мою сторону: — Дэн, когда ты собираешься в Храм Сна?

— Я не собираюсь.

— Да ну? А что же это такое? — Она жестом указала на бумаги.

— Документы для холодного сна. Контракт со Всеобщим страхованием.

— Он сбрендил, — критически заметил Майлз.

— М-да... конечно. Я все время забываю, что под влиянием наркотика размышлять не могут. Могут слышать, говорить и отвечать на вопросы... но вопросы надо ставить правильно. — Она подошла поближе и заглянула мне в глаза. — Дэн, я хочу услышать все, что связано с твоим погружением в холодный сон. Начни с самого начала и расскажи все по порядку. Вот оформленные бумаги, ты подписал их только сегодня. Теперь ты говоришь «не собираюсь». Расскажи мне все, потому что я хочу знать причину, по которой ты передумал.

Ну я ей и рассказал. На поставленный правильно вопрос я мог отвечать. На это ушло много времени — ведь она велела мне рассказывать подробно, с самого начала и до конца.

— Значит, ты передумал, пока сидел в придорожном ресторане, а вместо этого решил приехать сюда и устроить нам скандал?

— Да.

Я приготовился было продолжить рассказ и поведать им о поездке, о беседе с Питом, о том, как я заскочил в аптеку и как распорядился акциями «Горничной», как подъехал к дому Майлза и Пит не захотел оставаться в машине... как... Но Белл не дала мне возможности рассказать обо всем.

— Ты опять думаешь, как раньше, Дэн, — сказала она. — Ты хочешь погрузиться в холодный сон. Ты собираешься сделать именно это. И никому на свете ты не позволишь помешать тебе. Понял меня? Так что ты собираешься сделать?

— Собираюсь погрузиться в холодный сон. Я хочу... — Тут я стал раскачиваться, как флагшток под сильным ветром. Я стоял неподвижно битый час, не двигая ни единственным мускулом, — ведь никто не приказал мне расслабиться. И я начал медленно заваливаться прямо на Белл.

Она отскочила в сторону и резко приказала:

— Сядь!

Я и сел. Белл повернулась к Майлзу.

— Вот так. Я не успокоюсь, пока не вобью ему в башку то, что нам требуется.

— Он сказал, что ему велено явиться ровно в полдень, — напомнил Майлз, взглянув на часы.

— Времени у нас достаточно. Но будет лучше, если мы сами отвезем его туда, чтобы быть... Да нет, черт возьми!

— Что такое?

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы его долбануло посильнее, прежде чем он долбанул бы меня. К полудню он, скорее всего, и очухается настолько, что никто ничего не заподозрит. Никто, кроме врача.

— Может, его осмотрят только для проформы, ведь медицинское освидетельствование уже подписано.

— Ты же слышал: доктор собирается проконтролировать, пил ли он накануне. А это означает проверку рефлексов, пробы на реакцию — словом, все то, что нас никак не устроит. На это мы не пойдем, Майлз. Тут наша карта бита.

— А если его отвезти послезавтра? Позвонить им и сказать, что вышла задержка...

— Заткнись, дай подумать.

Она вновь принялась перебирать мои бумаги. Потом вышла из комнаты, но тут же вернулась обратно с лупой, какой пользуются ювелиры. Вставив ее в глаз наподобие монокля, Белл стала тщательно изучать каждый документ. Майлз поинтересовался, что она делает, но она только отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу в сторону и вздохнула с облегчением.

— Слава Богу, что все страховые компании должны применять стандартные бланки. Толстячок, подай-ка мне желтую телефонную книгу.

— Для чего?

— Давай, давай скорей. Мне надо проверить точное название фирмы. Я и так его знаю, но лучше перепроверить.

Майлз, что-то бурча, принес телефонный справочник. Белл полистала его, нашла нужную страницу и принялась водить по ней пальцем.

— Точно. Главная страховая компания Калифорнии. И места на бланках достаточно. Хорошо бы заменить ее на Автомобильную — это верняк. Но в Автомобильной страховой компании у меня нет связей, да и я не уверена, что они имеют дело с анатиозом. Скорее всего, они занимаются только страховкой автомобилей. — Она подняла голову от бумаг. — Толстячок, ты сейчас же отвезешь меня к нам на фабрику.

— Что?!

— Может, ты знаешь другой, более быстрый способ раздобыть электрическую машинку со шрифтом для деловых бумаг? Нет, лучше поезжай за ней один: мне надо сделать несколько звонков.

Майлз нахмурился.

— Белл, я начинаю понимать, что ты затеваешь. Это же безумие. И притом дьявольски опасное.

Она рассмеялась.

— С твоей точки зрения. Я же говорила, что у меня в свое время были хорошие связи. Ты мог бы провернуть дельце с «Менникс» в одиночку?

— Ну... не знаю.

— Зато я знаю. А может, ты знаешь, что Главная страховая принадлежит «Менниксу»?

— Нет, откуда. Нам-то какая разница?

— Дело вот в чем. Кое-какие связи у меня сохранились до сих пор. Фирма, на которую я работала до вас, время от времени помогала «Менниксу» избежать уплаты кое-каких налогов... пока мой хозяин не сматался из Штатов. Как ты считаешь, могли мы провернуть наше дельце, не будучи уверенными, что Дэнни нам не помешает? О «Менниксе» я знаю все. Ну а теперь поторопись. Привезешь машинку, и у тебя будет случай увидеть виртуоза за работой. Кота берегись!

Майлз, продолжая ворчать, направился к двери, потом вернулся.

— Белл, разве Дэн поставил машину не перед домом?

— А что?

— Да нет ее там, — расстроенно сказал он.

— Наверно, он оставил ее где-то поблизости, какая тебе разница? Дуй за машинкой, и поживее.

Он ушел. Я мог бы им сказать, где поставил машину, но, поскольку они меня не спросили, мысль об этом не задержалась в моем мозгу — я вообще ни о чем не думал.

Белл тоже куда-то ушла, и я надолго остался один.

Майлз вернулся уже на рассвете. Он выглядел изможденным и с трудом волок на себе нашу тяжеленную машинку. Потом они снова оставили меня одного.

Вскоре Белл вернулась и спросила меня:

— Дэн, тут в бумагах сказано, что ты поручаешь страховой компании заботу об акциях «Горничной». Так вот, ты совсем не хочешь так поступать, ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Белл встревожилась.

— Сформулируем иначе: ты очень хочешь передать их мне. Ты понимаешь, что ты хочешь передать их мне? Или не понимаешь?

— Да, понимаю. Я хочу передать их тебе.

— Ну и славно. Ты хочешь, ты должен передать мне акции, и пока не отдашь, не будешь счастлив. И где же они? В твоей машине?

— Нет.

— Тогда где же?

— Я отправил их по почте.

— Что? — взвизгнула она. — Когда отправил? Кому отправил? Почему?

Если бы второй вопрос она задала последним, я бы на него ответил. Но все, что я мог сделать, — дать ответ на последний из заданных вопросов.

— Я сделал передаточную надпись.

— Куда он их дел? — спросил вошедший в комнату Майлз.

— Он сказал, что отправил их по почте... потому что сделал на них передаточную надпись! Найди-ка его машину и обыщи ее как следует — может, ему все это только кажется. Ведь когда он оформлял страховку, акции точно были при нем.

— Сделал передаточную надпись... — машинально повторил Майлз. — О господи! Кому?

— Сейчас спрошу. Дэн, на кого ты сделал передаточную надпись?

— На Американский банк.

Она не спросила меня «почему» — тогда я бы ей и рассказал о Рикки.

Белл сникла и тяжело вздохнула.

— Гол в наши ворота, толстячок. Можешь считать, что акции уплыли. Из банка нам их ни за что не выковырять. — Она вдруг выпрямилась. — Если только он на самом деле отоспал их. А если нет, я так подчищу передаточную надпись, что комар носа не подточит. И он сделает новую передаточную надпись... на мое имя.

— На твое и на мое, — поправил ее Майлз.

— Ну, это уже детали. Иди-ка поищи его машину.

Спустя некоторое время Майлз возвратился и сообщил:

— Ее нигде нет. Я объехал все переулки вокруг. Он, верно, приехал сюда на такси.

— Но ты же слышал — он сказал, что приехал на своей машине.

— Но ее нет поблизости. Лучше спроси его, когда и куда он отправил по почте акции?

Белл спросила, а я ей ответил:

— Перед тем, как сюда приехать. Я опустил пакет в почтовый ящик на углу улицы Сепульведа и бульвара Вентура.

— Думаешь, он не врет? — спросил Майлз.

— В таком состоянии он не может врать. И он абсолютно уверен в своих словах — так что путаница исключается. Черт с ними, Майлз. Может, когда мы от него избавимся, окажется, что передаточная надпись не имеет силы, поскольку он уже продал нам акции... по крайней мере, я сейчас заставлю его подписать несколько пустых бланков, а там увидим.

Она попыталась заставить меня подписать, а я попытался повиноваться. Но в таком состоянии я не мог расписаться толком. Наконец она вырвала у меня из рук бумагу и сказала со злостью:

— Ты меня до истерики доведешь! Я и то могу лучше за тебя расписаться. — Она наклонилась ко мне и мстительно прошипела: — Жаль, что я твоего кота не пристукнула.

На некоторое время они оставили меня в покое.

Потом ко мне подошла Белл и объявила:

— Дэнни, я сделаю тебе уколчик, и ты почувствуешь себя гораздо лучше. Ты сможешь встать, двигаться и вести себя так, словно ничего не произошло. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлзом, — ведь мы твои лучшие друзья, правда? Кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлз.

— Но я тебе больше чем друг. Я тебе как сестра. Повтори.

— Ты мне как сестра.

— Вот и хорошо. А сейчас мы поедем на машине, потом ты погрузишься в «долгий сон». Ты приболел, а когда поспишь, то проснешься здоровеньkim. Понимашь, о чём я говорю?

— Да.

— Так кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты мне как сестра.

— Умница. А теперь закатай-ка рукав.

Укола я не почувствовал, но кожа в том месте, куда вошла игла, горела. Меня трясло, как от озноба, но я смог выпрямиться в кресле.

— Эй, сестренка, у меня кожа после укола горит. Что ты мне засадила?

— Кое-что, от чего тебе сразу станет лучше. Ты немного приболел.

— Да, приболел. А Майлз где?

— Сейчас вернется. Подставляй-ка другую руку, рукав-то закатай!

— Для чего? — запротестовал я, но рукав закатал и позволил себя уколоть. От укола я подпрыгнул в кресле.

— Тебе ведь не очень больно? — улыбнулась Белл.

— А? Нет, не больно. Зачем уколы-то?

— Ты подремлешь, пока мы доедем. А как доберемся до места, ты проснешься.

— Ладно. Мне хотелось бы поспать. И я хочу погрузиться в «долгий сон». — Тут мной овладело беспокойство, и я оглянулся по сторонам. — А где же Пит? Он ведь собирался со мной...

— Пит? — переспросила Белл. — Ну что ты, ми-лый, забыл разве? Ты отправил его к Рикки, она о нем позаботится.

— Ах да.

Я улыбнулся с облегчением. Я послал Пита Рикки, помню, как отправлял его по почте. Все хорошо. Рикки любит Пита и, пока я пребываю в «длгом сне», будет о нем прекрасно заботиться.

Они отвезли меня в Объединенный храм в Сотелл, которым пользовались небольшие страховые компании, не имевшие собственных храмов сна. Я проспал всю дорогу и проснулся, как только Белл заговорила со мной. Майлз остался в машине, а Белл повела меня в здание. Девушка за стойкой регистратуры взглянула на меня и спросила:

— Дейвис?

— Да, — ответила за меня Белл. — А я его сестра. Представитель Главной страховой здесь?

— Он в приемной номер девять — там все готово и вас ждут. Документы отдадите представителю Главной. — Она с интересом взглянула на меня. — Он уже прошел медицинское обследование?

— О да! — поспешила заверить ее Белл. — Брат, видите ли, плохо себя чувствует. Болел... пришлось дать ему успокаивающее из-за сильных болей...

— Да-да, — сочувствуяще закудахтала девица, — в таком случае поторопитесь. Пройдите через ту дверь, а потом налево.

В девятой комнате находились три человека: мужчина в повседневном костюме, еще один — в белом халате и женщина в форме медсестры. Они помогли мне раздеться, обращаясь со мной, как с малолетним дебилом. Белл тем временем опять рассказывала, что она ввела мне успокаивающее, потому что меня мучили сильные боли. Обнаженного, меня распостирили на столе, и мужчина в белом халате принялся массировать мне живот, глубоко проминая кожу пальцами.

— С этим никаких хлопот, — объявил он наконец. — Он совершенно пуст.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — подтвердила Белл.

— Прекрасно. Некоторые заявляются сюда нафаршированные, словно рождественская индейка. У них башка совсем не варит.

— Да-да, очень верно.

— Фу-у. Ну, сынок, сожми-ка кулаки покрепче, пока я введу тебе иглу.

Я почувствовал укол, и все вокруг стало погружаться в туман. Неожиданно я вспомнил о Пите и попытался подняться.

— Где Пит? Хочу видеть Пита.

Белл обхватила мою голову ладонями и поцеловала меня.

— Ну что ты, что ты, дружок! Пит не придет, разве ты забыл? Он ведь остался с Рикки. — Я затих, а она мягко объяснила остальным: — У нашего братца Пита дома больная малышка.

Я погрузился в сон. Вскоре я почувствовал сильный холод, но не мог двинуть рукой, чтобы натянуть на себя одеяло.

Глава 5

Я жаловался бармену на кондиционер — лопасти крутились слишком сильно, и мы могли простудиться.

— Не имеет значения, — уверял он меня. — Вы не почувствуете холода, когда заснете. Сон... сон... сон... вечерняя усадьба, прекрасный сон. — У бармена почему-то было лицо Белл.

— Выпить бы чего-нибудь горяченького! — настаивал я. — «Том и Джерри»*, например. Или чай. Горячий чай. Целый чайник!

— Сам ты «чайник», — отвечал врач. — Сна ему захотелось. Выкиньте-ка этого «чайника» отсюда!

Я попытался зацепиться ногой за бронзовую подножку, но у стойки бара не было бронзовой подножки, и мне это показалось забавным. Я плашмя лежал на спине, что было еще забавнее. Как будто у них в этом баре обслуживали безногих... Ведь у меня не было ног — как же я мог зацепиться за бронзовую подножку? И рук не было тоже. «Смотри, мама, у этого дяди рук нет!» Пит уселся мне на грудь и завыл.

Я снова был на учениях... судя по всему, учениях по усиленной переподготовке, в лагере под Хейлом. Мне только что засунули за шиворот снег — так они

* Горячий пунш, приправленный специями (амер.).

делают из вас «настоящих мужчин». Мне нужно было вскарабкаться на чертову гору, самую высокую во всем Колорадо; ее склоны — сплошной лед, а у меня не было ног. Тем не менее я тащил самый большой тюк, какой только можно представить, и все время помнил: генералы хотели выяснить, нельзя ли солдата использовать вместо выночного мула; меня же выбрали потому, что, если я и погибну, с такой потерей можно не считаться. Я не прополз бы и шагу, не подталкивай меня сзади маленькая Рикки.

Старший сержант повернулся ко мне — лицом он напоминал Белл — и, посинев от ярости, заорал:

— Эй ты, пошевеливайся! Я тебя ждать не собираюсь. Мне плевать, заберешься ты или нет... Но пока не выполнишь задания, не уснешь.

Мои не-ноги не несли меня дальше, и я свалился в обжигающий снег и заснул-таки, а маленькая Рикки рыдала и умоляла меня не спать. Но я должен был спать...

Я проснулся в постели; рядом лежала Белл. Она тряслась меня, приговаривая:

— Проснись, Дэн! Я не могу ждать тебя тридцать лет: девушка должна думать о своем будущем!

Я попытался подняться и достать из-под кровати мешки с золотом, чтобы отдать ей, но она ушла... а тем временем «горничная» с лицом Белл схватила мешки, положила на поднос и поспешила выкатиться из комнаты. Я ринулся было за ней, но у меня не было ног и, как оказалось, не было тела вообще. «Нету тела у меня, не о чем заботиться...» Мир состоял из старших сержантов и работы... и какая разница, где работать и как? Я позволил им снова взнудзить себя и вновь принял карабкаться по ледяному склону. Склон был белым и красиво изогнутым, и мне ничего не оставалось, как только карабкаться к розовой вершине, где мне позволят наконец заснуть: ведь мне так необходим сон! Но я никогда не достигну ее... у меня нет ни рук, ни ног — ничего...

На склонах горы загорелся лес. Снег почему-то не таял, но на меня волнами накатывалась жара; а я все

полз и полз, выбиваясь из сил. Надо мной склонился старший сержант:

— Просыпайся... просыпайся... просыпайся...

Но как только я просыпался, он хотел, чтобы я засыпал опять. Что происходило потом — я помню смутно. Кажется, некоторое время я лежал на столе, и стол подо мной вибрировал; вокруг горели огни, наподобие змей свешивались с потолка шланги каких-то приборов, толпился народ. Потом, когда я окончательно проснулся, то уже лежал на больничной койке. Чувствовал я себя вполне сносно, если не считать легкой слабости, словно после сеанса в турецкой бане. Руки-ноги были при мне. Но со мной никто не разговаривал, и едва я раскрывал рот, чтобы задать вопрос, сиделка тут же засовывала что-то мне под язык. Потом довольно долго мне делали массаж.

Наконец, проснувшись однажды утром, я почувствовал себя совершенно здоровым и тут же вылез из кровати. Слегка кружилась голова, а в остальном был полный порядок. Теперь я уже знал, как попал сюда, знал, что вся эта чертовщина мне просто приснилась.

И я знал, кто меня сюда поместил. Пока я находился под действием наркотика, Белл внушала мне, чтобы я забыл о ее предательстве; но либо я не воспринял внушений, либо за тридцать лет сна в холде гипноз потерял свою силу. И хотя кое-какие детали стерлись из памяти, я не забыл, что они хитростью заманили меня в храм, — так в добрые старые времена вербовщики спаивали и увозили на суда матросов.

Я не был очень уж зол на них. Правда, все это произошло только «вчера», или один сон назад, но сон-то длился целых тридцать лет! Человеку порой бывает трудно разобраться в своих ощущениях — они, как правило, субъективны; хотя я отчетливо помнил все, что случилось «вчера», но воспринимал события того дня так, словно они имели место давным-давно. Приходилось вам видеть на экране телевизора двойной план: питчера в момент подачи и одновремен-

но общий вид стадиона? Два изображения словно наложены друг на друга. Нечто похожее испытывал и я: прошлое четко запечателось в моем сознании, но эмоциональное восприятие притупилось, как это бывает, когда мысленно возвращаешься к делам давно минувших дней.

Я твердо намеревался разыскать Белл и Майлза и сделать из них фарш для кошачьих консервов, но спешить не следовало. Дело терпит до следующего года; а сейчас мне хотелось понять, что же из себя представляет 2000 год, в который я попал. Кстати, о кошачьих консервах... А где же Пит? Он ведь должен быть где-то поблизости... если, конечно, бедняга пережил «долгий сон». Вот тут-то я и вспомнил, что мне помешали прихватить с собой Пита.

«Дело» Белл и Майлза я переложил из папки «Ждет» в папку «Срочно». Ведь они пытались убить моего кота, разве не так? Они больше чем убили его — они обрекли Пита на одичание... Он влакил остаток своих дней, шатаясь по задворкам в поисках объедков. Он стал тощим и ободранным, его добрая душа очерствела, и он возненавидел всех без исключения двуногих тварей. Они дали ему умереть — а он, конечно, не мог дожить до моего пробуждения, — и умер он в уверенности, что я его бросил. Они мне заплатят за это — если они сами еще живы. О, трудно выразить словами, как я надеялся, что они еще живы!

Тут я обнаружил, что стою в ногах у своей койки, вцепившись в спинку, чтобы не упасть. Из одежды на мне была только пижама. Я огляделся, прикидывая, как мне вызвать кого-нибудь из персонала. Больничные палаты за тридцать лет, что я спал, изменились мало — на первый взгляд. Только вот окна не было, и я не мог понять, откуда поступал свет. Больничная койка, насколько я помнил из прошлого, напоминала прежние: высокая и узкая, но сконструированная не только как место, на котором спят: под сеткой матраса располагались какие-то трубы, еще ниже, видимо, имелся и модернизированный ночной горшок. Прикроватная тумбочка составляла единое целое с койкой. При других обстоятельствах меня, может, и не заинтересовала

бы незнакомая конструкция, но теперь я сосредоточил внимание на поисках обычного звонка, которым вызывают сестер или няничек, — мне нужна была одежда. Но звонка не оказалось. Зато я обнаружил то, во что он трансформировался, — клавиш на боковой стенке тумбочки, которая оказалась не совсем тумбочкой. Я нажал на него, и на экране, вмонтированном напротив изголовья, зажглась надпись: «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же экран мигнул и на нем появились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ МИНУТКУ».

Очень скоро дверь палаты скользнула в сторону, и появилась медсестра. Судя по ее виду, медсестры не очень изменились. Эта оказалась в меру привлекательной, со знакомыми ухватками хорошо вымуштрованного сержанта. На ее коротко остриженных, лилового цвета волосах чудом держалась белая шапочка. Белая же униформа странного покроя не прикрывала те места, какие считалось необходимым прикрывать в 1970 году; но женская мода во все времена оказывала влияние даже на рабочую одежду. Но в любом столетии можно безошибочно признать медсестру только по одной манере держаться.

— Ложитесь в кровать!

— Где моя одежда?

— Ложитесь в кровать. И немедленно!

— Послушайте, сестра, — сказал я рассудительно. — Я ведь свободный гражданин старше двадцати одного года и никак не преступник. Мне не нужно ложиться в кровать, и я не собираюсь этого делать. А теперь извольте показать, где находится моя одежда, иначе я отправлюсь на поиски в том, что на мне.

Она взглянула на меня, потом неожиданно повернулась и вышла; дверь выпустила ее и тут же скользнула на место. Но меня дверь не выпустит. Я попытался понять принцип работы дверной автоматики: совершенно очевидно, что если один инженер выдумал приспособление, то другой в состоянии постигнуть его секрет. Но тут дверь снова открылась и впустила мужчину.

— Доброе утро, — обратился он ко мне. — Я доктор Альбрехт.

Его наряд представлял собой нечто среднее между выходным костюмом обитателя Гарлема* и одеждой для загородных прогулок, но профессионально непринужденные манеры и усталые глаза заставили меня поверить ему.

— Доброе утро, доктор. Я хотел бы получить свою одежду.

Он сделал еще один шаг, и дверь за его спиной скользнула на место. Потом он сунул руку в складки одежды и извлек пачку сигарет; вытащил одну, помахал ею в воздухе, вставил в рот и затянулся. Сигарета задымилась. После этого он протянул пачку мне.

— Закурите?

— Да нет, благодарю.

— Берите, одна не повредит.

Я отрицательно покачал головой. Раньше я не мог без сигарет работать. Чем больше окурков было в пепельницах и прожженных мест на чертежной доске, тем успешнее продвигалась работа. Теперь от одного вида дыма я почувствовал легкое головокружение и удивился: неужели во время сна я избавился от привычки курить?

— Все равно не хочу, спасибо.

— Ладно. Мистер Дейвис, я здесь работаю шесть лет. Моя специальность — гипноз, оживление и все такое прочее. За время работы и здесь, и в других местах я помог восьми тысячам семидесяти трем пациентам вернуться к нормальной жизни после гипотермии. Вы — восемь тысяч семьдесят четвертый. Все проснувшиеся ведут себя странно — по мнению неспециалиста; для меня-то их поведение естественно. Одни, например, не хотят просыпаться и орут на меня, когда я пытаюсь их разбудить; другие и не просыпаются, и мы вынуждены отправлять их в другое учреждение; третья, осознав, что пути обратно нет и слишком поздно возвращаться домой, в тот год, когда они выбрали «долгий сон», начинают рыдать без остановки. А

* Г а р л е м — район Нью-Йорка, где в основном проживает негритянское население. Назван так первыми поселенцами из Голландии в память о голландском городе Гаарлеме.

некоторые, вроде вас, требуют одежду и хотят тут же бежать на улицу.

— И что же? Разве нельзя? Я что, заключенный?

— Отнюдь. Вы можете получить свою одежду. Думаю, она покажется вам несколько вышедшей из моды, но это ваша забота. А пока ваши шмотки не принесли, соблаговолите-ка рассказать мне, отчего такая ужасная спешка. И что за дело, которое требует вашего участия в нем сию минуту, — ведь тридцать лет вы им не занимались. А именно такой срок вы провели в холодном сне — тридцать лет. Неужто дело столь срочное? Или оно подождет до вечера? Или даже до завтра?

Я начал было бормотать что-то о необходимости срочно заняться... потом сконфузился и промямлил:

— Может, и не так уж спешно...

— Тогда сделайте мне одолжение, ложитесь в кровать. Позвольте мне сперва вас осмотреть, потом вы позавтракаете и, может, побеседуете со мной немного, прежде чем рвануть на все четыре стороны. Может быть, я даже смогу посоветовать вам, в какую сторону лучше рвануть.

— Гм, хорошо, доктор. Извините за беспокойство.

Я снова забрался в кровать. Лежать в ней было удобно — и я вдруг почувствовал, как устал.

— Какое там беспокойство, пустяки. Что именно нас беспокоит, вы еще увидите. Хоть бы от части забот избавиться. — Он поправил на мне одеяло, потом наклонился к тумбочке-столу. — Доктор Альбрехт из семнадцатой. Пришлите палатную прислугу с завтраком, да... меню — четыре-минус. — Он опять повернулся ко мне. — Повернитесь на живот и задерите пижаму — хочу проверить ваши ребра. Пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

Я попытался обдумать вопросы, пока он тыкал мне чем-то в ребра; штуковину, которой он пользовался, я принял за стетоскоп, хотя он скорее напоминал уменьшенный слуховой аппарат. Но у нее имелся все тот же недостаток — поверхность датчика была холодной и твердой.

О чем спросить, проспав тридцать лет? Достигли или нет звезд? Кто теперь проповедует «война войне»? Выращивают ли детей в колбах?

— А что, док, в фойе кинотеатров все еще стоят машины для продажи попкорна*?

— Стояли, когда я последний раз смотрел кино. У меня нет времени бывать там часто. Кстати, теперь в ходу слово «хваталка», а не «кино».

— Вот как? А почему?

— А вы сходите разок. И сразу поймете. Да не забудьте пристегнуть привязной ремень: от некоторых кадров зрителей аж из кресла выбрасывает! Видите ли, мистер Дейвис, мы-то сталкиваемся с подобным ежедневно и уже привыкли. Но к наступлению каждого нового года мы подготавливаем установочные словари, а также обзоры по вопросам истории и культуры. Это совершенно необходимо, ибо, хотя мы многое делаем, чтобы смягчить потрясение наших клиентов от встречи с действительностью, им все равно чрезвычайно трудно ориентироваться в незнакомой обстановке.

— Хм, пожалуй.

— Несомненно так. Особенno если промежуток времени, проведенного в холодном сне, так велик, как в вашем случае. Все-таки тридцать лет.

— А тридцать лет — максимум?

— И да и нет. Самый долгий период сна, с которым мы имели дело, — тридцать пять лет. Первый клиент на коммерческой основе был охлажден в декабре 1965 года. Но среди тех, кого я вернул к жизни, вы проспали больше других. Теперь здесь есть клиенты, заключившие контракт на срок до ста пятидесяти лет. Но, честно говоря, вас не должны были принимать на такой долгий срок — тридцать лет: в те годы о гипотермии знали еще недостаточно. Они здорово рисковали, но вам повезло.

— В самом деле?

— В самом деле. Перевернитесь-ка на спину. — Он продолжил осмотр, потом добавил: — Но с теми

* Попкорн — воздушная кукуруза. Во многих кинотеатрах США стоят автоматы по приготовлению и продаже попкорна.

знаниями, какими мы обладаем теперь, я взялся бы подготовить человека к прыжку через тысячелетие, если бы кто-нибудь взялся финансировать такое предприятие. Я бы с годик подержал его при температуре, в которой пребывали вы, потом обрушил бы на него минус две с половиной секунды. Он бы выжил. Я уверен. Давайте-ка проверим ваши рефлексы.

Слово «обрушил» мне не очень понравилось. А доктор Альбрехт продолжал тем временем:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Вряд ли вы столкнетесь с языковыми трудностями. Конечно, я следил за своей речью и говорил на языке 1970 года. Я весьма горжусь тем, что могу разговаривать с пробуждающимися пациентами на языке того года, когда они поступили к нам. Я прошел специальный курс обучения под гипнозом. Но вы полностью овладеете современным разговорным языком через неделю — тут все дело в дополнительном словарном запасе.

Я хотел было заметить ему, что по меньшей мере раза четыре он употребил слова, которых в 1970 году не знали или вкладывали в них совершенно противоположный смысл. Но потом решил, что это будет невежливо по отношению к нему.

— Вот пока и все, — наконец сказал он. — Да, кстати, вас хотела повидать миссис Шульц.

— Кто?

— Разве вы с ней незнакомы? Она утверждала, что вы ее старинный друг.

— Шульц, — задумчиво повторил я. — Вероятно, я знал когда-то нескольких женщин по фамилии Шульц, но единственная, кого могу вспомнить, — моя учительница в начальной школе. Впрочем, она вряд ли жива.

— Возможно, она тоже находилась в «холодном сне». Получить ее записку сможете, когда захотите. Так, я могу вас выписывать. Но если вы человек сообразительный, то побудете здесь еще несколько дней, чтобы проникнуться духом новой для вас обстановки. А я загляну к вам потом. Ну, смываюсь, как говорили в ваше время. Вот и прислуга с завтраком.

Я сделал для себя окончательный вывод, что в медицине он разбирается лучше, чем в лингвистике.

Но тут я увидел прислугу и забыл обо всем. Он вкатился, аккуратно обхехав доктора Альбрехта, а тот вышел из палаты, не обращая внимания на прислугу и не дав себе труда посторониться.

Итак, он вкатился, подъехал к кровати, выдвинул столик, повернул так, что столик оказался передо мной, и поставил на него завтрак.

— Налить вам кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Вообще-то мне не хотелось, чтобы кофе стыл в чашке, пока я завтракаю, но я сгорал от желания посмотреть, как он справится.

Представьте себе мое изумление — ведь это был... «ловкий Фрэнк»! Нет, это была не та неуклюжая, на скорую руку собранная мною модель, скорее напоминавшая электронный макет, нет! Он походил на «Фрэнка» не более, чем гоночный турбомобиль на первую безлошадную повозку. Но разве мастер может не узнать свое творение? Я создал базовую модель, и она неизбежно должна была быть усовершенствована... Вот он, правнук «Фрэнка» — улучшенный, доведенный до ума, более сноровистый, — но одной с ним крови.

— Больше ничего не надо?

— Минутку...

Очевидно, я ляпнул что-то не то, потому что робот вытянул из себя лист плотного пластика и вручил мне. Лист соединялся с его корпусом тонкой стальной цепочкой; на нем было напечатано вот что:

«УПРАВЛЯЕТСЯ ГОЛОСОМ — «ТРУДЯГА», модель XVII-а.

ВНИМАНИЕ! Этот автомат для обслуживания НЕ понимает человеческую речь. Он не обладает разумом, так как является всего лишь механизмом. Для вашего удобства он сконструирован так, что может реагировать на нижеперечисленные распоряжения. Он оставит без внимания все остальные обращения к нему или (в случае, если полностью не срабатывают рецепторы и не замкнута цепь восприятия) предложит вам данную инструкцию. Пожалуйста, прочтите ее внимательно.

Благодарим вас.

Корпорация «Аладдин» по производству автоматизированного оборудования. Выпускает модели «ТРУДЯГА», «ВИЛЛИ-НА-ВСЕ-РУКИ», «ЧЕРТЕЖНИК ДЭН», «СТРОИТЕЛЬ БИЛЛ», «САДОВНИК», «НЯНЯ». Проектирование и консультации по вопросам автоматики.

Всегда к вашим услугам!»

На фабричной марке был изображен Аладдин, выпускавший джинна из бутылки. Ниже приводился длинный перечень простых приказаний: «стой, иди, медленнее, быстрее, подойди сюда, позови сиделку» и так далее. Был и короткий список заданий медицинского характера, вроде растирания позвоночника, а о некоторых процедурах я вообще никогда не слышал. Список заканчивался официальным уведомлением: «Приказания с номера 87 по номер 242 отдаются только персоналом больницы и поэтому не включены в этот список».

Мой «ловкий Фрэнк» управлялся кнопками на приборном щитке, а не голосом. Не потому, что я не додумался до этого, просто система анализа речи была более громоздкой и стоила гораздо дороже, чем весь мой «Фрэнк» (старший) без упаковки. Я решил, что прежде, чем смогу вернуться к работе по специальности здесь, в будущем, мне придется основательно изучить все новое в области миниатюризации и упрощения электронных систем. Я горел желанием побыстрей приступить к делу; судя по «трудяге», мне предстояла интереснейшая работа, передо мной открывались невиданные возможности. Инженерное искусство зависит от общего технического уровня общества, а не от таланта отдельно взятого инженера. Ведь железные дороги появились лишь тогда, когда развитие техники достигло соответствующего уровня. Бедный профессор Ленгли* все силы души, весь свой гений отдал разра-

* Л е н г л и (Ленглей), С а м ю э л (1834 — 1906) — учёный-астрофизик, пионер американской авиации; в 1896 году он построил опытную модель летательного аппарата.

ботке летательного аппарата, который, по его мнению, обязательно должен был взлететь, — но он на несколько лет опередил время и не смог воспользоваться успехами сопредельных наук, чтобы увидеть результаты своего труда. Или взять великого Леонардо да Винчи — наиболее блестящие его изобретения не были претворены в жизнь; он намного обогнал эпоху, в которой жил.

Мне предстоит здесь (я хотел сказать «теперь») многому учиться заново!

Я отдал работу листок с инструкциями и вылез из койки, чтобы взглянуть на табличку с выходными данными. Я не удивился бы, увидев название «Горничная инкорпорейтед», но была ли фирма «Аладдин» дочерним предприятием фирмы «Менникс»? Табличка сообщала не особенно много сведений — название модели, серийный номер, завод-изготовитель. Но на ней имелась перечень патентов — около сорока, — и самый ранний, что меня очень заинтересовало, датировался 1970 годом. Я почти не сомневался: он наверняка был выдан на основе моих чертежей и единственной модели.

Я отыскал в тумбочке блокнот и карандаш и записал номер первого патента — на всякий случай. Даже если чертежи были украдены у меня, а сомнений тут быть не могло, срок действия патента истек в 1987 году; впрочем, законы могли измениться. А вот подтверди они патент позже 1983 года — он имел бы силу до настоящего времени. Это мне предстояло выяснить.

На щитке автомата загорелась лампочка, и он объявил:

— Меня вызывают. Могу я удалиться?

— Гм. Ну конечно. Беги. — Робот полез за листком с перечнем фраз; я поспешно добавил: — Иди!

— Благодарю вас. До свидания, — сказал он, объезжая меня.

— Тебе спасибо.

— Не стоит благодарности, — отвечал робот приятным баритоном.

Я вернулся в постель и принялся за завтрак, который оставил остывать, — да только оказалось, что он не остыл. Завтрак, похоже, был рассчитан на средних

размеров птичку, но, как ни странно, я наелся досыта, хотя был очень голоден. Впрочем, может, за время сна у меня желудок ссохся? Уже закончив трапезу, я вспомнил, что поел впервые за тридцать лет — на Земле за это время успело вырасти новое поколение. На эту мысль меня натолкнуло меню завтрака: оно лежало под салфеткой. То, что я принял за копченую грудинку, значилось в меню как «дрожжевые полоски, запеченные по-деревенски».

Но, несмотря на тридцатилетний пост, еда меня мало интересовала; вместе с завтраком мне прислали газету — «Таймс» Большого Лос-Анджелеса за 13 декабря 2000 года, среду.

Газета, которую я держал в руках, походила на прежние малоформатные газеты со сжатым текстом и большим количеством иллюстраций. Но бумага была глянцевая, а не шероховатая, и иллюстрации — цветные или черно-белые — стереоскопические; в чем секрет стереоэффекта, я понять не мог. Уже в конце пятидесятых появились стереооткрытки, и их можно было рассматривать без специальных очков. Помню, ребенком я восхищался такими открытками с рекламой мороженых продуктов. Но тогда для получения стереоизображения применялся толстый пластик с запрессованными в него крошечными призмами; здесь же объемное изображение получалось на тонкой бумаге.

Я бросил ломать голову над разгадкой иллюстраций и принялся за чтение. «Трудяга» установил газету на специальном пюпитре, и некоторое время мне казалось, что вся она состоит из одной страницы, — я никак не мог уразуметь, как чертова штука раскрывается. Все листы словно смерзлись намертво.

Наконец я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы; она загнулась вверх и перелистнулась — тут, видно, заключалась какая-то хитрость. И другие страницы открывались легко и даже изящно — стоило мне коснуться их нижнего правого угла.

Добрая половина содержания газеты была мне так знакома, что я почувствовал тоску по дому, по прежним временам: «Ваш гороскоп на сегодня»; «Мэр от-

крывает новый бассейн»; «Своими новыми запретами органы безопасности подрывают свободу печати», — заявил нью-йоркский Солон*; ««Гиганты» играют два матча подряд в один день»; «Внезапное потепление ставит под угрозу занятия зимними видами спорта»; «Пакистан предупреждает Индию» — и так далее, и тем скучнее.

Другие заголовки касались новых понятий, но их содержание все объясняло: «ЛУННЫЙ "ШАТЛ" ДО СИХ ПОР ПОДВЕРГАЕТСЯ МЕТЕОРИТНОМУ ДОЖДЮ — суючная станция получила две пробоины. Погибших нет»; «В КЕЙПТАУНЕ ЛИНЧЕВАЛИ ЧЕТВЕРЫХ БЕЛЫХ — ООН требует принятия санкций»; «МАМАШИ** ВЫСТУПАЮТ ЗА БОЛЕЕ ВЫСОКИЕ СТАВКИ — они требуют объявить "любительниц" вне закона»; «ПЛАНТАТОР ИЗ МИССИСИПИ ОБВИНИЯТСЯ В НАРУШЕНИИ ЗАКОНА О НЕПРИМЕНЕНИИ "ЗОМБИ" — защитник утверждает: "Этим работникам лекарств не вводили. Они просто тупы от природы!"»

Ну, про «зомби» я знал не понаслышке, а из собственного опыта.

Некоторые газетные сообщения я совершенно не понимал. Продолжали распространяться «воггли», и пришлось эвакуировать жителей еще трех городов во Франции; полагают, что король отдаст распоряжение засыпать пораженные площади. Король? Ну ладно, французские политики на все способны, но что за «санитарная пудра», которую они собираются использовать против «вогглей»? Может, что-нибудь радиоактивное? Надеюсь, они выберут для распыления безветренный день... лучше всего — тридцатое февраля. Я сам схватил дозу радиации в Сандия по вине одной идиотки из химического подразделения ВАК***. Своей блевотиной я, слава Богу, не подавился, но кюри**** поймать — врагу не пожелаю.

* С о л о н (639? — 552 гг. до н. э.) — известный государственный деятель в древних Афинах.

** Имеются в виду содержательницы домов терпимости.

*** ВАК (WAC) — Women's Army Corps — корпус женской вспомогательной службы сухопутных войск США.

**** К ю р и — физическая единица радиоактивности.

Полицейское отделение Лос-Анджелесской лагуны получило на вооружение «ликойлзы». Начальник отделения предложил всем гомикам убираться из города. «Моим людям приказано сперва оглоушивать, а потом мараковать. Надо наводить порядок!»

Про себя я отметил, что следует держаться подальше от района Лагуны, пока там сводят счеты. Не хотел бы я оказаться там, когда они «маракуют», тем более что сначала «оглоушивают».

Это лишь немногие примеры газетных заголовков. Не раз я начинал просматривать статью — и все вроде было понятно, но, только дочитав ее до конца, обнаруживал истинный смысл сказанного в ней.

Но стоило мне сосредоточиться на демографической статистике, как в поле зрения попадали знакомые объявления о рождениях, смертях, свадьбах и разводах; правда, к ним прибавились «исходы» и «возвращения», расписанные по храмам. Я заглянул в список Сотельского объед. хр. и нашел в нем свое имя. У меня появилось приятное чувство сопричастности.

Но интереснее всего — захватывающие интересными — были объявления. Одно из них особенно врезалось мне в память: «Все еще молодая, привлекательной наружности вдова, одержимая страстью к путешествиям, желает познакомиться со зрелым мужчиной, обладающим такими же склонностями. Намерения: двухгодичный брачный контракт». Но доконали меня объявления, напечатанные жирным шрифтом.

В них рекламировались «горничная», ее сестры, братья и тетки. И товарный знак был все тот же — ядреная девка с метлой; я придумал его когда-то для наших бланков. Я даже слегка пожалел, что с такой поспешностью избавился от своих акций «Горничная инкорпорейтед», похоже, что теперь они стоили гораздо больше, чем все мои остальные ценные бумаги, вместе взятые. Нет, неверно. Не избавься я от них вовремя, парочка ворюг свистнула бы их у меня и стерла бы передаточную надпись. Как бы то ни было, акции получила Рикки, и, если она с их помощью разбогатела — слава Богу. Более достойного человека и представить трудно. Я сделал в блокноте отметку:

выяснить, что стало с Рикки, и не откладывая. Она была единственной, кто оставался у меня от прошлой жизни.

Милая маленькая Рикки! Будь она лет на десять старше, я бы и не взглянул на Белл... и не ошибся бы.

Прикинем, сколько ей сейчас лет? Сорок, нет, сорок один. Трудно представить, что Рикки теперь сорок один год. Впрочем, это было не так уж много для женщины и в мое время, а тем более — сейчас. Иной раз и вблизи не отключишь сорокалетнюю от восемнадцатилетней.

Если она разбогатела, я позволю ей угостить меня, и мы выпьем за упокой удивительной души нашего дорогого Пита. А если что-то не получилось и, несмотря на подаренные мной акции, она бедна, тогда, черт возьми, я женюсь на ней! Да, женюсь. И неважно, что теперь она лет на десять старше меня. Поскольку я обладал удивительной способностью делать глупости, мне просто необходим был кто-нибудь постарше, чтобы присматривать за мной и вовремя останавливать, — вряд ли кто сможет с этим справиться лучше, чем Рикки. Ей еще не исполнилось и десяти лет, а она уже по-детски серьезно, но весьма умело заботилась о Майлзе и вела хозяйство; должно быть, и в сорок она все такая же, только добре и мягче.

Впервые после пробуждения я почувствовал себя уверенно: я теперь не был одинок в незнакомом мире. Стоило мне вспомнить о Рикки — и все мои волнения рассеялись.

И тут внутренний голос сказал мне: «Послушай, болван! Ты не можешь жениться на Рикки. Еще тогда было ясно, что она будет симпатичной девушкой; теперь она уже наверняка лет двадцать замужем. У нее, верно, четверо детей... и старший сын выше тебя ростом... и, конечно, муж, который не будет в восторге от старого доброго дяди Дэнни».

Я слушал, что мне говорил внутренний голос, и у меня потихоньку отвисала челость. Потом я попытался возразить ему: «Ладно, ладно, поезд опять ушел. Но я все равно разыщу ее. Не убют же меня за это. В

конце концов, кроме меня она была единственной, кто понимал Пита».

Я перевернул еще одну газетную страницу. От мысли, что я потерял обоих — и Рикки, и Пита, — мне стало не по себе. Спустя некоторое время я задремал прямо над газетой и проснулся только тогда, когда «трудяга» (или его двойник) принес обед.

Во сне Рикки держала меня на коленях и приговаривала:

— Все в порядке, Дэнни. Я нашла Пита, и мы теперь будем вместе. Правда, Пит?

— Я-а-а-с-н-о-о!

Установочный словарь я освоил быстро; значительно больше времени я потратил на чтение исторических обзоров. Великая Азиатская Республика вытесняет нас с южноамериканских рынков — тут и к гадалке не надо ходить, стоит вспомнить соглашение по Тайваню. Еще меньше меня удивило, что Индия, наподобие Балкан, превратилась в множество мелких государств. Мое внимание привлек абзац, где говорилось о намерении Англии стать одной из провинций Канады; где собака, где хвост — на разберешь. Я опустил описание биржевой паники 1987 года: для меня не было трагедией, что золото подешевело настолько, что теперь уже не считалось драгоценным металлом, хотя в процессе изменений торговых расчетов множество народа разорилось до нитки. Золото — замечательный технический металл, его можно применять очень широко.

Я отложил обзор и начал размышлять, где можно применять дешевое золото, обладающее высокой плотностью, хорошей электропроводностью, чрезвычайной ковкостью... но остановился, поняв, что сперва мне необходимо подчитать техническую литературу. Черт, для одних только ядерных физиков это будет неоценимый дар! Да и для автоматики, особенно там, где требуется миниатюризация деталей, золото подходит лучше, чем любой другой металл. В сущности, я уверен, что «голова» у «трудяги» набита золотом. Мне придется заняться выяснением того, что успели напри-

думывать в своих «клетушках» мои коллеги, пока меня тут не было.

В Сотельском храме не было технической литературы, и я объявил доктору Альбрехту, что готов выписываться. Он пожал плечами, назвал меня идиотом и... согласился. Я решил переночевать здесь в последний раз: лежание на спине и чтение книг с потолочного экрана изрядно меня утомило.

На следующее утро сразу после завтрака мне принесли теперешнюю одежду — и я не смог без посторонней помощи натянуть ее. Сама по себе она не была столь уж необычна (хотя я никогда прежде не носил фиолетовых брюк клеш), но вот с застежками я не мог совладать без тренировки. Думаю, мой дедушка так же мучился бы с «молниями», пока не привык. Это оказался стиктайтовский шов-застежка. Я уже подумал о том, что мне придется нанять прислугу для совершения туалета, но тут меня осенило: нужно было просто сжать края — и, разноименно заряженные, они приклеивались друг к другу. Когда я попытался ослабить поясную ленту, то чуть не потерял штаны; правда, никто надо мной не смеялся.

— Чем собираетесь заняться? — поинтересовался доктор Альбрехт.

— Я-то? Собираюсь раздобыть карту города. Потом найду, где переночевать. Потом примусь за чтение книг по специальности... думаю, за год справлюсь. Я ведь инженер с устаревшими знаниями, доктор. И меня такое положение дел совершенно не устраивает.

— Гм, гм. Ну, удачи. Если смогу помочь — звоните, не стесняйтесь.

Я протянул ему руку.

— Спасибо, доктор. Вы молодчина. Вот. Может, мне не следовало бы говорить, пока я не побывал в страховой компании и не справился о своем финансово-вом положении, но моя благодарность не останется только на словах. Я отблагодарю вас за все, что вы для меня делаете, более весомо. Понимаете?

Он покачал головой.

— Спасибо за добрые намерения. Но все мои расходы оплачивает храм.

— Но...

— Нет. Я не могу принять то, о чем вы говорите. Пожалуйста, давайте прекратим ненужный разговор. — Он пожал мне руку и добавил: — До свидания. Если встанете на эту транспортную ленту, она доставит вас к Центральной канцелярии. — Он помедлил. — Если почувствуете, что начинаете уставать, — возвращайтесь. Согласно «Контракту об опеке», вам положено еще четыре дня на восстановление сил и привыкание — без дополнительной оплаты. Не грех этим воспользоваться. Можете приходить и уходить, когда вам заблагорассудится.

— Спасибо, доктор, — усмехнулся я. — Можете держать пари — я не вернусь. Разве что приду когда-нибудь повидать вас.

Я сошел с ленты у Центральной канцелярии. Зашел в здание и объяснил регистратору, кто я. Мне был вручен конверт; в нем была записка с номером телефона миссис Шульц. Я еще не позвонил ей, потому что не знал, кто она. В храме не разрешалось посещать «воскресших» или звонить им без их согласия. Едва взглянув на записку, я засунул ее в блузу и при этом подумал, что напрасно я сделал «ловкого Фрэнка» таким ловким. Раньше регистраторами были хорошенькие девушки, а не машины.

— Пожалуйста, пройдите сюда, — произнес регистратор. — Вас хотел повидать наш казначей.

Что ж, я тоже хотел его повидать, поэтому направился, куда мне указал робот-регистратор. Желал бы я знать, сколько сейчас загребу! Я поздравил себя по поводу того, что всадил все денежки в акции, а не оставил их просто «храниться» на банковском счете. Конечно, во время Паники 1987 года стоимость акций упала, но сейчас они снова должны подскочить в цене. Я знал, что, по крайней мере, два моих пакета стоили сейчас кучу денег, — я вычитал об этом в финансовом разделе «Таймс». Газету я захватил с собой, подумав, что, может, еще придется заглянуть в нее и навести кое-какие справки.

Казначей оказался человеком, а не роботом и даже выглядел как положено казначею. Мы обменялись быстрым рукопожатием.

— Здравствуйте, мистер Дейвис. Моя фамилия — Монетт. Садитесь, пожалуйста.

— Привет, мистер Монетт, — бодро ответил я. — Думаю, не отниму у вас много времени. Только один вопрос: передала ли вам страховая компания документы на выплату причитающихся мне денег, или я должен обратиться в их ближайшее отделение?

— Садитесь же, прошу вас. Мне нужно кое-что объяснить вам.

Я уселся. Его помощник (все тот же добрый старый «Фрэнк»!) принес и установил перед ним коробку с досье.

— Здесь первые экземпляры ваших контрактов. Желаете взглянуть?

Я желал и даже очень. Полностью прия в себя от сна, я то и дело скрещивал пальцы от сглаза — мне не давала покоя мысль, что Белл нашла-таки способ добраться до чека. Правда, чек заверен, и его намного труднее подделать, чем обычный, но Белл — баба не промах.

Я с облегчением обнаружил, что все передаточные надписи в порядке. Естественно, не было контракта на Пита и документов, где шла речь об акциях «Горничной». Скорее всего, Белл их просто сожгла, чтобы избежать лишних осложнений. Я придирично осмотрел с десяток документов, в которых она исправила название «Компания всеобщего страхования» на «Главную страховую компанию Калифорнии».

Несомненно, она была мастером своего дела. Возможно, эксперт-криминалист, имевший на вооружении современную технику и методику, доказал бы, что каждый из этих документов подделка, но мне такое не под силу. Интересно, справилась ли она с заверенным чеком? Печать и подпись на обороте стереть невозможно, потому что чеки печатаются на особой бумаге. Впрочем, совсем необязательно, что она пользовалась стирательной резинкой, — ведь то, что один придумал

для блага, другой исхитрился использовать во зло... а Белл очень хитра.

Мистер Монетт прокашлялся; я оторвался от бумаг.

— Расчет со мной будет произведен здесь?

— Да.

— Не вникая в подробности — сколько мне причитается?

— М-м... Мистер Дейвис, прежде чем перейти к вопросу о расчетах, мне хотелось бы обратить ваше внимание еще на один документ... и одно обстоятельство. Перед вами контракт между нашим храмом и Главной страховой компанией Калифорнии; в нем говорится об условиях вашего сна в холоде и возвращения к нормальной жизни. Прошу заметить, что все оплачено заранее. Это делается в ваших и наших интересах, поскольку таким образом обеспечивается защита прав клиента, пока он физически беспомощен. Денежные средства — на основе постановления судебных инстанций, в чью юрисдикцию входят такие дела, — выплачиваются храму поквартально как оплата вашего пребывания здесь.

— Ясно. По-моему, неплохая сделка.

— Верно. Таким образом, клиент защищен во время сна. Теперь вам должно быть ясно, что храм является самостоятельным акционерным обществом и не имеет отношения к вашей страховой компании; контракт между ней и храмом предусматривает только оплату за наши услуги, но не за управление вашим капиталом.

— Мистер Монетт, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас какие-нибудь вклады, кроме тех, что вы доверили Главной страховой?

Я задумался. Когда-то я владел автомашиной... но, Бог знает, где она теперь? Я снял все деньги со своего счета в Мохавском банке в самом начале моего запоя, а в тот день, закончившийся посещением Майлза, когда я отключился после укола наркотиком, у меня наличных было долларов тридцать-сорок. Не в моих правилах было копить добро, ну а книги, кой-какая одежда да логарифмическая линейка наверняка давно уже пропали.

— Нет, ничего нет. Даже автобусного билета в кармане не завалось.

— Тогда — мне очень неприятно сообщить вам об этом — у вас не осталось ничего.

Все поплыло у меня перед глазами...

— Что вы имеете в виду? Некоторые акции, в которые я вложил деньги, сейчас в цене. Я сам видел. Вот тут ясно напечатано. — Я достал номер «Таймс», доставленный мне вместе с завтраком.

Он покачал головой.

— Очень сожалею, мистер Дейвис, но у вас нет никаких вкладов. Главная страховая разорилась.

Я почувствовал слабость — хорошо, что он заставил меня сесть.

— Как же это случилось? Из-за Паники?

— Нет, нет. Они разорились в результате краха группы «Менникс»... вы, конечно, не можете этого знать. Все произошло уже после Паники, но, конечно, под ее влиянием. Главная страховая устояла бы, если бы ее регулярно не обирали... грубо говоря, «доили», «потрошили». Если бы это было обычным хищением, что-то, может, и удалось бы спасти. Но когда все раскрылось, от компании осталась только пустая оболочка... А люди, виновные в крахе, оказались вне экстрадиции*.

Гм, может, вас утешит, что при наших нынешних законах такое вряд ли случится.

Нет, меня его сообщение не утешило. Кроме того, я не разделял его уверенности. Мой старик утверждал, что чем запутанней закон, тем проще жулику его обойти. А еще он говорил, что мудрый человек должен быть в любое время готов оставаться ни с чем. Интересно, сколько раз мне придется оставаться на бобах, чтобы прослыть «мудрым»?

— Мистер Монетт, любопытства ради хотел спросить у вас, как поживает Компания всеобщего страхования.

* Экстрадиция — (юр. amer.) — передача другому штату лица, совершившего уголовное преступление, для привлечения его к уголовной ответственности или исполнения вынесенного в отношении него приговора суда.

— Компания всеобщего страхования? Прекрасная фирма. Им, как и всем, досталось во время Паники. Но они выстояли. Может, у вас есть их полис?

— Нет.

Не было смысла пускаться в долгие объяснения. Не мог же я надеяться на Всеобщую — ведь условия контракта мною не соблюдены. И Главную я не могу привлечь к суду — какой смысл возбуждать дело против обанкротившегося трупа?

Я мог бы подать в суд на Белл и Майлза, если они еще живы. Но так поступать — себя дураком выставить: доказательств-то у меня нет!

К тому же с Белл я не хотел судиться. Лучше взять тупую иглу и вытатуировать ей по всему телу: «Насквозь лжива и безнравственна». Потом я разобрался бы с ней и выяснил, что она сделала с Питом. Не знаю, есть ли такая кара, которую она заслужила за свои преступления!

Тут я вспомнил, что Майлз и Белл собирались продать нашу «Горничную инкорпорейтед» группе «Менникс», из-за чего они меня и вывели из игры.

— Мистер Монетт, вы уверены, что от «Менникса» ничего не осталось? Разве не им принадлежит компания под названием «Горничная»?

— «Горничная»? Вы имеете в виду фирму, производящую бытовую технику?

— Да, именно ее.

— Навряд ли. То есть совершенно точно — такого быть не может, потому что империя «Менникс» как таковая больше не существует. Конечно, я не берусь утверждать, что «Горничная» не имела никакого отношения к группе «Менникс». Но, скорей всего, между ними вообще не было деловых контактов, а если и были, то незначительные; во всяком случае, я об этом не слышал.

Я прекратил расспросы. Меня вполне устраивало, если Майлз и Белл прогорели вместе с «Менниксом». Но, с другой стороны, если «Горничная инкорпорейтед» принадлежала группе «Менникс», то крах фирмы ударили так же сильно и по Рикки. Я не хотел, чтобы

Рикки пострадала, а все остальное меня мало беспокоило.

Я поднялся.

— Что ж, благодарю вас за проявленную чуткость, мистер Монетт. Пойду, пожалуй.

— Не спешите, мистер Дейвис... Наша организация считает себя ответственной перед нашими клиентами не только за выполнение буквы контракта. Полагаю, вы догадываетесь, что ваш случай не первый. Наш совет директоров предоставил в мое распоряжение небольшую сумму для вспомоществования клиентам, оставшимся без средств. Деньги, отпущеные...

— Никакой благотворительности, мистер Монетт. Но все равно спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дейвис. Заем. Если хотите, условный заем. Поверьте, на таких займах мы ничего не теряем... и нам не хотелось бы, чтобы вы вышли отсюда с пустыми карманами.

Я взвесил его предложение еще раз. С одной стороны, мне не на что было даже подстричься, а с другой — брать взаймы — все равно что плыть с камнем на шее... К тому же небольшие долги труднее выплачивать — чисто психологически.

— Мистер Монетт, — медленно начал я, — доктор Альбрехт говорил, что по контракту мне полагается еще четыре дня... с предоставлением койки и похлебки.

— Думаю, вы правы, но мне надо свериться с вашей карточкой. Мы не выгоняем людей на улицу даже по истечении срока действия контракта, если они не готовы покинуть храм.

— Я в этом и не сомневался. А сколько стоит комната, куда я был помещен, если считать ее больничной палатой, и питание?

— Гм. Но мы не сдаем комнаты внаем. И у нас не больница — мы просто создаем клиентам условия для возвращения в жизнь.

— Да, да, конечно. Но у вас должны быть какие-то расценки, хотя бы для того, чтобы отчитываться в расходах.

— М-м... И да и нет. Существующие расценки приняты на иной основе. Они составлены с учетом накладных и амортизационных расходов, расходов на обслуживание, диетическое питание, оплату персонала и так далее. Могу прикинуть смету.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Ну а сколько, скажем, может стоить такая же палата и питание в больнице?

— Это, правда, не совсем по моей части. Хотя... Ну, пожалуй, долларов сто в день.

— У меня не использовано четыре дня. Можете ссудить мне четыре сотни?

Он не ответил, но сообщил что-то цифровым кодом своему механическому помощнику. Тут же восемь пятидесятидолларовых бумажек легли мне в руку.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я его и засунул деньги в карман. — Будь я проклят, если вскорости не верну долг. Обычные шесть процентов или теперь берут больше?

Он покачал головой.

— Это не заем. Как вы и просили, я выплатил вам разницу за неиспользованный срок пребывания.

— Ах так? Послушайте, мистер Монетт, у меня в мыслях не было давить на вас... Конечно, я готов...

— Прошу вас. Мой помощник уже зарегистрировал выдачу денег. Или вы хотите, чтобы у наших ревизоров попусту голова болела из-за каких-то четырехсот долларов? Я готов был одолжить вам намного больше.

— Ладно, больше не спорю. Скажите, а как по нынешним временам, четыреста долларов — много это или мало? Какие сейчас цены?

— М-м... Трудно сказать.

— Ну хотя бы приблизительно. Сколько стоит победать?

— Стоимость питания не так уж высока. За десять долларов вы можете получить вполне приличный обед... если позаботитесь выбрать ресторан с умеренными ценами.

Я поблагодарил мистера Монетта и вышел из конторы с чувством признательности этому человеку. Он напомнил мне нашего армейского казначея. Казначеи

бываю только двух видов: первые тычут в параграф инструкции, где сказано, что вы не можете получить и того, что вам полагается; вторые же будут рыться в инструкциях до тех пор, пока не найдут параграф, в соответствии с которым вам причитается даже то, чего вы не заслужили.

Мистер Монетт относился, конечно, ко вторым.

Храм фасадом выходил на Уилширскую дорогу. Перед храмом были разбиты клумбы, рос кустарник, стояли скамейки. Я присел отдохнуть и подумать, куда мне направиться — на восток или на запад. Я держался молодцом с мистером Монеттом, хоть и был, честно говоря, здорово потрясен; зато теперь в кармане kleшей у меня сумма, которой хватит на пропитание в течение недели.

Но солнце пригревало, дорога успокаивающе гудела под колесами проносиившихся автомобилей, и я был молод (по крайней мере, биологически); руки-ноги были при мне, голова работала. Насвистывая «Аллилуя, я бродяга», я открыл «Таймс» на странице «Требуются». Подавив желание просмотреть раздел «Инженеры», я сразу принялся искать колонку «Разнорабочие» и с трудом ее обнаружил. Выбор был весьма невелик.

Глава 6

Я приступил к работе на следующий день, в пятницу, 15 декабря. У меня сразу возникли недоразумения с законом: я постоянно путался в новых понятиях, ощущениях, способах выражения мыслей. Я обнаружил, что «переориентироваться» по книгам — все равно как изучать секс теоретически; на деле все было совершенно по-другому.

Наверно, у меня было бы меньше неприятностей, окажись я в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужой стране, чужом городе ты знаешь, что столкнешься с чем-то непривычным, но перемены в Большом Лос-Анджелесе не укладывались в сознание, хотя я и сталкивался с ними ежечасно. Конечно, тридцать лет — небольшой отрезок времени: за всю свою жизнь каждый из нас успевает привыкнуть ко множеству перемен. Но на меня все обрушилось разом.

Взять, к примеру, случай, когда я произнес без всякой задней мысли обычное для меня слово в присутствии одной дамочки. Дамочка сильно оскорбилась, и только мое поспешное оправдание, что я «долго спал», удержало ее мужа от мордобоя. Я не стану приводить это слово здесь — хотя почему бы и нет? Поверьте, во времена моего детства оно использовалось как вполне пристойное — стоит заглянуть в ста-

рый словарь; во всяком случае, никто не царапал его гвоздем на стенках туалетов и не писал мелом на заборах.

Слово, о котором я говорю, — «заскок».

Были и другие слова — их я произносил, только хорошо прежде подумав. Не то что они были из разряда «табу», нет. Просто изменилось полностью их значение. Слово «хозяин», например, раньше означало человека, взявшего у вас в прихожей пальто; он мог отнести его в спальню, если на вешалке не было места, — но при чем тут уровень рождаемости?

Тем не менее я потихоньку приспособливался. Моя работа заключалась в том, что я превращал новенькие лимузины в металлом, отправлявшийся морем обратно в Питсбург. «Кадиллаки», «крайслеры», «эйзенхауэры», «линкольны» — самые шикарные, большие и мощные турбомобили различных марок, не наездившие и одного километра, шли под пресс. Их цеплял челюстями захват, потом — баах! трах! ба-баах! — и готово сырье для мартена.

Поначалу мне было не по себе — сам я пользовался «дорогами» и не имел других транспортных средств. Как-то я высказал свое мнение о бессмыслиности уничтожения такой прекрасной техники — и чуть не лишился работы. Хорошо еще, сменный мастер вспомнил, что я «долгоспал» и не черта не понимаю.

— Тут, сынок, все упирается в экономику. Государство поощряет перепроизводство автомобилей — это является гарантией погашения займов, выделенных на поддержание твердых цен. Автомобили выпущены два года назад, но они никогда не будут проданы... И вот теперь государство превращает их в металлом и продает обратно сталелитейным компаниям. Мартены не могут работать на одной руде, им нужен и металлом. Тебе бы полагалось знать такие простые вещи, хоть ты из «долгоспалов». Кстати, обогащенной руды не хватает, и металлома требуется все больше и больше. Эти автомобили нужны сталелитейной промышленности позарез.

— Но зачем вообще их было выпускать, если знали, что они не будут проданы? Это же расточительство!

— Это только с виду расточительство. Ты что, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы упал жизненный уровень?

— Ладно, почему бы не отправлять автомобили за границу? По-моему, там за них выручили бы больше, чем здесь, продавая как металлом.

— Ну да! И взорвать экспортный рынок? Кроме того, если бы мы стали продавать автомобили по бросовым ценам за границей, мы бы восстановили против себя всех: Японию, Францию, Германию, Великую Азиатскую Республику — всех. И к чему все привело бы? К войне? — Он вздохнул и продолжал поучать меня отеческим тоном: — Сходи-ка ты в Публичную библиотеку и возьми несколько книжек. А то судишь о том, о чём понятия не имеешь.

Я и заткнулся. Я не стал говорить ему, что провожу все свое свободное время в библиотеках. Избегал я упоминать и о том, что был когда-то инженером. А претендовать на должность инженера теперь — все равно что в свое время прийти к Дюпону и заявить: «Сударь, я — алхимик. Не нуждаетесь ли вы в моем искусстве?»

И все-таки я вернулся к этой теме еще раз. Я обратил внимание, что очень немногие автомобили были собраны полностью. Сделаны они были кое-как: в одном не хватало приборной доски, в другом отсутствовало воздушное охлаждение, а однажды я заметил, как зубья дробилки размалывают пустой, без мотора, капот, и опять обратился к сменному мастеру. Тот в изумлении уставился на меня.

— Великий Юпитер! Сынок, неужели ты думаешь, что кто-то будет стараться при сборке никому не нужных автомобилей? Прежде чем они сойдут с конвейера, они уже оплачены.

На этот раз я заткнулся надолго. Лучше заниматься техникой: экономика для меня — темный лес. Зато у меня было много времени для размышлений. Мою работу трудно было назвать «работой». Все операции выполнялись «ловким Фрэнком» в различных модификациях. «Фрэнк» и его собратья обслуживали дробилку, подгоняли автомобили, убирали и взвешивали

металлолом, подсчитывали. Моя «работа» заключалась в том, что я стоял на небольшой платформе (сидеть запрещалось) и держал руку на рубильнике. Рубильник (в аварийной ситуации) отключал всю систему. Но ничего никогда не случалось, хотя довольно скоро я уяснил, что от меня требовалось, по крайней мере раз в смену, «обнаружить» неполадки в системе автоматики, остановить работу и послать за ремонтниками.

Что ж, за это мне платили двадцать один доллар в день, и я мог не думать о хлебе насущном. После вычетов на социальное страхование, медицинское обслуживание, профсоюзных взносов, подоходного налога, налога на оборону и взносов в общественный фонд у меня оставалось около шестнадцати долларов. Мистер Монетт оказался не прав, утверждая, будто обед стоит десять долларов, — вполне сносный обед можно было получить за три доллара, если вы не против искусственного мяса. Ручаюсь, вам будет не отличить бифштекса, выращенного в колбе, от того, который гулял на травке. Учитывая, что кругом полно слухов о радиоактивности, я был совершенно счастлив, потребляя суррогат.

Труднее было с жильем. Во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не попал в список городов, подлежащих уничтожению, и в него хлынула масса беженцев (и меня причисляли к ним, но я-то себя таковым не считал). Никто не вернулся домой, даже те, у кого было куда возвращаться. Город — если Большой Лос-Анджелес можно назвать городом — был переполнен, когда я лег в холодный сон. Теперь он просто кишел людьми и напоминал огромный муравейник. Может быть, не стоило избавляться от смога: в шестидесятые годы из-за него хоть немногие, но покидали большие города. Теперь, очевидно, никто никогда не уезжал из города.

Когда я выписывался из храма, у меня в голове сложился план действий: 1) найти работу; 2) найти ночлег; 3) повысить уровень инженерных знаний; 4) найти Рикки; 5) снова стать инженером, если это в человеческих силах; 6) найти Майлза и Белл, заплатить должок и при этом постараться избежать тюрьмы; 7) прочие

дела, вроде поиска исходного патента на «трудягу»: у меня было предчувствие, что в основу его легли мои разработки по «ловкому Фрэнку» (конечно, сейчас все это не имело значения, но...). Хотелось мне разузнать о судьбе «Горничной инкорпорейтед»... и так далее и тому подобное.

Я расположил свои дела в порядке очередности по давней студенческой привычке (хотя особым усердием в первые годы учебы не отличался); если не соблюдать очередности — собьешься с ритма. Конечно, некоторые пункты плана можно было осуществлять одновременно: я надеялся отыскать Рикки, а может, заодно «Белл и К°», продолжая при этом совершенствовать знания в области автоматики. Но главное дело не может стоять вторым; сперва следовало найти работу, а потом искать потерянное; доллары — конечно, если они у вас есть в достатке — ключи ко всем дверям...

После того как в шести местах мне отказали, я нашел объявление о сдаче помещения в районе Сан-Бернардино. Но я свалял дурака: вместо того чтобы сразу снять комнату, я потащился опять в центр города, надеясь найти что-нибудь там, а с утра быть первым в очереди на бирже труда. И везде неудача. Меня записали на «лист ожидания» в четырех местах, а в результате я оказался в парке, под открытым небом. Почти до полуночи я прогуливался по дорожкам, чтобы хоть немного согреться (зимы в Большом Лос-Анджелесе субтропические, если только сильно подчеркиваешь приставку «суб»), а потом плонул и пошел в город. Я нашел убежище в помещении станции Уилширской дороги... и часа в два ночи меня замели вместе с остальными бродягами.

Тюрьмы, надо сказать, изменились к лучшему. В камере было тепло и, похоже, тараканов удалось вывести начисто.

Мне предъявили обвинение в «шатательстве». Судья оказался молодым симпатичным парнем; он даже глаз не поднял от газеты, когда спросил:

- Вы обвиняетесь по первому разу?
- Да, ваша честь.

— Тридцать суток или условное освобождение с отбыванием срока в трудовых лагерях. Давайте следующих.

Нас начали выталкивать, но я уперся.

— Минутку, судья!

— А? Вы чем-то недовольны? Признаете себя виновным или нет?

— Гм. Я, право, не знаю, потому как не понимаю, что я такого совершил. Видите ли...

— Нужен общественный защитник? Если так, посидеzte взаперти, пока кто-нибудь не возьмется за ваше дело. Думаю, дней через шесть-семь кто-то из них да освободится... так что решайте сами.

— Гм, не знаю. Может, мне как раз подходит условное освобождение с отбыванием срока в трудовых лагерях, хотя я и не представляю себе, что это такое. Но в чем я действительно нуждаюсь, так в добром совете. И если Высокий суд соблаговолит...

— Выведите остальных, — приказал судья помощнику шерифа. Затем обернулся ко мне. — Бросьте болтать. Предупреждаю, мой совет вам вряд ли придется по вкусу. Я давно в должности и успел наслушаться столько лживых историй, что меня уже тошнит от них.

— Я понимаю вас, сэр. Но моя история — правдивая. Ее легко проверить. Видите ли, я только вчера закончил «долгий сон» и...

Он посмотрел на меня с отвращением.

— Так вы один из тех? Я вот часто задаюсь вопросом: на каком основании наши деды посчитали возможным сваливать на нас свои ошибки? Город и так перенаселен... а тут еще нам на шею садятся те, кто в своем-то времени ужиться не смог. Эх, прогнать бы всех вас пинками в ваш какой-не-знаю год, чтобы вы объяснили там всем и каждому: будущее, о котором они так мечтают, вовсе не — повторяю: НЕ — усыпано розами. — Он вздохнул. — Впрочем, уверен, толку от этого было бы мало. Ну а от меня-то вы чего ожидаете? Предоставить вам еще одну возможность? Чтоб вы тут возникли опять неделю спустя?

— Нет, судья, думаю, больше я тут не возникну. У меня достаточно денег, чтобы прожить, пока не найду работу и...

— А? Если у вас есть деньги, почему же вы занимаетесь шатательством?

— Судья, я даже не знаю, что обозначает слово «шатательство».

На этот раз он снизошел и выслушал мои объяснения. Когда я упомянул о том, как меня обчистила Главная, его отношение ко мне резко изменилось.

— Ох уж эти свиньи! Моя мать пострадала от них, а ведь она двадцать лет выплачивала взносы! Что ж вы сразу об этом не сказали? — Он достал карточку, что-то черкнул на ней и протянул мне. — Отдайте в контору по найму Управления по излишкам и сбору утиля. Если они не найдут для вас работы, зайдите ко мне часов в двенадцать. Только не занимайтесь больше шатательством. Занятие не только порочное и преступное, но и очень опасное — можно нарваться на «зомби»-вербовщика.

Вот так я получил работу — кружить вдребезги новенькие автомобили. Я уверен, что поступил правильно, поставив на первое место задачу найти работу. Человеку с солидным счетом в банке везде хорошо — даже полиция его не тронет. Нашел я вполне приличную (по моим средствам) комнату в западной части Лос-Анджелеса; тот район еще не подвергся изменениям в соответствии с Новым планом. Мое новое жилище, похоже, раньше служило стенным шкафом.

Мне не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, будто 2000 год нравился мне меньше, чем 1970-й. Меня вполне устраивало все и в 2000 году, и в следующем, 2001 году, который наступил через пару недель после моего пробуждения. Несмотря на приступы нестерпимой тоски по прошлому, я считал, что Большой Лос-Анджелес на заре третьего тысячелетия — самое замечательное место из всех, какие мне приходилось видеть. В нем бурлила жизнь, он сиял чистотой, и вас неудержанно влекло к нему, хотя он был забит толпами народа и разросся до немыслимо гигантских размеров. Будь городские власти в силах приостановить лет на

десять приток иммигрантов, жилищная проблема была бы решена. Но поскольку они не смогли этого сделать, им оставалось прикладывать максимум усилий, чтобы разместить в городе толпы, валом валившие со стороны Сьерры.

Но, ей-Богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда люди справились с простудой и никто не страдал от насморка. Для меня это значило больше, чем строительство поселка исследователей на Венере.

Но больше всего меня поразили две вещи. Во-первых, конечно, открытие антигравитации, или, как тут называли это явление, «нульграв». Еще в 1970 году мне приходилось слышать, что в Бобсоновском научно-исследовательском институте занимались изучением гравитации, но я не ожидал, что они добьются каких-нибудь результатов. Действительно, у них ничего не получилось, а теоретическое обоснование «нульграва» было разработано в Эдинбургском университете. В школе меня учили: гравитация неизменна, потому что она является неотъемлемым свойством пространства.

Значит, они сумели изменить характеристики пространства, так что стало возможным перемещение по воздуху тяжелых предметов. Но все это пока было возможно в пределах тяготения нашей матушки Земли и неприемлемо для использования в космических полетах. Неприемлемо в 2001 году, а насчет будущего я зарекся предсказывать. Я узнал, что для подъема все еще требовалось приложить силу, чтобы преодолеть тяготение, а чтобы опустить груз, силовая установка накапливает все эти футо-фунты и с их помощью легко опускает груз; иначе — трах-бах! — и все к черту! А вот чтобы переместить груз в горизонтальной плоскости, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, надо было просто его поднять и направить, а потом уже затрат энергии не требовалось. Груз скользил, словно конькобежец по льду. Красота!

Я попытался изучить теорию гравитации, но через дифференциальные исчисления мне было не продраться. Инженер редко бывает матфизиком, да в этом и нет необходимости. Инженер просто должен по внеш-

нему виду какой-нибудь детали быстро сообразить, как ее применить, — короче, разбираться в рабочих характеристиках и обладать пространственным воображением. На это меня хватит.

Еще одно, что так поразило меня, — изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря стиктейтскому шву. Я не был потрясен видом обнаженного женского тела на пляжах: в 1970 году к этому стали привыкать. Но что дамочки выделявали с помощью нового шва, приводило меня в полное замешательство. Мой дедушка родился в 1890 году — наверно, фасоны 1970 года подействовали бы на него так же.

Но мне нравился этот здоровый новый мир, и я был бы счастлив, живя в нем, если бы не одиночество. Меня выбило из привычной колеи. Временами (особенно по ночам) мне хотелось вернуться к моему покрытому боевыми шрамами Питу, хотелось провести целый день вместе с Рикки в зоопарке... хотелось, чтобы рядом оказался друг, с которым (как когда-то с Майлзом!) можно было бы делить заботы и надежды.

2001 год только начался. Мне не удалось еще прочитать и половины намеченного, а меня уже охватило непреодолимое желание уйти из «тепленького местечка», каким была моя работа, и вернуться к чертежной доске. Теперь, при нынешнем развитии техники, открывалось столько возможностей, о которых 1970 году приходилось только мечтать. И мне хотелось немедленно приступить к любимому делу — заняться проектированием.

К примеру, я полагал, что уже появились автоматические секретарши — машины, которым можно было бы надиктовывать деловые письма и получать их отпечатанными с учетом нужного формата и без единой ошибки, а главное — без участия человека в какой-нибудь из операций. Но оказалось, что таких машин не было.

Конечно, существовала машина, печатавшая с голоса, однако рассчитана она была на фонетический язык — вроде эсперанто. Но разве можно было диктовать ей на языке, в котором произносится «Ливерпуль», а пишется «Манчестер»! Трудно ожидать, с

другой стороны, что в угоду изобретателю люди изменили традиционному написанию слов родного языка. Придется Магомету иди к горе. Если уж ученицы старших классов с трудом усваивают английское правописание и произношение — как научить машину писать правильно? Считается, что ответ может быть один: невозможно. Но инженер-изобретатель как раз и делает то, что когда-то считалось невозможным, — нейдаром установлена система патентов.

Используя трубки памяти, уменьшенные во много раз, и дешевое золото, легко уместить сотню тысяч звуковых анализаторов в кубический фут... то есть ввести в машину словарь Вебстера*. Впрочем, этого не требуется. Вполне достаточно десяти тысяч слов. Каждая стенографистка знает, как пишутся слова «претенциозный» или «коллаборационист»? Если вам надо их употребить, вы просто продиктуете их ей по буквам. Кодируем пунктуацию... форматы различных видов... заносим в память адреса фирм, разрабатываем систему поиска нужного адреса... не забыть копировальное устройство... да, нужен резерв памяти по меньшей мере на тысячу специальных терминов, используемых в профессии будущего владельца. Конструкция должна быть достаточно простой, чтобы покупатель сам мог внести в память машины любое нужное ему слово.

Все просто. Оставалось собрать вместе имевшиеся в продаже блоки и изготовить промышленный образец.

Но вот что делать с омонимами**?

«Стенографистка Дейзи» даже темпа не сбавит, печатая скороговорку «На дворе трава, на траве дрова...» — здесь все слова звучат по-разному. Но как ей выбрать правильное писание — «рог» или «рок», «род» или «рот»?

Правда, в Публичной библиотеке должен быть «Словарь омонимов». Да, он там был... И я взялся подсчи-

* В е б с т е р, или Уэбстер (1758 — 1843), — американский лексикограф, автор большого словаря английского языка США. Его именем называют толковые словари английского языка в Америке.

** О монимы — здесь: омофоны — слова, одинаковые по звучанию, но различающиеся на письме (например, «плод» и «плот», «клуг» и «лук» и т. д.).

тывать наиболее употребительные омонимические пары, пытаясь с помощью теории информации и статистики определить, какие из них потребуют специального кодирования.

Потихоньку у меня начали сдавать нервы. Я терял по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную работу, да и вообще не мог же я заниматься инженерными изысканиями в Публичной библиотеке! Мне нужны были комнаты, где я мог бы чертить, мастерская для сборки и подгонки блоков будущей машины, каталоги деталей, специальные журналы, калькуляторы и все прочее.

Я твердо решил найти работу, хоть как-то связанную с моей специальностью. У меня хватило ума понять, что я пока не могу называться инженером — мне еще нужно набираться и набираться знаний. Но меня постоянно беспокоила мысль, что, приобретя новые знания и разработав какую-нибудь проблему, я столкнусь с тем, что лет десять-пятнадцать назад кто-то уже решил ту же самую проблему, причем наверняка сделал это лучше, изящнее... и с меньшими затратами.

Надо поступить на работу в какое-нибудь конструкторское бюро — там я самой кожей впитаю все новое. Я надеялся, что смогу получить место младшего чертежника. В 2001 году пользовались мощными полуавтоматическими чертежными машинами — мне приходилось видеть их изображения, но пощупать руками не довелось. Представься мне такая возможность, я бы, без сомнения, освоил ее за двадцать минут, — ведь она была материальным воплощением идеи, зародившейся у меня тридцать лет назад: агрегат, столь же походивший на чертежную доску с рейсшиной, сколь гусиное перо на пишущую машинку. Помнится, я хорошо продумал, как, стучая по клавишам, наносить на чертеж линии любой конфигурации в любом месте.

Тем не менее я был уверен, что в этом случае идея моя не была украдена (как украли «ловкого Фрэнка») — ведь чертежная машина существовала только в моем воображении. Кому-то пришла в голову та же мысль, и она получила свое логическое развитие. Что ж,

на поезде можно ездить, если построены железные дороги.

Конструкторы «Аладдина», той самой фирмы, которая выпускала «трудягу», создали одну из лучших чертежных машин — «чертежник Дэн». Я порылся в сбережениях, купил более или менее приличную одежду и поддержаный «дипломат», набил его для солидности газетами и под видом покупателя отправился в демонстрационный зал фирмы. Там я попросил показать автомат в работе. Подойдя вплотную к модели «чертежника Дэна», я обмер. Психологи определили бы мое состояние как «Deja vu» — «со мной все это уже было». Проклятие, машина выглядела точно такой, какой я себе ее представлял тогда... и сделана она была так же, как я сделал бы ее сам, не попади против своей воли в анабиоз.

Не спрашивайте, почему у меня возникло такое чувство. Мастер всегда узнает свое детище, искусство-вед безошибочно отличает картину, написанную Рубенсом, от картины кисти Рембрандта по манере письма, светотени, по композиции, выбору красок и множеству других особенностей. Проектирование — не наука, а тоже искусство, и есть тысячи способов решить любую задачу. У каждого конструктора — своя «манера» решения, и он безошибочно определит ее; так художник среди многих полотен сразу узнает свою картину.

Я предусмотрительно поинтересовался номером исходного патента и уже не удивился, обнаружив, что дата его выдачи — 1970 год. Я решил выяснить, кто же был изобретателем, — ведь он мог оказаться одним из моих учителей, от которых я перенял манеру конструировать, а может, одним из инженеров, с кем я когда-то работал.

Изобретатель, возможно, еще жив. Если так, то когда-нибудь я его разыщу... и познакомлюсь с человеком, мыслившим в том же направлении.

Я собрался с духом и попросил консультанта показать мне принцип работы. Ему не пришлось долго объяснять — мы с «чертежником Дэном» были словно созданы друг для друга. Через десять минут я управ-

лялся с машиной лучше любого консультанта. Наконец я с трудом оторвался от «Дэна» и получил рекламный проспект с указанием цены, скидок и перечнем мастерских по обслуживанию. Консультант уже протягивал мне на подпись заполненный бланк заказа, когда я, поспешно откланявшись и пообещав позвонить, удалился. Я, конечно, поступил с ним подло, но в конце концов и отнял-то у него всего час времени.

Из демонстрационного зала я направился прямо на головной завод по производству «горничных» и подал заявление о приеме на работу. Я уже знал, что Майлз и Белл больше не имеют отношения к «Горничной инкорпорейтед». Время, оставшееся от работы и пополнения инженерных знаний, я тратил на поиски Белл, Майлза, а особенно — Рикки. Никто из них не значился в числе абонентов телефонной сети ни в Большом Лос-Анджелесе, ни в Соединенных Штатах вообще. В национальном бюро Кливленда с меня за «информацию» содрали четвертную плату, я искал Белл под двумя фамилиями — Даркин и Джентри.

Список избирателей округа Лос-Анджелес также ничего не дал.

В письме, подписанном семнадцатым вице-президентом «Горничной инк.», в чьи обязанности входило, наверное, отвечать на дурацкие вопросы, осторожно сообщалось, что служащие с такими фамилиями некоторое время работали в корпорации тридцать лет назад, но в настоящее время корпорация не располагает о них никакими сведениями.

Отыскать след тридцатилетней «холодной» давности не под силу любителю, который не располагает для этого временем, а тем более средствами. Будь у меня их отпечатки пальцев, я мог бы обратиться в ФБР. Не знал я и номеров, присвоенных им системой общественной безопасности. Моей благословенной отчизне хватило здравого смысла не опуститься до уровня полицейского государства, так что вряд ли существовало бюро, хранившее досье на каждого гражданина страны. Впрочем, если бы такие досье и были, сомневаюсь, чтобы я получил к ним доступ.

Может быть, частное сыскное агентство за солидное вознаграждение и взялось бы покопаться в архивах банков, налоговых управлений, газетных подшивках и напало бы на их след. Но у меня не было для этого средств, а чтобы заняться поисками самому — ни сил, ни времени.

В конце концов я оставил попытки отыскать Майлза и Белл, но дал себе слово: как только появятся деньги — найду профессионального сыщика и разыщу Рикки. Я уже установил, что она не владела акциями «Горничной инкорпорейтед», и обратился с запросом в Американский банк с просьбой сообщить, имеют или имели когда-либо они на сохранении ценные бумаги на ее имя. В ответ я получил отпечатанный типографским способом листок, в котором значилось, что сведения такого рода являются секретными. Тогда я вновь обратился к ним, указав, что я «долгоспал» и что Рикки — моя единственная оставшаяся в живых родственница. На этот раз мне ответили довольно любезным письмом за подписью заведующего одного из отделов. Он соожалел, что сведения о держателях ценных бумаг не могут быть сообщены даже родственнику, находящемуся в таких исключительных обстоятельствах, как я, но считает себя тем не менее вправе поставить меня в известность, что никогда ни в одно из отделений банка не поступали на хранение ценные бумаги на имя некоей Фредерики Вирджинии Джентри.

Что ж, по крайней мере, тут была ясность. Каким-то образом эти стервятники — Белл и Майлз — умудрились отнять ценные бумаги у Рикки. Я ведь сделал передаточную надпись для того, чтобы и акции, и другие ценные бумаги находились в Американском банке до совершеннолетия Рикки. Но их там никогда не было. Бедная Рикки! Нас обоих ограбили.

Тогда я сделал еще одну попытку... В архивном отделе Мохавского управления обнаружили запись об ученице начальной школы по имени Фредерика Вирджиния Джентри... но названную ученицу забрали из школы в 1971 году. Другие сведения отсутствовали.

Уже утешение — хоть кто-то где-то допускал, что Рикки вообще существовала. Но она могла переве-

стись в любую из многих тысяч американских школ. Сколько времени понадобится, чтобы написать в каждую из них? И сохраняются ли в них архивы? И захотят ли школьные чиновники утруждать себя ответом? Разве найдешь маленькую девочку среди двухсотпятидесятимиллионного населения — с таким же успехом можно искать потерянный камешек на берегу океана.

Теперь, когда розыски мои окончились неудачей, я решил во что бы то ни стало получить работу в «Горничной инкорпорейтед», тем более что был уверен — фирма не принадлежит Майлзу и Белл. Конечно, я мог попытать счастья в любой из сотни фирм, производивших автоматическое оборудование, но «Горничная» и «Аладдин» занимали такое же положение в отрасли по производству автоматизированных бытовых приборов, как «Форд» и «Дженерал моторс» во времена расцвета автомобилестроения. Отчасти я выбрал «Горничную» и по причине сентиментального свойства: мне хотелось посмотреть, во что превратилась моя старая мастерская.

Пятого марта 2001 года, в понедельник, я пришел в бюро по найму фирмы «Горничная инкорпорейтед», встал в очередь к окошку с надписью: «Набор служащих», заполнил десяток анкет, из которых только одна имела отношение к специальности... После чего мне сказали: «Не-звоните-нам-мы-сами-вам- позвоним».

Я немного послонялся перед конторой и умудрился прорваться к помощнику заведующего бюро. Он неохотно пробежал глазами единственную стоящую анкету и заявил, что мой инженерный диплом ничего не значит, поскольку у меня тридцатилетний перерыв в работе и я утратил все навыки.

Я уточнил, что провел это время в холодном сне.

— Тем хуже для вас. Мы не нанимаем людей старше сорока пяти.

— Но мне нет сорока пяти. Мне только тридцать.

— Извините, но вы родились в 1940 году.

— И что же мне теперь делать? Застрелиться? Он пожал плечами.

— На вашем месте я хлопотал бы о пенсии по старости.

Я поспешил выйти, чтобы не наговорить ему грубостей. Затем прошел три четверти мили до главного входа и вошел на территорию фирмы. Главного управляющего звали Куртис; я спросил, как его найти.

Первых двух стражей я взял нахрапом, доказывая, что у меня к нему дело. Компания не пользовалась своими клерками-автоматами, предпочитали работников из плоти и крови. Наконец я поднялся несколькими этажами выше и оказался (как я смекнул) на расстоянии двух дверей от босса. Тут я натолкнулся на непрошибаемую девицу, во что бы то ни стало желавшую знать, какое у меня дело к боссу.

Я огляделся. В довольно большом зале находилось человек сорок и множество машин.

— Ну? — резко повторила она. — Выкладывайте ваше дело, и я доложу секретарю мистера Куртиза.

Громко, чтобы слышали все, я сказал:

— Мне хотелось бы знать его намерения относительно моей жены!

Шестьдесят секунд спустя я уже был в личном кабинете босса. Он поднял глаза от бумаг.

— Ну? Что за чушь вы там несли?

Еще полчаса ушло на то, чтобы с помощью кое-каких старых документов доказать ему, что у меня нет никакой жены и что я являюсь основателем фирмы. С этой минуты беседа приняла дружеский характер, появились сигары и выпивка, мне представили коммерческого директора, главного инженера и начальников отделов.

— Мы считали, что вы умерли, — сказал мне Куртис. — Так, собственно, значится в «Истории компании».

— Непроверенные слухи. Меня, видно, спутали с каким-нибудь другим Д. Б. Дейвисом.

Вдруг Джек Галлоуэй, коммерческий директор, спросил меня:

— Чем вы теперь занимаетесь, мистер Дейвис?

— Ничем особенным. Я был связан, гм... с автомобильной промышленностью... Но собираюсь в отставку. А почему вы спрашиваете?

— Почему? Разве не ясно? — Он живо обернулся к главному инженеру, мистеру Макби: — Ты слышал, Мак? Все вы, инженеры, одинаковы: не видите своей выгоды, даже если она у вас под носом. Вы спрашиваете «почему?», мистер Дейвис? Потому что вы — торговый образец! Потому что вы — герой романа «Основатель фирмы восстает из могилы, чтобы увидеть свой замысел воплощенным в жизнь». «Изобретатель первого робота-слуги созерцает плоды материализованной мысли».

— Подождите минутку, — торопливо прервал я его разглагольствования. — Я ведь не объект для рекламы и не звезда «хваталки». Я люблю уединение. И не за этим я сюда пришел. Я пришел сюда просить место... инженера.

Брови мистера Макби поползли вверх, но он промолчал.

Некоторое время мы пререкались. Мистер Галлоуэй пытался доказать мне, что я просто обязан помочь фирме, которую основал, выступив в качестве живой рекламы. Мистер Макби говорил мало, но было очевидно, что он не считал бы меня удачным приобретением для своего отдела. Он спросил как бы между прочим, что я знаю о проектировании стереоцепей. Я вынужден был признать, что мои знания по данному вопросу почерпнуты из популярной литературы.

Наконец Куртис предложил компромисс:

— Видите ли, мистер Дейвис, ваше положение совершенно особое. Вы основали, можно сказать, не только эту фирму, но и целую отрасль. Тем не менее, как вам дал понять мистер Макби, отрасль шагнула далеко вперед за время вашего пребывания в «долгом сне». Что вы скажете, если мы зачислим вас в штат фирмы на должность... ну, скажем, «заслуженного инженера-исследователя»?

— И что это будет означать? — недоуменно спросил я.

— Все, что захотите. Но скажу вам по-дружески, мы надеемся на ваше сотрудничество с мистером Галлоуэем. Мы ведь не только производим продукцию, мы обязаны продавать ее.

— Хм. Буду ли я иметь возможность заниматься проектированием?

— Как вам угодно. В ваше распоряжение предоставлено оборудование, и вы сможете заниматься чем пожелаете.

— В том числе заводское оборудование?

Куртис взглянул на Макби.

— Конечно, конечно... в пределах разумного, естественно, — ответил Макби. Дальше он заговорил с таким сильным шотландским акцентом, что я с трудом понимал его.

— Вот и договорились, — бодро заметил Галлоуэй. — Прошу прощения, босс, я заберу мистера Дейвиса. Мистер Дейвис, не возражаете, если вас сфотографируют рядом с самой первой моделью «горничной»?

Я был рад видеть ее... та самая модель, которую я собирал, набивая мозоли на руках и обливаясь потом. Мне захотелось проверить, работает ли она до сих пор. Но Макби не позволил мне включить ее — похоже, он и вправду не верил, что я умею с ней обращаться.

Март и апрель я наслаждался работой в «Горничной». В мое распоряжение предоставили необходимое мне оборудование, технические журналы, торговые каталоги, библиотеку, «чертежника Энна» (сама корпорация не выпускала чертежные автоматы, но пользовалась лучшими из производимых другими фирмами моделями, то есть моделями фирмы «Аладдин»). А что стоили профессиональные разговоры моих коллег — они звучали музыкой для моих ушей!

Ближе других я сошелся с Чаком Фрейденбергом — помощником главного инженера. На мой взгляд, все остальные были просто переучившимися ленивыми

механиками, а не инженерами... включая Макби. Пример главного инженера ясно доказывал: чтобы стать инженером, недостаточно иметь диплом и шотландский акцент. Позже, когда Чак стал доверять мне полностью, он признался, что согласен со мной.

— Мак и вправду не признает ничего нового — ему бы работать теми же методами, что его дедушка в копиях Клайда.

— Что же входит в его обязанности?

Подробностей Фрейденберг не знал. Кажется, нынешняя фирма раньше была просто компанией по производству изделий по патентам (моим патентам!), взятым напрокат у «Горничной инкорпорейтед». Около двадцати лет назад из-за высоких налогов началось слияние многих компаний; «Горничная» объединилась с фирмой-производителем, акции стали совместными, а новая фирма приняла название, которое я дал когда-то основанной мною компании. Чак считал, что Макби был принят на работу именно в то время.

— У него, верно, имеется пакет акций, — добавил он.

Мы с Чаком частенько сиживали вечерами за кружкой пива и обсуждали инженерные проблемы, дела фирмы и все остальное. Особый интерес у него вызвало то, что я пробыл тридцать лет в холодном сне. Я заметил, что «долгоспалы» у многих вызывали нездоровий интерес, словно мы были какими-то выродками. Поэтому в разговоре с незнакомыми людьми я избегал упоминать об этом. Чака же привлекал сам факт прыжка во времени, и он очень хотел услышать, как выглядел мир до его рождения из уст человека, для которого далекое прошлое было в полном смысле «вчера».

В свою очередь он охотно критиковал зревшие у меня один за другим замыслы новых машин. На поверхку оказывалось, что они безнадежно устарели... в 2001 году от рождества Христова. При его дружеском участии я быстро наверстывал упущенное и становился современным инженером.

Как-то теплым апрельским вечером я начал обрисовывать ему в общих чертах свою новую идею —

автоматического секретаря. Он прервал и спросил озабоченно:

- Дэн, ты занимался разработкой на службе?
- А? Вообще-то нет. А что?
- Что говорится в твоем контракте?
- Контракте? Да нет у меня никакого контракта.

Куртис внес мое имя в платежную ведомость. Галлоуэй напустил на меня фотографа да еще какого-то писаку. Тот долго ходил за мной и изводил идиотскими вопросами. Вот и все.

— М-м... На твоем месте, приятель, я бы ничего не предпринимал, пока не выяснил, на каком ты свете. Ты придумал и в самом деле что-то новое. И ты в состоянии запустить эту штуку в производство?

- Над этим я еще не задумывался.

— Отложи работу на время. Ты ведь знаешь положение дел в фирме. Она процветает и выпускает хороший товар. Но все новинки последних пяти лет фирма производит по закупленным лицензиям. Я не могу пробить ни одной новой идеи — на пути у меня стоит Мак. Но ты можешь обойти Мака и пойти прямо к боссу. Так что не спеши, потому как кроме своей ежемесячной зарплаты ты больше ничего не получишь.

Я последовал его совету. Продолжал работать над проектом, но все чертежи сжигал. Мне они были ни к чему — я помнил их наизусть. Виноватым перед фирмой я себя не чувствовал: меня наняли не как инженера, а как рекламный манекен для Галлоуэя. Когда из меня, как из рекламы, выжмут все, что можно, мне сунут в зубы месячную зарплату, выражая искреннюю благодарность и выставят за дверь.

Но к тому времени я должен снова стать настоящим инженером, способным открыть собственное дело. Если Чак согласится рискнуть, я возьму и его.

Джек Галлоуэй не стал размениваться на газеты — он начал проталкивать историю обо мне в толстые общенациональные журналы. Он хотел, чтобы «Лайф» дал целый разворот и увязал публикацию с материалами тридцатилетней давности о первой модели «Горничной». «Лайф» наживку не заглотнул, но Галлоуэй захинул удочку в других местах, и кое-где клюнуло.

Правда, там статью увязали с рекламой электронных изделий.

Я начал подумывать, не отпустить ли мне бороду. Потом решил, что меня все равно никто не узнает, а если и узнают — мне-то что до того?

На мое имя стало поступать множество идиотских писем. В одном из них мне обещали, что я буду поджариваться на вечном огне в аду за нарушение предначертания Божьего. Письмо я выкинул, а про себя подумал: если бы Бог захотел воспротивиться тому, что со мной произошло, он не допустил бы самой возможности погружаться в холодный сон. И я бы не пострадал.

Во вторник, третьего мая 2001 года, мне позвонили.

— На проводе миссис Шульц, сэр. Соединить?

— Шульц?

О черт, я же обещал мистеру Монетту, когда разговаривал с ним последний раз, что разберусь с ней. Но все откладывал, потому что особого желания говорить вообще с кем-нибудь у меня не было. Я почти не сомневался, что она одна из тех сумасбродок, которые пристают к «долгоспалам» с дурацкими расспросами.

Мистер Монетт говорил, что с тех пор, как я выписался, она звонила уже несколько раз. В соответствии с правилами храма ей не давали адреса, но соглашались сообщить мне о ее звонках. Что ж, придется поговорить с ней: я в долгу перед Монеттом.

— Соедините меня с ней.

— Это Дэнни Дейвис? — Экрана у моего служебного телефона не было, поэтому видеть меня она не могла.

— Слушаю вас. Ваша фамилия — Шульц?

— Ох, Дэнни, милый, как приятно вновь услышать твой голос! — Я медлил с ответом, и она продолжала: — Разве ты не узнаешь меня?

Конечно, я узнал ее. Это была Белл Джентри.

Глава 7

Я назначил ей свидание.

Моим первым порывом было послать ее к черту и бросить трубку. Я давно уже понял, что пытаться отомстить — ребячество. Пита не вернуть, а кончиться все для меня может тюрьмой. Поэтому я прекратил поиски Майлза и Белл и забыл о них. Но Белл ведь наверняка знала, где Рикки. Вот почему я и договорился с ней о встрече.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать, но я не согласился. И дело тут не в правилах хорошего тона, просто, по-моему, разделить трапезу можно только с другом. Встретиться я с ней встречусь, но вести в ресторан — слишком много чести для нее. Я спросил адрес и сказал, что буду у нее к восьми вечера.

Она снимала дешевую меблиашку в доме без лифта в той части города (Ла Брэ), которой еще не коснулось современное строительство. Не нажав кнопку звонка, я уже понял, что отнятое у меня обманом ее не обогатило, иначе она не жила бы в такой дыре. А увидев ее, я окончательно убедился, что мстить вообще не имело смысла: годы справились с этим лучше меня.

Белл было не меньше пятидесяти трех (если верить ее прошлым утверждениям о возрасте), но в действительности, скорее всего, около шестидесяти. Благодаря

успехам геронтологии и эндокринологии женщина в 2001 году, если она следила за собой, могла выглядеть тридцатилетней еще много лет подряд. Многие так и выглядели. Некоторые звезды «хваталки» хвастались, что они уже бабушки, хотя продолжали подвизаться в амплуа инженю*.

Но Белл за собой не следила.

Она растолстела, в голосе появились визгливые нотки, но вела она себя так же развязно, как в молодости. Очевидно, она до сих пор считала тело своим основным достоянием и поэтому была одета в стиктайтовский домашний халат, который не только выставлял напоказ чересчур много, а еще и подчеркивал, что она особь женского пола, млекопитающая, раскормлена не в меру, — но при этом ни к чему не годна.

Она сама этого не осознавала. Ее некогда острый ум зачах, и от прежних времен в ней оставались только неистребимая самонадеянность и тщеславие. С радостным визгом она бросилась ко мне на шею, и я с трудом увернулся от поцелуя. Я отстранил ее.

— Спокойнее, Белл.

— Но я так счастлива, милый! Так взволнована, так потрясена!

— Еще бы! — Я пришел сюда с намерением держать себя в руках... мне просто нужно было выяснить у нее один вопрос — и уйти. Но сдерживаться мне было все труднее. — А ты помнишь, каким ты видела меня в последний раз? Вы меня тогда накачали наркотиками до полной невменяемости... чтобы без труда сплавить в холодный сон.

Казалось, это ее задело.

— Но, милый, мы так сделали для твоего же блага. Ты ведь был так болен. — Она, похоже, искренне верила в то, что говорила.

— Ладно, ладно. А где Майлз? Ты же теперь миссис Шульц.

Ее глаза округлились.

— Разве ты ничего не знаешь?

* И ж е н ю (франц. *ingénue*) — буквально: наивная; сценическое амплуа, исполнительница ролей простодушных, наивных молоденьких девушек.

— Не знаю чего?
— Бедный Майлз... бедный дорогуша Майлз! Он и двух лет не прожил с тех пор, как ты покинул нас. — Неожиданно выражение ее лица резко изменилось. — Подонок, он надул меня!

— Худо дело. — Хотел бы я знать, как он умер. Сам или ему помогли? Может, мышьяку подсыпали? Я решил перейти к цели своего визита, прежде чем она не завралась окончательно. — А что стало с Рикки?

— Какой Рикки?

— Падчерицей Майлза, Фредерикой.

— Ах, эта ужасная маленькая грубиянка! Откуда я знаю? Она уехала к своей бабке.

— Где живет ее бабка? И как ее фамилия?

— Где? В Таксоне... или в Юме, или еще в какой-то дыре. А может, в Индейо. Мильй, я не хочу говорить об этом невыносимом ребенке... Давай лучше поговорим о нас с тобой.

— Сейчас, сейчас. Так как фамилия бабушки?

— Дэнни, какой ты скучный! Ну чего ради я должна помнить такие глупости?

— И все-таки?

— Ну, Ханолон... или Хейни, нет, Хайнц. Или, может, Хинкли. Не хмурься, милый. Давай лучше выпьем. Давай поднимем бокалы за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой.

— Я не пью. — И это было почти правдой. Испытав на своей шкуре, что пьянство до добра не доводит, я теперь ограничивался кружкой пива с Чаком Фрейденбергом.

— Очень жалко, миленький. Ты не против, если я себе налью?

Она уже налиvalа себе неразбавленный джин — утешение одиноких женщин. Но прежде чем опустошить стакан, она достала пластиковый флакон и вытряхнула на ладонь две таблетки.

— Хочешь?

Я узнал полосатую этикетку на флаконе — эйфорион. Он считался нетоксичным и ненаркотическим,

хотя единого мнения на сей счет не было; некоторые предлагали зачислить его в один ряд с морфином и барбитуратами.

— Благодарю, мне и так хорошо.

— Рада за тебя.

Она проглотила обе таблетки разом и запила их джином. Я понял, что мне лучше поспешить, иначе через некоторое время она будет способна только глупо хихикать. Тогда я взял ее за руку, усадил на диван, а сам сел напротив.

— Белл, расскажи мне о себе. Как ты жила все это время? Вышло у вас что-нибудь с «Менниксом»?

— А? Нет, не вышло. — Тут она вспыхнула. — И все из-за тебя!

— Из-за меня? Да ведь меня уже не было.

— Конечно, из-за тебя. Ты же сделал из инвалидной коляски эту уродину... она-то им и была нужна. А потом она пропала.

— Пропала? Откуда?

Она подозрительно уставилась на меня своими свилячими глазками.

— Тебе лучше знать. Ведь ты ее взял.

— Я? Белл, ты в своем уме? Я ничего не мог взять. Я лежал намертво замороженный. Откуда пропала? Когда?

Это полностью подтверждало мою догадку, что, раз Майлзу и Белл не удалось воспользоваться «ловким Фрэнком», его украл кто-то другой. Но из всех, кого можно было заподозрить, я — единственный, кто этого не сделал. Я не видел «Фрэнка» с той самой горестной ночи, когда они меня выставили из фирмы.

— Расскажи мне, как было дело, Белл. И что заставило вас подумать на меня?

— А кто еще? Никто другой не знал, как он много значит... Я же не велела этому мешку с дерьяном, Майлзу, оставлять его в гараже.

— Но ведь если кто-то украл его, то все равно не мог разобраться, как он работает. У вас же оставались инструкции и чертежи.

— У нас и их не было. Майлз, идиот, засунул все бумаги в машину той ночью, когда мы собирались перевезти ее и спрятать.

Меня даже не покоробило, когда она сказала «спрятать». Я хотел сказать, что засунуть кипу бумаг в чрево «Фрэнка» Майлз вряд ли мог, — «Фрэнк» и без того был напичкан аппаратурой, как рождественский гусь яблоками. Но тут вспомнил, что сам приспособил под днище коляски ящичек для инструментов. В спешке Майлз вполне мог вывалить все мои бумаги именно туда.

Ничего не поделаешь. Преступление было совершено тридцать лет назад. И еще мне хотелось выяснить, каким образом они потеряли фирму «Горничная».

— Когда у вас не выгорело с «Менниксом», что вы сделали с нашей компанией?

— Мы, конечно, продолжали работать. Но когда от нас ушел Джейк, Майлз заявил, что надо свертывать дело. Майлз был тряпкой... а Джейка Шмидта я с самого начала терпеть не могла. Подонок. Все докапывался, почему ты ушел... Будто мы могли остановить тебя. Я настаивала, чтобы наняли нового хорошего мастера и продолжали дело. И тогда фирма бы процвела. Но Майлз уперся.

— А что было потом?

— Ну, потом мы, конечно, продали лицензию на производство «горничной» фирме «Приводные механизмы». Ты будто не знаешь — сам ведь там работашь.

Я действительно знал — полное зарегистрированное название «Горничной» теперь было: «Горничная. Производство агрегатов и приводных механизмов, инкорпорейтед», а на вывеске значилось только «Горничная». Ну вот, похоже, я выяснил все, что старая калоша была в состоянии рассказать. Но меня интересовала еще одна деталь.

— После того как лицензия была передана «Механизмам», вы оба продали свои акции?

— Что? Как тебе такая глупость в голову пришла? — Лицо ее перекосилось, и она зарыдала; слаги

бой рукой она пошарила в поисках платочка, но не нашла и продолжала сквозь слезы: — Он меня надул! Он меня надул! Грязная скотина обдурила меня... — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули... а ты — больше всех, Дэнни. И это после всего, что я для тебя сделала. — Она снова разрыдалась.

Я подумал, что эйфорион не стоит затраченных на него денег. Впрочем, может быть, ей доставляло удовольствие поплакать.

— Как же он тебя обманул, Белл?

— Что? А то ты не знаешь. Он все оставил этому гнусному отродью... после того, как обещал оставить все мне... после того, как я ухаживала за ним, пока он болел... А ведь она ему *даже не родная дочь!* Всем это известно.

Впервые за весь вечер я услышал добрую весть. Значит, Рикки все-таки повезло, даже если они перехватили посланные мною акции. Я опять вернулся к интересующему меня вопросу.

— Белл, как фамилия бабушки Рикки и где они жили?

— Где кто жил?

— Бабушка Рикки?

— Кто такая Рикки?

— Дочь Майлза. Постарайся вспомнить, Белл. Это очень важно.

Белл взвилась. Тыча в меня пальцем, она завизжала:

— Знаю я тебя! Ты был ее любовником, вот что. Грязная маленькая стерва... и вонючий кот.

При упоминании о Пите меня охватила ярость, но я постарался не дать ей выхода. Я просто схватил Белл за плечи и слегка потряс.

— Возьми себя в руки! Я хочу знать только одно. Где они жили? Куда адресовал Майлз письма, когда писал им?

Она заартачилась.

— Не буду я с тобой разговаривать! Весь вечер ты ведешь себя отвратительно. — Потом, словно мгновенно отрезвев, она добавила уже спокойно: — Не

знаю. Бабку звали Ханикер или что-то в этом роде. Я видела ее только однажды, в суде, когда они приходили выяснять вопросы с завещанием.

— Когда это было?

— Сразу после смерти Майлза, конечно.

— Белл, а когда умер Майлз?

Настроение у нее опять изменилось.

— Много хочешь знать. Ты хуже шерифа... все пытаешься да выпытываешь! — Она преданно взглянула на меня. — Давай забудем все... Только ты, милый, и я... у нас ведь вся жизнь впереди... Женщина в тридцать девять лет еще молода... Шульцик говорил, что я самая свеженькая из всех, кого он знал, — а этот старый козел, скажу я тебе, знал многих женщин. Мы можем стать такими счастливыми, милый! Мы...

Тут мое терпение лопнуло. Я и так делал все, чтобы сдержаться, — даже в сыщика играл.

— Мне пора идти, Белл.

— Что ты, милый! Еще так рано... у нас впереди целая ночь. Я думала...

— Мне все равно, что ты думала. Я ухожу.

— Ах, милый! Какая жалость. Когда мы снова увидимся? Завтра? Я, правда, ужасно занята, но ради тебя я отложу дела... и...

— Больше мы с тобой не увидимся, Белл, — отрезал я и ушел.

С тех пор я ее действительно больше никогда не видел.

Придя домой, я залез в горячую ванну и долго с остервенением тер тело мочалкой. Потом сел за стол и попытался обдумать все, что мне удалось узнать. Белл считала, что фамилия бабушки Рикки начинается на «Х» (если вообще можно было доверять ее бессвязному бормотанию) и что жили они в одном из городков Аризоны или, может быть, Калифорнии. Ладно, наверно, сыщик-профессионал и извлек бы из этих сведений какую-нибудь пользу. А скорее всего, что нет. В любом случае поиск утомителен, а главное — дорого

стоит. Так что придется отложить его до лучших времен.

Знал ли я еще что-нибудь полезное?

Майлз, по словам Белл, умер в 1972-м. Если он скончался в этом графстве*, я, должно быть, смогу выяснить дату смерти уже через несколько часов. Потом смогу уточнить дату слушания в суде дела о завещании... если такое слушание имело место, как утверждала Белл. Через суд я смогу установить прежний адрес Рикки, если в канцелярии суда хранятся архивы. (А могли и не сохраниться!) А чего я добьюсь, сократив разрыв до двадцати восьми лет и найдя город, где Рикки жила в далеком прошлом?

И есть ли, вообще, смысл разыскивать сорокалетнюю женщину, почти наверняка замужнюю и обремененную семьей. Вид старой развалины, некогда бывшей Белл Даркин, потряс меня. Я начинал понимать, что скрывается под понятием «тридцать лет». Нет, я был уверен, что взрослая Рикки останется такой же доброй и обаятельной... но вот вспомнит ли она меня вообще? Я не сомневался, что она помнит меня, но, скорей всего, как безликую фигуру — того, кого она звала «дядя Дэнни» и у кого был очень славный кот.

Неужели я, как и Белл, но только по-своему, живу воспоминаниями прошлого?

Ладно, никому не повредит, если я предприму еще одну попытку найти Рикки. Будем, в конце концов, ежегодно обмениваться рождественскими открытками... Не думаю, что ее супруг станет очень возражать против этого.

* Графство — в США основная единица административно-территориального деления штата, по традиции перенесенная из Англии на североамериканский континент. Существует во всех штатах, кроме Луизианы. Размеры графств колеблются от небольших по площади и населению до таких гигантов, как графство Лос-Анджелес, площадь которого равна 800 квадратным милям, что больше, чем штаты Делавэр и Род-Айленд, вместе взятые.

Глава 8

Утром следующего дня (в пятницу, четвертого мая), вместо того чтобы пойти на работу, я направился в Центральный архив графства. Архив был закрыт «по техническим причинам», и меня попросили зайти через месяц. Тогда я отправился в архив редакции «Таймс»*.

Когда я вышел оттуда, у меня ломило спину от долгого сидения за просмотром микропленок старых номеров «Таймс». Зато мне удалось выяснить, что если Майлз и умер в период между декабрем 1970 года и декабрем 1973 года, то случилось это не в графстве Лос-Анджелес, — некролога я, во всяком случае, не нашел.

Естественно, никакого закона, предписывающего ему умереть в графстве Лос-Анджелес, не существовало. Человек может умереть где угодно — этого никто не в силах упорядочить.

Можно еще попробовать навести справки в объединенном архиве штата в Сакраменто. Я решил съездить туда как-нибудь. Поблагодарив библиотекаря, я перекусил в ближайшем кафе и пошел на службу.

Оказалось, мне дважды звонили; кроме того, на столе лежала записка. И записка, и звонки были от

* Имеется в виду «Лос-Анджелес таймс».

Белл. Мельком взглянув на записку и увидев первую строчку: «Дэн, дорогуша!» — я, не читая, разорвал ее и выбросил. Потом позвонил на коммутатор и попросил не регистрировать звонков от миссис Шульц и не соединять меня с ней. Потом я зашел к главному бухгалтеру и спросил, можно ли выяснить бывших владельцев изъятого из обращения пакета акций фирмы. Он обещал попробовать, и я назвал по памяти номера некогда принадлежавших мне первых акций «Горничной инкорпорейтед». Напрягать память не пришлось — мы выпустили для начала ровно тысячу акций, и я оставил за собой первые пятьсот десять номеров; «подарок по случаю помолвки» для Белл состоял из акций под первыми номерами.

Возвратившись в свою конуру, я застал там Макби.

— И где же вы были? — поинтересовался он.

— И тут и там... А в чем дело?

— Вряд ли подходящий ответ. Мистер Галлоуэй дважды заходил и спрашивался о вас. Я вынужден был сказать, что не знаю, где вы.

— Господи ты Боже мой! Если я нужен Галлоуэю, то рано или поздно он меня найдет. Чем попусту тратить время на придумывание хитроумных комбинаций, лучше бы он хоть часть его использовал для продвижения товара на рынок — фирма от этого только выиграла бы.

Галлоуэй начал меня раздражать. Он считался ответственным за продажу, но, по-моему, занимался в основном тем, что вмешивался в дела рекламного агентства, контролировавшего счета фирмы. Впрочем, я, может быть, сужу предвзято: ведь меня интересует только техническая сторона дела. А все остальное — пустая бумажная возня.

Я знал, зачем потребовался Галлоуэю, и поэтому не спешил. Он хотел, видите ли, облачить меня в костюм образца 1900 года и в нем сфотографировать. Я объяснил, что снимусь сколько его душе угодно, но в костюме 1970 года: мой отец и тот родился спустя двенадцать лет после наступления 1900 года. Он ответил, что никто не заметит разницы. Тогда я заметил, что нельзя всех считать круглыми идиотами. Он оби-

делся и заявил, что у меня неправильный подход к делу.

Люди такого склада, с удовольствием занимающиеся одурачиванием публики, полагают, верно, что никто, кроме них, не умеет ни читать, ни писать.

— У вас неправильный подход к делу, — сказал Макби.

— Ах так? Сожалею.

— Вы неплохо устроились. Числитесь за моим от-делом, но я обязан предоставлять вас, когда необходимо, в распоряжение коммерческого отдела. Я думаю, для вас же будет лучше начиная с сегодняшнего дня отмечаться на табельных часах, как все остальные... и неплохо бы вам отпрашиваться у меня, если вы уходите куда-нибудь в рабочее время. Учтите это.

Я медленно сосчитал про себя до десяти в двоичной системе.

— Мак, а вы сами отмечаетесь на табельных часах?

— Что? Нет, конечно. Я же главный инженер.

— Вот именно. Так и говорится на табличке вашего кабинета. Но послушайте, Мак, я был главным инже-нером этого заведения еще до того, как вы начали бриться. Так неужели вы думаете, что я собираюсь отстукивать время прихода на табельных часах?

Он побагровел.

— Дело ваше. Но я вам вот что скажу: не будете отмечаться — не получите зарплату.

— Ах так? Не вы меня нанимали, не вам и уволь-нять.

— М-м... посмотрим. По крайней мере, я могу перевести вас из моего отдела в отдел рекламы, где вам больше подходит работать. — Он взглянул на мою чертежную машину. — Здесь от вас никакого толку. И я не вижу смысла в приставлении такого дорогого оборудования без дела. До свидания. — Он быстро кивнул и вышел.

Тут вкатился «посыльный» и положил на стол большой конверт. Я не стал его вскрывать, — слишком был взвинчен. Вместо этого я отправился вниз, в кафе-терий для сотрудников. Мак, как и множество других педантов-бюрократов, считал, что результат творче-

ской работы зависит от затраченных на нее человеко-часов. Неудивительно, что моя старая фирма годами не внедряла ничего нового.

Ладно, черт с ним. Все равно я не собирался здесь долго задерживаться.

Час спустя я притащился обратно и обнаружил на столе еще один конверт, на этот раз с грифом фирмы. Я вскрыл его, уверенный, что Мак решил не откладывать дела в долгий ящик. Но письмо было из бухгалтерии, оно гласило:

«Уважаемый мистер Дейвис!

Относительно интересовавших вас акций сообщаем, что дивиденды по основной части пакета акций выплачивались с I квартала 1970 года по II квартал 1980 года через опекунский фонд держателю по фамилии Хайннике. В 1980 году произошла реорганизация фирмы, и имеющиеся в наличии записи не позволяют с точностью проследить дальнейшую судьбу акций; очевидно (после реорганизации), они были проданы Космополитической страховой, во владении какой до сих пор и находятся. Держателем меньшей части акций до 1972 года являлась (как вы и предполагали) Белл Д. Джентри, после чего права на акции были переданы акционерной компании «Сьерра», которая пустила их в свободную продажу. В случае необходимости мы могли бы выяснить подробности относительно каждой акции после того, как фирма была реорганизована, но на это потребуется определенное время.

Если наш отдел может быть еще чем-нибудь полезен для вас, не стесняйтесь и обращайтесь в любое время.

И. Е. Рейтер, гл. бухгалтер»

Я позвонил Рейтеру, поблагодарил его и сказал, что их ответ полностью меня удовлетворил. Теперь я знал — переданные Рикки акции до нее не дошли. Как явствовало из записей, передача моих акций некоему Хайннике была явным мошенничеством — за этим, конечно, стояла Белл; она нашла какое-то подставное лицо или просто воспользовалась вымышленным именем. Скорее всего, уже замышляла надуть Майлза, потому и начала принимать кое-какие меры.

Очевидно, после смерти Майлза ей не хватало наличных денег, и поэтому она решила продать акции, подаренные мною. Но теперь, когда я узнал, что Белл лишилась всех акций, меня они перестали интересовать. Я вот забыл спросить Рейтера, что стало с пакетом акций Майлза... Это бы могло навести меня на след Рикки, даже если она уже не владеет акциями. Но рабочая неделя подходила к концу, так что придется отложить выяснение до понедельника. А пока я решил вскрыть большой конверт, принесенный ранее, так как по обратному адресу уже знал, откуда он поступил.

В начале марта я написал в патентное бюро и запросил исходные данные по «трудяге» и «чертежнику Дэну». Моя прежняя убежденность, что «трудяга» — всего-навсего доработанный вариант «ловкого Фрэнка», была несколько поколеблена после знакомства с принципом работы «чертежника Дэна». Необходимо принимать в расчет и то, что тот же самый неизвестный мне талантливый инженер, который создал «чертежника Дэна» в точности таким, каким я себе его представлял, вполне мог параллельно со мной конструировать такого же «Фрэнка». Моя теория подтвердилась и тем, что оба патента были выданы в один год и принадлежали (во всяком случае, пока не истек срок их действия) одной компании — «Аладдин». Но я должен был знать все подробности. Если этот изобретатель до сих пор жив, он мог бы кое-чему научить меня.

Сперва я написал в патентное ведомство и получил ответ с разъяснением, что вся документация на патенты, срок действия которых истек, хранится в Национальных архивах, что в Карлсбадских пещерах. Тогда я обратился в архивы, и в ответ мне прислали прейскурант платных услуг. Я написал туда в третий раз, приложив к письму платежное поручение (чеков они не принимали). Я запросил копию всех документов по обоим патентам — заявки, описания, чертежи и так далее.

Похоже, в большом конверте и было то, что я ожидал. Сверху лежали документы по патенту номер

4307909 («трудяга»). Я пролистал заявку, описания и принял сразу за чертежи. От заявок прок разве что в суде — их пишут для того, чтобы заявить на весь мир о широчайших возможностях использования предлагаемого объекта. Потом настает очередь патентных экспертов, а они уж обязательно постараются свести на нет все ваши усилия — вот отчего появились адвокаты по патентному праву. Описание, наоборот, должно быть полным и подробным, но мне проще читать чертежи, чем описание.

Я должен был признать, что принципиальная схема «трудяги» отличалась от схемы «ловкого Фрэнка». Он был сконструирован лучше «Фрэнка», некоторые узлы были проще, и использовать его можно было в более широком диапазоне. Но основная идея была все та же, а иначе и быть не могло, поскольку автоматы управлялись трубками Торсена (или их современными аналогами). Думаю, я и сам со временем пришел бы к мысли о модернизации узлов... может быть, в следующих моделях. Нечто подобное даже как-то мелькало у меня в мозгу — «Фрэнк», используемый не только в работе по дому.

Наконец я решился взглянуть на имя изобретателя, указанное в заявке и описаниях. Оно мне было хорошо знакомо: Д. Б. Дейвис. Я долго вглядывался в него, медленно насвистывая «Время в моих ладонях». Итак, Белл солгала, солгала опять. Интересно, была ли хоть капля правды в той гнусной околосице, которую она несла? Конечно, Белл — патологическая лгунья, но я где-то читал, что в основе любого вранья лежит правда, измененная буйной фантазией лжеца до неузнаваемости. Совершенно очевидно: мою первую модель «Фрэнка» никто не крал, ее просто передали на доработку другому инженеру, а потом подали заявку на патент от моего имени.

С «Менниксом» дело у них не выгорело — это я знал точно по документам нашей фирмы. Но Белл утверждала, что причиной всему отсутствие патента на производство «Фрэнка». Может, Майлз хапанул аппарат себе, а Белл оставил в уверенности, что «Фрэнка» украли, точнее, уже переукрали.

В таком случае... тут я бросил строить догадки — занятие более безнадежное, чем поиски Рикки. Можно было бы устроиться в фирму «Аладдин», чтобы раскопать там, кто им передал патент и получил за него денежки. Но игра не стоила свеч, поскольку срок действия патента давно истек. Майлз умер, а Белл, если и получила что-нибудь с этого, то давно все промотала. Я же удовлетворился, доказав себе то, что для меня было важнее всего: подлинный автор изобретения — я сам. Это льстило моей профессиональной гордости, а кто беспокоится о деньгах, если нет повода беспокоиться о хлебе насущном? Только не я.

Итак, я перешел к патенту под номером 4307910 — на первого «чертежника Дэна». Чертежи были просто загляденье. Я сам не смог бы разработать прибор лучше, а этот парень смог. Меня привели в восхищение экономичное применение цепей связи и умелая компоновка блоков с использованием минимума движущихся деталей соединения. Движущиеся детали и части любого механизма подобны аппендикусу — во избежание неприятностей от них следует избавляться там, где только возможно.

Основой для панели управления послужила серийная электрическая машинка фирмы ИБМ*.

Это было сделано удачно и с инженерной точки зрения: нет смысла заново изобретать то, что можно купить в любом магазине.

Кто же этот головастый парень? Я полистал бумаги и нашел его имя — Д. Б. Дейвис.

Я долго сидел задумавшись над бумагами. Потом позвонил доктору Альбрехту. Я назвал себя, и его пригласили к телефону.

— Привет, сынок, — отозвался он. — Я сразу тебя узнал. Как дела на новом месте?

— Все нормально. В компании пока не принимают.

* ИБМ (IBM) — крупнейшая транснациональная компания, производящая вычислительные машины и оргтехнику.

— Дай срок. А в остальном — порядок? Попри-
вый?

— Конечно! Знать бы, что здесь так здорово —
улегся бы в холодный сон пораньше. Ни за что не
подпишусь вернуться обратно в 1970 год.

— Да будет тебе! Я прекрасно помню этот год. Я
тогда был еще ребенком, жил на ферме в Небраске,
охотился и ловил рыбу. Весело проводил время, не то
что теперь.

— Что ж, каждому свое. Мне нравится здесь, сей-
час. Но вот что, док. Я ведь позвонил не просто
потрепаться на отвлеченные темы. У меня небольшая
загвоздка.

— Ну, выкладывай. Хорошо, хоть небольшая, а то
у остальных — все больше крупные.

— Док, может ли «долгий сон» вызвать потерю
памяти?

Он ответил не сразу.

— В принципе — да. Не скажу, что мне встреча-
лись подобные случаи. Я имею в виду амнезию в
чистом виде, не обусловленную другими побочными
факторами.

— Что может вызвать потерю памяти?

— Да что угодно. Простейший случай — так назы-
ваемая функциональная амнезия, когда сам пациент
подсознательно стремится что-то забыть; он забывает
последовательность событий или переосмысливает их,
поскольку эти воспоминания для него невыносимы.
Затем следует амнезия в результате травмы — ска-
жем, от обыкновенного, пошлого удара по черепу. Или
амнезия может возникнуть от внушения... с примене-
нием наркотиков или гипноза. А в чем дело, малыш?
Не можешь отыскать свою чековую книжку?

— Да нет, не то. Насколько я понимаю, сейчас со
мной все в порядке. Но я не могу вспомнить некото-
рые события, имевшие место до того, как я лег в сон...
и это меня беспокоит.

— М-м... Может быть, дело в одной из упомянутых
мною причин?

— Да, пожалуй, — задумчиво ответил я. — Подой-
дет любая, за исключением разве что удара по чере-

пу... впрочем, меня вполне могли и огреть по башке, когда я был пьян.

— Я не стал упоминать, — сухо заметил он, — о самой распространенной временной амнезии — пропалах памяти под воздействием алкоголя. Послушай, сынок, почему бы тебе не зайти, мы обсудили бы все подробно. Если я не смогу распознать твой недуг — ты же знаешь, я не психиатр, — я направлю тебя к психоаналитику; он очистит твою память, как орех от скорлупы, и ты ему расскажешь, почему опоздал в школу четвертого февраля того года, когда учился во втором классе. Но он дорого берет, и потому не лучше ли сперва заскочить ко мне?

— Вот те на, док! Я и так отнял у вас много времени... а вы слишком щепетильны, чтобы брать с меня деньги.

— Сынок, мои пациенты мне небезразличны; кроме них никого из близких у меня нет.

Я отдался от него, пообещав позвонить в начале следующей недели, если будет нужда в его помощи. Мне необходимо было все обдумать.

В здании нигде не горел свет, только у меня в кабинете. Заглянула «горничная» (тип: «уборщица»). Обнаружила, что в комнате кто-то есть, и безмолвно укатила прочь. Я опять остался один.

Вскоре в комнату заглянул Чак Фрейденберг.

— Я думал, тебя давно тут нет. Просыпайся и иди досыпать домой.

Я взглянул на него.

— Чак, у меня есть прекрасная мысль. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он тщательно обдумал предложение.

— Что ж, сегодня пятница... а ясная голова нужна мне только в понедельник, чтобы знать, какой это день недели.

— Решено и обжалованию не подлежит. Подожди минутку, я засуну кое-что в «дипломат».

Мы выпили пива, потом поели, потом еще выпили пива в заведении с хорошей музыкой, потом перебрались в другое заведение — без музыки, но со звуко-непроницаемыми кабинами. Стоило заказать что-ни-

будь — и вас на час-другой оставляли в покое. Мы сидели и спокойно разговаривали. Я показал ему копии патентов.

Чак просмотрел документацию на прототип «трудяги».

— Это по-настоящему отличная работа, Дэн. Я тобой горжусь. Как насчет автографа?

— Взгляни-ка еще вот сюда. — Я протянул ему патентное обоснование на чертежную машину.

— Кое в чем эта штука будет получше предыдущей. Дэн, ты сам-то понимаешь, что сделал для развития техники больше, чем в свое время Эдисон? Доходит до тебя, нет?

— Брось, Чак, тут дело серьезное. — Я ткнул пальцем в пачку фотокопий. — Ладно, я готов взять на себя авторство одной из них. Но я не мог быть автором другой. Я ее не создавал... разве только у меня из головы вылетело все, что случилось со мной до погружения в сон. Может быть, у меня амнезия.

— Ты толкуешь об одном и том же целых двадцать минут. Не похоже, чтобы у тебя предохранители откаzzали. Ты помешан не более, чем требуется для нормального инженера.

Я ударил кулаком по столу — аж кружки подпрыгнули.

— Должен я выяснить или нет?

— Держи себя в руках. Ну и что ты собираешься предпринять?

— Гм... — Я чуть замешкался с ответом. — Пойду к психоаналитику и заплачу ему, чтобы он докопался до истины.

Чак вздохнул.

— Я и ожидал услышать от тебя нечто в этом роде. Слушай, Дэн, предположим, ты заплатил своему специалисту по мозговой механике, и он доложил, что все в порядке, память твоя — в прекрасном состоянии, реле у тебя в голове замкнуты как надо. Что тогда?

— Но это невозможно.

— То же самое говорили Колумбу. Тебе даже не пришло в голову самое простое объяснение.

— Какое?

Не удостоив меня ответом, он подозвал робота-официанта и велел принести большой телефонный справочник.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Собираешься вызвать мне полицейскую карету?

— Пока нет. — Он пролистал здоровенную книгу, нашел, что искал, и передал ее мне. — Посмотри-ка сюда, Дэн.

Я посмотрел. Он держал палец на строчке с фамилией Дейвис. Сверху донизу страница была заполнена колонками с фамилией Дейвис. А на том месте, куда указывал Чак, располагалась дюжина Д. Б. Дейвисов — от Дабин до Дункана. Там было и три Дэниела Б. Дейвиса. Один из них — я.

— И это из неполных семи миллионов человек, — заметил он. — Не хочешь ли попытать удачу среди остальных пятидесяти миллионов?

— Ничего это не доказывает, — попытался возразить я.

— Правильно, — согласился он. — Просто немыслимое совпадение, если случилось так, что два инженера с одинаковыми способностями работали над одним и тем же проектом в одно и то же время, да еще фамилии и инициалы у них совпали. На основе законов статистики можно, пожалуй, определить степень вероятности такого совпадения. Но люди, особенно те, кому вроде тебя положено знать такие вещи, забывают, что законы статистики имеют обратную силу — любое, даже самое невероятное, совпадение может произойти. Здесь как раз тот самый случай. Мне такой вывод больше по душе, чем версия о том, будто у моего собутыльника винтиков не хватает. Тем более что хорошего собутыльника не так легко найти.

— И что, по-твоему, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатра, а попытаться сделать «во-вторых». Во-вторых, надо узнать полное имя этого «Д. Б. Дейвиса», который подал заявку на патент. Есть довольно простой способ. Скажем, имя инженера — Декстер. Или даже Дороти. Но не падай духом, если окажется, что его зовут Дэниел, потому что среднее имя может оказаться —

Березовски, и номер страховки у него другой. И в-третьих, а по сути, во-первых, наплюй на все и закажи еще по кружке.

Так я и поступил. Потом мы говорили на другие темы; в частности, речь зашла и о женщинах. У Чака имелась теория, что женщины сродни механизмам, но их поведение абсолютно не поддается логике. Свои рассуждения он подтверждал графиками, рисуя их пальцем на мокром столе.

Послушав его некоторое время, я вдруг, неожиданно для себя самого, сказал:

— Если бы действительно существовало путешествие во времени, я знал бы, что мне делать.

— А? Ты о чем?

— Да о своей проблеме. Слушай, Чак, я попал сюда — имею в виду в «настоящее», — путешествуя во времени, но каким-то несовершенным способом. Беда в том, что я не могу вернуться обратно. Все, что меня беспокоит, произошло тридцать лет тому назад. Если бы вернуться и докопаться самому до истины... Если б существовала такая вещь, как настоящее путешествие во времени!

Он уставился на меня не мигая.

— Но оно существует.

— Что?!

Он мгновеннопротрезвел.

— Мне не следовало говорить этого.

— Может, и не следовало, но ведь ты уже сказал.

А теперь выкладывай-ка лучше, что ты имел в виду, пока я не выпил пиво из кружки тебе на голову.

— Забудь, Дэн. Я оговорился.

— Нет, выкладывай!

— А вот этого я как раз и не могу. — Он огляделся вокруг. Возле нас никого не было. — Это засекречено.

— Путешествие во времени засекречено? Господи, но почему?

— Черт тя возьми, парень, ты что, никогда не работал на правительство? Будь их воля, они бы и половые сношения засекретили. И безо всякой причины — такова их политика. Но то, о чем ты спрашивав-

ешь, засекречено, и я давал подпись. Так что отвяжись!

— Но... Брось трепаться, Чак, для меня это важно. Жутко важно.

Он упрямко молчал.

— Мне ты можешь сказать. Черт побери, да у меня самого был допуск «кью». И никогда меня допуска не лишили, хотя я потом и не работал на правительство.

— А что такое допуск «кью»?

Я пустился в объяснения. Наконец он одобрительно кивнул.

— Ты имеешь в виду форму допуска «альфа». Ты, видно, был парень не промах! Я-то заслужил только форму «бета».

— Тем более, почему бы тебе не рассказать?

— Хм. Сам знаешь почему. Хотя у тебя и высокая степень допуска, нужно еще и спецразрешение.

— Черта с два! Я только и делал, что пользовался таким разрешением — Видя, что он, скорей всего, так и не решится продолжать, я раздраженно заметил: — Не думаю, что такое вообще возможно. Похоже, тебе просто пиво в голову ударило.

Он с торжественным видом уставился на меня, а затем произнес:

— Дэнни...

— Ну?

— Тебе я расскажу. Но не забывай, что значит допуск «альфа», парень. Да, я расскажу тебе, поскольку тем самым никому не причиню вреда. Но хочу предупредить: вряд ли этим можно воспользоваться для решения твоей проблемы. Да, правильно, это путешествие во времени, но оно неприменимо на практике. И ты не сможешь им воспользоваться.

— Но почему?

— Не торопи меня, ладно? Ведь никто так до конца и не разобрался, что к чему; даже если кто-нибудь и доберется до сути — все равно это теоретически невозможно. Это не представляет никакой научной ценности, даже для исследователей; просто побочный продукт при разработке «нульграва» — потому-то оно и засекречено.

— Какого черта, «нульграв» ведь рассекретили!

— И что с того? Если б путешествию во времени нашли коммерческое применение, покров секретности сняли бы. Не перебивай.

Увы, я не внял его просьбе. Но лучше я передам его рассказ без моих замечаний.

Когда Чак учился на последнем курсе Колорадского университета — в Боулдере, — он подрабатывал лаборантом. Сначала он работал в лаборатории низких температур. Но университет заключил с Министерством обороны выгодный контракт на разработку Эдинбургской теории поля, выстроил новую физическую лабораторию в горах, далеко от города, и Чака перевели туда. Завлабом был профессор Твишель, доктор Хьюберт Твишель — тот самый, что недавно упустил Нобелевскую премию и по этому поводу сильно злобствовал.

— Твишель решил попробовать поляризовать гравитационное поле, — рассказывал Чак. — Ничего не произошло. Тогда он ввел все данные по опыту в ЭВМ. Компьютер выдал в ответ такое, что у Твишеля глаза на лоб полезли. Мне, конечно, он ничего не сказал. Тогда он положил в испытательную камеру два серебряных доллара — они в то время были еще в ходу, — предварительно велев мне пометить их. Затем он нажал соленоидную кнопку — и они исчезли.

Сейчас таким фокусом никого не удивишь, — продолжал Чак. — Чтобы исполнить его как следует, ему бы следовало еще и достать эти доллары из ушей у парнишки, добровольно полезшего на сцену из зала, где давалось представление. Но его, похоже, вполне удовлетворила и первая часть фокуса, да и меня тоже, — платили-то мне повременно.

Спустя неделю одно из колесиков появилось вновь. Но только одно. А несколькими днями раньше, когда шеф уже ушел, а я прибирал в лаборатории, в испытательной камере появилась морская свинка. Раньше я ее не видел, да у нас в лаборатории их и не было, так что я занес ее в биолабораторию по дороге домой. Они пересчитали свое хозяйство, но у них нехватки не обнаружилось, хотя морские свинки плодятся чуть не

каждую минуту, поди подсчитай точно. Я прихватил ее с собой, и она стала жить в моей комнате.

После того как единственный серебряный доллар вернулся, Твишель принял так вкалывать, что забывал бриться. Следующий раз он поместил в испытательную камеру двух морских свинок из биолаборатории. Одна из них показалась мне ужасно знакомой, но я не успел ее рассмотреть как следует, — он нажал кнопку «тревоги», и они обе исчезли.

Когда дней через десять одна из них — та, что была мне знакома, — вернулась, Твишель понял, что добился нужного результата. Затем появился университетский военпред от Министерства обороны — начальственного вида полковник, он был когда-то профессором... ботаники. Очень воинственный тип... Твишель его презирал. Дополнительно к присяге, взятой с каждого из нас раньше, при получении допуска, полковник заставил нас обоих покаяться самой страшной клятвой хранить тайну. Он, похоже, возомнил, будто имеет дело с величайшим открытием в области военной стратегии со времен Цезаря. Замысел этого стратега сводился вот к чему: можно было бы изменить ход проигранных сражений или спасти положение еще не проигранных, направляя с помощью установки Твишела дивизии на подмогу; противник же так никогда и не разобрался бы, что произошло. Он, конечно, был с большим приветом... и так и не получил вожделенной звезды на погоны. А все, что касалось работы лаборатории, с тех пор отмечено грифом «Сверхсекретно». Насколько я знаю, материалы эти до сих пор не рассекречены.

— Отчего же, мне кажется, что такое открытие могло бы найти применение и в военном деле, — заспорил я, — если только найти инженерное решение проблемы переброски во времени дивизии солдат. Нет, погоди. Ага, понял, в чем дело. У вас же всегда были пары. Тогда потребовалось бы две дивизии? Одну надо направить во времени вперед, другую — назад. То есть одной дивизии придется лишиться полностью... Думаю, правильнее было бы своевременно направлять дивизию туда, где она требуется.

— Ты прав, но доводы приводишь неверные. Собственно не надо использовать две дивизии, двух морских свинок или вообще пару предметов. Просто массы должны быть одинаковыми. Можно взять дивизию солдат и кучу камней того же веса. Как гласит третий закон Ньютона, «действие равно противодействию». — Он опять принялся рисовать пальцем по мокрой от пива поверхности стола. — Произведение массы на скорость равно: $MV = mv\dots$ основная формула космических полетов. Сходная формула путешествия во времени — произведение массы на время равно: $Mt = mt$.

— Так в чем задержка? Камней не хватает?

— Пораскинь мозгами, Дэнни. Скажем, ракета движется к какой-нибудь определенной цели. А в каком направлении движется прошлая неделя? Покажи-ка мне, попробуй, ну? И ты не будешь иметь ни малейшего представления, какая из них летит в будущее, какая — в прошлое. Способа ориентировать установку не существует.

Я умолк. Можно представить себе состояние генерала, ожидавшего свеженькую дивизию, а вместо нее получившего гору щебня... Немудрено, что бывший профессор так никогда и не дослужился до бригадира.

Между тем Чак продолжал:

— Представь себе две эти массы в виде пластин конденсатора, несущих один и тот же временной заряд. Потом пластины разряжаются по затухающей кривой, то есть фактически по вертикали, и — вжик! Одна из них отправляется в середину будущего года, другая — в глубь веков. Но какая из них куда направилась — никто никогда не узнает. Ну а самое худшее, что вернуться обратно ты уже не сможешь. Никогда.

— Хм... Кому охота возвращаться?

— Слушай, тогда в чем смысл всей затеи? Какая польза для науки или коммерции? Все затраты ни к чему, если ты не сможешь связаться из времени, куда ты попадешь, с настоящим. Да и оборудования пока такого нет — оборудования и энергии. Мы пользовались атомным реактором. Дороговато... Тут тоже есть свои недостатки.

— Обратно-то попасть можно, — напирал я. — С помощью холодного сна.

— Хм... если попадаешь в прошлое. А очутишься в будущем? Ведь предугадать невозможно. И если в прошлом, куда ты попадешь, уже знают, как погружать в холодный сон... то есть надо угодить в послевоенное время. Но какой в том толк? Если тебя интересует, что произошло, скажем, году в 1980-м, спроси у кого-нибудь из стариков или полистай подшивки газет. Эх, был бы способ попасть в прошлое и сфотографировать распятие Христа... Но такого способа нет. Просто невозможен. Ты не только не сможешь вернуться обратно, но пока на земле нет достаточного количества энергии для таких путешествий. Тут еще все завязано на законе инверсии.

— И тем не менее должен же был кто-то попробовать? Неужели никто не путешествовал во времени — просто из любопытства?

Чак опять огляделся.

— Я и так наговорил слишком много.

— Скажи еще, хуже не станет.

— Предполагаю, что три человека попробовали. Предполагаю. Один из них — преподаватель, бывший военный летчик. Я был в лаборатории, когда Твишель привел этого Лео Винсента. Твишель сказал, что я могу идти домой. Я еще потолкался в лабораторном корпусе и видел, как немного погодя Твишель вышел, но без Винсента. Насколько я понимаю, он все еще где-то там. После этого он, конечно, у нас больше не преподавал.

— А двое других?

— Студенты. Они зашли в лабораторию втроем, вышел только Твишель. Один из них был на занятиях уже на следующий день, другой пропадал целую неделю. Так что соображай сам, что к чему.

— Самого-то никогда не тянуло?

— Меня? Я что, похож на ненормального? Твишель считал, что добровольно пойти на это в интересах науки — чуть ли не моя прямая обязанность. Я ответил: спасибо, нет. Я лучше пойду пивка попью... И еще сказал, что если он сам надумает, то я с радостью

нажму для него кнопку пуска. Он мой вызов не принял.

— А я бы попытал счастья. Узнал бы все, что меня беспокоит... а потом вернулся бы... опять погрузившись в холодный сон. Овчинка стоила бы выделки.

Чак глубоко вздохнул.

— Хватит с тебя пива, друг мой. Ты уже пьян. Ты меня совсем не слушал. Первое, — он нарисовал галочку на мокром столе, — где гарантия, что ты попадешь в прошлое? Вместо того ты можешь очутиться в будущем.

— Рискнул бы все равно. Что ж, настоящее мне нравится больше, чем прошлое. Но окажись я теперь тридцать лет назад, может, там мне еще больше понравилось бы.

— Ладно, тогда ложись в «долгий сон» — так хотя безопаснее. Или просто сядь и тихонько жди, пока будут бежать годы; я лично так и собираюсь поступить. Но только прекрати меня перебивать. Второе — если ты все-таки окажешься в прошлом, вполне возможно проскочить 1970 год просто из-за допустимого отклонения. Твишел выстреливал наугад; не думаю, что аппаратура у него отградуирована. Правда, я-то не в курсе, поскольку был мальчиком на побегушках. Третье — лабораторию построили в 1980 году, а раньше на этом месте была сосновая роща. Предположим, ты очутишься лет за десять до того, как лаборатория была построена, и угодишь в середину сосны? Вот уж рванет, не хуже кобальтовой бомбы! Только ты об этом уже никогда не узнаешь.

— Но... Кстати, почему надо обязательно очутиться возле лаборатории? Почему не где-то в открытом космосе, на том месте, где когда-то стояла лаборатория?.. Я имею в виду, где она была... или, точнее...

— Да ничего ты не имеешь в виду. Ты окажешься на земле и на том же самом месте по широте и долготе. О математических расчетах не волнуйся, просто помни, что произошло с морской свинкой. Но если окажешься в прошлом до того, как выстроили лабораторию, можешь очутиться в деревне. Четвертое — как ты сможешь добраться до настоящего, если ляжешь в

холодный сон, даже при условии, что все сойдет нормально?

— М-м... Однажды я прошел через это, пройду и во второй раз.

— Конечно. А вместо денег чем будешь пользоваться?

Я открыл было рот, чтобы ответить, да так и остался сидеть. Чак поверг меня в полное замешательство. Когда-то у меня водились деньги, теперь их больше нет. Даже то, что я скопил (а этого едва ли хватило бы!), нельзя было взять с собой. Черт, если б даже я ограбил банк (искусство, совершенно мне незнакомое) и взял целый миллион — в 1970 году я не смог бы его потратить. Просто-напросто загремел бы в тюрьму за попытку сбыта подозрительных денег. Изменилось все: форма, цвет, рисунок, не говоря уж о серийных номерах.

— Может, я там скоплю кое-что.

— Молодчина. А пока ты там накопишь, может, тебе кто и поможет против твоей воли оказаться здесь и сейчас... но облысевшим и беззубым.

— Ладно, ладно. Давай-ка вернемся к твоему последнему пункту. Скажи, слышал ли ты когда-нибудь о взрыве на том месте, где стояла лаборатория?

— Да нет вроде.

— Значит, я не вмажусь в дерево, потому что уже не вмазался. Дошло?

— И опять ты пальцем в небо. Старый парадокс, меня на нем не купишь. В теории времени я как-нибудь разбираюсь, может, побольше твоего. Ты просто начал с конца. Никакого взрыва не было, и ты не собирался вмазываться в дерево... потому что ты никогда и не собирался совершать прыжок во времени. До тебя дошло?

— Но предположим, что совершил...

— Исключено. Потому что есть еще и пункт пять. Против него тебе крыть нечем, так что вникай. Тебе не удастся совершить такой прыжок, потому что все, о чем мы говорим, засекречено, тебе просто не позволят. Так что давай забудем об этом, Дэнни. Мы провели вечер за умной и содержательной беседой, а утром...

ко мне придут из ФБР. Давай-ка выпьем еще по одной, а в понедельник утром — если я все еще буду на свободе — позвоню главному инженеру «Аладдина» и выясню, как зовут того другого «Д. Б. Дейвиса» и кто он. Может, он до сих пор там работает, а если так, мы с ним поужинаем и поговорим о наших делах. А еще я хочу познакомить тебя со Шпрингером, генеральным директором «Аладдина», он отличный парень. И забудь ты про эту чушь с путешествием во времени: никогда с него не снимут секретность. Лучше б я тебе ничего не говорил... а если ты на меня сошлешься, я сделаю квадратные глаза и скажу, что ты лгун. Мой допуск может мне когда-нибудь пригодиться.

Мы выпили еще по кружке. Дома, приняв душ и избавившись от излишков пива в организме, я пришел к выводу, что Чак прав. От путешествия во времени мне будет такая же польза, как от гильотины при лечении головной боли. За салатом и закусками Чак выяснит все, что мне надо, у мистера Шпрингера — не потребуется ни больших затрат, ни тяжелой работы, ни риска. И к тому же мне нравился год, в котором я живу.

Забравшись в кровать, я решил просмотреть газеты за неделю. Теперь, когда я стал уважаемым гражданином, каждое утро пневмопочта доставляла мне «Таймс». Я редко брался за газету: как правило, голова у меня была занята решением всяких инженерных задач. Не хотелось отвлекаться на разную чушь, обычную для газетных новостей, — она просто раздражала. А если попадалась какая-нибудь интересная статья, тем более жалко было отрывать время от занятых настоящим делом.

И все-таки я никогда не выбрасывал газету, не просмотрев прежде заголовки и не заглянув в колонку демографической статистики. В ней меня интересовали не рождения, смерти или свадьбы, а только «возвращения» людей из холодного сна. У меня было предчувствие, что однажды я встречу чье-нибудь знакомое имя. Я бы зашел к нему, поприветствовал, поинтересовался, не нужна ли моя помощь.

Конечно, это было почти невероятно, но я продолжал читать колонку, и делал это с удовольствием.

Наверно, подсознательно я считал всех остальных «долгоспалов» своими «родственниками». Так мы считаем приятелями всех, с кем служили в одной роте, — приятелями в том смысле, что, встретившись, можно вместе пропустить стаканчик.

В газетах я не нашел ничего достойного внимания, если не считать извещения о пропавшем по пути на Марс космическом корабле; это сообщение вряд ли можно было назвать «новостями» — скорее, печальным фактом их отсутствия. Не обнаружил я и старых друзей среди проснувшихся недавно «долгоспалов». Я откинулся на подушку и подождал, пока потухнет свет.

Часа в три ночи меня словно подкинуло в постели — я сел, и свет начал загораться. Я ошело мигал, еще не прийдя в себя от сна. Мне приснился страшный сон, почти кошмар: будто, просматривая газеты, я пропустил имя маленькой Рикки.

Я знал, что такого быть не могло, и все-таки с облегчением увидел груду газет за неделю на столике у кровати. Я вполне мог скомкать их и выбросить в мусоропровод, как делал частенько. Я перетащил их на кровать и принялся перечитывать демографические колонки. На этот раз я читал все подряд — «рождения», «смерти», «свадьбы», «разводы», «усыновления», «смена фамилии», «исходы» и «возвращения». Мне пришло в голову, что, когда я просматривал только интересовавший меня раздел «возвращения», в поле моего зрения могло случайно попасть имя Рикки, напечатанное в колонке «свадьбы» или «рождение ребенка».

Я чуть было не пропустил то, что искал, что послужило причиной мучительного сна. В «Таймс» за среду, второго мая 2001 года, печатались списки выписавшихся во вторник: «Риверсайдский храм... Ф. В. Хайнеке».

Ф. В. Хайнеке!

Хайнеке — фамилия бабушки Рикки... Я знал это. Знал наверняка! Не знаю почему, но знал. Она храни-

лась где-то в тайниках памяти и моментально всплыла, стоило мне увидеть ее напечатанной. Может, я слышал ее когда-то от Рикки или Майлза; возможно, даже встречал саму старушку в Сандия. Как бы то ни было, имя, увиденное в «Таймс», поставило все на свои места.

Но мне все-таки нужны были неопровергимые доказательства. Я должен быть уверен, что «Ф. В. Хайнеке» означает «Фредерика Хайнеке».

Меня трясло от возбуждения. Позабыв о новых, так хорошо усвоенных правилах, я пытался, вместо того чтобы соединить швы, застегнуть их на несуществующую молнию. Тем не менее спустя несколько минут я уже был внизу, в вестибюле, где находилась телефонная кабинка. В комнате у меня телефона не было: моя очередь на установку еще не подошла. Потом мне опять пришлось подняться в комнату — за кредитной телефонной карточкой: я, похоже, здорово был выбит из колеи.

Руки у меня так дрожали, что я никак не мог всунуть карточку в щель... Наконец мне это удалось, и я вызвал станцию.

— Говорите номер...

— М-м... Мне нужен Риверсайдский храм. Район Риверсайд.

— Ищем... соединяем... номер свободен. Вызываем абонента.

Наконец экран вспыхнул, с него на меня сердито уставился пожилой мужчина.

— Должно быть, вас неправильно соединили. Здесь храм. Мы ночью закрыты.

— Пожалуйста, не отключайтесь. Если это Риверсайдский храм, то именно вы мне и нужны.

— Ну и что вам нужно? В такое-то время?

— У вас есть клиент, Ф. В. Хайнеке — из «возвращающихся». Я хотел бы узнать...

Он покачал головой.

— По телефону мы справок о наших клиентах не даем. А уж тем более посреди ночи. Вам лучше позвонить утром, после десяти. А еще лучше подъехать.

— Непременно, непременно. Но только одно — что означают инициалы Ф. В.?

— Я же сказал вам...

— Пожалуйста, послушайте. Я спрашиваю не из праздного любопытства — я сам «долгоспал»... храм «Сотелл», только недавно выписался. Так что мне все известно о сохранении «тайны родственных связей» и так далее. Мы оба прекрасно знаем, что храмы сообщают в редакции полные имена «возвращающихся»... но газеты, чтобы сэкономить место, печатают только инициалы. Верно?

Он немного поразмыслил.

— Вполне возможно.

— Так значит, не будет ничего предосудительного в том, если вы скажете мне, что означают инициалы Ф. В.

На этот раз он медлил дольше.

— Пожалуй, что ничего. Если это все, что вы требуете. Но больше я вам ничего не скажу. Ждите.

Он исчез с экрана. Мне показалось, что прошел целый час, пока он появился опять с карточкой в руке.

— Здесь темновато, — пробурчал он, глядываясь в написанное. — Френсис, нет, Фредерика Вирджиния.

У меня заложило уши, и я едва не потерял сознание.

— Слава Богу!

— Вам плохо?

— Нет, нет, спасибо вам. Сердечное спасибо. Да. Со мной все в порядке.

— Гм... Тогда вам же лучше будет узнать еще кое-что. И не понадобится приезжать сюда завтра. Она уже от нас выписалась.

Глава 9

Я мог бы сэкономить время и добраться до района Риверсайд на такси, но у меня кончились наличные. Я жил в Западном Голливуде, а ближайший банк, работавший круглосуточно, находился на Большой кольцевой дороге. Поэтому сначала я добрался до центра и зашел в банк. Здесь я впервые смог оценить достоинство единой системы чековых книжек. Один-единственный кибернетический компьютер заменил собой центральный расчетный узел — он совершал операции по выдаче наличных денег во всех банках города. Кодом вклада служил изотопный индикатор на чековой книжке. Так что я получил денежки без задержки, как в своем банке, что напротив здания «Горничной инкорпорейтед».

Затем я воспользовался экспресс-полосой Риверсайдской дороги. Когда я добрался до храма, уже рассвело. Там не было никого, кроме дежурного, с которым я говорил по видеотелефону, и его жены, ночной сестры. Боюсь, выглядел я не лучшим образом: небритый, с запахом перегара и блуждающим взглядом. К тому же я еще не придумал сколько-нибудь правдоподобной истории. Тем не менее миссис Ларриган, ночная сестра, отнеслась ко мне с сочувствием и заботой. Она вынула фотографию из дела и спросила:

— Это она, ваша кузина, мистер Дейвис?

Да, это была Рикки. Без сомнения, она! О нет, не та Рикки, которую я знал, не маленькая девочка, но вполне зрелая молодая женщина лет двадцати или чуть постарше со взрослой и очень красивой внешностью. И она улыбалась с фотографии.

Но выражение глаз оставалось прежним, и все то же, не подвластное времени, очарование маленькой волшебницы. Без сомнения, это было лицо Рикки: округлившееся, повзрослевшее, удивительно красивое. Но вот оно подернулось дымкой — слезы навернулись мне на глаза.

— Да, — выдавил я из себя. — Да, это Рикки.

— Не следовало бы тебе показывать фотографию, Нэнси, — укоризненно сказал мистер Ларриган.

— Фу, Хенк. Что за беда, если я и показала ему фото.

— Ты же знаешь правила. — Он повернулся ко мне. — Мистер, я же сказал вам по телефону, что справок о клиентах мы не даем. Приходите сюда в десять часов, когда откроется справочная.

— А то возвращайтесь к восьми, доктор Бернстайн уже будет здесь, — добавила его жена.

— Помолчала бы ты, Нэнси. Если хочет навести справки, пусть идет к директору. Будто у Бернстайна других дел нет, как отвечать на вопросы. К тому же она не клиентка Бернстайна.

— Хенк, не лезь в бутылку. Буквоед ты, как есть буквоед. Если он торопится повидать ее, ему надо быть к десяти в Броули. — Она ободряюще улыбнулась мне. — Приходите лучше к восьми. Мы с мужем действительно не можем вам ничего такого сказать.

— А что насчет Броули? Она что, поехала в Броули?

Может, если б рядом не было мужа, она сказала бы больше. Она замялась, перехватив строгий взгляд мужа.

— Зайдите к доктору Бернстайну. Если вы не завтракали, тут поблизости есть воистину чудесное местечко.

Я зашел в это «воистину чудесное местечко», перекусил и купил в автоматах тюбик крема «Брадобрей» и свежую рубашку. Зайдя в туалет, сменил рубашку,

выбросив старую, и с помощью крема удалил выросшую за ночь щетину. Когда я вернулся в храм, то выглядел уже вполне прилично.

Похоже, Ларриган успел шепнуть обо мне доктору Бернстайну. Доктор был молод — видно, проходил при храме ординаторскую практику. Со мной он говорил довольно жестко.

— Мистер Дейвис, вы заявили, что сами были «дольгоспалом». Вы должны, естественно, знать, что есть преступники, которые, пользуясь доверчивостью и неиспользованностью только что «воскресших» к новым условиям, обманывают и обирают их. Обычно «воскресшие» чувствуют себя неуютно и одиноко в незнакомом им мире и порой немного напутаны. Большинство из них, обладая значительным состоянием, становятся легкой добычей для мошенников.

— Но все, что я хочу узнать, — куда она уехала! Я ее двоюродный брат. И я лег в холодный сон раньше ее и не знал, что она тоже собирается лечь!

— Вот и преступники, как правило, заявляют, что они родственники. — Он пристально взглянул на меня. — Я не мог вас видеть прежде?

— Сильно сомневаюсь. Разве что сталкивались на улице. — Всем всегда кажется, что они видели меня раньше. Лицо у меня принадлежит к одному из «двенацати стандартных типов»; в нем нет ничего примечательного. — Доктор, почему бы вам не позвонить насчет меня доктору Альбрехту в Сотельский храм и не выяснить все?

Он оставался непреклонным.

— Вам надо прийти еще раз и повидать директора. Может, он и позвонит в Сотельский храм... или в полицию — куда найдет нужным.

С тем я и ушел. Потом я, наверно, совершил ошибку. Вместо того чтобы вернуться и, вполне возможно, получить у директора точные сведения (заручившись помощью доктора Альбрехта), я схватил скоростное такси и помчался прямо в Броули.

Там у меня ушло три дня, чтобы обнаружить след Рикки. Да, действительно, и Рикки, и ее бабушка жили там — выяснил я это быстро. Но бабушка умерла

двадцать лет назад, а Рикки легла в холодный сон. В Броули всего каких-то сто тысяч населения — не то что в семимиллионном Большом Лос-Анджелесе, так что найти архивы двадцатилетней давности было не сложно. Гораздо труднее оказалось обнаружить след недельной давности.

Мне удалось выяснить, что Рикки кто-то сопровождал, я же до сих пор искал следы женщины, путешествовавшей в одиночку. Когда я узнал, что сопровождал ее мужчина, то первой мыслью было: она попала в руки одного из бандитов, о которых мне рассказывал доктор Бернстайн. Тут я с удвоенной энергией продолжил поиски. Но взял ложный след, и тот привел меня в Кейликсико; тогда я вернулся в Броули, начал все сначала и проследил их путь до Юмы. В Юме я прекратил преследование, так как узнал, что Рикки вышла замуж. А то, что я увидел в книге регистраций браков в мэрии, настолько меня потрясло... что я все бросил и ринулся в порт. Там, перед тем как отплыть скоростным кораблем в Денвер, я дал телеграмму Чаку с просьбой выгrestи все из моего стола в конторе и переправить мне на квартиру.

В Денвере я задержался ровно столько, сколько потребовалось на посещение магазина, поставляющего все необходимое для зубоврачебных кабинетов. Я не был в Денвере с тех пор, как он стал столицей, — после Шестинедельной войны мы с Майлзом поехали прямо в Калифорнию.

Теперь город меня потряс, я даже не мог отыскать Колфакс авеню. Все объекты, имевшие хоть малейшее значение для правительства, были, как я понял, упрытаны в глубь Скалистых гор. Но и незначительных объектов на поверхности, судя по всему, имелось превеликое множество — народу здесь было не меньше, чем в Большом Лос-Анджелесе. В магазине я купил десять килограммов золотой проволоки, изотоп 197. Я заплатил восемьдесят шесть долларов десять центов за килограмм, что, несомненно, дорогоевато, так как кило-

грамм технического золота стоил долларов семьдесят. Эта покупка нанесла ощутимый удар по моим сбережениям — а у меня всего-то и было 1000 долларов. Но техническое золото поступало либо с примесями, не встречавшимися в природе, либо — в зависимости от дальнейшего применения — содержавшее изотопы 196 или 198. Мне же нужно было чистое золото, не отличимое от золота, добывшего из руды; а то, от которого штаны могли загореться, — мне ни к чему.

Когда я схватил изрядную дозу в Сандиа, то хорошо понял — с радиацией шутки плохи.

Я обмотал золотую проволоку вокруг талии и отправился в Боулдер. Около десяти килограммов весит хорошо набитая сумка для поездки на выходные за город, а такого же веса слиток золота занял бы места не больше, чем литровая бутылка молока. Но золотая проволока — не то что золото в слитке: носить такой «поясок» я бы никому не советовал. Правда, тащить с собой слитки еще более неудобно, а так золото всегда было при мне.

Доктор Твишель все еще жил в Боулдере, хотя уже не работал, — он был заслуженный профессор в отставке и большую часть времени проводил в баре при факультетском клубе. Чужих туда не пускали, и я потратил четыре дня, пока поймал его в другом баре. И оказалось, что он не против выпить на дармовщинку.

Это был персонаж в духе классических древнегреческих трагедий: великий человек — больше чем великий, — превратившийся в старую развалину. Он мог бы по праву стоять в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном, а на самом же деле только несколько ученых — специалистов в области теории поля — оценили его научные труды по достоинству. А теперь, когда я с ним встретился, его блестящий ум притупился с годами, был отравлен ядом разочарования, затуманиен алкоголем. Сходное чувство испытываешь, когда видишь руины некогда величественного храма: обрушившаяся внутрь кровля, половина колонн повалена, все заросло диким виноградом.

Тем не менее башка и теперь у него варила получше, чем у меня в молодости. Уж я-то смогу

оценить по достоинству настоящего гения — если встречу такого.

Когда я впервые подошел к столику, за которым сидел Твишель, он поднял голову, взглянул прямо на меня и сказал:

— Опять вы!

— Извините?

— Разве вы не учились у меня?

— Да нет, сэр. Никогда не имел чести. — Обычно, когда кто-то говорит, что встречал меня раньше, я отрицаю, и довольно грубо. Тут я решил воспользоваться, если получится, удобным поводом для знакомства. — Вы, наверно, приняли меня за моего двоюродного брата, профессор. Он поступил в 1986 году и одно время учился у вас.

— Возможно. По какому предмету он специализировался?

— Ему пришлось бросить занятия, сэр, диплома он так и не получил. Но он был вашим поклонником. И при каждом удобном случае упоминает, что учился у вас.

Стоит похвалить ребенка — и вы наверняка подружитесь с матерью; вот и доктор Твишель после моих слов предложил мне присесть и даже позволил закашать для него выпивку. Четыре дня не прошли даром: до того как мне удалось завязать с ним знакомство, я собрал о нем кое-какие сведения в университетской библиотеке. Теперь я знал, какие он написал работы, куда их представлял, каких степеней и почетных званий был удостоен, автором каких книг являлся. Я даже попытался почитать одну из его последних публикаций, но она мне оказалась не по зубам, и на девятой странице я застрял, зато набрался в ней кое-каких технических терминов.

Ему я представился ярым поклонником научной мысли, сказал, что в настоящее время собираю материал для книги под условным названием «Невоспетые гении».

— И о чем она будет?

Я смущенно признался, что подумывал начать книгу с очерка о его жизненном пути и популярного пере-

сказа основных работ... при условии, если он посту-
пится своей широко известной скромностью. Конечно,
мне придется беспокоить его расспросами, так как в
основе должен быть фактический материал. Он считал,
что все это чушь, и не желал даже думать о такой
ерунде. Но я напомнил ему о долге перед будущими
поколениями, и он согласился обдумать мое предложе-
ние. На следующий день он явился в полной уверен-
ности, что я собираюсь записать его биографию и
посвятить ей не просто главу, а целую книгу. С этого
дня он говорил без остановки, а я все записывал...
действительно записывал. Дурачить его я не осмелил-
ся: время от времени он прерывал свой рассказ и
просил почитать, как получилось. Но о путешествии во
времени он не упоминал. Наконец я не выдержал.

— Профессор, правда ли, что, если б не некий
полковник, одно время прикомандированный к универ-
ситету, вам ничего не стоило получить Нобелевскую
премию?

Три минуты подряд он замысловато ругался.

— Кто вам это рассказал?

— Видите ли, профессор, когда я собирал материал
для статьи о Министерстве обороны — я ведь, кажет-
ся, упоминал об этом?

— Нет.

— Так вот, собирая там материал, я услышал всю
вашу историю от одного доктора философии — он
консультировал в соседнем отделе. Он прочитал отчет
полковника и был совершенно уверен, что, если б вам
позволили опубликовать результаты опытов, ваше имя
стало бы известно среди физиков...

— Хрмф! Тут он прав!

— Но я понял, что открытие засекречено... по
приказу того полковника... как бишь его... Плашбот-
том.

— Трашботтом. Трашботтом, сэр. Нудный, неум-
ный, надутый, наглый недоносок; его знаний хватало
лишь на то, чтобы отличить шляпу от фуражки. Да и
то с трудом.

— Остается сожалеть.

— О чём сожалеть, сэр? Что Трашботтем был не-
доносчиком? Так в этом виновата природа, а не я.

— Остается сожалеть, что мир так и не узнает об
открытии. Я понимаю, вам запретили говорить о нем.

— Кто вам это сказал? Что хочу, то и говорю!

— Я так понял, сэр... со слов моего друга из
Министерства обороны.

— Ххрмф!

Больше в тот вечер я ничего из него не вытянул.
Только через неделю он решился показать мне лабо-
раторию.

Все остальные лаборатории использовались другими
исследователями, но лаборатория Твишела все еще
числилась за ним. Ссылаясь на режим секретности, он
запретил даже входить в лабораторию и не позволил
демонтировать установку. Когда мы вошли в помеще-
ние лаборатории, запах там стоял, как в подвале, не
проводившем годами.

Он, как всегда, был пьян, но не настолько, чтобы на
все наплевать; да и на ногах держался твердо. А пил
он как лошадь. Он принялся излагать мне математиче-
ское обоснование теории времени и темпоральных
перемещений (он никогда не употреблял выражение
«путешествие во времени»), но записывать запретил.
Впрочем, в записях и так не было бы смысла, ибо
каждое обоснование он предварял словами: «Таким
образом, очевидно, что...» — и переходил к вещам,
очевидным только для него и Господа Бога, но ни для
кого больше.

Когда он выдохся, я спросил:

— От друга я слышал, что вам так и не удалось
отградуировать аппаратуру и поэтому нельзя точно
определить исходные данные по темпоральным пере-
мещениям. Так ли это?

— Что? Пустая болтовня! Если чего-то нельзя изме-
рить, так это уже не наука. — Некоторое время он
клокотал, словно чайник на плите, потом немного успо-
коился. — Смотрите сюда. Я покажу вам.

Он отвернулся и принялся налаживать аппаратуру.
Все его оборудование представляло собой то, что он
называл «фазовой темпоральной точкой», или просто

низкую платформу с решеткой по периметру и приборной доской, как у камеры низкого давления. Останься я один — уверен, что мне не составило бы труда разобраться в системе управления, но Твишель довольно резко приказал мне держаться от прибора подальше. Был там и восьмипозиционный самописец Брауна, несколько мощных соленоидных переключателей и дюжина других знакомых деталей, но без принципиальной схемы я не смог связать все воедино.

Он повернулся ко мне и спросил:

— Есть у вас мелочь?

Я вытащил из кармана горсть мелочи.

Он выбрал две новенькие пятидолларовые монеты — изящные шестиугольники из пластика, выпущенные в этом году. Лучше б он взял монеты помельче: с деньгами у меня было туго.

— Есть у вас нож?

— Да, сэр.

— Выцарапайте на них свои инициалы.

Я сделал, о чем он просил. Тогда он велел мне положить их рядом на площадку.

— Засеките время. Я установил шкалу перемещения ровно на неделю плюс-минус шесть секунд.

Я взглянул на часы. Доктор Твишель начал отсчитывать:

— Пять... четыре... три... два... один... пуск!

Я оторвал взгляд от часов. Монет не было. Не скажу, что глаза у меня полезли на лоб, — ведь Чак уже описывал мне подобный опыт. Но все-таки увидеть такое собственными глазами — совсем другое дело.

— Мы зайдем сюда через неделю и увидим, как одна из монет опять появится на том же месте, — оживленно говорил профессор Твишель. — А другая... Вы ведь видели их обе на площадке? И сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления, сэр.

Он действительно находился в добрых пятнадцати футах от решетки и от пульта не отходил ни на шаг

— Очень хорошо. Подойдите сюда. — Он полез в карман. — Вот одна из ваших монет. Другую получите обратно ровно через неделю. — Он передал мне зеленую пятидолларовую монету с моими инициалами.

Я ничего не ответил: трудно говорить, если у вас отвисла от удивления челюсть. А он продолжал:

— На прошлой неделе вы своими разговорами заудели меня за живое. И в среду я посетил лабораторию, впервые за... да, впервые за последний год. На площадке я нашел эту монету и понял, что произошло... произойдет... и что я опять воспользуюсь установкой. Но до сегодняшнего вечера я еще сомневался, стоит ли вам демонстрировать опыт.

Я повертел монету, разглядывая ее.

— И она была у вас в кармане, когда мы пришли сюда?

— Конечно.

— Но как она могла быть одновременно и в моем, и в вашем кармане?

— Милостивый Господи! Человек, не затем ли у тебя глаза, чтобы видеть? А мозг, чтобы мыслить? Вы что, не в состоянии воспринять простой факт только из-за того, что он лежит за пределами вашей скучной реальности? Вы принесли монету сюда в кармане сегодня вечером — и мы ее направили в прошлую неделю. Несколько дней назад я нашел ее здесь. Положил в карман. Принес сюда сегодня вечером. Ту же самую монету... или, чтобы быть точным, более поздний сегмент пространственно-временной структуры, но недельной давности, недельного пользования. И какая каналья сможет назвать эту монету «той же самой»? Нельзя же называть взрослого человека ребенком только потому, что тот вырос из ребенка. Он старше.

Я снова взглянул на монету.

— Профессор... забросьте меня на неделю назад.

— Об этом не может быть и речи, — сердито взглянув на меня, ответил он.

— Почему? Разве ваша установка не работает с людьми?

— Что? Конечно, она может работать и с людьми.

— Тогда почему бы не попробовать? Я не из трусливых. Только подумайте, как замечательно будет напечатать это в книге... если я напишу на основе *собственного опыта*, что установка перемещения во времени Твишела действует.

— Вы и так можете писать на основе собственного опыта. Вы только что видели сами.

— Да, — нехотя согласился я. — Но мне могут не поверить. Этот случай с монетами... Я-то видел и верю. Но кто-нибудь из читателей может подумать, что я простофиля, которого вы надули с помощью простого фокуса.

— Какого черта, сэр?

— Вот так и они могут сказать. Читателей невозможно будет убедить, что я описываю то, что видел своими глазами. Но если бы вы отправили меня всего на неделю назад, то я смог бы написать на основе собственного опыта, как...

— Садитесь. Послушайте, что я вам скажу. — Он уселся, но для меня стула не нашлось, а он, похоже, даже не заметил этого. — Я проводил опыты с людьми, давным-давно. Именно поэтому я и не намерен их когда-нибудь повторять.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не говорите ерунды. — Он сердито взглянул на меня и добавил: — Это не для книги.

— Как скажете, сэр.

— Серия предварительных опытов показала, что темпоральное перемещение не причиняет живым существам никакого вреда. Я доверился одному из коллег, молодому человеку — он преподавал рисование и другие предметы в архитектурном колледже. Он, конечно, был больше инженер-практик, чем ученый, но мне он нравился: у него был живой ум. Так вот, этот молодой человек — думаю, вреда не будет, если я назову вам его имя: Леонард Винсент, — горел желанием попробовать... попробовать всерьез. Он хотел подвергнуться перемещению на большое расстояние — пятьсот лет. И я не устоял — и позволил ему.

— И что случилось потом?

— Откуда я могу знать? Пятьсот лет — я просто не доживу, чтобы узнать...

— Так вы думаете, что он переместился в будущее?

— Или прошлое. Он мог оказаться и в пятнадцатом веке, и в двадцать четвертом. Возможности совершенно равные. Здесь нет определенности — соотношения возможностей симметричны... Иногда я думаю... нет, нет, случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имел в виду, так как внезапно тоже увидел сходство двух имен, и волосы у меня встали дыбом. Но я тут же постарался об этом забыть: у меня хватало своих заморочек. Кроме того, случайное сходство и есть случайное сходство: не мог же человек добраться до Италии из Колорадо — по крайней мере, в пятнадцатом столетии.

— Но я принял решение больше не поддаваться на уговоры. Это не наука, если нет результатов опыта. Хорошо, если он попал в будущее. Но если он переместился в прошлое... тогда вполне вероятно, что я послал своего друга на верную смерть к варварам. Или на съедение к диким зверям.

Или, что более вероятно, подумал я, он стал Великим Белым Богом*, но высказывать свою мысль не стал.

— Но меня-то не потребуется перемещать так далеко.

— Если вы не возражаете, сэр, давайте не будем больше об этом.

— Как вам угодно, профессор. — Но отступиться так просто я не мог. — Гм, могу я кое-что предложить?

— Что? Высказывайтесь.

— Можно получить похожие результаты, если провести репетицию?

— Что вы имеете в виду?

— Полный прогон, но вхолостую, а все готовливается в точности так, как если бы вы намеревались

* Великий Белый Бог, или Кецалькоатль, — одно из божеств древних майя.

переместить живое существо. Я сыграю роль живого существа. Мы все сделаем один к одному до того момента, когда вам следовало бы нажать вон ту кнопку. Тогда я разберусь в деталях... а пока мне не все ясно.

Твишель поворчал немного, но чувствовалось, что он сам не прочь похвастаться своей игрушкой. Он взвесил меня, потом подобрал несколько металлических болванок в точном соответствии с моей массой, то есть на сто семьдесят фунтов.

— На этих самых весах я взвешивал и бедного Винсента.

Мы вместе перенесли болванки на край платформы.

— Какой временной промежуток мы установим? — деловито спросил он. — Вы же у нас режиссер-постановщик.

— Вы говорили, что на вашей аппаратуре можно установить время довольно точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет, нет. Так, дайте подумать. Сегодня у нас двадцать четвертое мая... А что если на шкале установить, скажем, тридцать один год, три недели, один день, тринадцать минут и двадцать шесть секунд?

— Неудачная шутка, сэр. Когда я говорил «точно», я имел в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня нет возможности заниматься установкой требуемой вами точности — одной девятысотмиллионной.

— Вот-вот, теперь понимаю, профессор, насколько важна для меня наша репетиция, — я ведь так мало знаю обо всем этом. Ну, предположим, просто тридцать один год и три недели. Не очень утонченно?

— Нисколько. Максимальное значение ошибки не должно превысить двух часов. — Он принялся налаживать аппаратуру. — Можете занять место на платформе.

— И это все?

— Да. Остается подключить более мощную систему снабжения электроэнергией. Напряжение от сети, которое я использовал в опыте с монетами, для вашего перемещения не годится. Но поскольку мы не собира-

емся никого перемещать, то вопрос об энергоснабжении не имеет значения.

Я был разочарован и не скрывал этого.

— Выходит, у вас нет всего необходимого для такого перемещения? Вы просто теоретизировали?

— К черту, сэр! Я вовсе не теоретизировал!

— Но если у вас нет достаточного количества энергии...

— Будет и энергия, если вы так настаиваете. Подождите.

Он направился в дальний угол лаборатории к телефону. Аппарат, должно быть, висел здесь со дня основания лаборатории, — с тех пор как я проснулся, мне подобная модель не встречалась. Последовал короткий разговор с ночным диспетчером университетской подстанции: профессор легко обходился без ругательств; как настоящий мастер слова, он мог быть более язвительным, употребляя и обычные выражения.

— Меня совершенно не интересует ваше мнение. Почитайте инструкции. Вы подключите лабораторию, когда мне понадобится. Вы что, читать не умеете? Может, попросить завтра декана, чтобы он вам прочитал? А? Так вы умеете читать? И писать тоже? Или на это вас уже не хватает? Тогда запишите: ровно через восемь минут дать полное напряжение на аппаратуру Торнтоновской мемориальной лаборатории. Повторите. — Он повесил трубку на место. — Люди, люди!

Он подошел к пульта управления, пощелкал тумблерами и стал ждать. Даже с того места, где я стоял на платформе, можно было видеть, как дрогнули и поползли по шкале стрелки приборов, над пультом загорелась красная лампочка.

— Есть энергия! — объявил профессор.

— И что дальше?

— Ничего.

— Так я и думал.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что я сказал. Ничего и не произошло бы.

— Боюсь, не совсем понимаю вас. Надеюсь, что не понимаю. Ничего не произойдет до тех пор, пока я не замкну пусковой контакт. А если б замкнул, вы бы

переместились ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, ничего бы не произошло.

Он помрачнел.

— Я думаю, сэр, вы оскорбляете меня намеренно.

— Воспринимайте как хотите. Профессор, я пришел сюда проверить, насколько правдивы удивительные слухи о вашем открытии. Что ж, я проверил. Я увидел пульт с разноцветными огоньками на нем — чем не декорация для эффектного фильма об ученом-безумце? Я увидел балаганный трюк с парой монет. Да и трюком его не назовешь, — ведь монеты выбирали вы сами и сами объясняли мне, как их помечать; да любой ярмарочный фокусник сделает это лучше. Я слышал только разговоры, но сказать можно что угодно. Открытие, на которое вы претендуете, невозможно. Между прочим, в министерстве думают так же. Ваш ответ даже засекречивать не стали, просто подшили в папку курьезов; время от времени они достают его оттуда и дают почитать желающим повеселиться.

Я подумал, бедного старика вот-вот может хватить удара, но мне нужно было сыграть на единственной его чувствительной струне — тщеславии.

— Выходите оттуда, сэр. Выходите. Я вас сейчас изобью. Вот этими самыми руками изобью.

Он разъярился настолько, что действительно мог со мной справиться, несмотря на возраст, вес и состояние здоровья. Но я продолжал его подзадоривать:

— Не путайте меня, дедуля! Эта дурацкая кнопка и то меня не путает. Ну-ка, нажмите ее!

Он взглянул на меня, потом на кнопку, но нажать все еще не решался. А я выдохнул со смехом:

— Все это враки, как выражаются мальчишки. Твшел, вы самодовольный старый жулик, чучело гороховос. Полковник Трашботтем был абсолютно прав.

Вот после этих слов нервы его и не выдержали...

Глава 10

Когда он врезал по кнопке кулаком, я хотел крикнуть, чтобы он не делал этого. Но было слишком поздно — я уже куда-то провалился. Помню, я успел подумать, что не надо было мне доводить дело до конца. Я ведь терял все... И замучил до смерти бедного старикана, который не сделал мне ничего плохого... А я теперь даже не знал, куда меня несет... и смогу ли я добраться куда-либо вообще...

И тут я прибыл. Я упал с высоты фута в четыре, но, поскольку не был готов к падению, шлепнулся на землю, как мешок с картошкой.

— Откуда, черт побери, вы взялись? — спросил кто-то.

Я приподнялся и обнаружил, что сижу на гравии, присыпанном сосновыми иголками. Около меня стоял подбоченившись мужчина лет сорока, лысый, худощавый, но хорошо сложенный. У него был умный, проницательный взгляд, приятное выражение лица. Но сейчас он выглядел рассерженным. Рядом с мужчиной стояла симпатичная женщина гораздо моложе его. Она молча, широко раскрытыми глазами смотрела на меня.

— Где я? — глупо спросил я.

Я бы мог спросить: «В когда я?» — но это звучало бы еще глупее, да я и не подумал о таком вопросе.

Одного взгляда на них было достаточно, чтобы с уверенностью сказать — попал я не в 1970 год. Но и в 2001-м я не остался, судя по их внешнему виду. В 2001-м так одевались разве что для пляжа, а на этой парочке не было ничего, даже стиктейтского костюма, — только ровный слой загара. Но они, казалось, не стеснялись своей наготы и держались вполне не-принужденно. Итак, я, должно быть, попал не туда.

— Я уже первый задал вам вопрос, — возразил он. — Я спросил, как вы сюда попали. — Он взглянул наверх. — Ваш парашют не застрял в ветвях деревьев? Во всяком случае, что вы здесь делаете? Эта территория — частная собственность, там висит объявление. Вы нарушили право владения. И для чего вам этот карнавальный костюм?

По-моему, у меня-то с одеждой все было в порядке, особенно если учесть, как они сами были одеты, точнее, как они совсем не были одеты. Но я не ответил: другие времена, другие обычаи. Похоже, здесь меня ожидали неприятности.

Женщина дотронулась до его руки.

— Оставь его, Джои, — мягко сказала она. — Он, кажется, ушибся.

Мужчина повернулся к ней, потом снова бросил на меня внимательный взгляд.

— Вы ушиблись?

Я с трудом поднялся на ноги.

— Да нет, пожалуй. Отделался синяком, похоже. Гм, а какое сегодня число?

— Как? Ну, сегодня первое воскресенье мая, а число — третье. Верно, Дженини?

— Да, милый.

— Послушайте, — настаивал я, — я получил сильный удар по голове, у меня все спуталось. Какая сегодня дата? Полная дата, понимаете?

— Как — полная?

Мне бы помалкивать, пока я сам не выяснил, раздобыв календарь или газету. Но ждать было невыносимо.

— Какой сейчас год?

— Ну, братец, видно, тебя здорово садануло. Конечно, 1970-й. — И он снова принялся разглядывать мою одежду.

Трудно передать словами мое облегчение. Я добился, добился, чего хотел! Не опоздал...

— Спасибо. Огромное спасибо. Вы и представить себе не можете, как я вам благодарен. — Видя, что он все еще колеблется, не позвать ли кого на помощь, я поспешил добавить: — Я подвержен внезапным приступам амнезии. Однажды я потерял целых пять лет.

— Да, вам не позавидуешь, — медленно произнес он. — Вполне ли вы пришли в себя, чтобы ответить на мои вопросы?

— Не приставай к нему, милый, — ласково сказала Джейн. — Похоже, он славный парень и попал сюда по ошибке.

— Посмотрим. Итак?

— Да, теперь со мной все в порядке... Но тогда у меня спуталось все на свете.

— Ладно. Как вы сюда попали? И почему так одеты?

— Сказать по правде, я и сам не знаю, как здесь очутился. И не имею ни малейшего понятия, где нахожусь. Приступы накатывают всегда так внезапно... А одежда... Можно назвать это причудой. Гм... Вы тоже необычно одеты. Вернее, не одеты совсем.

Он взглянул вниз, на себя, и усмехнулся:

— Ах да. Я вполне осознаю, что то, как мы с женой одеты... точнее, что мы раздеться, потребовало бы объяснений... при определенных обстоятельствах. Но вместо этого мы бы предпочли получить объяснение от вас. Вы не здешний, не говоря уже о странности одежды. А мы живем здесь — так, как нам хочется. Эта территория принадлежит Денверскому клубу nudistов.

Джон и Дженин Саттоны оказались людьми по-своему утонченными, лишенными предрассудков и дружелюбными. Они были из тех, кого не пугает неожидан-

ный гость, — у них для него всегда найдется чашечка чая. Джона явно не устроили мои неуклюжие объяснения, и он все порывался устроить мне перекрестный допрос, но Дженнинодерживала его. Я твердо держалася версии о «внезапных приступах потери памяти» и сообщил, что со вчерашнего вечера, когда я был в Денверском Нью-Браун паласе, ничего не помню. Он выслушал меня и сказал:

— Ну ладно, все это очень интересно, даже увлекательно. Думаю, что кто-нибудь захватит вас в Боулдер, а оттуда автобусом доберетесь до Денвера. — Он вновь осмотрел меня с ног до головы. — Но если взять вас в клуб, боюсь, что ваше появление вызовет сильное любопытство.

Я осмотрел себя. И почувствовал неловкость оттого, что я был одет, а они нет. И при этом неестественно выглядел я, а не они.

— Джон, а не проще ли мне освободиться от одежды?

А что мне было стесняться? Правда, раньше я никогда не посещал лагеря nudистов — просто не видел в них смысла. Но мы с Чаком провели несколько выходных, загорая нагишом на пляжах в Санта-Барбара и Лагуна-Бич, но пляж — совсем другое дело.

— Конечно, так будет лучше, — кивнул он.

— Милый, — сказала Джейн. — Можно представить его как нашего гостя.

— М-м... верно. Моя единственная и неповторимая, направь-ка ты свое прекрасное тело в клуб. Повращайся там среди народа и постараися, чтобы всем стало известно, будто мы ждем гостя из... Откуда будет лучше, Дэнни?

— Из Лос-Анджелеса, Калифорния. Я ведь действительно оттуда. — Я чуть не сказал «из Большого Лос-Анджелеса» — и понял, что мне придется следить за своей речью. Не сказать бы «хваталка» вместо «кино».

— ... Из Лос-Анджелеса. «Дэнни из Лос-Анджелеса» — большего и не требуется. У нас не принято называть друг друга по фамилии, если кто-то сам того не захочет. Итак, сладость моя, представь дело так, будто всем об этом давно известно. Через полчасика

выйдешь к воротам — якобы встретить нас. А сама тем временем захвати мою спортивную сумку и иди сюда.

— А сумка зачем, милый?

— Чтобы спрятать этот маскарадный костюм. Уж очень он необычен... даже для такого любителя при чуд, каким нам отрекомендовался Дэнни.

Я поднялся и поспешил спуститься в сад, пока Дженнин Саттон оставалась в комнате. Иначе как мне потом объяснить Джону мою «стыдливость»? А в кустах никто не увидит, что под одеждой вокруг талии у меня намотана золотая проволока на двадцать тысяч долларов — по ценам 1970 года.

Много времени раздевание не заняло: из проволоки я предусмотрительно сплел пояс и для удобства сделал спереди застежку. Я завернул золото в одежду и постарался не показывать, как тяжел мой узелок. Джон Саттон взглянул на него, но ничего не сказал, а предложил сигарету. Пачку он носил за ремешком на лодыжке. Не думал я, что мне придется повстречать этот сорт сигарет снова!

Я по привычке помахал сигаретой в воздухе, но она не раскурилась. Джон дал мне прикурить.

— Ну а теперь, — заговорил он спокойно, — пока мы одни, вы ничего не хотите сказать мне? Поскольку я собрался поручиться за вас в нашем клубе, я должен быть совершенно уверен, что вы не причините никому никаких неприятностей.

Я затянулся, и в горле у меня запершило.

— Джон, я не причиню вам никаких неприятностей — поверьте, я вовсе не хочу этого.

— М-м... возможно. А если «внезапный приступ»?

Я задумался. Я оказался в совершенно идиотском положении. Он имел право узнать обо мне все. Скажи я правду — он, конечно, не поверит... но, по крайней мере, совесть у меня будет чиста. Но еще хуже, если он поверит мне, — дело может получить совершенно ненужную мне сейчас огласку. Будь я настоящим, честным, законным путешественником во времени, при бывшим с научными целями, я бы стремился к гласности, представил бы неопровергимые доказательства, при

ветствовал бы любые научные проверки... Но я был довольно подозрительным частным лицом, попавшим сюда обманным путем. Поэтому-то я и не хотел привлекать к себе внимания. Я просто тихо искал свою Дверь в Лето.

— Джон, если я скажу вам правду, вы мне не поверите.

— М-м... вероятно. Но поймите. Как гром среди ясного неба сверху сваливается человек... ударяется о землю и отделяется легкими ушибами. Он странно одет, он не имеет понятия, куда он попал и какое сегодня число. Дэнни, как большинство из нас, я читал Чарльза Форта*. Но стать свидетелем воплощения фантастики в жизнь — такого я никак не ожидал! Но раз уж я с этим столкнулся, то не думаю, что объяснение окажется столь же простым, как скажем, разгадка карточного фокуса. Так?

— Джон, по некоторым вашим высказываниям... по манере строить фразу я понял, что вы — юрист.

— Да, так оно и есть. Почему вы об этом спросили?

— Могу я сообщить вам сведения, не подлежащиеглашению?

— Хм другими словами, вы спрашиваете, можете ли стать моим клиентом?

— Если вы так ставите вопрос, то — да. Мне, вероятно, понадобится ваш совет.

— Принято. Гарантирую неразглашение.

— Прекрасно. Я — из будущего. Путешествую во времени.

Несколько минут он молчал. Мы лежали растянувшись на песке и загорали. Я — чтобы согреться, ибо май в Колорадо хоть и солнечный, но прохладный. Джон Саттон, похоже, не обращал внимания на свежий ветерок и размышлял, покусывая сосновую иголку.

— Что ж, вы правы, — наконец сказал он. — Я в это не верю. Давайте лучше придерживаться версии «внезапных приступов».

— Я же говорил, что вы не поверите.

* Ф о р т, Ч а р л ь з (1874 — 1932) — американский журналист и писатель.

Он вздохнул.

— Скажем, я не хочу верить. Не хочу верить в духов, в перерождение или в чудеса экстрасенсорного восприятия. Мне, как и многим людям, нравятся простые, доступные моему пониманию вещи. Так что мой первый совет — сохраните все в тайне. Не стоит об этом распространяться.

— Меня это вполне устраивает.

Он повернулся на спину.

— Думаю, неплохо бы эти одежды сжечь. Я вам подберу что-нибудь другое. Они горят?

— С трудом. Скорее — плавятся.

— Ботинки лучше снова надеть. Мы, как правило, носим обувь, и ваши сойдут. Если кто-то поинтересуется, скажете, что шили на заказ. Лечебная обувь.

— Это одно из их качеств.

— Вот и прекрасно. — Прежде чем я успел его остановить, он принялся разворачивать мою одежду. — Что за черт! — Останавливать его было слишком поздно, так что я позволил ему довести дело до конца. — Дэнни, — сказал он подозрительно, — это на самом деле то, чем мне кажется?

— А чем оно вам кажется?

— Золотом.

— Да, здесь золото.

— Где вы его взяли?

— Купил.

Он тронул мой пояс, пощупал обманчиво мягкий металл и взвесил его на руке.

— Вот те на! Дэнни... слушайте меня внимательно. Я задам вам вопрос, а вы хорошо подумайте, прежде чем на него ответить. Потому что мне не нужны клиенты, которые лгут. Я таких отшиваю. И у меня вовсе нет желания быть соучастником уголовного преступления. Вы приобрели золото законным путем?

— Да.

— Может, вам не известен Закон о золотом запасе от 1968 года?

— Известен. Я приобрел золото законным путем. И намереваюсь продать его за доллары. Монетному двору в Денвере.

— Патент ювелира имеется?

— Нет, Джон. Я сказал вам чистую правду, хотите — верьте, хотите — нет. Я купил его там, откуда прибыл, и совершенно легально, в магазине. Теперь я хочу превратить его в доллары при первом удобном случае. Я знаю, что хранить его незаконно. Что мне будет, если я приду в Монетный двор, вывалю золото на прилавок и попрошу взвесить?

— В конечном счете ничего... если они поверят в ваши «внезапные приступы». Но могут изрядно помочь вам нервы, пока вы чего-нибудь добьетесь. Мне кажется, вам лучше слегка измазать золото грязью.

— Вы имеете в виду — закопать его?

— Нет. Не надо кидаться в крайности. Но если то, что вы мне сказали, правда — вы нашли золото в горах. Ведь именно так старатели обычно находят золото.

— Что ж... как скажете. Я не против небольшой невинной лжи: золото все равно принадлежит мне по закону.

— Разве это ложь? Когда вы впервые увидели золото? Какого числа вы впервые вступили во владение им?

Я попытался припомнить. Купил я его в тот день, когда уехал из Юмы, то есть где-то в мае 2001 года. Примерно две недели назад...

— Тьфу ты!

— Пусть будет так, Джон... впервые я увидел это золото... сегодня, третьего мая 1970 года.

Он одобрительно кивнул.

— И нашли его в горах.

Саттоны оставались в клубе до понедельника, так что я задержался с ними. Другие члены клуба были вполне дружелюбны и на удивление нелюбопытны в отношении моих личных дел. Такого мне не приходилось встречать ни в одной компании, где я бывал прежде. Позднее я узнал, что именно это и считалось правилом хорошего тона в клубе nudistов. Тогда же

они показались мне самыми разумными и вежливыми людьми из всех, кого я встречал.

Джон и Дженни занимали отдельный домик на двоих, а я спал на раскладушке в одной из спален клуба. Там было чертовски холодно. На следующее утро Джон принес мне рубашку и синие джинсы. Золото мы снова завернули в мою одежду и засунули в сумку Джона. Сумку поставили в багажник его машины «ягуар-император». Судя по марке автомобиля, Джон был адвокатом не из дешевых. Правда, по его манере держаться я понял это еще раньше.

Следующую ночь я провел у них дома, а уже ко вторнику у меня появились кое-какие деньги. Золота я больше не видел, но через несколько недель Джон вернул мне его точный денежный эквивалент за вычетом обычных комиссионных. Я знал, что он имеет дела напрямую с Монетным двором, так как за каждую проданную порцию он приносил квитанции от покупателей. За свои услуги он не взял с меня ничего и никогда так и не посвятил в детали сделок.

Меня, честно говоря, детали и не интересовали. Раз у меня были деньги, я мог заняться делом. Уже во вторник, пятого мая, Джейн поехала со мной по городу, и я нашел небольшое чердачное помещение в старом торговом квартале. Я оборудовал его чертежным столом, верстаком, армейской складной кроватью и прочей необходимой мелочью. Там было электричество (120/240 вольт), газ, водопровод и туалет, а большего мне и не требовалось — я должен был экономить каждый цент.

Проектировать с помощью допотопных циркуля и рейсшины было медленно и утомительно, так что у меня не было ни одной свободной минуты. Поэтому, прежде чем строить заново «ловкого Фрэнка», я занялся «чертежником Дэном». Только теперь «ловкий Фрэнк» станет «всемогущим Питом», многоцелевым автоматом, сконструированным так, чтобы он мог делать все, что делает человек, — если, конечно, правильно задействовать торсеновские трубы. Я уже знал, что «всемогущий Пит» не останется таким, как я его планирую, — его потомки превратятся в специализи-

рованных роботов. Но мне необходимо было оформить патентные заявки на все, что возможно.

Для патентной заявки не требовалась действующая модель, достаточно было чертежей и описаний. Но модели нужны были мне — модели, которые бы прекрасно работали и легко управлялись. Эти модели должны были сами себя продавать; своей полезностью и очевидной экономичностью они не только показывали бы, что могут безотказно работать, но что они стоят денег, уплаченных за них. А то ведь патентные бюро завалены изобретениями, которые работают, но в коммерческом отношении ничего из себя не представляют

Работа продвигалась и быстро, и медленно; быстро — потому что я точно знал, чего добиваюсь; медленно — потому что у меня не было ни приличной мастерской, ни помощников. Наконец, скрепя сердце, я выкроил средства и взял напрокат кое-какое механизированное оборудование, и дела пошли быстрее. Я работал до изнеможения семь дней в неделю и позволял себе лишь раз в месяц провести выходные с Джоном и Дженни в их голозадом клубе неподалеку от Боулдера. К первому сентября обе модели уже были в рабочем состоянии, и можно было приступить к чертежам и описаниям. Я сделал эскизы лакированных корпусов и послал на фабрику заказы на их изготовление, а заодно и заказы на хромирование движущихся частей. Пожалуй, это единственное, что я не в состоянии был сделать сам. Жаль было тратить деньги, но я понимал, что без этого не обойтись. Конечно, я вовсю пользовался каталогом готовых стандартных деталей — самому мне их было не изготовить; правда, после завершения работы дохода они не дали бы никакого. А вот тратить деньги на заказные украшения мне было не по нутру.

Я сидел в мастерской почти безвылазно — времени на прогулки у меня не хватало, что, кстати, было и неплохо. Однажды я вышел купить сервопривод и наткнулся на знакомого из Калифорнии. Он заговорил со мной, и я, не сообразив, что делаю глупость, ответил.

— Привет, Дэн! Дэнни Дейвис! Не ожидал тут на тебя нарваться. Думал, ты в Мохаве.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Да, небольшая деловая поездка. Через пару дней собираюсь обратно.

— А я вернусь домой нынче вечером. Позвоню Майлзу и скажу, что встретил тебя.

Меня охватило беспокойство.

— Пожалуйста, не надо!

— Почему? Вы же с Майлзом как нитка с иголкой...

— Ну... видишь ли, Морт, Майлз не знает, что я здесь. Я должен быть сейчас в Альбукерке, по делам фирмы. Но прилетел сюда по причине сугубо личной, к фирме отношения не имеющей. Понимаешь? И говорить с Майлзом на эту тему мне не хотелось бы.

Он понимающе хмыкнул:

— Неприятности с женским полом?

— Да-да...

— Замужняя?

— Вроде того.

Он ткнул меня кулаком в ребра и подмигнул.

— Усек. Старина Майлз — человек добropорядочный, а? Ладно, я тебя покрою, а в следующий раз ты меня покроешь. Она хоть ничего?

«Покрыть бы тебя... — подумал я про себя, — придурак ты чертов». Морт был одним из тех никчёмных разъездных торговых агентов, которые, вместо того чтобы искать новую клиентуру, большую часть времени тратят на шуры-муры с официантками. Впрочем, товары, что он пытался всучить, были такие же дрянные, как и он сам, — прибыли они никогда не давали.

Но я угостил его в ближайшем баре и наплел с три короба о «замужней женщине». Пока он хвастался о своих (таких же неправдоподобных) подвигах, я слушал его и обдумывал новое изобретение. Наконец мне удалось от него избавиться.

Другой раз я нарвался на профессора Твишела и даже попытался угостить его — но ничего не вышло.

Я уселся на табурет у ресторанный стойки аптеки на Чампа-стрит и неожиданно в зеркале на стене напротив увидел Твишела. Первой мыслью было заползти под прилавок и спрятаться. Потом я овладел собой и сообразил, что из всех живущих в 1970 году его мне надо опасаться меньше всего. Ведь ничего еще не произошло... я хотел сказать «ничего не произойдет». Нет... не то. Я оставил попытки правильно выразить соотношение времен — мне стало ясно, что, когда путешествия во времени станут обычным делом, в английскую грамматику придется добавить целый ряд новых времен, чтобы отразить своего рода «возвратные состояния». Французские литературные и латинские исторические грамматические времена покажутся по сравнению с ними не такими уж сложными. Прощедшее ли, будущее ли — как бы то ни было, Твишела можно не опасаться, и я успокоился. Я долго рассматривал отражение его лица в зеркале, гадая, не обознался ли я. Нет, не обознался. Лицо Твишела трудно было спутать с чьим-нибудь другим — моим, к примеру. Оно было суровым, слегка высокомерным, самоуверенным и довольно красивым — такое лицо могло быть у Зевса. Я вспомнил, во что он превратился потом... и тем не менее я не ошибся — это был Твишель. Я поежился, представив его стариком и вспомнив, как плохо с ним обошелся. Интересно, чем ему сейчас можно польстить?

Твишель поймал в зеркале мой взгляд и повернулся ко мне.

— В чем дело?

— Да нет, я так... Вы ведь доктор Твишель? Из университета?

— Да, из Денверского университета. Разве мы знакомы?

Я чуть не оговорился, забыв, что в этом году он преподавал в городском университете. Помнить в двух временных плоскостях сразу — трудно.

— Нет, доктор, но я слушал ваши лекции. Можно сказать, я один из ваших поклонников.

Рот Твишела искривился в улыбке. Из этого я заключил, что его еще не съедало непреодолимое

желание выслушивать лесть в свой адрес; в этом возрасте он был уверен в себе, и мнение других о нем его не волновало.

— Вы уверены, что не спутали меня с какой-нибудь кинозвездой?

— О нет! Вы — доктор Хьюберт Твишель, великий физик.

Он опять изобразил подобие улыбки.

— Скажем, просто физик. Вернее — собираюсь им стать.

Мы немного поболтали, а когда он расправился со своим бутербродом, я стал приставать к нему, предлагаая выпить. Я сказал, что сочту за честь, если он позволит угостить его. Он покачал головой.

— Я почти не пью, а уж днем — никогда. Тем не менее спасибо. Приятно было познакомиться с вами. Если окажетесь поблизости от университета, заглядывайте ко мне в лабораторию.

Я сказал, что непременно загляну.

Но я не так уж часто делал оплошности в 1970 году (попав в него во второй раз), потому что уже знал, что к чему, да и большинство моих знакомых были в Калифорнии. Я решил, что если встречу еще кого-нибудь из знакомых, то живо скажу, окинув холодным взглядом, что впервые вижу.

Но мелочи тоже могут причинять неприятности. Я, например, никак не мог отвыкнуть от стиктайтского шва и снова привыкнуть к молнии. Мне не хватало и множества удобных мелочей, к которым я успел привыкнуть за шесть месяцев и уже воспринимал как само собой разумеющееся. И бритье! Мне опять пришлось бриться! Однажды я простудился. Этот ужасный призрак прошлого обрушился на меня по причине моей забывчивости. Я совершенно упустил из виду, что одежда может промокнуть под дождем. Хотел бы я, чтобы все эти изысканные эстеты, которые хулят прогресс и вздыхают о неповторимых прелестях прошлого, могли увидеть то, что видел я. Я привык к лучшим условиям жизни, и, пока опять не освоился в 1970 году, меня постиг ряд мелких разочарований: тарелки, на которых остывала пища; рубашки, которые надо было отдавать в стирку; зеркала в ванных, которые запоте-

вают в тот момент, когда вам надо причесаться после мытья; сопливые носы; грязь под ногами и в легких. Потом я привык ко всему этому, как собака привыкает к блохам.

Денвер в 1970 году еще оставался чудным старомодным городком — мне в нем очень нравилось. Еще не было ничего от продуманной путаницы нового плана, с какой я столкнулся (или столкнусь), когда приехал (или приеду) сюда из Юмы. В нем все еще было меньше двух миллионов жителей, и по улицам ездили автобусы и другой автомобильный транспорт. И все еще были улицы — так что я без труда нашел Колфакс авеню.

Денвер все еще привыкал к своей роли столицы и походил на мальчика, надевшего свой первый строгий вечерний костюм, — было ощущение какой-то неловкости. Денвер все еще тяготел к сапогам на высоких каблуках и гнусавому выговору жителей Запада, хотя знал, что ему суждено разрастись и стать многонациональным центром деловой и культурной жизни, с посольствами, шпионами и знаменитыми на весь мир ресторанами. Город застраивали на скорую руку и во всех направлениях, чтобы разместить бюрократов, лоббистов, посредников, секретарей-машинисток и всяко-го рода поддипал. Здания возводились с такой быстрой, что коров едва успевали сгонять с пастбищ, отведенных под застройку. И все-таки Денвер протянулся всего на несколько миль: на восток — за Аврору, на Север — до Хендерсона и на юг — до Литтлтона, но дальше, до Академии BBC, все еще лежали поля. На западе, правда, город полез в горы, и федеральные учреждения упрыгивались в скалы.

Так что Денвер во времена федерального бума мне нравился, но все же я мучительно хотел вернуться в свое собственное время.

Но мелочи не дают жить спокойно. Вскоре, после того как меня зачислили в штат «Горничной», я смог позволить себе полностью подлечить зубы и не думал, что мне когда-нибудь вновь придется обратиться к зубному врачу. Но в 1970 году у меня не было антикариесных таблеток, и в зубе появилось дупло. Боль сильно донимала меня, и пришлося пойти к дантисту.

Господи, я совсем забыл, что он увидит, заглянув ко мне в рот. Он поморгал, поводил зеркальцем вокруг зубов и наконец воскликнул:

— Великий Иосафат! У кого вы лечились?

— Аа-оо-ыы?

Он вынул наконец зеркальце из моего рта.

— Кто вам делал зубы? И как?

— Что? Вы о моих зубах? Я лечился в одной экспериментальной клинике... в Индии.

— Как они это делают?

— Откуда я знаю?

— М-м... подождите минутку. Я должен сделать несколько снимков. — Он начал возиться с рентгеновским аппаратом.

— Нет, нет, — горячо запротестовал я. — Просто вычистите эту дыру, заткните чем-нибудь и отпустите меня.

— Но...

— Извините, доктор, я очень тороплюсь.

Он оставил аппарат и занялся зубом, время от времени прерываясь, чтобы еще раз взглянуть на мои зубы. Я расплатился наличными и ушел, не оставив своего имени и адреса в регистрационной книге. Пожалуй, я мог бы ему разрешить сделать снимки, но помешала осторожность, ставшая уже рефлексом. Конечно, никому вреда от снимков не было бы; впрочем, и пользы тоже, так как рентгеновские лучи не показали бы сам процесс восстановления зубов, а я объяснить ему не смог бы.

Только в прошлом можно успеть сделать многое. По шестнадцать часов в день я потел над «чертежником Дэном» и «всемогущим Питом», но между делом успел кое-что предпринять. Действуя анонимно, через адвокатскую контору Джона, я обратился в частное сыскное агентство, имевшее отделения по всей стране, с запросом о прошлом Белл. Я сообщил им ее адрес, номер и марку автомашины (на руле легко можно найти отпечатки пальцев) и намекнул, что она, возможно, не раз побывала замужем и на нее наверняка заведено дело в полиции. Я должен был экономить и без того таявшие средства, и мне не по карману были

расследования, о которых написано столько увлекательных книг.

Не получив от них отчета через десять дней, я уже было подумал, что плакали мои денежки. Но спустя еще несколько дней в контору Джона был доставлен полосатый конверт.

Белл оказалась деловой дамой. Она была на шесть лет старше, чем утверждала; когда ей еще не исполнилось и восемнадцати, она уже успела дважды побывать замужем. Один из браков был не в счет: «супруг» уже имел семью; разведясь она со вторым «мужем», агентству не удалось бы все это раскрыть. После этого она еще четыре раза выходила замуж, хотя один из «браков» был сомнительным: скорее всего, имел место своеобразный рэкет — она сделалась «солдатской вдовой», взяв фамилию погибшего. Однажды она была разведена (официально), и один из ее мужей умер. Она могла быть все еще «замужем» за остальными.

Полицейское досье на нее было объемистым и весьма любопытным, но осуждена она была за уголовное преступление только однажды, в Небраске, и то условно. Это установили только по отпечаткам пальцев, так как она скрыла судимость, сменила имя и фамилию и присвоила себе новый номер в системе социального страхования. Агентство спрашивало, следит ли им уведомить власти штата Небраска.

Я ответил, чтобы они не затрудняли себя: срок давности истек, а сведения о ее прошлой судимости вряд ли кого заинтересуют. Интересно, как бы я поступил, если б она была осуждена за торговлю наркотиками? Необдуманные решения до добра не доводят.

Не успел я опомниться, как приблизился октябрь, а я отстал от своего графика: нужно было поторопиться с чертежами, да и описания из-за этого тоже не закончил, — ведь они должны быть взаимно увязаны. К заявке я вообще еще не приступал. Хуже всего было то, что я пока палец о палец не ударил для организации своего предприятия, но с этим можно было повременить: пока не закончена работа над моделями, показывать-то было нечего. Не было времени у меня и на то, чтобы завязать необходимые деловые

контакты. Я стал подумывать, что совершил ошибку, попросив профессора Твишела установить аппаратуру на тридцать один год и какие-то жалкие три недели, — мне бы надо было назвать срок, по крайней мере в тридцать два года. Я явно переоценил свои возможности и не рассчитал правильно время.

Я не показывал свои игрушки моим друзьям Саттонам не потому, что хотел скрыть их, а просто мне не нужны были лишние разговоры и бесполезные советы. В последнюю субботу сентября мы договорились поехать вместе в их клуб. Из-за отставания от собственного графика я накануне работал до поздней ночи; меня разбудил душераздирающий лязг будильника — мне нужно было успеть побриться до того, как они за мной заедут. Я выключил это орудие пытки и поблагодарил Бога, что в 2001 году от него избавились. Собравшись с силами, спустился позвонить из аптеки на углу Саттонам — сказать, что у меня много работы и я не смогу поехать.

К телефону подошла Джени.

— Дэнни, ты слишком много работаешь. Выходные за городом пойдут тебе на пользу.

— Ничего не поделаешь, Джени. Я должен работать. Простите меня.

Джон взял трубку.

— Что за вздор ты иссешь, Дэн?

— Мне просто надо работать, Джон. Просто надо — и все тут. Передай от меня привет всем в клубе.

Я вернулся на свой чердак, наскоро позавтракал и вернулся к описанию «чертежника Дэна».

Час спустя ко мне постучали Саттоны.

Отдыхать в горы мы так и не поехали, зато я демонстрировал им обе модели. «Чертежник Дэн» не произвел особого впечатления на Джени (она ведь не была инженером), но «всемогущий Пит» привел ее в восторг. Работу по дому ей помогала выполнять «горничная» (пятая модель), и она сразу поняла, что «Пит» может многое больше.

Но Джон оценил все преимущества «чертежника Дэна». Когда я показал ему, как могу изобразить свою подпись, неотличимую от настоящей, просто нажимая

на клавиши (признаюсь, я уже тренировался), брови у него полезли на лоб.

— Ну, парень, по твоей милости все чертежники без работы останутся.

— Да нет, не останутся. С каждым годом в нашей стране становится все меньше талантливых инженеров — эта машина поможет восполнить пробел. Через поколение она будет стоять в каждом конструкторском бюро. Без нее уже не смогут обходиться, как современный механик не обходится без электрического инструмента.

— Ты так говоришь, как будто знаешь наверняка.

— Так и есть.

Он обернулся и стал наблюдать за «Питом» — тот наводил порядок на верстаке. Потом снова взглянул на «чертежника Дэна».

— Дэнни, иногда я думаю, что ты, наверно, сказал мне правду, — помнишь, в тот день, когда мы встретились?

Я пожал плечами.

— Назови это предвидением, если хочешь... но я знаю наверняка. Уверен, что так и будет. Какая тебе разница?

— Пожалуй, никакой. Что ты собираешься делать с этими штуками?

— В том-то и загвоздка, Джон, — нахмурился я. — Я хороший инженер и, если понадобится, могу быть вполне приличным механиком. Но бизнесмен из меня никакой — в этом я убедился сам. Ты никогда не имел дела с патентными законами?

— Я уже тебе говорил, здесь нужен специалист.

— У тебе есть на примете кто-нибудь честный? И достаточно проворный. Настало время мне обзавестись патентным адвокатом. Мне нужно основать фирму и вести дела. Подготовить финансовое обоснование. На это у меня нет времени — я ужасно спешу.

— Почему?

— Я собираюсь вернуться туда, откуда появился. Он сел и долго молчал.

— Сколько у тебе времени?

— Примерно девять недель. Начиная со следующего вторника.

Он взглянул на машины, потом на меня.

— Тебе лучше бы пересмотреть сроки. По-моему, понадобится девять месяцев, не меньше. Но и тогда — при условии, если повезет, — ты только-только все подготовишь, чтобы приступить к производству.

— Джон, это невозможно.

— И я то же самое говорю.

— Я имею в виду, что нельзя пересмотреть сроки. Это от меня не зависит... сейчас. — Я спрятал лицо в ладони.

Я смертельно устал: мне удавалось поспать в среднем не больше пяти часов в сутки. Я дошел до такого состояния, что готов был поверить: от судьбы не уйдешь и бороться с ней бесполезно. Я взглянул на Джона.

— А ты не возьмешься управлять делом?

— Какой его частью?

— Целиком. Я уже сделал все, что умею делать.

— Это серьезный вексель, Дэнни. Я ведь могу тебя ограбить до нитки — ты хоть учитывашь такую вероятность? А ведь дело может стать золотой жилой.

— И станет. Я-то знаю.

— Тогда зачем доверять его мне? Лучше используй меня как адвоката на жалованье.

Я попытался обдумать его слова, но голова просто раскалывалась. Однажды у меня уже был компаньон, — но, черт возьми, независимо от того, сколько бы ты ни обижался, людям все равно надо верить. Иначе уподобишься отшельнику в пещере, который и во сне наческу. Опасности все равно никогда не избежать; жить и то смертельно опасно... Даже фатально. В конце жизни.

— Брось, Джон, ты же знаешь мой ответ наперед. Ты поверил мне. Теперь мне снова требуется твоя помощь. Ты мне поможешь?

— Конечно, поможет, — ласково вставила Дженини, — хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, он может мыть посуду? У тебя нет ни одной чистой тарелки.

— Что, Дженини? Наверно, может, ну да, конечно, он может.

— Тогда вели ему помыть посуду. Хочу посмотреть, как он с этим справляется.

— Извини, я еще не запрограммировал его на мытье посуды. Но если хочешь, то я сделаю это. Правда, работа займет несколько часов, но зато он сможет всегда мыть тарелки. Но первое время... видишь ли, мытье посуды требует множества вариантов выбора... Работа, так сказать, «мыслительная» — не то что относительно простое дело, вроде кладки кирпича или вождения грузовика.

— Господи! Я так рада — хоть один мужчина понимает, что такое работа по дому. Ты слышал, дорогой, что он сказал? Но не отрывайся от дела, Дэнни! Я сама помою посуду. — Она оглянулась вокруг. — Дэн, ты, мягко выражаясь, живешь в свинарнике.

Говоря по правде, у меня совершенно вылетело из головы, что «всемогущий Пит» может работать *на* меня. Я учил его работать на других — в области торговли и коммерции, например, — а сам просто заметал сор в угол или вообще не обращал на грязь никакого внимания. Теперь я начну учить его выполнять все работы по дому, и он станет делать их не хуже «ловкого Фрэнка», тем более что торсеноуских трубок в него вмонтировано в три раза больше.

И у меня теперь появилось время, чтобы осуществить задуманное, так как Джон принял на себя руководство делом.

Дженни печатала для нас описание, а для подготовки заявок Джон нанял патентного адвоката. Не знаю, заплатил ему Джон наличными или заинтересовал в будущих прибылях, — я не спрашивал. Я все передоверил ему, включая распределение общего пакета акций. Теперь, освобожденный Джоном от других забот, я мог спокойно заняться своей основной работой. Я думаю, что поступил правильно: если он будет решать все щекотливые вопросы, то никогда не поддастся искушению надуть меня, как это случилось с Майлзом. Да честно говоря, мне до всего прочего не было дела: деньги как таковые для меня не имели значения. Или я полностью доверял Джону и Дженни, или мне оставалось найти пещеру и стать отшельником.

Я настаивал только на двух пунктах.

— Джон, думаю, нам надо назвать фирму «Аладдин.

Производство автоматизированного оборудования».

— Звучит забавно. А чем плохо «Дейвис и Саттон»?

— Должно быть именно так, Джон.

— Неужели? Опять предвидение?

— Может быть, может быть. На фабричной марке изобразим Аладдина, который трет лампу, а над ним — вылетающего джинна. Я сделаю черновой набросок. И еще одно: лучше, если главная контора будет находиться в Лос-Анджелесе.

— Что? Ну, тут ты явно перебрал... То есть если хочешь, чтобы я вел дело... Чем тебе не нравится Денвер?

— Всем нравится, очень милый городишко. Но здесь нельзя построить завод. Стоит выбрать хорошее место для застройки, как однажды утром выяснится, что его забрало федеральное правительство, — и начинай все сначала. Кроме того, здесь не хватает рабочей силы, сырье придется доставлять издалека, со строительными материалами очень сложно. А в Лос-Анджелесе неограниченный запас квалифицированной рабочей силы, Лос-Анджелес — морской порт, Лос-Анджелес...

— А как насчет смога? Тоже одно из достоинств?

— Со смогом там скоро будет покончено, поверь мне. А ты не заметил, что в Денвере стали вырабатывать свой собственный смог?

— Подожди, Дэн. Ты мне дал ясно понять, что доверяешь вести дело; ты же займешься своей работой. Ладно, я согласен. Но должен же я иметь возможность выбирать условия работы?

— Непременно, Джон.

— Дэн, ни один нормальный человек не поедет из Колорадо жить в Калифорнию. Я служил там во время войны, так что я знаю. Возьми, к примеру, хоть Джени: она родом из Калифорнии — и втайне стыдится этого. Ее туда пирогами не заманишь. Здесь хоть можно различить времена года; зимы, свежий горный воздух, чудесная...

— Разве я зарекалась никогда не возвращаться в Калифорнию? — прервала его Джени.

— Что такое, дорогая?

Дженни во время нашего разговора спокойно вязала; если уж она заговорила, значит, ей есть что сказать. Она отложила спицы — добрый знак.

— Если мы переедем туда, милый, мы сможем вступить в «Клуб Дубовой долины» — они там купаются круглый год. Я как раз подумала об этом на прошлой неделе, когда увидела, что открытый бассейн в Боулдере покрыт льдом.

Я оставался в прошлом до второго декабря 1970 года — дольше уже было нельзя. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены за стандартные детали были грабительскими. Я предложил ему под обеспечение даже выписать закладную. Он дождался, пока я подпишу документ, взял его у меня из рук и, порвав, выбросил в корзину.

— Расплатишься, когда разбогатеешь.

— Это будет через тридцать лет, Джон.

— Так долго?

Я задумался. Со временем нашей первой встречи — шесть месяцев назад — Джон ни разу не предложил мне рассказать ему всю мою историю. Тогда он честно сказал, что не верит в саму возможность путешествия во времени, но тем не менее был готов поручиться за меня в своем клубе.

Я сказал ему, что, пожалуй, настало время рассказать все о себе.

— Разбудим Дженн? Она ведь тоже имеет право услышать обо всем.

— М-м... Нет. Пусть она подремлет до твоего отъезда. Дженн — очень цельная натура, Дэн. Если человек ей по душе, то для нее не имеет значения, кто он, откуда. Если ты не против, я ей перескажу все потом.

— Как знаешь.

Он внимательно слушал, время от времени наполнял стаканы; мой — имбирным пивом. У меня были причины не притрагиваться к алкоголю. Я дошел в своем

рассказе до того момента, когда приземлился на горном склоне близ Боулдера, и остановился.

— Ну вот и все. Хотя я запутался в одном вопросе. Я еще раз осмотрел склон, где я приземлился, и не думаю, что я упал с высоты большей, чем два этажа. Если при строительстве грунт углубили бы еще, я имею в виду — углубят, я был бы заживо погребен. Возможно, и убил бы вас обоих или, что хуже, взорвал бы все графство. Я не знаю, что происходит, когда две массы одновременно встречаются в одном и том же месте пространства.

Джон продолжал невозмутимо курить.

— Ну, — спросил я, — что скажешь?

— Дэнни, ты мне много рассказывал о том, как будет выглядеть Лос-Анджелес — я имею в виду Большой Лос-Анджелес. Когда мы встретимся, я скажу тебе, насколько точен был твой рассказ.

— Он точен. Разве что какие-то мелочи забылись.

— М-да... ты рассказал все довольно связно. Но тем не менее я все-таки считаю тебя самым приятным психом из всех, что встречал. Это не мешает тебе быть хорошим инженером... и другом. Ты мне нравишься, парень. К Рождеству я тебе куплю новую смирительную рубашку.

— Пусть будет по-твоему.

— А как же иначе? Не то сам стану сумасшедшим... и Дженнин придется мучиться со мной. — Он взглянул на часы. — Давай-ка ее разбудим. Если я позволю тебе уехать, не попрощавшись с ней, она с меня скальп снимет.

— Только не это!

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и Дженнин поцеловала меня на прощание.

Одннадцатичасовым рейсом я вылетел в Лос-Анджелес.

Глава 11

На следующий вечер, третьего декабря 1970 года, я взял такси и поехал к дому Майлза. Я не знал, в каком часу точно оказался там прошлый раз, и поэтому подъехал намного раньше. Отпустив такси за квартал до дома Майлза, я пошел пешком. Уже темнело, но у тротуара стояла только его машина. Я вернулся на сотню ярдов назад, выбрал место, откуда хорошо просматривался кусок тротуара перед домом, и стал ждать.

Две сигареты спустя подъехала другая машина и остановилась. Фары погасли. Я подождал еще несколько минут и поторопился к ней. Это была моя собственная машина.

Ключей от нее у меня не было, да они и не потребовались бы. Поскольку голова моя всегда была занята решением какой-нибудь инженерной проблемы, я давно выработал привычку хранить запасной комплект ключей в багажнике. Вот и теперь я достал их оттуда и залез в кабину. Машина стояла на полого спускавшемся участке дороги; я снял ее с ручного тормоза и, не зажигая фар и не включая зажигания, позволил ей катиться до угла и, только повернув, запустил двигатель и подъехал к переулку позади дома Майлза, как раз напротив дверей его гаража.

Гараж был закрыт. Я заглянул в грязное окно и различил что-то, покрытое куском брезента. По знакомым очертаниям я сразу определил, что это мой старый друг «ловкий Фрэнк».

Гаражные двери в Южной Калифорнии в 1970 году не были рассчитаны на взлом с помощью монтировки. Так что через считанные секунды я уже проник в гараж. Сперва я убедился, что записи и чертежи находятся там, где я и предполагал, — в ящике для инструментов. Я перенес их оттуда в машину и бросил прямо на пол. Затем принялся за «Фрэнка». Никто лучше меня не знал его устройства, да к тому же, как говорится, ломать — не строить, так что дело пошло споро. Но тем не менее провозиться мне пришлось около часа.

Я едва успел затолкать в багажник остатки «Фрэнка» — шасси от кресла на колесах и панцирь «электрической черепахи», как услышал вой Пита. Ругая себя за то, что так долго возился с «Фрэнком», я обошел гараж и поспешил на задний двор. Представление началось.

Я дал себе слово, что уж на этот раз обязательно наслажусь зрелищем великого боя Пита и разделю с ним торжество победы. Но я не мог ничего увидеть. Хотя задняя дверь была открыта и свет струился через решетку, которая закрывала проем, но я не мог видеть, что происходит внутри. Я только слышал топот, грохот падавшей мебели, леденивший кровь боевой клич Пита и визг Белл. Тогда я подкрался к решетке, надеясь хоть одним глазком взглянуть на кровавую бойню. Проклятая решетка была заперта на крючок! Это было единственное, что я не учел в своем плане! Я лихорадочно стал шарить в карманах, нашел перочинный нож, сломал ноготь, пока открывал его, потом просунул лезвие в щель и откинулся крючок. Едва я успел убрать нож, как Пит, словно каскадер-мотоциклист, таранивший забор, вдарили изнутри по решетке.

Я перелетел через розовый куст. Сомневаюсь, что Майлз и Белл пытались преследовать Пита, — я бы на их месте не рискнул. Сам же я притаился за кустом, чтобы меня не заметили. Спустя некоторое время я поднялся на ноги, постоял немного и двинулся вокруг

дома, подальше от открытой двери, из которой свет падал во двор. Теперь надо было подождать, пока Пит успокоится; только тогда его можно будет взять на руки — я-то знаю кошачьи повадки.

Каждый раз, когда он, крадучись, проходил мимо, то и дело издавая боевой клич, я ласково подзывал его:

— Пит! Иди сюда, Пит! Успокойся, мой мальчик, все в порядке.

Он знал, что я здесь, но не обращал на меня внимания, лишь дважды взглянул в мою сторону — и все. Кошки никогда не делают несколько дел сразу; он был теперь очень занят, и у него не было времени любезничать со мной. Но я был уверен, что он подойдет ко мне, как только поостынет.

Пока я ждал Пита сидя на корточках, из дома послышался шум воды — они ушли в ванну смывать кровь, оставив меня в гостиной. Тут мне в голову пришла жуткая мысль: а что произойдет, если проникнуть в дом и перерезать горло своему бесчувственному телу? Но я прогнал эту мысль прочь: не настолько я любопытен, да и самоубийство может стать заключительным экспериментом, даже если обстоятельства подкреплены математическими расчетами.

Но я никогда не мог этого постичь.

Кроме того, я вообще не хотел входить в этот дом. Я мог столкнуться с Майлзом — а покойник в моем положении был бы ни к чему.

Наконец Пит остановился передо мной, не дойдя фута три-четыре.

— Мрроуфф? — сказал он, подразумевая: «Давай-ка вернемся и очистим от них помещение. Ты ударишь сверху, я — снизу».

— Нет, мой мальчик. Операция завершена.

— Ооо, ма-а-ло-оо!

— Пора домой, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и принялся умываться. Закончив туалет, он взглянул на меня, и я протянул руки. Он прыгнул ко мне.

— Мрряу? («Где ты болтался, когда начался бой?»)

Я отнес его в машину и опустил на сиденье водителя — единственное свободное место. Он обнюхал же-

лезки, нагроможденные на его обычном месте, и с упреком посмотрел на меня.

— Придется тебе сидеть у меня на коленях, — объяснил я ему. — Кончай суетиться.

Я включил фары, и мы рванули вниз по улице. Потом я повернул направо, и мы направились в сторону Большого Медвежьего озера, к лагерю девочек-скакунов. Через десять минут я освободил от обломков «Фрэнка» переднее сиденье, и Пит занял свое законное место — к нашему обоюдному удовлетворению. Следующие несколько миль я продолжал очищать кабину от ненужного теперь железа, выбрасывая его через окно на обочину.

Затем остановился, поднял с пола записи и чертежи и швырнул их в канаву. Выше, уже в горах, я избавился от шасси кресла, сбросив его вниз, в сухое русло реки, — оно весело загрохотало по камням.

Около трех часов утра я подъехал к придорожному мотелю, недалеко от поворота к лагерю. Там я снял домик за бешеные деньги — Пит чуть не испортил все дело, поминутно высовывая голову из окна машины и вставляя замечания в наш разговор с хозяином.

— Когда приходит сюда утренняя почта из Лос-Анджелеса? — спросил я хозяина.

— Вертолет прилетает в семь тридцать, и ни минутой позже.

— Прекрасно. Разбудите меня в семь, ладно?

— Мистер, если вы сможете проспать здесь до семи, я вам завидую. Но ваш заказ запишу.

К восьми мы с Питом уже позавтракали, а я побрился и принял душ. Я осмотрел Пита при дневном свете и пришел к заключению, что он вышел из боя целым и невредимым, не считая одной-двух царапин. Мы выписались, и я свернул на частную дорогу к лагерю. Передо мной оттуда же свернул военный грузовичок с почтой — я решил, что это добрый знак и сегодня мне должно повезти.

Никогда в жизни я не видел столько маленьких девочек сразу. Они резвились, как котята, и были неотличимы друг от друга в зеленой скаутской форме. Большинство из них застенчиво поглядывали издалека, а те, что были поближе, во все глаза смотрели на Пита.

Я подошел к домику с надписью: «Штаб», где меня встретила еще одна скаутка в форме, но уже далеко не девочка.

Она ко мне отнеслась с естественной подозрительностью: незнакомый мужчина, спрашивавший разрешение посетить маленьких девочек, которые вот-вот превратятся в девушек, всегда подозрителен. Я объяснил ей, что я — дядя одной из них, фамилия моя Д. Б. Дейвис и мне надо сообщить кое-что, касающееся семьи моей племянницы. Она заявила, что посещать детей могут только родители, все остальные допускаются в лагерь только в их сопровождении и уж, во всяком случае, не с утра пораньше, а только с четырех часов.

— Мне необязательно разговаривать с Фредерики. Я должен лишь передать ей кое-что. И срочно, очень срочно.

— В таком случае напишите записку, а я передам ей, как только закончатся занятия по ритмике.

Я расстроился и постарался, чтобы она это заметила.

— Мне не хотелось бы писать записку. Для нее будет лучше, если передать все на словах.

— У вас в семье кто-то умер?

— Не совсем. Семейные неурядицы. Извините, но я не вправе говорить с кем-либо об этом. Речь идет о ее матери.

Она все еще колебалась. Но тут в беседу вступил Пит. Я держал его на согнутой левой руке, а правой придерживал за грудь: не хотелось оставлять его в машине, да и Рикки, я знал, будет не прочь увидеть его. Он терпел, пока я нес его сюда, а теперь ему захотелось размяться.

— Крварр?

Она взглянула на него.

— Ах ты мой хороший! У меня дома такой же полосатенький; может, они из одного помета?

— Это кот Фредерики, — торжественно сказал я. — Мне пришлось взять его с собой, потому что... так было нужно. За ним некому присматривать.

— Ах ты мой бедненький парнишечка! — Она почесала его за ухом и сделала, слава Богу, все как надо.

Пит принял ласку (еще раз слава Богу!), зажмурился, вытянул шею и разомлел до неприличия. Но он может очень сурово обойтись с незнакомыми людьми, если ему придется не по вкусу их метод завязывания с ним знакомства.

Наконец стражница смилилась и велела мне подождать за столом, что стоял под деревьями возле «штаба». Она посчитала возможным разрешить встречу здесь, где мы будем находиться под ее неусыпным наблюдением.

Я не заметил, как подошла Рикки.

— Дядя Дэнни! — неожиданно услышал я ее крик. Стоило мне повернуться, как она закричала опять: — Ты и Пита привез! Ой, как замечательно!

Пит издал долгий ликийющий «блррр» и перепрыгнул к ней на руки. Она ловко поймала его, пристроила, как он больше всего любил, и на некоторое время они забыли обо мне, занятые ритуалом кошачьего протокола. Потом она взглянула на меня и сказала уже сдержанно:

— Дядя Дэн, я ужасно рада, что ты приехал.

Я не поцеловал ее, даже не прикоснулся к ней. Я не из тех, кто любит тискать детей, да и Рикки не выносила нежностей и терпела их только по необходимости. Наши своеобразные родственные отношения держались на взаимном уважении чувства собственного достоинства и личной свободы.

Но уж рассмотреть-то я ее рассмотрел. Мускулистая, с торчащими коленками, еще не налившаяся, она не была уже такой хорошенькой, как в раннем детстве.

Она была одета в шорты и рубашку навыпуск с короткими рукавами; одежда, в сочетании с облезшей от загара кожей, царапинами, синяками, непременной грязью под ногтями, никак не усиливала ее женского очарования. Это был черновой набросок той женщины, в которую она превратится потом; угловатость девочки-подростка скрашивалась только огромными, не подетски серьезными глазами и волшебным очарованием ее перепачканной мордашки.

Она была просто восхитительна.

— И я ужасно рад, что приехал, Рикки.

Неловко пытаясь удержать Пита одной рукой, она другой вытащила из кармана иорт помятый конверт.

— Вот я удивилась! Мне только-только притащили с почты письмо от тебя, я его даже не успела распечатать. Ты написал, что приедешь сегодня?

— Нет, Рикки. Я написал, что собираюсь уехать. Но, уже отправив письмо, решил, что надо заехать к тебе и попрощаться.

Она помрачнела и опустила глаза.

— Так ты уезжаешь?

— Да. Я все тебе объясню, Рикки, потерпи немножко. Давай-ка присядем, и я тебе все расскажу по порядку.

Итак, мы уселись друг против друга за столом под раскидистыми ветвями деревьев, и я поведал ей обо всем. Между нами, на столе, в позе отдыхающего льва лежал Пит, положив передние лапы на конверт, мурлыча свою песню, похожую на жужжание пчел в клевере, и довольно жмурил глаза.

Я с облегчением обнаружил, что Рикки уже знала о браке Майлза и Белл, — мне было бы неприятно самому сообщать ей об этом. Она взглянула на меня, потом сразу же опустила глаза и равнодушно сказала:

— Да, я знаю, папа писал мне.

— Ах вот как...

Вдруг ее лицо приняло решительное выражение, и она твердо, совсем не по-детски, сказала:

— Я туда не вернусь, Дэнни. Ни за что не вернусь.

— Но... Послушай, Рикки-тики-тави, я тебя прекрасно понимаю. И конечно, не хочу, чтобы ты возвращалась туда; если бы я мог, то обязательно взял тебя с собой. Но как же ты можешь не вернуться? Ведь он твой пapa, а тебе всего одиннадцать.

— Я не обязана туда возвращаться. И он мне не настоящий пapa. Вот приедет бабушка и заберет меня с собой.

— Что? Когда она приедет?

— Завтра. Ей ведь надо добираться сюда из Броули. Я написала обо всем и спросила, могу ли жить с ней, потому что с папой больше я жить не буду — из-за этой. — Рикки сумела вложить в это местоимение столько презрения, сколько иной взрослый не выжмет

из ругательства. — Бабушка ответила, что если я не хочу там жить, так и не должна. Потому что он меня так и не удочерил и бабушка — мой... официальный опекун. — Она с беспокойством взглянула на меня. — Правда же? Они ведь не могут заставить меня жить с ними?

У меня словно гора с плеч свалилась. Единственное, что не давало мне покоя со времени моего «возвращения», — как уберечь Рикки, живи она эти два года в доме Майлза, от пагубного влияния Белл. Да, кажется, действительно так — почти два года.

— Ну, если он тебя так и не удочерил, то я уверен, что бабушка имеет полное право забрать тебя. Но вам обеим надо твердо стоять на своем. — Тут я вспомнил о порядках в лагере. — А вот завтра могут возникнуть осложнения. Вполне возможно, что тебя с ней не отпустят.

— А как, интересно, они могут меня задержать? Да я и спрашивать никого не буду — просто сяду к бабушке в машину и уеду.

— Все не так-то просто, Рикки. В лагере существуют определенные правила. Отец — я имею в виду Майлза — привез тебя сюда, и воспитатели не имеют права отпустить тебя из лагеря с кем-нибудь, кроме него.

Она выпятила нижнюю губу.

— Не пойду к нему. Поеду с бабушкой.

— Конечно, конечно. И я, пожалуй, научу тебя, как лучше сделать. Я бы на твоем месте не говорил им, что ты уезжаешь из лагеря насовсем; я бы просто сказал, что еду покататься с бабушкой, — и никогда не вернулся бы.

Она немного опешила.

— Точно!

— Ну так вот... сумку не собирай, а то они могут догадаться. Не бери ничего из одежды, а только что на тебе... Положи деньги и все, что ты хочешь захватить с собой, в карманы. Надеюсь, у тебя здесь не много такого, что жалко оставлять?

— Вроде нет, — задумчиво сказала она. — Вот только мой новенький купальник.

Ну как объяснишь ребенку, что иногда приходится бросать свой багаж?.. Он все равно не поймет и побежит в горящий дом спасать кукол или плюшевого медвежонка.

— М-м... Рикки, пусть бабушка скажет им, что она забирает тебя с собой в Эрроухед, искупаться... и вы, возможно, там в отеле и поужинаете, но к отбою ты вернешься. Тогда ты сможешь захватить с собой купальник и полотенце. Но ничего больше. Пойдет бабушка на то, чтобы привратить ради тебя?

— Наверно. Да, я уверена. Она ведь всегда говорит, что без невинной лжи людям было бы трудно выносить друг друга. Но она добавляет при этом, что враньем тоже надо уметь правильно пользоваться.

— По-моему, твоя бабушка — женщина здравомыслящая. Так ты сделаешь, как я сказал?

— Я так все в точности и сделаю, Дэнни.

— Вот и ладно. — Я взял со стола потрепанный конверт. — Рикки, я говорил, что должен уехать. Уехать надолго.

— На как долго?

— На тридцать лет.

Она широко распахнула глаза, так широко, что трудно было поверить, что такое возможно. В одиннадцать лет такой срок кажется не долгим — вечным. Я добавил:

— Извини. Извини, Рикки. Но мне правда надо уехать.

— Зачем?

Я не мог ответить на этот вопрос. Правдивый ответ звучал бы невероятно, а лгать было недопустимо.

— Рикки, мне очень трудно тебе сейчас все объяснить. Но я должен, и тут ничего не поделаешь. — Поколебавшись, я добавил: — Я ложусь в «долгий сон» — ты ведь знаешь, что это такое.

Она, конечно, знала. Дети гораздо быстрее взрослых привыкают к новым понятиям; сон в холоде стал излюбленной темой комиксов.

— Но, Дэнни, я ведь больше никогда тебя не увижу! — возразила она с ужасом.

— Нет, увидишь. Это долгий срок, но мы с тобой встретимся опять. И Пита ты тоже увидишь. Потому что Пит вместе со мной ложится в «долгий сон».

Она удрученно взглянула на Пита и нахмурилась еще больше.

— Но... Дэнни, почему бы вам с Питом не поехать в Броули, чтобы жить с нами? Так же будет намного лучше. Бабушке Пит понравится. И ты ей понравишься — она говорит, что мужчина в хозяйстве всегда пригодится.

— Но Рикки... милая Рикки... Я должен. Не мучь меня, пожалуйста. — Я принял раскрывать конверт.

Она взглянула на меня сердито, подбородок ее задрожал.

— Я знаю, это все из-за нее!

— Что? Ты имеешь в виду Белл? Нет, не из-за нее, во всяком случае не совсем из-за нее.

— Она что, разве не собирается спать в холодном сне вместе с тобой?

Меня даже передернуло.

— Господи, конечно, нет! Да я ее как увижу — за милю обегать буду!

Она, похоже, немного успокоилась.

— А знаешь, я так на тебя злилась из-за нее. Ты меня жутко обидел.

— Извини, Рикки. Я действительно виноват. Ты была права, а я — нет. Но она здесь ни при чем. Я с ней порвал на веки вечные, вот те крест! Ну а теперь об этом. — Я достал сертификат на все мои акции в «Горничной инкорпорейтед». — Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил ей.

— Я отдаю его тебе, Рикки. Поскольку я уезжаю на такой долгий срок, то хочу оставить его тебе.

Я достал письмо с доверенностью на ее имя, разорвал его и клочки сунул в карман. Надо было избежать любого риска — Белл ничего не стоило восстановить письмо по кусочкам, и мы еще были в пределах ее досягаемости. Я перечитал отпечатанный типографским способом текст передаточной надписи на обороте сер-

тификата, раздумывая, как бы передать его в Американский банк как доверительную собственность.

— Рикки, как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве — Джентри? Ты же сама сказала, что Майлз так и не удочерил тебя.

— Ой! Сколько себя помню, все зовут меня Рикки Джентри. А ты про мою настоящую фамилию? Хайнеке... как у бабушки и у моего настоящего папы. Но никто меня так не называет.

— Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнеке» — и добавил: «и переписать в ее собственность в день, когда ей исполнится двадцать один год». Тут у меня мурашки побежали по спине: до меня вдруг дошло, что мое первое поручение, которое я разорвал, могло быть вообще не принято банком, — в спешке мне не пришло в голову его заверить.

Тут я заметил, что наш цербер высунула голову из окна конторы. Взглянув на часы, я понял, что мы разговариваем целый час. Мое время истекало. Но надо было доводить дело до конца.

— Мэм?

— Да?

— Нет ли случайно здесь кого-нибудь, кто мог бы заверить документ? Может быть, в деревне есть нотариус?

— Я нотариус. Что вам угодно?

— О Господи, замечательно! У вас и печать с собой?

— Я всегда ношу ее с собой.

В ее присутствии я подписал передаточную надпись на сертификате, и она даже погрешила немного против истины, использовав полную нотариальную форму: «...известный мне лично вышеозначенный Д. Б. Дейвис». (Разве Рикки не убедила ее, что знает меня, а Пит не свидетельствовал молчаливо в мою пользу, как полноправного члена братства кошатников?) Когда она наложила на мою и свою подпись гербовую печать, я вздохнул с облегчением. Пусть-ка Белл попробует теперь подделать такой документ!

Она с любопытством посмотрела на меня, но ничего не сказала. А я провозгласил торжественно:

— То, что произошло, не воротишь, но с вашей помощью мы кое-что исправили. Ребенок сможет получить образование.

Она отвергла плату и ушла в домик. Я повернулся к Рикки и сказал:

— Отдай это бабушке и скажи, чтобы она отнесла документ в отделение Американского банка в Броули. Там сделают все остальное. — Я положил перед ней сертификат.

Она даже не дотронулась до него.

— Это стоит много денег, да?

— Довольно много. Но будет стоить еще больше.

— Я не хочу.

— Но, Рикки, я хочу, чтобы это было у тебя.

— Не хочу я. Не возьму. — Глаза у нее наполнились слезами, и голос задрожал. — Ты ведь уезжаешь навсегда... и... тебе больше нет до меня дела. — Она всхлипнула. — Совсем как тогда, когда ты обручился с ней. А мог бы спокойно взять Пита и жить с бабушкой и со мной. Не хочу я твоих денег!

— Послушай меня, Рикки. Теперь уж слишком поздно, я не могу взять документ обратно, даже если бы и захотел. Он теперь твой.

— А мне все равно. Я к нему не притронусь. — Она протянула руку и погладила Пита. — Пит бы не уехал и не оставил меня одну... да только ты заберешь его с собой. И теперь у меня даже Пита не будет.

— Рикки! Рикки-тики-тави! Хочешь увидеть Пита... и меня снова?

— Конечно, хочу. Но уже не увижу.

Я с трудом разобрал, что она прошептала.

— Почему не увидишь? Увидишь!

— Как это? Ты ведь сказал, что ложишься в «долгий сон»... на тридцать лет, — сам сказал.

— Да, так и есть. Должен лечь. Слушай, Рикки, вот что можно сделать, чтобы мы встретились. Будь умницей, поезжай к бабушке, ходи в школу, а деньги пусть копятся. И к двадцати одному году у тебя будет достаточно денег, чтобы самой лечь в «долгий сон», если, конечно, ты к тому времени не передумаешь

увидеться с нами. А когда проснешься, мы будем поджидать тебя там — Пит и я. Торжественно обещаем.

Она немного успокоилась, но еще не улыбалась. После долгого раздумья она наконец спросила:

— Вы и вправду там будете?

— Да. Но нам с тобой надо точно договориться. Если ты решила, сделай, как я скажу: обратись в «Космополитен». Это страховая компания. И при оформлении документов не забудь указать, чтобы тебя обязательно поместили в Риверсайдский храм... и распорядись, чтобы тебя разбудили в первый день мая 2001 года — ни позже и ни раньше. Именно в этот день я буду тебя встречать. Если захочешь, чтобы я присутствовал при твоем пробуждении, специально оговори это при оформлении, иначе дальше комнаты ожидания меня не пустят, — знаю я тамошних въедливых служителей. — Я достал конверт с запиской, заготовленной еще в Денвере. — Тебе необязательно запоминать, что я сказал, — тут все написано. Сохрани его, а в день совершеннолетия решишь, как тебе поступить. Но в любом случае мы с Питом будем тебя ждать. — И я положил конверт с наставлениями поверх сертификата.

Мне показалось, что я убедил ее, но она и теперь не дотронулась до бумаг. Она лишь пристально взглянула на них, а потом тихо сказала:

— Дэнни...

— Да, Рикки?

Она опустила глаза и продолжала так тихо, что я с трудом разбирал слова:

— Если все так и будет... ты женишься на мне?

Кровь бросилась мне в лицо. В глазах потемнело. Но ответил я твердо и внятно:

— Да, Рикки. Этого-то я и хочу. Потому я ложусь в «долгий сон».

Я оставил ей еще один конверт — с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлза Джентри». Я ничего не стал объяснять ей — просто попросил сохранить.

В нем содержались улики, изобличавшие Белл в брачных аферах и других ее преступных деяниях; с их помощью любой адвокат без труда выиграет процесс о завещании Майлза в пользу Рикки.

Потом я снял с пальца кольцо, полученное при окончании института, — другого у меня не было — и отдал ей, сказав, что мы теперь обручены.

— Оно тебе великовато, но ты сохрани его. Когда проснешься, я подарю тебе другое.

Она крепко зажала кольцо в кулаке.

— Не надо мне никакого другого.

— Ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рикки. Пора ехать, у меня нет ни минуты.

Она крепко обняла Пита и передала его мне, пристально глядя мне в глаза. По ее лицу, оставляя на грязных щеках две дорожки, текли слезы.

— Прощай, Дэнни.

— Не «прощай», Рикки, а «до свидания». Мы будем ждать тебя.

В четверть десятого я вернулся к мотелю. Оказалось, что автобус в аэропорт уходит из центра городка через двадцать минут. Я отыскал единственного здешнего торговца подержанными автомобилями и сбыл ему свою машину за полцены, получив тут же наличными. Вероятно, эта была самая скорая сделка в истории торговли. Оставшегося времени едва хватило, чтобы тайком протащить Пита в автобус (летный персонал недолюбливает страдающих воздушной болезнью котов), и в одиннадцать с минутами мы уже были в кабинете мистера Паузэлла.

Мистер Паузэлл был очень недоволен, что я отказался вверить заботам Всеобщей свои капиталы, и вознамерился прочитать мне мораль по поводу потери документов.

— Не могу же я просто просить судью во второй раз заверить одни и те же документы, а ведь еще и суток не прошло. Это выходит за всякие рамки.

Я помахал перед его лицом пачкой денег с весьма впечатляющими цифрами на банкнотах:

— В ваши обязанности не входит мотать мне нервы, господин блюститель. Хотите, чтоб я был вашим клиентом? Если нет, так и скажите, я ведь могу пойти в «Центральную долину». Потому что лечь в «долгий сон» мне нужно именно сегодня.

Он все еще кипел от злости, но, похоже, сдался. Потом он начал ворчать о дополнительных шести месяцах холодного сна и ни за что не хотел гарантировать точную дату пробуждения.

— В контрактах обычно указывается: «Плюс-минус один месяц на усмотрение администрации с целью избежания риска при пробуждении».

— А в моем контракте не указывайте. В нем должна стоять точная дата: «27 апреля 2001 года». И мне плевать, будет ли это написано в бланке Всеобщей или «Центральной долины». Вы продаете, мистер Пауэлл, а я покупаю. Не можете продать, что мне надо, так я пойду туда, где могут.

Он внес изменения в контракт, и мы заверили его своими подписями.

Ровно в двенадцать я предстал перед врачом для заключительного осмотра. Он внимательно взглянул на меня:

— Ты пил?

— Трезв как стеклышко.

— Это еще выяснить надо. Увидим.

Обследовал он меня не менее тщательно, чем «вчера». Наконец он отложил свой резиновый молоток и сказал:

— Удивительно. Ты же в гораздо лучшем состоянии, чем вчера. Просто поразительно.

— Эх, знали бы вы хоть сотую долю всего, док...

Я взял Пита на руки и гладил его, пока ему делали успокоительный укол. Потом лег сам, и меня принялись готовить к холодному сну. Я мог бы, конечно, и подождать еще день-два, но, честно говоря, мне очень не терпелось поскорей оказаться в 2001 году.

Около четырех я мирно уснул; на груди у меня покоялась голова Пита.

Глава 12

На этот раз я видел более приятные сны. Только однажды мне приснился сон, навеявший чувство разочарования и безысходности. Будто я шел и шел, дрожа от холода, бесконечными коридорами, заглядывая во все двери в надежде, что уж следующая непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рикки. Пит мешал мне, то и дело забегая вперед; у котов есть такая вредная привычка — шмыгать под ногами туда-сюда, если, конечно, они уверены в своей полной безнаказанности. Перед каждой дверью он проскакивал у меня между ног, выглядывал наружу, убеждался, что там все та же зима, и отпрыгивал назад, едва не сбивая меня с ног. Но нас с ним не оставляла надежда, что уж следующая-то дверь обязательно будет Дверью в Лето.

На этот раз я проснулся легко: все мне было уже привычно. Доктор был даже несколько раздосадован, что я не захотел поболтать с ним, а сразу спросил завтрак и «Таймс». Вряд ли стоило объяснять ему, что мне не впервые выходить из анабиоза: все равно он бы мне не поверил.

Меня ожидала недельной давности записка от Джона.
«Дорогой Дэн!

Ты оказался прав. И как тебе удалось все предугадать?

Выполняю твою просьбу и не встречаю тебя, но Дженни этим недовольна. Я как мог объяснил ей, что первое время ты будешь очень занят; а пока она посыпает тебе сердечный привет и надеется, что мы вскоре увидимся. У нас все в порядке, хотя я потихоньку начинаю сдавать. Дженни же еще больше похорошела.

Hasta la vista, amigo*.

P. S. Если приложенной к письму суммы недостаточно — позвони. Возьмем еще там, где их делают. Я считаю, что фирма наша процветает.

Джон».

Сперва я собрался было позвонить Джону — по-приветствовать его и рассказать о блестящей мысли, пришедшей мне в голову во сне: сделать штуковину, которая превратит купание в ванне из обычной гигиенической процедуры в тонкое удовольствие. Но потом раздумал: сперва надо было заняться другим. А пока я не забыл подробностей нового замысла, я кое-что записал. Вскоре я заснул. Заснул и Пит, сунув голову мне под мышку. Надо было отучить его от этого. Приятно, но не очень удобно.

Тридцатого апреля, в понедельник, я выписался и отправился в Риверсайд, где снял комнату в гостинице. Как я и ожидал, по поводу Пита возникли сложности: автоматический коридорный взяток не берет — тоже мне усовершенствование; по счастью, человеческое естество помощника управляющего оказалось более восприимчивым. Он внял моим доводам — хрустящим и весомым. В ту ночь я спал плохо. Очень волновался перед встречей с Рикки.

На следующий день в десять утра я уже представился директору Риверсайдского храма.

— Доктор Рамси, меня зовут Дэниел Б. Дейвис. Есть у вас клиентка по имени Фредерика Хайнеке?

— Полагаю, у вас имеется удостоверение личности?

Я показал ему свои водительские права, выданные в 1970 году в Денвере, и свидетельство о выписке из

* До свидания, друг (исп.).

храма «Лесная лужайка». Он внимательно прочитал бумаги и вернул их мне.

— Я знаю, что ее должны разбудить сегодня, — взволнованно сказал я. — Распорядилась ли она разрешить мне присутствовать при этом? Я не имею в виду сам процесс — только ту минуту, когда она возвратится к нормальной жизни.

Он выпятил нижнюю губу и безразлично взглянул на меня.

— У нас нет указаний относительно того, чтобы вышесказанную клисентку разбудить сегодня.

— Нет? — переспросил я рассторянио.

— Нет. Она пожелала, чтобы ее разбудили небольшой сегодня, но именно в тот день, когда вы появитесь у нас. — Он оглядел меня и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце. На первый взгляд этого не скажешь.

Я вздохнул с облегчением.

— Спасибо, доктор.

— Подождите в вестибюле или погуляйте. В вашем распоряжении часа два.

Я вышел в вестибюль, забрал Пита, и мы отправились на прогулку. Я поместил его в новую дорожную сумку, но он ею был не очень-то доволен, хотя я постарался подыскать в магазине точную такую же, как и прежняя, даже прорезал в ней окно. Может, запах его не устраивал?

Мы прошли мимо «воистину чудесного местечка», но я не был голоден, несмотря на облегченный завтрак, — Пит съел мою порцию яиц, отворотив морду от дрожжевых полосок. В одиннадцать тридцать я вернулся в храм. Наконец меня впустили к Рикки.

Я мог видеть только ее лицо; тело было накрыто. Да, это была моя Рикки, но она уже стала взрослой женщиной. А выглядела — как дремлющий ангел.

— Она сейчас выходит из состояния гипноза, — мягко сказал доктор Рамси. — Стойте здесь, я сейчас начну ее будить. Да, а кошку бы лучше убрать отсюда.

— Нет, доктор.

Он хотел было что-то сказать, потом пожал плечами и повернулся к пациентке.

— Просыпайтесь, Фредерика. Просыпайтесь. Вы должны сейчас проснуться.

Веки дрогнули, и она открыла глаза. Блуждающий взгляд остановился на нас, и она сонно улыбнулась:

— Дэнни... и Пит. — Она протянула к нам руки — и на большом пальце ее левой руки я увидел свое кольцо.

Пит мяукнул, прыгнул на кровать и принял терье о ее плечо, по-своему выражая радость встречи.

Доктор Рамси хотел оставить ее в палате до утра, но Рикки наотрез отказалась. Я подогнал такси к двери храма, и мы рванули в Броули. Бабушка Рикки умерла в 1980 году, а других родственников у нее не было. Но она оставила там на хранение кое-что из вещей — в основном книги. Я распорядился отправить их в «Аладдин», на имя Джона Саттона. Рикки была немножко ошеломлена изменениями, произошедшими в родном городе, и ни на миг не отпускала мою руку. Слава Богу, она оказалась не подверженной ностальгии, той страшной опасности, что таит в себе «сон». Просто она хотела уехать из Броули как можно быстрее.

Поэтому я нанял другое такси, и на нем мы добрались до Юмы. Там, в книге актов гражданского состояния графства, красивым округлым почерком я вывел свое полное имя: «Дэниел Бун Дейвис», чтобы ни у кого не возникло сомнений — Д. Б. Дейвис подписался под своим «magnum opus». Несколько минут спустя я уже стоял, держа в ладони маленькую руку, и, задыхаясь от волнения, произносил:

— Я, Дэниел, беру тебя, Фредерика, в жены... до тех пор, пока смерть не разлучит нас...

Моим шафером был Пит, а свидетелей мы нашли прямо в мэрии.

Из Юмы мы направились в гостиницу — ранчо близ Таксона — и заняли коттедж подальше от центрального корпуса. В обслужении у нас был гостиничный

«трудяга», а больше нам никого и не требовалось. Пит выиграл историческую битву у кота, который до нашего приезда считался хозяином округи, после чего нам пришлось держать Пита взаперти или следить за ним во время прогулок. Насколько я помню, это было единственным неудобством. Рикки восприняла замужество как нечто само собой разумеющееся, а я — у меня была Рикки, и этим все сказано.

Ну вот, пожалуй, и все. Рикки оказалась самым крупным держателем акций «Горничной инкорпорейтед», и я воспользовался этим, чтобы обеспечить Макби более спокойную жизнь на должности «Заслуженного инженера-исследователя», Чака я сделал главным инженером. Джон по-прежнему стоит во главе «Аладдина», но все время угрожает, что подаст в отставку, — надеюсь, что дело до этого не дойдет. Он предусмотрительно выпустил привилегированный пакет акций и облигации, так что теперь Дженни, он и я контролируем дело. Я не вхожу в совет директоров ни одной из корпораций и не управляю — вещь полезная; не зря Дарвин придумал естественный отбор.

А сам я — Проектная компания Дейвиса: чертежное ателье, небольшая мастерская да старик механик. Он считает меня тронутым, но с абсолютной точностью изготавливает детали по моим чертежам. Когда дело у нас подойдет к концу, я продам лицензию и примусь за что-нибудь новенькое.

Я расшифровал записи бесед с Твишелом. Написал ему об этом, добавив, что я совершил путешествие во времени и вернулся обратно с помощью холодного сна... Еще я униженно просил простить меня за «подначку»; спросил его, не хочет ли он прочитать рукопись книги, когда она будет закончена. Он так и не ответил, — наверно, до сих пор злится.

Но я все-таки пишу книгу, а когда закончу — разошлю во все крупнейшие библиотеки. Даже если мне придется издать ее за свой счет. Я ведь в неоплатном долгу перед ним. Больше того — я обязан ему

нашой встречей с Рикки и с Питом. Книгу я озаглавил «Невоспетый гений».

Дженни и Джон выглядят так, словно и не прошло тридцати с лишним лет, — этим они обязаны достижениям гериатрии, свежему воздуху, солнцу, гимнастике и уравновешенному характеру. Дженни даже похорошела в свои... да, пожалуй, шестьдесят три! Джон все так же считает меня «просто» ясновидящим и не желаёт взглянуть правде в глаза. Как мне это удалось? Я пытался объяснить все Рикки. Но она страшно расстроилась, узнав, что, когда мы проводили медовый месяц, я в то же время, совершенно очевидно, находился в Боулдере, а когда разговаривал с нею в скаутском лагере, одновременно лежал в наркотическом оцепенении в долине Сан-Фернандо.

Выслушав меня, она побледнела. А я продолжал:

— Давай рассуждать отвлеченно. Теоретически. Тут все ясно. Скажем, берем морскую свинку — белую с коричневыми пятнами, сажаем ее на темпоральную платформу и отправляем на неделю назад. Но неделю назад мы ее уже нашли там, и с тех пор она сидит в клетке сама с собой. Так что теперь у нас две морские свинки, хотя фактически — всего одна. Но она же и другая, только на неделю старше. Поэтому если взять одну из них и отправить на неделю назад и...

— Подожди минутку! Какую отправить?

— Как — какую? Так она всего одна. Но берем, конечно, ту, что на неделю моложе, потому что...

— Но ты сначала сказал — свинка у нас всего одна. Потом сказал, что две. Потом сказал, что две и есть одна. Но ты-то хочешь брать одну из них — а она всего одна.

— Я и пытаюсь тебе объяснить, как две свинки могут быть одной. Или взять ту, что младше...

— А как ты узнаешь, какая из них младше, если они похожи?

— Ну, у той, которую будем посыпать на неделю назад, можно отрезать хвостик. И когда она вернется...

— Фу, Дэнни, как жестоко. К тому же у морских свинок и хвостов-то нет!

Она, кажется, решила, что опровергла все мои доводы, — зря я пускался в объяснения. Правда, Рикки не из тех, кто беспокоится из-за таких пустяков. Но, увидев, что я расстроился, она ласково взъерошила остатки моей шевелюры и сказала:

— Мне нужен ты в единственном числе. Двух тебя я не представляю. Скажи мне лучше: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

И я приложил все усилия, чтобы доказать ей это.

Но на самом-то деле мои объяснения ничего не проясняют. Я и сам потерял нить — словно сидел на карусели и считал обороты, а потом сбился со счета. Почему я не видел сообщения о своем пробуждении? Я имею в виду второе, в апреле 2001 года. Я должен был его увидеть, регулярно просматривая газеты после своего первого пробуждения. Меня разбудили (во второй раз) в пятницу, двадцать седьмого апреля 2001 года; значит, на следующее утро в «Таймс» должны были опубликовать сообщение. Почему я его тогда, в первый раз, не видел? Вот же оно! Черным по белому: «Д. Б. Дейвис» — в «Таймс» за субботу, двадцать восьмое апреля.

Рассуждая философически, одним росчерком пера можно с одинаковой легкостью создать новую вселенную и уничтожить Старый Свет. Неужели верна гипотеза о существовании «параллельных временных потоков» и «альтернативных миров»? Может, вмешавшись в структуру мироздания, я попал в другую вселенную? Даже при том, что я нашел в ней Рикки и Пита? А может, где-то (или когда-то), в какой-то другой вселенной, Пит выл, пока не отчаялся, а потом, брошенный на произвол судьбы, отправился бродяжничать. И Рикки не сбежала к бабушке, а вынуждена была сносить издевательства Белл?

Но газетная строчка мелким шрифтом ничего не доказывает. Той ночью я мог задремать и пропустить свое имя, а наутро попросту выбросил газету в мусорпровод, уверенный, что прочитал все. Я всегда отличался рассеянностью, особенно если думал в это время о работе.

Да и что бы я сделал, увидев? Пошел сам себя встречать — и сошел бы с ума? Нет, если б я увидел свое имя в газете, я бы ни за что не сделал всего того, что и привело в конец концов к моему второму пробуждению. Вот поэтому-то мое имя просто не могло появиться в газете.

Ход событий регулируется, по-видимому, отрицательными обратными связями со своего рода «охранными цепями». И поэтому само существование этой строчки погитом зависело от того, увижу я ее или нет. Стоило мне увидеть эту строчку — и весь дальнейший ход событий оказывался невозможным.

«Есть божество, что лепит нашу волю, желанья наши — плод его трудов»*. Тут и свобода воли и предопределение — в одной фразе. И то и другое — верно. Есть только один реальный мир — с одним прошлым и одним будущим. «Каков был изначально, таков есть и таким пребудет во веки мир бесконечный. Аминь». Только один. Но достаточно большой и сложный, чтобы вместить в себя и свободу воли, и путешествия во времени, и все эти «обратные связи» и «охраные цепи». В пределах *его правил* нам разрешается все... но возвращаемся мы к тому, с чего начали.

Я не единственный, кто путешествовал во времени. И Форт, и Амброз Бирс** описали много подобных случаев, правда, никак их не объясняя. А еще были две дамы из садов Трианона. Подозреваю, что старый профессор нажимал кнопку чаще, чем признался мне... И это не говоря уже о других неизвестных, побывавших в прошлом или будущем. Но сомневаюсь, что о них когда-нибудь узнают. Взять хоть меня: о том, что со мной произошло, знают всего три человека. И двое из них мне не поверили. Не так уж много может путешественник во времени. Как говорил Форт, на поездке можно сздить, если постросны железные дороги.

Но у меня не выходит из головы Леонард Винсент. Неужели он стал Леонардо да Винчи? Неужели он

* В. Шекспир. «Тит Андроник».

** Бирс, Амброз (1842 — 1914?) — американский писатель и журналист.

прошел через весь континент и отплыл в Европу с Колумбом? В энциклопедии о его жизни имеются какие-то сведения, но не сообщил ли он их своему биографу сам? Знаю я, как это делается, — мне самому приходилось заниматься подобными делами. К тому же в пятнадцатом веке в Италии не существовало регистрационных карточек социального страхования или удостоверений личности; отпечатки пальцев тоже не снимали. Так что он вполне мог сочинить о себе любые легенды.

Можно только догадываться, как он, оторванный от всего привычного, знавший об авиации и электрическом двигателе, знакомый со множеством других достижений человечества, отображал все это в рисунках, безуспешно пытаясь воплотить в жизнь в пятнадцатом веке. Но его старания были обречены на неудачу: то, что кажется таким простым и доступным сегодня, не появилось бы без использования накопленного предшествовавшими столетиями опыта.

Танталу, и тому было легче.

Я думал и о том, какое широкое применение могли бы найти путешествия во времени, если бы с них сняли завесу секретности. Например, короткие прыжки во времени — при условии, конечно, усовершенствования самой установки и разработки методики возвращения назад, в свое время. А то однажды можно прыгнуть так далеко, что обратно будет уже не вернуться, потому что еще не наступит время «железных дорог». Может быть, открытие какого-нибудь необыкновенного сплава приблизит наступление этого времени... А пока что существует реальная опасность попасть в прошлое вместо будущего — или наоборот.

Нет, никогда не следует выбрасывать на рынок новый механизм, не удалив прежде все неполадки.

Меня не волнуют «парадоксы» или «обусловленные анахронизмы», если какой-нибудь инженер в тридцатом веке отладит установку и подготовит станции перемещения, — значит, Создатель именно так предопределил пути развития вселенной. Он дал нам глаза, руки, мозг; то, что мы вершим с их помощью, — отнюдь не парадокс. И Ему не нужны торопыги, чтобы

«проводить в жизнь» Его законы: они сами утверждают себя. Чудес не бывает, и слово «анахронизм» — просто семантическая чепуха.

И философия волнует меня не больше, чем Пита. Каким бы на самом деле ни оказался мир, в котором мы живем, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето и не стану снова путешествовать во времени из страха, что можно сойти не на той станции. Может, мой сын станет, но тогда я постараюсь убедить его отправиться вперед, а не назад. «Назад» — только для экстренных случаев, ведь будущее лучше прошлого. Назло всем нытикам, романтикам, узколобым мир постоянно совершенствуется с помощью человеческого разума, улучшающего окружающую среду... используя инструменты... здравый смысл и достижения науки и техники.

А длинноволосых хулителей, которые не могут ни гвоздя вбить, ни логарифмической линейкой пользоваться, я бы посадил на платформу профессора Твишеля и спроводил назад, в двенадцатое столетие, — пусть они там наслаждаются.

А сам я ни на кого не обижаюсь, и мне нравится время, где я живу. Разве что Пит стареет, потихоньку полнеет и уже сторонится более молодых соперников. Увы, скоро, очень скоро он заснет самым долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его добрая душа найдет свою Дверь в Лето, а за ней в изобилии будет расти кошачья мята; там он встретит любезное обхождение сородичей, соперников-роботов, запрограммированных терпеть поражение, и дружелюбных людей, у которых ноги для того, чтобы кошки могли теряться о них, а не получать пинки.

Рикки заметно пополнела, правда на определенный срок, но от этого она только похорошела. И мы счастливы. Я работаю над новыми механизмами для облегчения труда и отдыха. Оказывается, что жизнь женщины полна неудобств, — что-то нужно предпринять для облегчения ее существования. И я надеюсь, мне это удастся. В интересном положении женщин мучает боль в пояснице и им трудно наклоняться; для Рикки я сконструировал специальную гидравлическую кро-

вать — думаю со временем получить на свое изобретение патент. Надо еще что-то придумать для облегчения принятия ванны — над этой проблемой я сейчас и работаю.

Для старины Пита на случай плохой погоды я построил «кошачий туалет» — полностью автоматизированный, самоопорожняющийся, гигиенический и с воздухоочистителем. Однако Пит, как подобает настоящему коту, предпочитает выходить на улицу. И он не оставил надежду, что одна из дверей, которую ему еще не открывали, все-таки должна быть Дверью в Лето.

Знаете, я думаю, что он прав.

Содержание

Двойник, роман <i>перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штутцер</i>	7
Дверь в Лето, роман <i>перевод с английского А. Бранского</i>	207

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга пятая

Оператор компьютерной верстки *O. Кинель*

Главный редактор *A. Захаренков*

Редактор *M. Проворова*

Технический редактор *K. Козаченко*

Корректоры *G. Бочарова, E. Ошуркова*

Художественное оформление серии: *M. Захаренкова*

Оформление шмидтитулов: *A. Сергунин*

Цветные иллюстрации: *A. Кириллов*

Лицензия № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 10.12.92. Лицензия № 2-0477. Формат 84×1081/32.
Усл. печ. листов 22,68. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1242. Цена договорная

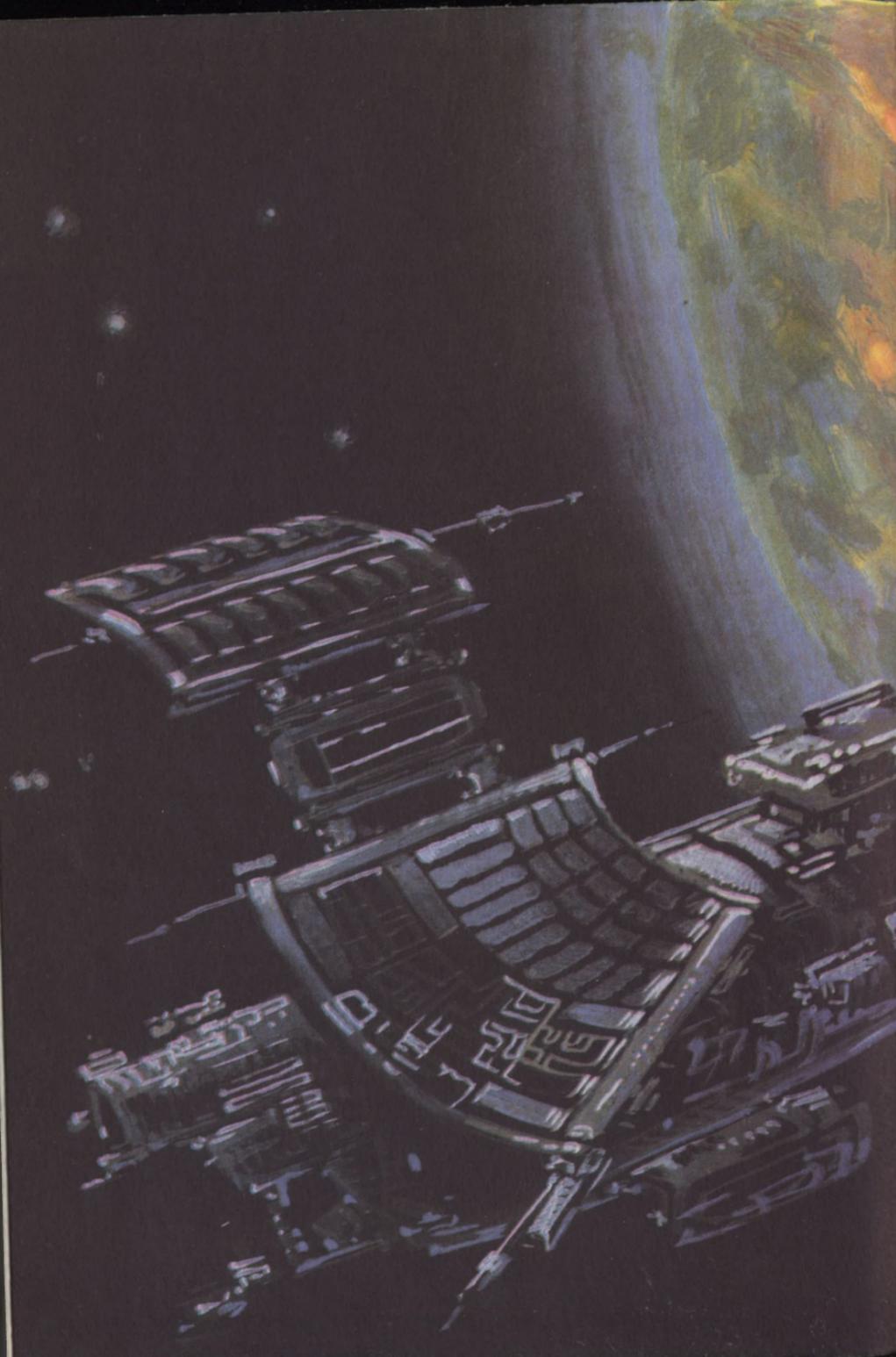
Издательская фирма «Полярис».
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1 Министерства
печати и информации России. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тес-
вояна, 25.

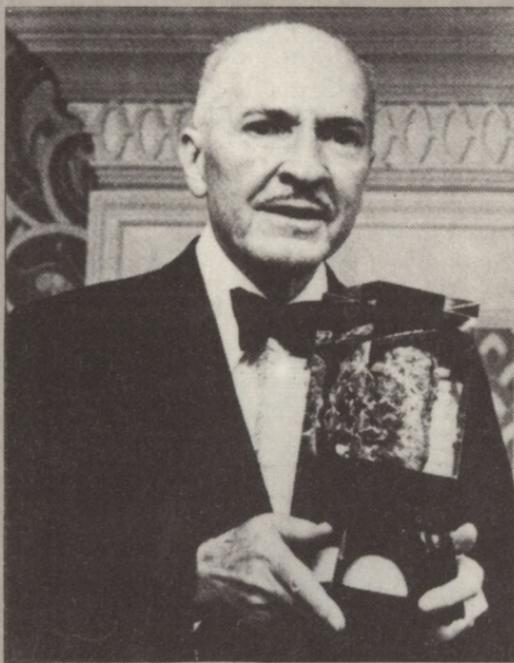
Мирры Роберта Хайнлайна кн. 5: Пер. с англ.— Р.:
Полярис, 1992.—431 с.

ISBN 5—88132—019—0

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

